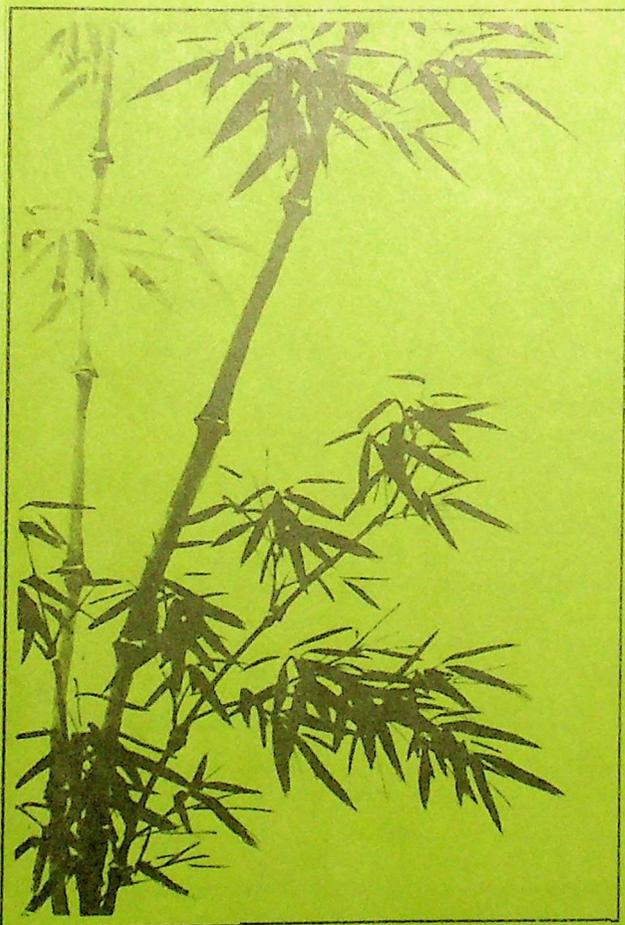

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2000

ISSN 0131 -- 2812

Китайско-российские отношения:
состояние и перспективы

●
Угрозы и вызовы России в АТР

●
Китай и тенденции глобализации

●
Проблемы присоединения
Китая к ВТО

●
Банк данных ИДВ РАН
по Восточной Азии

●
К 100-летию
со дня рождения И.М.Ошанина

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2000

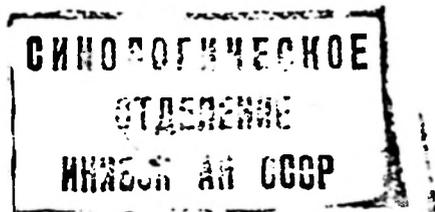
Май - Июнь

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Цинь Сяньюань. Пять десятилетий развития китайско-российских отношений: пройденный путь и перспективы.....* 5
А.Болятко. Угрозы и вызовы России в АТР..... 14
П.Васильев. Ядерный Пакистан: региональный контекст..... 22

ЭКОНОМИКА

- В.Михеев. Китай в свете тенденции глобализации и азиатского регионализма.....* 35
М.Потапов. Проблемы присоединения Китая к ВТО: плюсы и минусы..... 57
А.Шитов. Новый институт государственного контроля в КНР..... 71
Л.Кондрашова, А.Островский. Урбанизация в Китае..... 82

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- М.Александрова, П.Троцинский. Правовые основы регулирования внешнеэкономических связей Сибири и Дальнего Востока.....* 98

ИСТОРИЯ

- М.Крюков. Сунь Ятсен, Чэнь Цзюньмин и генерал Потапов (история одной политической мистификации).....* 115

ФИЛОСОФИЯ

- А. Лукьянов. Миф и метафизика древнекитайской геополитики.....133
Л. Головачева. Изучение "Лунькя" и новая гипотеза развития
китайской письменности.....148

КУЛЬТУРА

- Д. Воскресенский. И.М.Ошанин - выдающийся ученый и педагог
(К столетию со дня рождения).....161
Н. Боревская. Весны и осени университетов Сянгана.....169
С. Торопцев. Китайское "новое кино" между городом и деревней.....176

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Д. Смирнов, И. Петухов. Реализация проекта создания в ИДВ
РАН банка данных по Восточной Азии.....182
Н. Кобозев. Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность.
4-я научная конференция корееведов.....188

РЕЦЕНЗИИ

- А. Воронцов. Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-
Тихоокеанском регионе.....191
Э. Батчаев. Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Гонконг. Особая
автономия Китая.....194
К. Асмолов. Ядерная программа Северной Кореи (Безопасность,
стратегия и новые перспективы из России).....199
П. Трощинский. Теория права (Фали Сюэ).....200

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- 60-летие Сергея Аркадьевича Торопцева.....205

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

Цинь Сянъюань. Пять десятилетий развития китайско-российских отношений: пройденный путь и перспективы.

В статье китайского политолога прослеживаются процессы развития отношений между КНР и Россией вплоть до сегодняшнего дня, когда между ними углубляется тенденция стратегического партнерства. Автор статьи считает, что тесное взаимодействие двух стран имеет важное значение для становления сил многополярного мира и противостояния кризисным ситуациям, для развития глобальной экономики и сохранения мира.

А.Болятко. Угрозы и вызовы России в АТР.

В статье дан анализ существующих и возможных направлений ущемления национальных интересов России в регионе, где последние годы возросла политическая активность ее главных партнеров и оппонентов и произошло заметное ослабление ее позиций. Большинство существующих и потенциальных угроз безопасности РФ является следствием трудностей переживаемого ею периода развития, а также реалий ее нынешнего геополитического, геостратегического и геоэкономического положения.

П.Васильев. Ядерный Пакистан: региональный контекст.

В статье рассматриваются возможные последствия обретения ядерного оружия Пакистаном. Автор считает, что ядерный Пакистан резко затрудняет попытки предотвратить расползание ядерного оружия в Южной Азии. Ядерное вооружение Пакистана способно дестабилизировать ситуацию не только в Южной, но и в Западной, Центральной и Восточной Азии.

В.Михеев. Китай в свете тенденции глобализации и азиатского регионализма.

Отмечая особенности понимания проблем глобализации и азиатской регионализации учеными разных стран, автор рассматривает позиции китайских ученых, которые в целом придерживаются принципа разделения проблем экономики и политики и на этой основе ищут пути адаптации китайской экономики к этим явлениям.

М.Потапов. Проблемы присоединения Китая к ВТО: плюсы и минусы.

Всесторонне проанализировав положительные и отрицательные последствия вступления Китая в ВТО, автор, вслед за китайскими учеными, полагает, что в конечном итоге это будет способствовать углублению экономических реформ в стране, особенно после успешной маркетизации государственного сектора экономики.

А.Шитов. Новый институт государственного контроля в КНР

На основе анализа "Положения об особо уполномоченных контролерах Государственного Совета", принятого 30 июня 1998 г., а также ряда других до-

кументов Госсовета КНР раскрывается механизм функционирования нового органа контроля над крупными государственными предприятиями в условиях формирования рыночной экономики.

Л.Кондрашова, А.Островский. Урбанизация в Китае.

Проблема развития китайских городов рассматривается в широком историческом аспекте. Авторы приходят к выводу, что модернизация городов находится на начальной стадии и что она осуществляется не на основе формирования крупных промышленных центров, а путем ограничения численности больших городов и развития системы малых и средних городов.

М.Александрова, П.Троцинский. Правовые основы регулирования внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока.

Авторы анализируют законодательные акты РФ и дальневосточных субъектов федерации, регламентирующие внешнеэкономическую деятельность последних.

М.Крюков. Сунь Ятсен, Чэнь Чзюньмин и генерал Потапов (история одной политической мистификации).

На основе исследования материалов Российского государственного архива социально-политической истории, а также документов и воспоминаний, изданных в России, США, КНР и на Тайване, автор рассматривает деятельность генерала Потапова в Китае и Советской России в 1920 г.

А.Лукьянов. Миф и метафизика древнекитайской геополитики.

В статье анализируется космологическая система трактата "Шань хай цзин" ("Канон гор и морей") в контексте поиска структурно-функциональных архетипов древнекитайской геополитики и выяснения значения последней для современности; по письменным памятникам "Дао дэ цзин" ("Канон дао и дэ") и "И цзин" ("Канон перемен") выявляются исходные даосистские и ицзиновские принципы геополитики.

Л.Головачева. Изучение "Лунь юя" и гипотеза развития китайской письменности.

В статье предлагаются методика перевода и толкования древнекитайских философских текстов, основанная на предположении о существовании в древнем Китае развитой системы фонетической транскрипции

Н.Боревская. Весны и осени университетов Сянгана.

В статье отражен процесс адаптации вузовской системы СОАР к образовательной структуре КНР, перспективы взаимообогащения этих двух достаточно разных систем.

С.Торопцев. Китайское "новое кино" между городом и деревней.

В статье рассматриваются различия в подходах к городским мотивам в киноискусстве 1980-90-х годов и предшествующих десятилетий.

Политика

Пять десятилетий развития китайско- российских отношений: пройденный путь и перспективы

© 2000

Цинь Сянъюань

Пятьдесят лет прошло с тех пор, как между Китаем и Россией были установлены дипломатические отношения. Оглядываясь на историю наших межгосударственных отношений, которые прошли извилистый путь - от разных перипетий до стратегического партнерства, мы накапливаем опыт, извлекаем уроки, приходим к выводу о важности и необходимости стратегического партнерства между обеими странами в целях благополучного и здорового развития отношений между КНР и Россией на основе добрососедства, дружества, взаимовыгоды и длительной стабильности в новом веке.

I. Четыре стадии развития китайско-российских отношений

История подсказывает нам, что очень полезно оглянуться на процесс развития китайско-российских отношений в течение 50 лет. Это дает нам возможность лучше понять сегодня и завтра двухсторонних отношений, накопить опыт и извлечь уроки.

После распада СССР Россия стала главным его правопреемником. В результате китайско-советские отношения перешли в стадию китайско-российских отношений.

За 50 лет китайско-российские отношения прошли примерно четыре периода.

1. Период дружественной коалиции. Установив дипломатические отношения в октябре 1949 г., обе стороны в 1950 г. заключили Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Китай вступил в социалистическое политическое содружество во главе с Советским Союзом.

В этот период между обеими странами осуществлялись взаимная поддержка и сотрудничество. Они оказывали совместную помощь КНДР в сопротивлении агрессивным действиям США и тем самым препятствовали притязаниям США на Северо-Восточную Азию. Советский Союз помог КНР построить 156 крупных промышленных объектов, которые играли важную роль в развитии китайской промышленности и экономики. Традиционная дружба между

нашими народами получила в этот период большое развитие, дружественное общение и сотрудничество обеих стран до сих пор еще свежи в памяти людей.

Однако в тот момент в отношениях между двумя странами также имели место проблемы и противоречия, проистекавшие в основном из-за того, что в межгосударственных отношениях преимущественное место занимала идеология и существовало реальное неравенство между "старшим братом" Советским Союзом и "младшим братом" Китаем. Так что в процессе развития дружественного сотрудничества между обеими странами возникали и некоторые разногласия. Сначала это были идеологические разногласия между КПСС и КПК, потом они постепенно распространились на сферу межгосударственных отношений и в конце концов привели к тотальному ухудшению взаимоотношений между двумя странами.

2. Период осложнения и разлада двусторонних отношений. С 60-х гг. отношения между обеими странами непрерывно ухудшались. Дело дошло до ожесточенной конфронтации, которая продолжалась более 20 лет. В течение этого периода торговый оборот между двумя странами резко упал, научно-техническое и культурное сотрудничество прекратилось, пограничные переговоры проходили без всякого результата. Долгосрочные противоречия в политической, военной и дипломатической областях оказали весьма негативное влияние, что не только существенно мешало экономическому развитию двух стран, но и оказывало негативное воздействие на мир и стабильность в Азии.

3. Период постепенного улучшения двусторонних отношений, завершившийся их нормализацией. В восьмидесятые годы международная обстановка и внутреннее положение Китая и СССР сильно изменились. В этих условиях обе страны осознали необходимость устранения ненормальных межгосударственных отношений, длительного противостояния и изолированности друг от друга. С 1982 г. обе страны стали проявлять желание улучшить межгосударственные отношения и с этой целью проводить переговоры на разных уровнях. Благодаря усилиям обеих сторон, острота положения начала смягчаться, увеличился объем торговли, возобновились переговоры по пограничным вопросам, и, наконец, в конце 80-х гг. произошла нормализация двусторонних отношений. Историческим поворотным моментом стала встреча на высшем уровне Дэн Сяопина с М.С.Горбачевым в Пекине в мае 1989 г., она ознаменовала вступление отношений между двумя странами в новый этап. "Покончить с прошлым, открыть путь в будущее" - такой формулой Дэн Сяопин оценил этот исторический поворотный момент.

В 1991 г. СССР распался, и РФ стала его правопреемником. Китай и Россия скоро достигли соглашения о признании этого факта, и обе стороны подтвердили, что основой и руководящим принципом двусторонних отношений являются 5 принципов мирного сосуществования.

4. Период установления добрососедских и дружественных отношений и стратегического взаимодействия и партнерства. Визит, который совершил президент России Ельцин в декабре 1992 г. в Пекин, поднял двусторонние отношения на новую ступень. На этой первой встрече в верхах были проведены дружественные переговоры о двусторонних отношениях, а также о некоторых международных вопросах, была подписана совместная декларация об основах взаимоотношений между Китаем и Россией. Встреча ознаменовалась также достижением согласия по многим международным вопросам.

После визита председателя КНР Цзян Цзэминя в сентябре 1994 г. в Москву был достигнут дальнейший прогресс в развитии наших двусторонних отношений. Стороны пришли к согласию об утверждении китайско-российского конструктивного партнерства нового типа, обращенного в XXI век, подписали Совместное заявление о ненацеливании стратегических ядерных ракет друг против друга и другие документы. В мае 1995 г. председатель Цзян Цзэминь,

присутствуя на церемонии в Москве в честь пятидесятилетия победы в антифашистской войне, снова встретился с президентом Ельциным. Главы обеих стран вновь заявили о традиционной дружбе между народами КНР и России, отметили, что китайско-российские отношения нового типа обладают могучей и долговременной жизненной силой. Все это также углубило двусторонние отношения.

В апреле 1996 г. президент Ельцин совершил второй государственный визит в Китай, в результате которого была принята китайско-российская Совместная декларация и другие документы партнерского характера. Было заявлено о решимости сторон развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Это ознаменовало вступление китайско-российских отношений в новый период развития. Далее, главы пяти государств - Китая, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали в Шанхае Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Подписание этого документа эпохального значения ярко отразило желание пяти государств стать добрыми соседями, друзьями и близкими партнерами. Оно будет оказывать глубокое и долгосрочное влияние на мир и стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В апреле 1997 г. состоялся второй официальный визит в Россию председателя КНР Цзян Цзэминя. Была подписана российско-китайская Совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Кроме этого, РФ и КНР вместе с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном подписали Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Б.Н.Ельцин и Цзян Цзэминь объявили о создании российско-китайского общественного Комитета мира, дружбы и развития. В ноябре того же года президент Б.Н.Ельцин совершил третий визит в КНР. Главы обеих стран подписали пятое совместное китайско-российское заявление, объявили о завершении демаркации границы на ее восточной части между Китаем и Россией. По оставшимся 55 км западной части границы стороны договорились провести демаркационные работы в согласованные сроки. В ноябре 1998 г. состоялся неофициальный визит в Россию председателя Цзян Цзэминя. В ходе встречи были выработаны согласованные оценки основных тенденций развития мирового сообщества на пороге нового века. Стороны пришли к единому пониманию долгосрочных стратегических перспектив дальнейшего укрепления двустороннего сотрудничества. В августе того же года "Шанхайская пятерка" (РФ, КНР, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) съехалась на саммит в Бишкеке. В ходе этой встречи была подписана совместная декларация об усилении сотрудничества в противодействии международному терроризму, незаконному обороту наркотиков, контрабанде оружия, нелегальной миграции и другим формам трансграничной преступности, проявлениям национального сепаратизма и религиозного экстремизма. Стороны также заявили, что многополярность является общей тенденцией развития современного мира и способствует долговременной стабильности международной обстановки.

Вышеизложенное служит показателем того, что теперь отношения Китая и России в области политики, экономики, безопасности, культуры и т.д. получили стабильное развитие, достигнув наилучшего периода из всей трехсотлетней истории общения двух стран.

II. Опыт и уроки развития китайско-российских отношений

Идеология не должна лежать в основе государственных отношений - таков один из самых важных уроков развития китайско-российских отношений. Идеология - это система мышления, включающая в себя некие субъективные факторы, она является изменчивой частью реальной жизни. Если она (идеология) лежит в основе государственных отношений, это значит, что они

подстраиваются под мышление государственных руководителей и межгосударственные отношения могут меняться в связи со сменой руководства или изменениями его образа мыслей.

Были убедительные примеры этого и в китайско-советской истории. С приходом Хрущева к власти и проведением критики Сталина на XX съезде КПСС возникли идеологические разногласия между руководством Китая и СССР, которые создали трещину в отношениях двух стран. Критика китайским руководством "ревизионизма" советского руководства и обвинение последним китайского руководства в "узком национализме", а также борьба за право истолкования наследия марксизма-ленинизма и руководящую роль в коммунистическом движении привели к всестороннему ухудшению и противостоянию в межгосударственных отношениях. Это противостояние за 20 с лишним лет нанесло ущерб экономике и социальному развитию обеих стран.

В противоположность этому, в последние 10 лет китайско-российские отношения развивались успешно благодаря тому, что руководство обеих стран оставило в стороне вопросы идеологии. Не акцентируя различия в социальном строе, оно развивает межгосударственные отношения с учетом коренных интересов своих государств и народов.

Второй урок и опыт в развитии китайско-российских отношений - это необходимость развития межгосударственного сотрудничества на основе равноправия и взаимной выгоды. Это - наиболее серьезный урок в истории отношений двух стран. Хотя в 50-е годы между Китаем и СССР существовали союзнические отношения взаимопомощи, однако Советский Союз, одна из самых мощных в то время стран в мире, относился к тогдашнему бедному и отсталому Китаю не как к равноправному партнеру, а как "старший к младшему брату". С другой стороны, если к Сталину тогдашнее китайское руководство относилось с достаточным уважением, то с Хрущевым и другими оно просто не считалось. Когда Хрущев, взмахивая жезлом "великого государства", по косточкам разбирает тогдашние братские социалистические страны, это вызвало не только недовольство в руководстве Китая, но и его озабоченность по поводу независимости своей страны и нации. Получалось, что, с одной стороны, надо "слушаться приказаний", а с другой, - нужны "независимость и самостоятельность, опора на собственные силы". То есть конфликт был неизбежен.

Сегодня китайско-российские отношения развиваются благополучно, и важная причина этого состоит в том, что обе страны могут извлечь урок из истории извилистого развития китайско-советских отношений и соблюдать принцип - все страны, будь то большие или малые, являются равноправными членами международного сообщества. В отношениях обеих стран никто не "стремится быть 'главным' или 'распоряжаться судьбой другой стороны'". А исходя из коренных интересов обеих стран, они придерживаются принципа взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития.

Третий урок и опыт в развитии китайско-российских отношений состоит в необходимости соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела друг друга. Соблюдение этого принципа означает необходимость уважать выбранный партнером путь развития, не вмешиваться в его внутренние дела". Соблюдать такой принцип важно потому, что разные государства и народы имеют разные исторические условия и особенности. Как независимые и свободные субъекты, они сами знают как жить, имеют право выбирать свой путь развития, а другие люди и другие государства не имеют права вмешиваться в их дела. Некоторые руководители бывшего Советского Союза, считая себя "вождями мирового пролетариата", выдвигали "теорию ограниченного суверенитета", давали свои оценки событиям во внутренних делах ряда тогдашних так называемых братских социалистических стран, критиковали и осуждали

их, тем самым грубо вмешиваясь в их дела, что серьезно задевало национальные чувства этих стран и народов.

Теперь КНР и Россия успешно восстановили добрососедство, построили стратегическое партнерство, потому что они смогли извлечь уроки из сложного периода развития китайско-советских отношений, потому что они уважают выбор партнером социального строя, путей развития, проведения политических мероприятий, искренне желая друг другу успехов в интересах народов.

Четвертый урок состоит в том, что в теперешней мировой обстановке взаимодействие является более оптимальным, чем союз. В 50-е годы китайско-советский союз играл позитивную роль в экономическом восстановлении и обеспечении безопасности обеих стран, в поддержании равновесия биполярной мировой структуры и в защите международного мира и стабильности. Но в таком союзе существовали негативные аспекты, союз вызывал сопротивление разных государственных блоков и усиливал международную напряженность.

После распада СССР в мировой структуре произошли важные изменения: бывший биполярный мир превращается в многополярный.

Россия как наследница одного из бывших "полюсов" сталкивается с трудностями в связи с тем, что крушение Варшавского договора, СЭВ и Советского Союза привело к ее ослаблению в политической, экономической, военной и других областях, тем более, что РФ никак не может выйти из кризиса. Но учитывая большой экономический потенциал и военные возможности противостояния США, Россия по-прежнему остается мощной мировой державой и полюсом многополярного мира. Что касается Китая, то благодаря политике реформ и открытости его экономика быстро растет, непрерывно повышается национальная совокупная мощь. В 1998 г. валовой внутренний продукт Китая достиг 960 млрд. долларов (по фактической покупательной способности Китай находится на третьем месте после США и Японии). Если бы КНР и Россия не установили отношения партнерства, добрососедства, равенства и доверия, а противостояли друг другу, то мир не получил бы спокойствия. Но, если бы между ними существовал союз, то это тоже вызывало бы подозрительность других стран и блоков, появлялись бы новые сферы влияния, новые блоки противостоящих государств, новые витки гонки вооружений и возрастал риск новой мировой войны. Это препятствовало бы процессу развития многополярного мира и установлению нового международного порядка. Конфронтация противоречит интересам большинства стран мира, включая Китай и Россию. Ясно, что партнерские отношения между Китаем и Россией, ненаправленные против третьих государств, предпочтительнее союза, отвечают веянию эпохи и новой системе международных отношений.

III. Следует укреплять и развивать китайско-российские отношения, учитывая их глобальное значение

Отношения между Китаем и Россией оказывают большое влияние не только на развитие и коренные интересы обеих стран, но и на мировую структуру и тенденции в международных отношениях в будущем. В основном это сказывается в следующих трех областях:

1. В области геополитики

Прежде всего следует исходить из того, что Китай и Россия являются крупнейшими соседними странами, имеющими общую границу протяженностью более 4300 км. От того, сможем ли мы установить отношения дружбы и добрососедства и всегда иметь мирную границу, во многом зависит безопасность, социальная стабильность и экономическое развитие обеих стран. В настоящее время Китай прилагает усилия для модернизации сельского хозяй-

ства, промышленности, обороны, науки и техники. Он должен завершить переход к рыночному хозяйству, углублять процесс демократизации в первой половине XXI века, становясь современной социалистической державой с развитой демократией и высокой цивилизацией. Для этого Китаю необходима длительная мирная, стабильная международная обстановка. Такая же международная обстановка важна и для России, которая восстанавливает народное хозяйство, осуществляет социальную стабилизацию и стремится к дальнейшему ускоренному развитию. Можно сказать, что в углублении отношений дружбы и добрососедства, в строительстве мирной и стабильной границы заключаются коренные интересы наших двух стран.

Далее, важно отметить, что стабильная обстановка в пяти среднеазиатских странах СНГ, граничащих с Китаем и Россией (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), играет большую роль в обеспечении безопасности России и оказывает значительное влияние на поддержание стабильности в западных пограничных районах Китая. Немало трезвомыслящих людей в России считают, что усиление сотрудничества между Китаем и Россией, установление механизма согласования со среднеазиатскими государствами, совместное обсуждение проблем региональной безопасности, границ и угрозы национализма имеют очень важное значение для сдерживания экспансии исламских экстремистских сил, предотвращения попытки создания государства "Восточный Туркестан", недопущения расширения афганской войны с последующей угрозой дестабилизации Таджикистана и даже всего среднеазиатского региона. Совместное заявление "Шанхайской пятерки" после саммита в Бишкеке показывает, что эти страны не только все более приходят к единым оценкам, но и надеются на укрепление сотрудничества по этим вопросам.

Очевидно, что если бы Китай и Россия не смогли достичь согласия и эффективного сотрудничества, то это нанесло бы непредсказуемый ущерб безопасности обеих стран.

И наконец, от развития обстановки в Северо-Восточной Азии и, в частности, на Корейском полуострове существенно зависит безопасность Китая и России. Корейская война 50-х гг. принесла колоссальные потери корейскому народу и странам, вовлеченным в войну (хотя Советский Союз только в известной мере был вовлечен в конфликт, однако и он понес значительный ущерб). Китай и Россия надеются на мирную и стабильную обстановку на Корейском полуострове и будут продолжать работать над укреплением безопасности, стабильности и экономического сотрудничества Северо-Восточной Азии.¹

Не могут не привлечь внимания Китая и России попытки США и Японии создать в ближайшее время региональную систему противоракетной обороны театра военных действий. С критикой этих намерений выступили КНР и Россия.

Следует особенно подчеркнуть, что после расширения НАТО на Восток передовая линия этой организации продвигается к России на 500-600 километров, и в результате резко сокращается стратегическое пространство России, осложняется ее геополитическое положение в Европе. Поэтому улучшение ее геополитического положения в Центральной и Восточной Азии, в частности, развитие ее отношений с Китаем, снизит давление на Россию с Запада и расширит ее стратегическое пространство.

2. В области экономического сотрудничества

Во-первых, Китай - одна из стран мира, которая обладает огромным внутренним рынком и экономика которой развивается стремительными темпами. По валовому национальному продукту Китай давно встал в ряды могущественных держав мира. Согласно расчетам специалистов, при сохранении темпов развития последних 10 лет (в среднем более 9% ежегодно) через 15-20 лет по масштабам развития экономики Китай превзойдет Японию и достигнет уровня США.

После возвращения Сянгана в 1997 г. экономический потенциал Китая обрел дальнейший рост. Поддержание полнокровного экономического сотрудничества с такой державой, как Китай, весьма важно для восстановления и развития экономики России. В свою очередь и Китай выигрывает от такого сотрудничества.

Во-вторых, в экономике Китая и России существует заметная взаимодополняемость, значителен и потенциал их торгово-экономического сотрудничества. Обе страны обладают огромными ресурсами. В Китае сравнительно развиты сельскохозяйственная техника, легкая и обрабатывающая промышленность, начала развиваться также информационная индустрия. Китайские товары должны найти рынок не только в Европе и Америке, но и в России. В России развита тяжелая промышленность, цветная металлургия, химическая промышленность и другие отрасли, обладающие довольно сильной конкурентоспособностью. В то же время Россия является развитой научно-технической державой. Существуют широкие перспективы совместного с Китаем освоения и использования научно-технических достижений в области энергетики, металлургии, авиации, атомной энергии, космической промышленности и т.д.

В-третьих, большие возможности для китайско-российского экономического сотрудничества имеются на Дальнем Востоке. Как известно, этот район России обладает обширной территорией, богатыми полезными ископаемыми и другими природными ресурсами. Его ускоренное освоение и развитие является важным звеном подъема всего народного хозяйства РФ. Пока же в этом районе население весьма немногочисленное, экономика неразвита, сам он расположен далеко от развитых регионов России. Поэтому для дальнейшего освоения и развития российского Дальнего Востока необходимо интенсифицировать экономическое сотрудничество с ближним соседом - Китаем.

Такое взаимовыгодное сотрудничество КНР и РФ имеет важное значение также для превращения СВА в новый регион экономического роста и новый экономический центр мира.

В-четвертых, Китаю и России предстоит решать сходные задачи по развитию народного хозяйства двух стран. Например, обе страны осуществляют экономический переход к совершенной рыночной экономике, обе решают задачу переключения военной промышленности на гражданские рельсы. И во всем этом очень полезно заимствовать опыт друг друга, сотрудничать на началах обоюдной выгоды.

Наконец, в последнее десятилетие Азиатско-Тихоокеанский регион опережает другие регионы мира по экономическому росту. Развитие экономики этого региона уже играет ведущую роль в экономическом развитии всего мира, и в будущем он несомненно станет глобальным торгово-экономическим центром. Вот почему присоединение к Организации экономического сотрудничества АТР очень важно для России, расположенной на континентах Европы и Азии. При большой поддержке Китая Россия в конечном итоге вступила в эту организацию и начала принимать официальное участие в международном торгово-экономическом сотрудничестве в Азиатско-Тихоокеанском регионе и процессе экономической интеграции. Это расширяет экономическое пространство России и объем китайско-российского сотрудничества.

3. В области международных отношений

Прежде всего следует отметить, что существует противоречие между тенденцией многополярности и стремлением США создать однополюсный мир. После исчезновения биполярной структуры неуклонной тенденцией стало развитие мира на пути многополярности. Однако США, ранее являвшиеся одним из двух полюсов, активно стремятся направить процесс образования нового порядка в колею своей собственной стратегии, что, конечно, вызывает возражение со стороны большинства стран, включая Китай и Россию. Китай заявил, что надо "создать новый мирный, устойчивый, справедливый и рациональный

режим международной политики и экономики" и что "мировыми делами не должно распоряжаться какое-нибудь одно государство, а нужно, чтобы все страны принимали участие в их разрешении"². Россия также считает, что "новый мировой порядок должен быть справедливым и демократическим", "в мире перехода двухполюсной модели на мультиполярную никто не должен занимать особого положения", мультиполярный мир должен основываться на равновесии сил, а не на силовом декретировании. Постоянные обсуждения обеими странами важных международных вопросов и поиск согласованных решений, несомненно, являются препятствием на пути устремлений единственной сверхдержавы и ее претензий на гегемонию и управление мировыми делами. Это содействует утверждению сбалансированности и стабильности в многополярном мире.

Во-вторых, как Россия, так и Китай сталкиваются с проблемой преодоления давления со стороны сверхдержавы, защиты своих прав и интересов, собственного пути развития. В первые годы после провозглашения независимости Россия проводила политику "склонения" в одну сторону - к Западу, пыталась путем присоединения к западному лагерю обрести его поддержку, чтобы в кратчайшие сроки стабилизировать политическую ситуацию, преодолеть экономический кризис и восстановить свою жизнеспособность. Но западные государства во главе с единственной сверхдержавой не позволили России осуществить это стремление. Обещанная ими помощь в начале представлялась России манной небесной, но потом оказалась лишь блефом. При этом Запад предъявил России еще массу условий. В результате план экономической реформы России в виде "шоковой терапии" в целом провалился. Причина этого состоит в том, что западные страны боялись, что слишком быстро восстановившая свою жизнеспособность Россия могла бы стать подобно СССР сильной державой, способной бросить вызов единственной сверхдержаве. Поэтому, пользуясь ослаблением России, они ускорили расширение Североатлантического пакта на Восток и пытаются вторгаться в СНГ, чтобы еще больше сузить стратегическое пространство России и замедлить ее восстановление и рост.

То же самое было с Китаем. После того, как у нас начались реформы, эта сверхдержава забеспокоилась в связи с непрерывным и быстрым развитием китайской экономики. Появились предположения, что в 20-30-х гг. XXI века Китай станет второй глобальной сверхдержавой, которая сможет противостоять США. В 1995 г. американский ученый Хантингтон выдвинул "теорию столкновения цивилизаций", безапелляционно заявив, что после исчезновения биполярного мира произойдет столкновение между христианством, исламом и конфуцианством. В этой стране то здесь, то там раздавались призывы к "сдерживанию Китая". В той или иной мере эта держава действительно принимала в некоторых областях определенные меры для сдерживания Китая: усилила японо-американский союз безопасности, выступила за создание "региональной системы противоракетной обороны" (ПРОТВД) в СВА, ограничивала экспорт высоких технологий в Китай, заостряла внимание на вопросах о правах человека и об экспорте новейшего оружия в КНР, то и дело разыгрывала тайваньскую карту с целью связать Китай по рукам и ногам.

Необходимо подчеркнуть, что в ежегодном докладе от 27 августа 1999г. директор Центрального разведывательного управления США рассматривает Китай и Россию как "стратегических конкурентов". Отсюда видно, что для противостояния политике сдерживания со стороны этой державы Китаю и России необходимо согласовывать политику между собой и поддерживать друг друга. В вопросе о европейской безопасности Китай четко заявил, что он разделяет и поддерживает позицию России против расширения НАТО на Восток. Что касается Чечни, Дагестана и других вопросов, то Китай выступает против вмешательства во внутренние дела России, поддерживает Российскую Федерацию в ее мероприятиях и действиях, предпринятых для защиты единства страны. Россия голосовала против осуждения

Китая в связи с так называемой проблемой прав человека. Относительно Тайваня и Тибета Россия твердо заявила, что правительство КНР является единственно законным правительством Китая, а Тайвань и Тибет - это неотъемлемые части китайской территории. Противостояние Китая и России Соединенным Штатам будет длительным и непрерывным процессом.

В-третьих, в качестве постоянных членов Совета безопасности ООН КНР и РФ имеют совместные обязательства прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного порядка. Международные отношения вовсе не упростились после распада СССР и краха биполярной структуры. Наоборот, вследствие этого национальные и экономические противоречия, подспудно существовавшие в этой структуре, выступили на поверхность и вылились в ряд кровопролитных региональных конфликтов. В мире начались процессы интеграции на основе экономических интересов, а также интересов безопасности. Указанные процессы отражают противоречивые тенденции. 1) На фоне общей международной разрядки обстановка в некоторых регионах и странах напротив, - становилась более напряженной, и ее развитие бывает трудно предугадать и проконтролировать. От Балканского полуострова до Центральной Азии, от Южной Африки до Западной Азии не прекращались конфликты, повсюду возникают кризисные ситуации, постоянно угрожающие взрывом. 2) Хотя угроза новой мировой войны (уже достаточно давно) миновала, однако региональные войны и кровавые конфликты становятся все более частым явлением. С 1991 г. произошло уже более ста кровопролитных конфликтов, до сих пор все еще продолжаются военные действия в некоторых странах и регионах Африки, Азии и Европы. 3) Разоружение достигло прогресса в мировых масштабах, но в некоторых регионах непрерывно усиливается гонка вооружений. На фоне подъема национализма и угрозы распространения ядерного оружия региональная гонка вооружений приобретает все более опасный характер. Обостряются глобальные проблемы загрязнения окружающей среды и экологического баланса, демографического взрыва, нехватки зерна и прочего продовольствия, которые также время от времени провоцируют борьбу за существование.

На таком международном фоне взаимодействие Китая и России - двух полюсов многополярного мира - по некоторым важным международным проблемам имеет очень важное значение для того, чтобы стабилизировать равновесие сил в многополярной структуре мира, устоять перед вызовом различных кризисных ситуаций, защитить мир во всем мире, содействовать развитию мировой экономики.

Из вышеизложенного видно, что установление стратегического партнерства между КНР и РФ является логическим результатом развития отношений между двумя государствами, обусловленных их объективными общими интересами в сфере геополитики, экономического сотрудничества и международных отношений, а также развитием многополярной структуры. Создание и развитие нашего партнерства связано с обеспечением безопасности, стабильности, развития и т.д. В XXI веке области сотрудничества между обеими странами будут расширяться, будут более конкретными и богатыми по содержанию. Несмотря на то, что в процессе развития не исключены какие-то "шероховатости", однако в целом китайско-российским отношениям без сомнения обеспечено поступательное развитие.

1. Совместная декларация КНР и РФ //Жеминь жибао. 1996. 26 апреля.

2. Ли Пэн. Отчетный доклад о работе правительства //Жеминь жибао. 1997. 31 марта.

Угрозы и вызовы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

© 2000

А. Болятко

Российская Федерация как евразийская держава заинтересована в подъеме своего экономического потенциала в Сибири и на Дальнем Востоке, укреплении безопасности на дальневосточных границах и в АТР в целом, в развитии отношений дружбы и сотрудничества со всеми странами этого региона.

Жизненно важными, фундаментальными интересами России, вытекающими из закрепленных в Концепции национальной безопасности Российской Федерации общих национальных интересов, в Азиатско-Тихоокеанском регионе являются:

- обеспечение государственного суверенитета, территориальной целостности, преодоление дезинтеграционных тенденций в Сибири и на Дальнем Востоке;
- создание атмосферы безопасности и стабильности в прилегающих к дальневосточным границам России районах;
- участие в создании механизмов обеспечения региональной безопасности;
- обеспечение подъема экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока и развития внешнеэкономических связей России в АТР.

Однако позиции, занимаемые Россией в регионе, проводимая ею политика, далеко не адекватны его первостепенной важности. Это объясняется не только дефицитом средств, но и недостатком политической воли, желания и умения реализовать указанные жизненно важные интересы. Бытовавшие в стране большие надежды обрести статус великой тихоокеанской державы, заполучить рычаги влияния на политическую и экономическую жизнь региона, надежные источники инвестиций и займов себя явно не оправдали и вряд ли без коренной переоценки ценностей могут быть осуществлены в ближайшие годы.

В последние годы на формирование структуры модели межгосударственных отношений существенное влияние стали оказывать амбиции Соединенных Штатов Америки к глобальному доминированию и стремление ряда держав добиться доминирования в соответствующих регионах, а также обострение противоречий между отдельными странами из-за различных проблем в своих взаимоотношениях. При этом продолжающийся рост военных потенциалов большинства государств в сочетании с демонстрацией ими готовности применять силу при решении внешнеполитических задач повышают общую напряженность в мире.

Правда, сейчас ни в одной развитой стране не наблюдается ни политической базы, ни общественной поддержки для осуществления агрессии против нашего государства. Это позволяет руководству России делать вывод о том, что сейчас непосредственной военной угрозы для нашей страны нет. Однако и исторический опыт, и существующие тенденции развития военно-политической обстановки в мире далеко не исключают возможности ее быстрого изменения и резкого обострения, способного при соответствующих условиях повлечь за собой возникновение прямой угрозы национальной безопасности России и даже ее территориальной целостности.

В последние годы наш политический лексикон пополнился новым термином - «вызов» национальной безопасности. Он заимствован из понятийного аппарата американских политологов и политических деятелей («challenge») и чаще всего обозначает трудности объективного характера, с которыми приходится сталкиваться той или иной стране на международной арене и внутри государства. Иначе говоря, это - первоначальная ступень складывающейся негативной ситуации, которая в случае запоздалого или неадекватного реагирования на нее может приобрести угрожающий характер, чреватый появлением реальной угрозы национальной безопасности государства.

Все сказанное в полной мере относится к обстановке в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая, к тому же, имеет ряд особенностей, присущих только данному региону. Немаловажным обстоятельством является прогноз о наличии предпосылок к возможному смещению в АТР центра мировой экономики и политической активности.

Среди стран АТР наиболее крупными и мощными являются Китайская Народная Республика, Российская Федерация, США и Япония. Центральным звеном внешнеполитической активности главных партнеров и оппонентов России в АТР в настоящее время являются: для КНР - повышение роли своей страны в делах региона путем достижения в нем лидирующих позиций в экономической, политической и военной областях, а также продолжение курса, направленного на присоединение Тайваня и решения в свою пользу ряда территориальных споров с сопредельными странами; для США - закрепление за собой роли безусловного мирового лидера и единственной доминирующей державы на планете, сохранение своего колоссального влияния на дела в АТР и содержания ею здесь мощной группировки своих вооруженных сил, а также недопущение превращения в сверхдержавы других стран (прежде всего КНР и РФ, имеющих, по оценкам американских специалистов, потенциал стать таковыми) или появления коалиции государств, способных затруднить обеспечение американских интересов и поколебать завоеванные их страной позиции; для Японии - достижение равноправного партнерства с США и более активное участие в формировании нового мирового порядка, как в региональном, так и в глобальном плане, с осуществлением дальнейших шагов для возвращения под свою юрисдикцию так называемых «северных территорий».

Приходится констатировать, что в последние годы произошло заметное ослабление позиций России в АТР. В существующих условиях Россия озабочена задачей восстановления влияния в регионе, обеспечения безопасности государства и уважения другими странами его национальных интересов, а также эффективной защиты своего суверенитета и территориальной целостности. В результате ослабления ее позиций она может остаться в стороне от процесса формирования нового механизма евроазиатского сотрудничества. Более того, ставится под вопрос само ее стратегическое присутствие в регионе. При этом

особую тревогу вызывает наметившийся инфраструктурный и экономический отрыв Дальнего Востока и Восточной Сибири от европейской части страны, отток оттуда русского населения, экономическая переориентация этих регионов на соседние государства.

Исходя из всего этого, важнейшие национальные интересы России в АТР сводятся к срочному изменению к лучшему экономической ситуации в восточносибирских и дальневосточных областях страны, а также к обеспечению стабильного и безопасного международного окружения, способствующего продвижению и закреплению ее политических, стратегических и экономических позиций в регионе на основе использования механизмов регионального сотрудничества.

Отсюда одной из главных стратегических внешнеполитических задач России становится ее более полная интеграция в международные политические и экономические организации Азиатско-Тихоокеанского региона. Это должно способствовать расширению ее партнерских связей со странами АТР, благодаря которым можно совместными усилиями ускорить развитие соответствующих районов Сибири и Дальнего Востока, а также укрепить добрососедство и динамично развивать весь комплекс отношений с государствами этого региона, прежде всего с Китаем, Японией, Республикой Корея и США. Поэтому важнейшей внешнеэкономической задачей нашей страны в АТР является обеспечение вхождения страны в систему региональных хозяйственных связей при строгом ориентировании на приоритеты развития национальной экономики и на устойчивое социально-экономическое развитие страны.

При этом нельзя упускать из виду следующее. Хотя масштабная военная угроза в современной внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке для России маловероятна, вместе с тем потенциальная военная опасность здесь сохраняется. Причинами этого является возможность возникновения локальных вооруженных конфликтов и региональных войн на почве политических, экономических, территориальных, национальных, религиозных и других противоречий, особенно в условиях, когда в некоторых странах региона имеются политические силы, не исключающие возможность применения средств вооруженной борьбы для их разрешения, а также стремление ряда государств использовать перемены в мире для расширения своего влияния. В результате всего этого Россия столкнулась с необходимостью переоценки своего стратегического положения в АТР, осмысления возможных вызовов и угроз своим национальным интересам в регионе, связанным в первую очередь с обеспечением ее безопасности и развития.

Конечно, большинство существующих и потенциальных угроз безопасности нашей страны является следствием трудностей переживаемого ею периода государственного строительства, а также реалий ее нынешнего геополитического положения. Эти трудности, как правило, создает неблагоприятная общая обстановка в стране, которая порождает внутренние проблемы и усугубляет проявление внешних негативных факторов, затрудняя как решение первых, так и противодействие вторым.

К числу возможных и уже частично проявляющихся вызовов национальным интересам России в АТР в области международных отношений можно отнести:

- ослабление роли России в процессах принятия решений по ключевым международным проблемам региона;
- сохранение и даже усиление в политике основных стран АТР проявлений неравноправного партнерства с Россией;

- создание группировок стран АТР, оппозиционных интересам России, а также выдвижение отдельными государствами Северо-Восточной Азии территориальных, экономических, политических и иных требований к Российской Федерации;

- скрытая поддержка извне местнических и сепаратистских тенденций в некоторых восточных районах России.

Развитие международно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет как схожие с общемировыми черты, так и собственную специфику. Здесь отчетливо видно стремление США закрепить свое монопольное лидерство, чему однако начинает все больше препятствовать встречное желание доминировать в регионе развитой Японии и быстро крепнущего Китая, хотя их собственное противоборство, вероятно, не даст быстрого эффекта, какого в схожей ситуации может достигнуть объединенная Европа. На этом фоне особенно заметны как ослабление роли в решении проблем АТР, так и факты игнорирования ее интересов в регионе.

В региональной политике США, по всей видимости, еще довольно длительное время будут сохраняться элементы неравноправного партнерства с нашей страной, что отражает общий характер нынешних российско-американских отношений. Такое неравноправие может даже усилиться одновременно с ухудшением двусторонних отношений в случае, если российская политика будет направлена на ослабление американских позиций в регионе и на подрыв их планов создания тихоокеанского сообщества на основе собственных принципов и ценностей.

Американские же позиции в данном регионе остаются весьма прочными. Во-первых, роль США в деле стабилизации обстановки в регионе признается практически всеми государствами АТР, как и необходимость нахождения здесь их военной группировки. Во-вторых, США могут рассчитывать на поддержку своей позиции почти во всех вопросах со стороны союзных государств - Японии, Республики Корея, Таиланда и Филиппин, а также Канады, Великобритании и Франции, имеющих заморские территории на Тихом океане, что дает им формальное право активно вмешиваться в региональные процессы.

Кроме того, США не без успеха продвигают свою идею более прочно «закольцевать» военное взаимодействие в треугольнике Вашингтон - Токио - Сеул, для чего активизируют проведение подготовительных мер по созданию совместно с Японией и Южной Кореей системы противоракетной обороны Тихоокеанского театра военных действий с использованием в ней элементов космического базирования. Внедрение такой системы, по мнению специалистов, неизбежно приведет к необходимости более высокого уровня взаимодействия вооруженных сил трех участвующих в данной программе государств, да и других союзных США стран региона по широкому кругу вопросов их деятельности. При этом весьма существенным аспектом данной программы является то, что указанная система ПРО существенно снизит значение ядерных сил России и Китая как фактора сдерживания и может привести к подрыву основ российско-американских договоренностей по ограничению стратегических вооружений.

Исходя из этого, представляется, что в нынешних условиях Россия не может играть роль лидера противодействия американскому доминированию, но должна активно поддерживать выступления против него других азиатских стран, прежде всего таких держав, как Китай и Индия. И хотя есть различные мнения, но, похоже, что АТР ныне не представляет и вряд ли будет представ-

лять в ближайшем будущем арену российско-американского противоборства. Одновременно он не является тем регионом, в котором может возникнуть и быстро развиться реальная угроза интересам России в области международной политики.

Среди факторов, способных породить угрозы национальным интересам России в АТР в экономической сфере, следует назвать:

- ограничение присутствия нашей страны на ряде зарубежных рынков, а также попытки вытеснения ее с них;

- вывоз за пределы Российской Федерации стратегически важных видов сырья при крайне неэффективном для ее экономики использовании получаемых от этого доходов;

- завоевание внутреннего рынка России зарубежными товарами широкого потребления и продовольственными товарами.

В сфере экономики торможение развития интеграционных процессов внутри страны и на пространстве СНГ, запаздывание с вхождением в аналогичные процессы, протекающие в АТР, и сохранение преимущественной ориентации на Запад, может сделать Россию изгоем в будущей мировой экономической структуре, разделенной на четкие экономические блоки. Переходный период нынешних межгосударственных отношений, насыщенных неопределенностями и рисками, создает предпосылки для появления новых вызовов и угроз для России и ее Дальневосточного региона. Поэтому в условиях системного кризиса российской экономики и сложности в ходе реализации экономических реформ в стране на первый план выходят угрозы внутреннего порядка. Масштабы спада основных макроэкономических показателей России, особенно таких, как промышленное производство и капитальные инвестиции, достигли угрожающих размеров.

Внутренние социально-экономические проблемы России в свою очередь осложняют решение ею внешнеполитических задач, затрудняют ее включение в международное разделение труда и на глобальном уровне, и на азиатско-тихоокеанском направлении на равноправных и выгодных для наших национальных интересов условиях. Эти трудности используются определенными политическими и промышленными кругами зарубежных стран для закрепления в России модели экстенсивного сырьевого развития.

На восточном направлении нашей стране приходится контактировать с динамично развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона, который все больше превращается в ареал экономической силы, крупнейший международный торговый и финансовый центр. Ныне его доля в мировом ВВП составляет более 55 процентов, а в мировой торговле - около половины, и, по прогнозам, в течение первой половины будущего века этот регион может стать одним из ведущих центров мировой экономической жизни. Но, если в прошлые времена Россия являлась проводником передовых достижений Европы в отношении стран Востока, то в настоящее время в экономическом и технологическом плане она находится как бы между двумя центрами силы, что существенно осложняет ее геополитическое положение.

В силу объективных и субъективных причин Россия многие годы находилась на периферии процессов развития экономического сотрудничества между странами АТР. Удельный вес государств этого региона в суммарном объеме внешней торговли Советского Союза едва достигал 10 процентов, а его товарооборот с этими странами в общем показателе их региональной внешнеэкономической деятельности не превышал одного процента. Экономические пока-

затели связей российского Дальнего Востока с внешним миром тоже остались минимальными.

К источникам военной опасности для России относятся:

- наличие мощных группировок вооруженных сил иностранных государств вблизи рубежей Российской Федерации, способных вести широкомасштабные наступательные боевые действия;

- существование и потенциальная возможность появления новых очагов вооруженных конфликтов, прежде всего расположенных в непосредственной близости от российских границ, в которые может быть втянуто наше государство;

- распространение ядерного и других видов оружия массового поражения и средств его доставки, а также внедрение в производство и поступление в вооруженные силы новых нетрадиционных средств вооружения;

- стремление некоторых государств (коалиций) к установлению своего политического доминирования в АТР и их приверженность к разрешению конфликтных ситуаций не только политическими, но и силовыми методами при отсутствии эффективной региональной и ослаблении глобальной (ООН) систем международной безопасности с полноправным участием в них России;

- возможность подрыва стратегической стабильности в регионе в результате нарушения международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений.

Группировка вооруженных сил США в Тихоокеанской зоне уже сейчас представляет военную опасность для России, способную в любой момент перерасти для нее в непосредственную угрозу. К тому же японские силы самообороны по ряду параметров превосходят группировку российских войск и сил на Дальнем Востоке, что можно также рассматривать как потенциальную военную опасность для нашей страны. Возможность же ее перерастания в угрозу следует связывать с дальнейшими шагами японского руководства по решению проблемы «северных территорий» и связанных с этим изменениях существующего законодательства или расширению толкований положений действующей конституции Японии в части оснований для применения военной силы государства и районов ее использования, а также с развитием японо-американских союзнических отношений.

Вероятность обострения военно-политической ситуации на Корейском полуострове и вокруг Тайваня, а тем более вокруг территориальных проблем между странами АТР в ближайшей перспективе достаточно мала. Представляется, что в обозримой перспективе существующий status quo будет сохраняться при усилении международного контроля за соблюдением всех достигнутых ранее договоренностей между главными их фигурантами. Также невысокую вероятность на данном этапе имеет и опасность вовлечения России в противостояние при внезапном и резком обострении там ситуации.

В то же время перспективы начала процесса ограничения вооружений в АТР, а тем более их сокращение в настоящее время весьма невелики. Это обусловлено продолжением наращивания военной мощи США и других стран Запада, их откровенным курсом на достижение подавляющего военного превосходства над другими государствами, а также склонностью к диктату иным странам своего понимания принципов построения нового миропорядка и стремлением вынудить их действовать в русле своих интересов. Все это подталкивает ряд стран региона к принятию мер по совершенствованию своей обороноспособности, что активизирует гонку вооружений и осложняет процесс создания региональной системы безопасности.

К числу новых угроз безопасности России в современных условиях можно отнести и расширение противоправной деятельности различных преступных группировок, приобретших в последние годы транснациональный характер. Это:

- хищническое использование природных богатств Сибири и Дальнего Востока, а также факты браконьерства в экономической морской зоне и даже в территориальных водах Российской Федерации;

- незаконное проникновение на российскую территорию и компактное оседание на ней значительных масс граждан некоторых сопредельных стран, что ведет к возникновению конфликтных ситуаций в отношениях с местным российским населением, а в будущем может повлечь территориальные притязания со стороны этих государств или инициирование территориального откола на основе референдума, проведенного в условиях, когда коренные российские жители составляли бы меньшинство;

- все виды контрабанды, особенно наркотиков, оружия и взрывчатых веществ;

- международный терроризм, особенно в его взаимосвязи с экстремистскими группировками в нашей стране.

Слабость государственной власти в России, непродуманность и непоследовательность проведения ею реформ привели к тяжелому кризису в экономике страны, к резкому ослаблению эффективности функционирования важнейших государственных институтов, а также росту скепсиса населения по поводу их способности добиться положительных изменений в сложившейся обстановке. Отсутствие четко выраженных ориентиров, прежде всего во внутренней политике, невнимание к социально-экономическим вопросам обеспечения жизнедеятельности подавляющей части общества, культивирование в его слоях чуждых российской ментальности западных ценностей породили многие негативные проявления нашей действительности. Одним из наиболее тревожных среди них является криминализация почти всех сторон нашей повседневной жизни, причем на отдельных направлениях она уже приобретает обваль- ный характер.

Этому способствует, с одной стороны, неспособность структур власти и их правоохранительных органов эффективно противостоять данному процессу, а с другой - наличие условий, в которых немалое число россиян проявляет готовность заняться преступным бизнесом или оказывать ему хорошо оплачиваемые услуги. К тому же подобная обстановка способствует все более широкому проникновению в Россию иностранных преступных организаций и их смыканию с отечественными криминальными группировками, расширению незаконной деятельности на территории нашей страны отдельных зарубежных фирм и осуществлению ими здесь различных противоправных операций, а также ряду других отрицательных явлений, свойственных практике теневой экономики, особенно когда она осуществляется с участием в ней капиталов международных преступных синдикатов.

Эта связанная с внешним окружением противоправная деятельность различных сил серьезно дестабилизирует обстановку в нашей стране и приносит ей огромные материальные и моральные убытки.

И все же при оценке вызовов и угроз национальным интересам России в АТР необходимо осознавать, что в их основе лежит не только и не столько рост агрессивности внешней среды, сколько политическое и экономическое ослабление собственной страны, снижение ее экономической конкурентоспособ-

ности и оборонного потенциала, а также сокращение возможностей для саморазвития.

Относительно благоприятный период, с точки зрения внешних военных угроз, для России, по всей видимости, заканчивается. Ресурса времени для постепенного преодоления глубокого системного кризиса в государстве, вызвавшего резкое падение внутреннего валового продукта страны, поставившего на грань обвала ее финансово-экономическую систему, подорвавшего обороноспособность государства и вызвавшего значительную социальную напряженность в обществе, остается очень мало.

Негативные факторы, сопровождающие российскую действительность, ослабляют стабильность государства, что в сочетании с крупными ошибками в его внешнеполитической деятельности в последние годы повлекло утрату Россией позиций на мировой арене. Это стимулирует стремление ряда стран ущемить ее интересы, а также оттеснить нашу страну от участия в решении коренных проблем как в мире, так и в важных для нее регионах Земли. Достаточно сказать о сохранении Западом дискриминационных мер при продвижении российских товаров на мировой рынок, о помехах интеграции России в европейские институты, о его жесткой позиции, занятой в вопросе о расширении НАТО, а также о пересмотре США положений договора с нашей страной по ПРО.

Правда, огромная территория, колоссальные запасы природных ресурсов, все еще мощный интеллектуальный потенциал и наличие еще весьма значительного арсенала стратегического ядерного оружия, а также существенные противоречия в межгосударственных отношениях в различных регионах земного шара вынуждают руководство ведущих стран мира прислушиваться пока к мнению России по большинству спектра возникающих проблем. Однако нельзя не видеть их стремления к дальнейшему снижению роли нашего государства в мировых делах, чему призван служить и план действий по расчленению России на несколько отдельных государств, выдвинутый одним из идеологов антироссийской политики США Зб. Бжезинским.

Таким образом, сохранение существующего направления развития внутренней и внешней обстановки для Российской Федерации влечет за собой все более интенсивное нарастание угроз ее национальной безопасности, центр которых после окончания кризиса на Балканах, особенно в случае достижения там НАТО своих окончательных целей, может переместиться именно в район дальневосточных рубежей нашей страны. Поэтому создание условий для эффективного противостояния этим угрозам является сегодня, наверное, одной из актуальнейших задач российского государственного руководства.

Ядерный Пакистан: региональный контекст

© 2000

П. Васильев

Ядерное оружие – один из самых сильных соблазнов современной политики, и в мире остается все меньше государств, способных устоять перед ним. Этому явно благоприятствует ситуация, сложившаяся после окончания «холодной войны», которая, к сожалению, не ликвидировала конфликтность, не усилила действие стабилизирующих и сдерживающих факторов, не создало устойчивые модели нового миропорядка.

Наиболее рельефно тенденция «ядерного расползания» проявляется на обширной части азиатского пространства, протянувшейся от Средиземного моря до Японского. Этот «ядерный регион»¹ включает страны, которые либо обладают, либо приблизились к обладанию ядерным оружием:

- 1) «официально признанные» ядерные державы (Китай, Россия);
- 2) ядерные державы «де-факто» (Индия, Пакистан), которые произвели ядерные испытания и публично объявили о наличии у них соответствующего потенциала;
- 3) государства, располагающие ядерным оружием, однако предпочитающие официально об этом не заявлять (Израиль);
- 4) «пороговые государства», с большой долей вероятности, располагающие ядерным оружием, однако формально не признающие этого (Северная Корея);
- 5) государства, которые наращивают необходимые материальные и технологические ресурсы для создания ядерных боезарядов (Иран, Ирак);
- 6) государства, имеющие необходимые ресурсы для производства ядерного оружия (Япония, Южная Корея).
- 7) государства, прежде имевшие на своей территории ядерное оружие, отказавшиеся от него, но, возможно, сохранившие (по крайней мере, частично) необходимые технологии, инфраструктуру и знания для его создания (некоторые государства СНГ, на «азиатском фланге» – Казахстан).

Имеется целый ряд побудительных мотивов, которые заставляют региональных игроков делать ставку на ядерные компоненты военно-стратегического арсенала:

- а) необходимость удержать агрессора от посягательства на государственный суверенитет. После натовской операции против Югославии об этом всерьез задумались многие государства;
- б) повышение престижа государства, упрочение его регионального и глобального влияния;
- в) подкрепление экспансионистской политики;
- г) упрочение позиций правящего режима внутри страны в связи с неспособностью добиться экономического роста, повысить благосостояние граждан.

дан, смягчить социально-политическую конфликтность, что побуждает власть имущих использовать для консолидации общества ядерный фактор. При этом активно используется тезис о «внешней опасности», о необходимости «сплотиться вокруг вождя» (или вождей), которые, дескать, пекутся о «национальной безопасности».

Нам хотелось бы привлечь внимание к Пакистану, играющему более чем заметную роль в «ядерной регионализации». Опыт Пакистана позволяет высветить некоторые характерные черты этого процесса, равно как и ущербность так называемых «нераспространенных структур» и усилий в данной области ведущих мировых держав. Важно также дать оценку пакистанским «ядерным силам» и стратегическим подходам Исламабада к их возможному использованию.

«У нас нет выбора»

Впервые в современной истории ядерное оружие оказалось в распоряжении военного режима, сместившего законно избранное правительство. Впервые ядерным стало государство, постоянно пребывающее в состоянии политической и экономической нестабильности, раздираемое социальными и этническими противоречиями, отчаянно конфликтующее с могущественной соседней державой и без особых колебаний пускающееся в военные авантюры; государство, предоставляющее свою территорию для базирования экстремистских группировок и оказывающее помощь афганским талибам, которые открыто поддерживают международный терроризм и во многом существуют за счет производства и торговли наркотиками.

Ядерное оружие в Пакистане - предмет национальной гордости, и испытания, произведенные 28 и 30 мая 1998 г. на полигоне Чагай стали для жителей страны настоящим праздником. Впрочем, «ядерным» Пакистан стал гораздо раньше. Премьер-министр З.А.Бхутто говорил: «Если Индия сделает бомбу, мы будем есть траву, листья, даже голодать. Но у нас будет своя. У нас нет выбора». После поражения в войне 1971 г. было принято решение удесятить усилия по реализации национальной военно-ядерной программы, которая стала «самой передовой среди ядерных программ исламского мира»².

Взрыв индийского плутониевого ядерного устройства в 1974 г. был воспринят Исламабадом как жесткое напоминание о том, что «счетчик включен» и нужно спешить. Используя технологии, которые удавалось получать из Канады, Франции и других стран, опираясь на финансовую поддержку исламского мира, пакистанцы строили ядерные реакторы, завод по извлечению плутония из переработанного топлива АЭС и предприятие в долине Кахута, получавшее высокообогащенный уран на основе сверхсекретной методики (с использованием каскада ультрацентрифуг), которую один из ведущих пакистанских ядерщиков А.Кадыр Хан «позаимствовал» в Голландии.

После переворота 1977 г. и прихода к власти военного правительства Зия-уль-Хака реализация ядерной программы была продолжена. К 1982 г., несмотря на отказ французов продолжить содействие в строительстве ядерного реактора, пакистанцы уже обладали достаточным количеством плутония для проведения ядерных испытаний. Однако ставка была сделана на производство обогащенного урана-235. Сегодня Пакистан располагает 15 ядерными объектами³, включая предприятия по добыче урановой руды, производству тяжелой воды, ядерные реакторы, исследовательские институты и пр. Два кризиса в отношениях с Индией пришлось пережить на 1986-87 и на 1990 г. и, как утверждают пакистанцы, только наличие у Исламабада «ядерных возможностей» удержало Дели от широкомасштабной войны. Однако в целом оба государства проводили

политику «ядерной неопределенности», не проводя ядерных испытаний и стараясь не подходить «к краю пропасти»⁴.

После смерти Зия-уль-Хака Пакистан пережил период гражданского правления, в течение которого за «демократическим» фасадом буйно расцвели коррупция, религиозная и этническая нетерпимость, сепаратистские тенденции. Политические лидеры не брезговали никакими средствами для «взаимного уничтожения», а спецслужбы (могущественное Объединенное разведывательное управление) по-прежнему оставались государством в государстве и вместе с военными выступали в роли истинных кукловодов. 12 октября 1999 г. армия сместила дискредитировавшего себя премьер-министра Н.Шарифа, которому так и не довелось завершить строительство системы «гражданского авторитаризма». На смену ему пришел авторитаризм военный, с которым Пакистан вступил в третье тысячелетие.

В русле конфликта

Какие бы пертурбации не переживало национальное развитие Пакистана, неизменными оставались его враждебные отношения с Индией и борьба за Кашмир. Как Дели, так и Исламабаду это служило оправданием наращивания ракетно-ядерного арсенала. Вместе с тем «запевалой» почти всегда выступала Индия. Характерная особенность внешней политики и военной стратегии Исламабада, — «реактивность», решения принимаются в ответ на соответствующие шаги «соседнего государства».

Индийские дипломаты и политики подчеркивают, что ядерным оружием Дели обзавелся не «из-за Пакистана», а для «повышения своего международного веса и влияния» (в пакистанской интерпретации — для реализации «региональных и глобальных амбиций»⁵). Учитывая свой огромный перевес в обычных вооруженных силах и вооружениях, в материальных и людских ресурсах, Индия, даже не обладая ядерным оружием, может не опасаться «пакистанской угрозы». Поэтому в упрощенном виде наиболее распространенная точка зрения звучит примерно так: Индия обзавелась бомбой, чтобы стать великой державой, а Пакистан, — потому, что это сделала Индия.

Удалось ли Пакистану обеспечить, таким образом, свою безопасность? С известным сожалением приходится признать, что нет. Ожидания пакистанских и зарубежных экспертов, что в пакистано-индийских отношениях (подобно тому, как это было в отношениях СССР и США в эпоху «холодной войны») взаимное ядерное устрашение станет фактором стабильности, «большей ответственности и доверия»⁶, не оправдались.

Парадигма отношений Исламабада и Дели принципиально отличается от той, что характеризовала общение сверхдержав в минувшую эпоху. Обратим внимание на несколько обстоятельств:

— Москву и Вашингтон не разделяла религиозная и этно-национальная вражда, столь присущая пакистано-индийскому взаимному восприятию. В прошлом у пакистанцев и индийцев не было опыта успешного сотрудничества, какой имелся у русских и американцев (в частности, в годы второй мировой войны), зато были примеры массового уничтожения мирного населения одной страны войсками другой;

— американо-советское соперничество было продиктовано рациональными мотивами идеологического и глобального порядка, в нем не было «ничего личного». У пакистанцев и индийцев в основе конфронтации в значительной степени лежат иррациональные, эмоционально-психологические причины, и трезвый и холодный расчет часто подменяет личная ненависть;

— у Пакистана и Индии есть общая граница (каковой не имеется у России и США), являющаяся источником напряженности;

— у России и США не было и нет территориальных споров, а Исламабад и Дели буквально «одержимы» проблемой Кашмира;

— Россию и США объединяло участие в различных двусторонних и многосторонних политико-дипломатических структурах, что открывало разнообразные пути для поиска компромиссов, включая «посреднические» варианты. Пакистан и Индия участвуют разве что в южноазиатской организации СААРК, членство в которой рассматривается вполне конъюнктурно⁷.

После мая 1998 г. обе стороны под нажимом мирового сообщества объявили мораторий на дальнейшие ядерные испытания и обязались не подвергать нападению ядерные объекты друг друга. Вместе с тем эти меры доверия представлялись явно недостаточными. У пакистанцев и индийцев отсутствуют системы ядерного командования и контроля, линии «горячей связи». Главное, они продемонстрировали неспособность запустить процесс политической разрядки, ослабив напряженность на линии контроля (ЛК).

Пакистан предположил, что теперь-то он уж точно может безнаказанно «пощипать перышки» могущественной соседке, не опасаясь массивированного возмездия. Обладание ядерным потенциалом не только не заставило его вести себя более спокойно и взвешенно, но и подтолкнуло на явную авантюру. Меньше, чем через месяц после лахорской встречи (20-21 февраля 1999 г.) премьер-министров Н.Шарифа и А.Б.Ваджпаи, договорившихся придать импульс двустороннему диалогу, Исламабад предпринял рискованную силовую акцию. В высокогорные районы индийского штата Джамму и Кашмир были направлены хорошо обученные отряды боевиков — моджахедов; в секторах Каргил, Драсс, Баталик и долине Машкох они заняли позиции, которые индийские войска оставляли на зимний сезон. По убеждению пакистанцев, эта операция должна была сделать индийцев более уступчивыми на переговорах. При этом предполагалось, что наличие у Пакистана «ядерных возможностей» должно удержать Индию от «необдуманных решений».

Дели же отреагировал предельно жестко, особенно после того, как Исламабад, развивая успех, бросил на подкрепление моджахедам регулярные части. В конце мая индийцы начали масштабное наступление с применением артиллерии и ВВС. Военные действия легко могли выйти за рамки ЛК и Кашмира, всерьез рассматривалась возможность ядерного столкновения, о чем говорил министр иностранных дел Пакистана С.Азиз, другие государственные деятели. Не став сдерживающим фактором, ядерное оружие могло превратиться в средство выражения отчаяния одной стороны, и стремления к возмездию — другой. В своем обращении к нации 12 июля Н.Шариф сказал, что вынужден был «отозвать моджахедов», поскольку Кашмир превратился в «источник ядерной опасности» и следовало «избежать ядерной войны»⁸.

Ядерное оружие Пакистана

Насколько реальной была ядерная угроза? «Алармистская» точка зрения предполагает, что у Пакистана имеется около 20 ядерных боезарядов⁹ (значительно меньше индийского арсенала в 70-80 единиц, но вполне достаточно, чтобы нанести «агрессору» неприемлемый ущерб). Ученый-ядерщик С.Мубарикман утверждает, что еще в мае 1998 г. индийцы собирались «с помощью Израиля» нанести удар по пакистанским ядерным объектам, и только жесткое предупреждение Исламабада, что в таком случае «будут уничтожены Нью-Дели и Калькутта», заставило их отступить¹⁰. Англичане считают, что в период каргильского кризиса Пакистан и Индия были на грани ядерного конфликта. Дескать, фотографии, полученные со спутников, продемонстрировали развертывание обеими странами «боевых ядерных систем». По словам британского министра по делам

Содружества П.Хэйкса, Пакистан далеко продвинулся в миниатюризации ядерных боезарядов и обладает необходимыми технологиями¹¹.

У Индии и Пакистана имеются современные средства доставки. Хотя пакистанцы серьезно уступают соседям в области ВВС, а военно-морской компонент «ядерной триады» у них практически отсутствует, создание мобильных ракет наземного базирования позволяет «восстановить стратегический баланс»¹². Баллистические ракеты «Шахин-1» (твердотопливная, дальность полета около 600 км)¹³, «Гори-1» (жидкотопливная, дальность полета 1,500 км) и «Гори-2» (жидкотопливная, дальность – 2000 – 2,300 км) способны поражать цели на территории Индии, теоретически являясь грозным оружием. Пакистанские специалисты считают, что их ракеты в технологическом плане опережают индийские «Притхви» и «Агни», и американский автор Дж.Перкович заявляет, что они добились больших успехов в техническом решении проблемы оснащения ракет боеголовками¹⁴.

В противоположность «алармистам», сторонники «успокаивающей» точки зрения откровенно скептически оценивают ядерно-боевые возможности Пакистана и Индии. Это касается, в частности, официальной информации о ядерных испытаниях (количестве взрывов, их мощности)¹⁵. Пакистаном были взорваны достаточно примитивные для современного уровня ядерные устройства.

К концу 1999 г. ядерного оружия, фактически, не было ни у Дели, ни у Исламабада. «Пакистан... это всего лишь государство, обладающее ядерным потенциалом, да и то с большой натяжкой, - писал аналитик исламабадского Института стратегических исследований, главный редактор журнала «Стратегические исследования» М.У.Хан. – Чагайские испытания доказали наличие у Пакистана ядерных устройств и его способность организовывать их контролируемые взрывы на своей территории – ничего более»¹⁶. Пакистанскими экспертами признается, что «в наших вооруженных силах знания о ведении ядерной, биологической и химической войны находятся на рудиментарном уровне»¹⁷. Один из ведущих пакистанских специалистов по ядерной политике З.Джаспал «аккуратно» замечает, что ядерное оружие пока не превратилось «в существенный фактор сдерживания» в пакистано-индийских отношениях. Правда, он уверен, что в скором времени «Пакистан получит в свои руки адекватные системы доставки» и ядерные боезаряды нужной конфигурации¹⁸.

Стратегическая доктрина

Какое-то время можно, действительно, успокаивать себя тем, что Пакистан (равно как и Индия) пока не стал «настоящей ядерной державой». Но он ею станет, или во всяком случае, с большой долей вероятности может стать, учитывая, что Исламабад и Дели ввязались в соревнование, которое с каждым месяцем остановить все труднее.

На повестке дня - разработка доктрины, предусматривающей приведение ядерного потенциала «в боевую готовность», «операционализацию» ядерного оружия, формирование структур ядерного командования и контроля. В потскаргильский период стало очевидно, что этому процессу нет альтернативы. Несмотря на вывод частей пакистанской армии и моджахедов из секторов за линией контроля, Дели отказался возобновить двусторонний политический диалог. На ЛК сохраняется напряженность, а поддерживаемые Пакистаном экстремистские организации ведут настоящую террористическую войну на территории индийского Кашмира.

17 августа 1999 г. индийцы обнародовали официальный проект концепции боевого развертывания ядерных сил и создания «ядерной триады». Речь шла о качественно новом этапе в региональной гонке вооружений, который

ставил Пакистан в весьма уязвимое положение. Индийская доктрина была подвергнута в Исламабаде жесткой критике¹⁹.

Для Пакистана «симметричное» участие в гонке вооружений означает неминуемую катастрофу, «запаса прочности» у него несравненно меньше, чем у соседнего государства. Темпы экономического роста Индии достигают 6%, Пакистана – в лучшем случае 3%. От санкций, введенных после мая 1998 г., Дели «только поморщился», а вот Пакистан понес огромные потери, – стоили они ему около 10 млрд. долл. и, по словам министра финансов Ш.Азиза, отбросили страну на два с половиной года назад²⁰.

Министр иностранных дел А.Саттар подчеркивает, что Исламабад не последует примеру Индии и не вяжется в «ядерное соревнование»²¹, предпочитая не разрабатывать собственную ядерную доктрину, а придерживаться «политики минимального сдерживания»²², что, дескать, за последние 14 лет благодаря этой политике уже трижды предотвращалась война с Индией (в 1986-87, в 1990 и 1999 г.г.). Не совсем, правда, ясно, как могло осуществляться «сдерживание» в отсутствие боееспособного ядерного оружия.

Политолог и журналист, член Внешнеполитического консультативного совета Ш.Мазари с сожалением отмечает, что в отличие от Индии, стратегическое мышление официального Исламабада развивается в «доядерном» контексте и отличается изрядной долей наивности²³. Тем не менее, все большее число пакистанских теоретиков, экспертов и политиков склоняются к тому, что у Исламабада должна быть своя ядерная доктрина, но такая, которая позволила бы ответить на индийский вызов «с меньшими затратами». По всей видимости, она включит в себя следующие принципиальные установки:

1) ставка на мобильное ракетное оружие наземного базирования. В авиации Пакистану будет довольно сложно догнать Индию, в средствах ВМС – и подавно.

2) Индийское преимущество в обычных вооружениях и вооруженных силах вкупе с отсутствием у Пакистана «стратегической глубины» (по территории он уступает Индии в 4 раза, по населению – в 7 раз) заставят его прежде всего полагаться на ракетно-ядерные силы стратегического («Шахин» и «Гори»), а не тактического назначения. Последние практически бесполезны в ситуации, когда вся страна находится в пределах досягаемости индийской авиации и ракет (подлетное время 2-8 минут), а один из крупнейших городов Лахор (столица провинции Пенджаб) с легкостью «накрывается» огнем гаубичной артиллерии. Применение тактического ядерного оружия не представит угрозы для большей части территории Индии, зато Пакистан будет превращен в выжженную пустыню²⁴.

3) Ничтожное «подлетное время» делает почти бессмысленным создание точной и чувствительной системы раннего предупреждения.

4) Осуждение принципа «не наносить первый ядерный удар» (которого придерживается Индия). Считается, что в этом случае Пакистан станет беззащитным перед лицом «конвенционального» преимущества Дели, ядерное оружие это, дескать, «его единственный шанс». С пакистанской точки зрения, обязательство не применять первым ядерное оружие может стать «приглашением к агрессии»²⁵.

5) Отказ исключить возможность нанесения первого ядерного удара, поскольку для второго – в случае начала широкомасштабной войны – у Пакистана шансов практически не остается. Признание возможности пустить в ход ядерные силы, если Индия предпримет массированные «враждебные действия» обычными средствами. Подобное стратегическое допущение не опровергает того факта, что в период каргильского кризиса Исламабад не рискнул применить ядерное оружие, – попросту тогда еще нечего было применять²⁶.

Ядерный Пакистан не сможет обойтись без стратегической ядерной доктрины, равно как и без организации ядерных сил, – либо в качестве от-

дельного рода войск, либо в рамках существующих соединений армии и ВВС. Подобная доктрина обязана предусмотреть создание ядерного командования и контроля²⁷, о чем исламабадская администрация объявила в феврале 2000 г.

Открытым остается вопрос: выдержит ли Пакистан подобное испытание, требующее огромных материально-финансовых затрат и применения высоких технологий. Рассуждения пакистанских ученых о том, что их страна, дескать, уже добилась «стратегического баланса» с Индией²⁸ носят явно пропагандистский характер. После прихода к власти армии во главе с П.Мушарфом, военный бюджет пришлось урезать на 7 %. Какие бы официальные утверждения не делались, в ближайшем будущем Исламабаду нерезально обеспечить себе возможность «второго удара», и выживание его ядерных сил после индийской атаки представляется сомнительным, - во всяком случае, в масштабах, необходимых для причинения противнику невосполнимого ущерба. Между тем, это - неперемное условие эффективной стратегии ядерного сдерживания. Что же до перспективы нанесения превентивного ядерного удара, то у индийцев все равно останется достаточно возможностей, чтобы стереть Пакистан с лица земли.

Сегодня, определяя соотношения ядерных сил двух государств как 1:4 или даже 1:8, мы подразумеваем соотношение потенциалов для производства соответствующего количества боезарядов, однако вскоре придется говорить о соотношении боевых единиц ядерного оружия. Отставание Пакистана будет прогрессировать и, в отличие от Индии, он едва ли сумеет обзавестись ПРО и авиасистемами раннего предупреждения. Расчеты на то, что противника удастся сдержать «малой кровью», не ввергая собственное государство в пучину экономической катастрофы, почти безосновательны. Ядерное соревнование (в какой бы то ни было форме) для Пакистана губительно, единственная его надежда - инкорпорация в нераспространенческие и разоруженческие структуры, которые могли бы дать гарантию безопасности. К сожалению, в их нынешнем виде они не внушают особого оптимизма.

Подписывать - не подписывать?

Режим нераспространения задуман и начал осуществляться в начале 60-х годов, а теперь все больше демонстрирует свою несостоятельность. Тот факт, что в «нераспространенческих бастионах» пробиваются все новые бреши, - одна из самых серьезных тревог третьего тысячелетия. Причин тому несколько:

1) режим нераспространения сформировался в эпоху «холодной войны», которую можно рассматривать как способ организации мира несколькими крупными державами, «думавшими» и решавшими за остальные государства и народы. В результате задача укрепления данного режима стала восприниматься некоторыми странами как средство ущемления их прав;

2) данному обстоятельству немало способствовало то, что крупные державы нередко используют силу, навязывая «малым» и «средним» участникам международных отношений свои политические принципы;

3) режим нераспространения является прежде всего продуктом западного политического универсализма. Сверху «спускается схема», одобренная ключевыми международными игроками. Это рождает чувство отторжения, как и любая другая концепция, не выстраданная в процессе собственного развития, а «предложенная» извне.

Великие державы мало что сделали для разрешения конфликтной ситуации в Южной Азии, более того - нередко использовали ее в своих интересах. Они оказывали и оказывают давление на Дели и Исламабад, дабы те присоединились к ключевым нераспространенческим договорам и соглашениям,

однако при этом не предпринимают действенных усилий для ликвидации причин, побуждающих соперничающие государства стремиться к обладанию ядерным оружием. В то же время Вашингтон и Москва проявляют неспособность «собственным примером» «подпереть» разрушающееся здание нераспространенческого режима. Российская Госдума никак не соберется ратифицировать Договор о всеобщем запрещении ядерного оружия (ДВЗЯИ), а сенат США проголосовал против ратификации. Соединенные Штаты упорно ведут дело к демонтажу Договора о ПРО, являющегося одним из последних барьеров на пути к бесконтрольной гонке ракетно-ядерных вооружений, способной охватить все «пороговые» государства.

Отношение Дели и Исламабада к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который объявляет ядерными державами лишь те, которые провели ядерные испытания до 1 января 1967 г., предельно негативно. Он считается дискриминационным и абсолютно неприемлемым. Как подчеркнул генеральный директор департамента МИД Пакистана, курирующего вопросы разоружения, Шахбаз, Пакистан и Индия останутся ядерными державами, – «такова реальность», вне зависимости от того, признают ее постоянные члены СБ ООН или нет²⁹). Характерно, что государства «Большой восьмерки» сделали ставку на присоединение Пакистана и Индии к «менее обязывающему» ДВЗЯИ, который не наносит столь болезненного удара по престижу вновь испеченных ядерных государств, не разделяет страны на «чистых» и «нечистых» и, запрещая ядерные испытания, не препятствует владению ядерным оружием, производству и накоплению расщепляющихся материалов.

Вместе с тем и присоединение к ДВЗЯИ оказалось непростой задачей: после мая 1998 г. Пакистаном (как и Индией) был объявлен мораторий на ядерные испытания, однако ни одно из соседних государств (какие бы официальные заявления ни делались) не было уверено, что задачи совершенствования ядерного оружия этого действительно не потребуют. При этом они внимательно следили за поведением друг друга, и каждое опасалось сделать первый шаг.

Проблема ДВЗЯИ стала в Пакистане источником острых внутривнутриполитических противоречий и столкновений между сторонниками и противниками подписания этого документа, причем и те, и другие пользуются влиянием в военно-политическом истеблишменте. К числу критиков Договора принадлежат в основном представители клерикальных, ультранационалистических кругов. Логика проста, – раз ДВЗЯИ хочет Запад, значит, ДВЗЯИ Пакистану ни к чему. Нельзя «разоружаться» перед лицом Индии, необходимо «наращивать военные мускулы» с тем, чтобы рано или поздно освободить Кашмир и нанести сокрушительное поражение надменной соседке. Влияние этих кругов настолько велико, что Н.Шариф не сдержал своего обещания подписать ДВЗЯИ до конца сентября 1999 г., чем окончательно разочаровал западные страны.

Что касается «адвокатов» ДВЗЯИ, то они делятся на две категории:

1) немногочисленные политические деятели и организации пацифистского толка, искренне пекущиеся о разоружении и нераспространении ядерного оружия;

2) политики, военные и ученые, рассматривающие присоединение к ДВЗЯИ вполне прагматично: как важный и необходимый шаг для укрепления международных позиций страны, развития оборонного потенциала и «отработки» оборонной стратегии.

Вторая категория наиболее интересна, поскольку представляет людей, реально контролирующих механизмы принятия решений. Их аргументация сводится к следующему:

а) присоединение к ДВЗЯИ не ослабит обороноспособность Пакистана. Он не только не будет вынужден приостановить, но и сможет интенсифициро-

вать выполнение ядерной программы, являясь при этом уже не «государством-парией», а уважаемым членом мирового сообщества, подписавшим один из важнейших международных документов, что «сертифицирует» его благонадежность. Подключение к глобальному процессу разоружения и нераспространения будет способствовать легитимизации ядерного статуса Пакистана³⁰. Международных принудительных инспекционных проверок бояться не следует, поскольку ДВЗЯИ их не предусматривает. Этот Договор не означает автоматического обязательства подписать Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов, который, хоть и находится «в проекте», считается для Пакистана документом гораздо более серьезным, способным затормозить его «ядерное развитие»;

б) в силу специфики ядерных устройств, созданных Индией и Пакистаном, ДВЗЯИ, якобы, больше выгоден последнему. Пакистанские ядерные заряды, в которых используется обогащенный уран-235, проще и надежнее индийских (плутониевых), для их производства не требуются, мол, дополнительные ядерные испытания. А вот Дели, который создает термоядерные боеголовки, без дальнейших испытаний будет трудно продолжить осуществление ядерной программы³¹;

в) даже если пакистанцам паче чаяния понадобятся новые испытания, они могут быть «холодными» или субкритическими (ДВЗЯИ таковые допускает).

Решимость сторонников ДВЗЯИ добиваться подписания Пакистаном этого договора базируется на политическом расчете - улучшить отношения с Западом, прежде всего, с США, упрочив свои позиции в «единоборстве с Индией», добиться снятия санкций и, в конечном итоге, создать более нормальные и спокойные условия для наращивания национального ядерного арсенала. Подобный прагматизм, если не цинизм, не вызывает особого удивления, важно, тем не менее заметить, что приведенные выше выкладки не всегда базируются на трезвом анализе технической стороны вопроса.

Хотя в начале февраля 2000 г. представитель Пакистанской комиссии по атомной энергии заявил, что Пакистан располагает необходимым технологическим оборудованием для проведения «холодных» ядерных испытаний с использованием компьютерного моделирования (компьютеры у него, будто бы, «такие же, как у США, России и Индии»)³², данная информация не соответствует действительности. Пакистану неоткуда было взять высокоскоростные вычислительные машины: внутри страны они не производятся, импорт невозможен вследствие санкций.

В пакистанских ядерных устройствах действительно используется «рудиментарная технология», но это обуславливает не только надежность, но и относительно короткую продолжительность их «жизни» (не более нескольких лет). Следовательно, необходимы частые проверки их состояния и частые замены, и нет уверенности, что для этого не потребуются дополнительные испытания. Достаточно ли в этой связи будет разрешенных ДВЗЯИ взрывов с почти нулевой мощностью? Допустим, З.Джаспал прав, когда утверждает, что сегодня почти любое неядерное государство в состоянии «тайно» и без испытаний создавать простейшие устройства «пушечного типа» на основе урана-235³³, но можно ли таким образом выдержать соревнование с гораздо более мощной, технологически развитой и богатой соперницей?

Один из критических для Пакистана вопросов - подписывать ДВЗЯИ до Индии или после? Стоит подписать первым, и это будет «опасный прецедент», ломающий привычную несамостоятельность внешней политики, вечно пребывающей в ожидании того, что сделают индийцы. А вдруг те не подпишут? А если промедлить и те опередят, пожав все плоды благодарности мирового сообщества, а Исламабад окажется в еще большей внешнеполитической изоля-

ции, нежели сейчас? Часть адвокатов ДВЗЯИ считает целесообразным действовать без оглядки на Индию. Другие агитируют за подписание, но только «после». Противники Договора твердят: «никогда и ни при каких обстоятельствах». Правительство, лишённое твердой политической опоры и отнюдь не являющееся командой единомышленников, не решается сформулировать четко выраженную официальную позицию, ссылаясь на необходимость достижения «национального консенсуса».

Тем не менее, вероятность присоединения Пакистана к ДВЗЯИ велика, хотя, не исключено, что произойдет это после дополнительных испытаний. В любом случае, подписание станет поводом для шумного празднования «долгожданной политической победы» западными державами и Россией. Однако режим нераспространения ядерного оружия не станет от этого намного прочнее и, на что бы ни рассчитывали Вашингтон, Москва, Токио или Лондон, Пакистан постарается использовать ДВЗЯИ для обретения полноценного статуса ядерной державы.

Вызов региональной безопасности

Пакистан не откажется от ядерного оружия, - борьбой за его обладание отмечена большая часть истории этого государства, «ядерная идея» стала национальной. Она консолидирует федерацию, которую подрывают этнические противоречия, сепаратистские тенденции в провинциях, нарастающая волна терроризма, отсутствие внутренней стабильности и устойчивых экономических связей.

Существенно и то, что костяк пакистанского политического руководства и всего общества составляет армия. В ядерном оружии армия видит залог своего поступательного развития и таким образом, для нее оно представляет не меньшую идеологическую ценность, чем пакистано-индийский конфликт (хотя оба фактора, конечно, тесно связаны). Любое пакистанское правительство, любой премьер-министр или «главный администратор», который лишит Пакистан ядерного оружия, будет практически сразу отстранен от власти.

Пакистан и Индия вступили на путь разработки стратегических ядерных доктрин и боевого развертывания ядерного оружия, обратной дороги уже не будет. При этом очевидно, что ядерное оружие не только не привело к большей сдержанности сторон, но и резко обострило противоречия между ними. В пакистанском и индийском руководстве всерьез рассматривается возможность «ограниченной войны» на линии контроля. Каргильской операцией Исламабад перечеркнул лахорские договоренности и сейчас открыто сомневается в их целесообразности, поскольку они-де «уменьшили» значение проблемы Кашмира как «центральной» в пакистано-индийских отношениях. Между тем, стремление обусловить возобновление двустороннего диалога его сфокусированностью именно на данной тематике, *apriori* обрекает его на неудачу (индийцы готовы, в лучшем случае, обсуждать конфликтный вопрос в ряду других - касающихся мер доверия, экономических, гуманитарных контактов и т.д.).

Похоже, что ни Исламабад, ни Дели, поддерживающие «высокую температуру» на линии контроля, не стремятся к компромиссам. Для них характерны взаимная неприязнь, по сути, идиосинкразия³⁴. Обладание ядерным оружием крупнейшими государствами субконтинента, участвующими в таком взрывоопасном конфликте, как кашмирский, - один из наиболее серьезных вызовов международной безопасности. В первую очередь, это касается стран и народов Азии и Дальнего Востока. Пакистанские и индийские ракеты среднего радиуса действия смогут поражать цели на большей части ближневосточного и центральноазиатского пространства, в Китае. Индийская «Агни» теоретически должна достигать стран АСЕАН, а «Сурья» - Японии и стран Средиземного моря. «Государства АСЕАН, - пишет пакистанский исследователь М.Ахмад Хан, - с полным основанием встревожены в связи с проблемами своей безо-

пасности. Причины для беспокойства имеются у Японии и Австралии. Индийские ядерные субмарины (которые сейчас строятся³⁵), находясь в Индийском океане, представляют угрозу торговым коммуникациям этих стран с Ближним Востоком и Европой»³⁶. Есть поводы для волнения и у России, чьи южные рубежи примыкают к южноазиатской конфликтной зоне.

Пакистанское ракетно-ядерное оружие создавалось в условиях тесной кооперации с такими азиатскими государствами, как КНР и Северная Корея. Параллельно реализуются две ракетные программы, одна из которых (лаборатории А.Кадыр Хана) ориентирована преимущественно на Китай, другая (под контролем Пакистанской комиссии по атомной энергии) – на КНДР. Военно-техническое сотрудничество с КНР с 1997 г. ограничено, однако пакистано-северокорейские «рабочие связи» по-прежнему активно развиваются.

Южноазиатский опыт стимулирует общерегиональный «интерес» к ядерному оружию, особенно государств, имеющих доступ к современным высоким технологиям. Сказываются и другие факторы, – разнородные, однако действующие в одном направлении: общая разбалансированность международных отношений, прогрессирующее ослабление нераспространенческих структур.

Япония, поддерживающая с Пакистаном интенсивные политические контакты, старается убедить его в необходимости подписать ДВЗЯИ, подключившись к процессам обеспечения региональной и глобальной безопасности. Вместе с тем, по мере того, как все более очевидной становится низкая эффективность подобных усилий, в обществе и в правящих кругах Японии все чаще принимается во внимание возможная перспектива создания собственного ядерного оружия. В августе 1999 г. прозвучало скандальное заявление парламентария от Либерально-демократической партии Ш.Нишимуры, заявившего, что Япония должна иметь «авианосцы, ракеты дальнего радиуса действия, стратегические бомбардировщики» и даже «атомную бомбу». Технические возможности для этого у Токио имеются, он ведет также разработки в области противоракетного и ракетного оружия. Характерно, что пакистанцы давно считают ее «ядерной державой де факто»³⁷.

Северная Корея в настоящее время может располагать несколькими ядерными боезарядами. Она энергично реализует ракетную программу, совершенствуя многоступенчатый ракетоноситель «Тэпходон-1» (дальность более 1,500 км) и разрабатывая «Тэпходон-2» (дальность – 3,500-6,000 км). Кроме того, ею созданы ракетные системы «земля-воздух». За «достижениями» КНДР с тревогой наблюдают Южная Корея, и Соединенным Штатам с трудом удается удерживать ее от попыток вступить в соревнование с северным соседом.

КНР, принимая во внимание глобалистские претензии США и намерение государств НАТО и впредь предпринимать акты «гуманитарной интервенции», бомбежку китайского посольства в Белграде, разработку американцами национальной ПРО, что повлечет за собой ликвидацию договора 1972 г., готовится к развертыванию нового поколения ядерных ракет стратегического назначения. Имеющихся у нее сейчас около 25 жидкотопливных МБР с одинарными боеголовками недостаточно для обеспечения выживания военно-ядерного комплекса и возможности «второго удара».

Иран, как заявляют аналитики ЦРУ, располагает большими запасами обогащенного урана и плутония для создания ядерных зарядов, нежели это предполагалось ранее и, возможно, способен создать ядерное оружие³⁸. Тегеран испытал ракету дальностью 1,300 км, на которую может быть установлена ядерная боеголовка. По-видимому, более 100 ядерных устройств и боезарядов находятся в распоряжении Израиля.

Ситуация в «ядерном регионе» крайне неустойчива: достаточно небольшого целенаправленного усилия, чтобы она окончательно вышла из-под

контроля. Так мелкий камешек, попав в нужную точку, разбивает витрину из толстого стекла. Ни Пакистан, ни Индия не собираются останавливаться на полпути, замораживая свои ядерные программы и подписывая ДНЯО. Присоединение к другим нераспространенческим структурам (ДВЗЯИ, МКТР) не предотвратит гонку ядерных вооружений на субконтиненте, и в перспективе она резко дестабилизирует всю ситуацию в Западной, Центральной и Восточной Азии, где за редкими исключениями нет эффективных структур безопасности. Чтобы воздвигнуть преграду на пути распространения ядерного оружия, требуется, по меньшей мере, преодолеть разобщенность государств региона и осознать всю степень общей угрозы.

1. Термин достаточно условный, учитывая, что в современной научно-политической литературе критериями региональной общности обычно служат степень экономической интеграции, географическая близость тех или иных стран, национально-этнические и психологические характеристики и т.д.
2. Weismann S., Krosney H. *The Islamic Bomb. The Nuclear Threat to Israel and the Middle East.* // Times Books: Fitzhenry & Whiteside, Ltd. Toronto, 1983. P.28.
3. Отметим, что только пять из них регулярно инспектируются МАГАТЭ.
4. Aslam Beg M. *Nuclearization of South Asia: Rational Diffusion of Holocaust* // National Development and Security. May 1999. P.4-5.
5. Mazari Sh.M. *Developing a Paradigm of Comprehensive Security for Pakistan and the Region* // Paper prepared for conference on Geoeconomic World Order. Islamabad, September 14-16, 1999.
6. Ahmar M. *Nuclear South Asia: Impact on Nuclear and Conventional Arms Race* // Margalla Papers. December 1998. No.2. P.56.
7. После военного переворота в Пакистане индийцы намеренно сорвали проведение саммита СААРК в Непале, чтобы не давать лишних шансов режиму П.Мушарафа на международную «легитимизацию» и подчеркнуть свою решимость не возобновлять двусторонний диалог.
8. *The News.* July 13, 1999.
9. В 1995 г. Пакистан располагал 10 боеголовками, а мощности завода в Кахуте позволяют ежегодно получать «ядерный материал» для производства 2-3 новых бомб.
10. *The News.* September 25, 1999.
11. *Dawn,* November 30, 1999.
12. Jaspal Z.N. *Nuclear Capable Delivery Systems* // Paper presented at Seminar on Pakistan's Response to Indian Nuclear Doctrine: Islamabad Council on World Affairs. Institute of Strategic Studies. Islamabad, November 25, 1999.
13. Твердое топливо используется также тактическими ракетами серии «Хафт».
14. *Newsweek.* January 24, 2000.
15. По официальной информации Дели, 11 мая, на полигоне Покаран были взорваны три ядерных устройства, включая «расщепляющееся малой мощности» и «термоядерное». Однако все «три взрыва» производились в одном штурфе, что, западным оценкам, «по меньшей мере подозрительно». Скорее всего, взрывалось одно устройство, в котором имелось некоторое количество термоядерного материала. Что же касается пакистанцев, которые объявили о пяти взрывах 28 мая и одним – 30 мая, то, вероятно, в каждый из упомянутых дней было произведено всего лишь по 1 взрыву.
16. Khan M.U. *Opposing the CTBT* // *The Frontier Post.* January 12, 2000.
17. Sehgal I. *Nuclear Fears?* // *The Nation.* October 2, 1999.
18. Jaspal Z.N. *Nuclear Capable Delivery Systems.*
19. *Indian Nuclear Doctrine. Implications for Regional and Global Peace and Security.* By Shamshad Ahmad, Foreign Secretary, Government of Pakistan. Islamabad, October 1999.
20. *The Dawn. Economic and Business Review.* October 17, 1999.
21. Sattar A. *Inaugural Address. Seminar on "Pakistan's Response to the Indian Nuclear Doctrine":* Islamabad Council on World Affairs. Institute of Strategic Studies. Islamabad, November 25, 1999.

22. The Nation. 22 August, 1999
23. Mazari Sh.M. Developing a Paradigm of Comprehensive Security for Pakistan and the Region.
24. Меньшинство пакистанских экспертов придерживаются противоположного мнения: индийцам следует навязывать тактическую ядерную войну, не провоцируя их на использование баллистических ракет. Данная концепция уязвима, прежде всего, потому, что обмен тактическими ядерными ударами неминуемо спровоцирует эскалацию военных действий и тогда в ход будут пущены и «Шахины» с «Гори», и «Притхви» с «Агни».
25. Agha Shahi, Ali Khan Z. and Sattar A. // Responding to India's Nuclear Doctrine // Dawn. October 5, 1999.
26. О «превентивном» ядерном ударе как «наиболее здоровом выборе» в рамках «жизнеспособной ядерной стратегии» пишет З.Джаспал (См.: Jaspal Z.N. Nuclear Capable Delivery Systems), этого мнения придерживаются также директор исламабадского Института региональных исследований Б.Ахмад, другие эксперты. Об этом настойчиво пишет и американский ученый Р.Джонс, входящий в высшие круги пакистанского военно-политического истеблишмента. См.: Jones R. Pakistan's Nuclear Posture: Quest for Assured Nuclear deterrence – a Conjecture: Institute of Regional Studies. Islamabad, January 2000. P.19.
27. Заверение С.Азиза, сделанное еще в ноябре 1998 г., о том, что у Пакистана имеется «эффективная система командования и контроля», не отвечало действительности.
28. Jaspal Z.N. Nuclear Capable Delivery Systems.
29. Из доклада на семинаре медиа-корпорации «Ньюс» «Внешняя политика: новые вызовы, новые выборы», состоявшемся в Исламабаде 23 февраля 2000 г. // The News. March 1, 2000.
30. Об этом, в частности, пишет Ш.Мазари (Mazari Sh. M. Towards Nuclear Legitimacy // The News. January 19, 2000). Наряду с ДВЗЯИ она советует подписать и другие нераспространенческие документы, которые «не представляют угрозы» для реализации национальной военно-ядерной программы (Протокол II к Договору Тлателолко. Режим контроля за ракетами и ракетными технологиями).
31. Это подчеркивает один из активных сторонников подписания ДВЗЯИ, ученый-физик из Университета Каид-и-Азама П.Худбхой. См.: См.: Hoodbhoy P. Too Little and Too Late, But Sign CTBT Anyway. Pakistan-India: Nuclear Peace Reader. P.48-49.
32. The Frontier Post. February 2, 2000.
33. Jaspal Z.N. CTBT: Salient Features and Implications for Pakistan // National Development and Security, May 1999. P.67-68.
34. Это признает, например, бывший начштаба армии Пакистана генерал М.Аслам Бер: Aslam Beg M. Nuclearization of South Asia: Rational Diffusion of Holocaust. P.3.
35. Первая из них ориентировочно будет спущена на воду в 2004 г.
36. Ahmad Khan M. Nuclearisation of South Asia and its regional and Global Implications: Institute of Regional Studies. Islamabad, 1998. P.1; См.также: Aslam Beg M. Nuclearization of South Asia: Rational Diffusion of Holocaust. P.3.
37. The Frontier Post. August 8, 1999.
38. International Herald Tribune. January 18, 2000.

Экономика

Китай в свете тенденции глобализации и азиатского регионализма

© 2000

В. Михеев

Финансовый кризис 1997-1999 гг. поставил перед азиатско-тихоокеанским сообществом ряд острых вопросов: как эффективнее адаптироваться к вызовам глобализации мировой экономики и при этом использовать ее возможности для экономического роста, избежав негативных последствий глобализации? Каким образом синхронизировать экономическую и финансовую политику стран АТР и приступить к мониторингу внутрирегиональных и межрегиональных финансовых потоков с тем, чтобы уберечься от новых финансовых катаклизмов и вместе с тем не пойти по пути запретительного контроля над деятельностью иностранного капитала? Как, наконец, сочетать политику открытости – обязательной предпосылки и одновременно следствия растущей экономической взаимозависимости стран – с обеспечением национальных экономических интересов и экономической безопасности?

Своего рода азиатским вариантом ответа на глобальные экономические вызовы стал азиатский регионализм, отражающий усиливающуюся экономическую взаимозависимость стран АТР и их растущую общую заинтересованность в развитии азиатско-тихоокеанской экономической интеграции. При этом объективно в АТР существует три центра реальной либо потенциальной экономической интеграции, три главных игрока на региональном интеграционном поле: США, Япония и Китай, их доля в мировом ВВП составляет, соответственно, примерно 25, 15 и 3%. Роль США и Японии в развитии экономической интеграции в АТР достаточно ясна: интеграционное взаимодействие азиатских экономик раскручивается вокруг транснациональных американских и японских корпораций. А сверх того, в последние годы США пытаются каким-то образом институализировать региональную интеграцию в рамках форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). А вот Китаю еще предстоит определиться, какую роль и как именно он будет играть в экономике АТР.

Михеев Василий Васильевич, доктор экономических наук, заместитель директора ИДВ РАН.

В основу статьи положен доклад автора на Отделении международных отношений РАН 16 декабря 1999 г.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект N99-02-00052а.

Существующий разброс мнений о месте Китая в развитии азиатского регионализма весьма широк. От признания за Китаем в ближайшие 15-20 лет роли центра азиатской интеграции до предположений о том, что Китай может оказаться главной угрозой плавному и стабильному экономическому развитию региона.

Настоящий доклад ставит своей целью проанализировать значение Китая для азиатско-тихоокеанского региона в контексте глобализации мировой экономики и развития азиатского регионализма. Тем самым попытаемся задать новый ракурс анализу поведения той или иной страны, в нашем случае Китая, на международной арене, что, хотелось бы надеяться, позволит дополнить традиционное понимание международных процессов, достигаемое через призму геополитических построений, учетом влияния концепций многополярного или однополярного мира. Такой подход открывает возможность по-иному, в контексте растущей взаимозависимости мировой экономики, взглянуть на проблемы китайской экономики.

Понятие экономической глобализации

Глобализация мировой экономики с подачи американских ученых превратилась в конце 90-х годов в главную тему международных экономических и политических исследований. Аналитики предрекают доминирование данной тематики в научных изысканиях в ближайшие 10-20 лет. Достаточно сказать, что только в США в 1998-1999 гг. вышло более полутора книг, в названии которых фигурирует слово "глобализация".

Подходы разных исследователей к глобализации существенно расходятся. Одни видят в глобализации исключительно экономические преимущества. Другие говорят о тяжелых экономических и социальных последствиях глобализации: о распространении финансового кризиса из одной страны в другую, об утрате национального суверенитета в результате глобализации экономики, о фрагментации отсталых, прежде всего в научно-технической аспекте, стран и о непреодолимости существующих разрывов между бедными и богатыми.

На наш взгляд, глобализация представляет собой новое направление мирового развития, которое приходит на смену противоборству и соревнованию мирового капитализма и социализма после окончания "холодной войны".

Три измерения экономической глобализации

Глобализация мировой экономики видится в трех измерениях:

- как объективная тенденция мирового экономического развития;
- как цель, выдвигаемая политическим руководством ряда крупных развитых стран мира;
- как методология анализа экономического развития стран и международных экономических отношений. И не только анализа, но и выработки экономической стратегии на государственном уровне, а также на уровне предприятий, имеющих стабильные интересы за пределами национальной экономики.

Как объективная тенденция мирового развития экономическая глобализация отражает растущую взаимозависимость различных секторов мировой экономики. Растущую и вырастающую до такой степени, что развитие и стабильность одной экономики становятся невозможными без развития и стабильности других экономик, а также без постепенного формирования универсальных правовых норм хозяйственной жизни и механизмов регионального и глобального управления экономикой на основе рыночных принципов.

Как цель глобализация представляет собой сознательную политику государств, направленную на развитие экономической интеграции в мире и, в

конечном счете, на формирование единой мировой экономики. В такой плоскости вопрос ставится пока лишь в научных дискуссиях, а не на государственном уровне. И тем не менее перед мировым сообществом уже сегодня стоит задача выработки рационального подхода к глобализации, создания взаимовыгодных механизмов управления этой тенденцией, формулирования национальных интересов и осознания места каждой страны в этом процессе.

Как методология концепция глобализации предлагает аналитикам, хозяйственникам и политикам новую методологическую базу, опираясь на которую, можно лучше понять, в каком относительно состоянии находится экономика страны или хозяйство того или иного предприятия, “что такое хорошо” и “что такое плохо” для экономического развития государства или корпорации и что надо делать, чтобы, так сказать, хорошего стало больше, а плохого – меньше.

Экономическая глобализация. Необходимые понятия

Глобализация мировой экономики означает, во-первых, выход интересов национальных хозяйственных субъектов за национально-государственные рамки, создание и расширение сферы деятельности транснациональных экономических и финансовых структур. Во-вторых, – возвышение “частных”, национальных экономических проблем на глобальный, мировой, уровень видения, требующий – для решения этих проблем – учета мировых хозяйственных интересов и мобилизации мировых ресурсов. Иными словами, – требующий смотреть на мир как на единое экономическое пространство. В-третьих, – глобализация означает, что развитие экономической ситуации в ведущих странах оказывает влияние на другие государства, которые на первый взгляд непосредственно не зависят от благополучия мировых экономических лидеров. Наконец, в-четвертых, – глобализация как тенденция выводит на понимание необходимости координации в общемировых масштабах национальных экономических и финансовых политик, равно как и необходимости создания единого мирового правопорядка как условия стабильного мирового экономического развития.

Можно сказать, что глобализация мировой экономики отражает достигнутый мировым сообществом критический уровень экономической взаимозависимости на основе:

- экономической интеграции и нарастающего перемещения по миру капитала, товаров, рабочей силы;
- технологической интеграции, подталкиваемой мировым научно-техническим прогрессом;
- современной информационно-коммуникационной революции, связанной с созданием сверхскоростных транспортных средств и ультрасовременных средств связи, распространением в мире персональных компьютеров и сети Интернет.

За этим критическим уровнем ни одна из стран не может уже самостоятельно и при этом наиболее эффективным способом решать задачи социально-экономического развития.

Глобализация мировой экономики представляется более широким понятием, чем интеграция – именно потому, что экономическая глобализация обуславливает взаимозависимость даже напрямую интеграционно не связанных друг с другом частей мирового хозяйства. Например, несмотря на минимальные объемы экономического сотрудничества России с Юго-Восточной Азией, обвал на азиатских валютных и фондовых рынках косвенно – через поведение международного спекулятивного капитала – повлиял на финансовую ситуацию в России, ускорив банкротство финансовой политики, основывавшейся на спекулятивной пирамиде ГКО.

Экономическая глобализация имеет немало общего с таким понятием как интернационализация хозяйственной жизни. И то, и другое отражают рост экономической взаимозависимости мира. Вместе с тем интернационализация больше означает то, что национальные экономики обретают международные интересы, реализация которых требует многостороннего международного сотрудничества. Глобализация же делает акцент на том, что проблемы любой экономики, любого рынка, приобретают статус мировых, глобальных проблем и требуют для своего решения приложения не просто многосторонних, но всеобщих усилий. Интернационализация позволяет национальной экономике извлекать дивиденды из мирохозяйственных связей, тогда как глобализация говорит о невозможности успешно развивать национальное хозяйство без координации с мировой экономикой.

Глобализация и единая мировая экономика

Развитие идеи глобализации мировой экономики до своего логического завершения выводит на идею о Единой мировой экономике, политическим обрамлением которой является Единый мир. Вместе с тем сегодня еще сложись условия для создания Единой мировой экономики и Единого мира. Противоречие между усиливающейся *потребностью* нашего Мира в единой экономике и *господством* национально-государственной формы хозяйствования может быть определено в качестве основного противоречия современной эпохи, эпохи глобализации, – пришедшей на смену десятилетиям “холодной войны”.

Многообразие взглядов на способы снятия данного противоречия можно свести к четырем основным концепциям.

Первая – концепция создания единой мировой экономики и Единого мира через развитие и, впоследствии, объединение континентальных или региональных экономических и финансовых союзов, региональных валют и континентальных политических конфедераций. Роль примера для подражания призваны сыграть ЕС и НАФТА, евро и доллар. Расширение ЕС на Восток и преобразование НАФТА в единую Американскую зону свободной торговли в начале нынешнего века должны сопровождаться созданием и укреплением аналогичных группировок и конфедераций в других районах мира, например, АСЕАН, СНГ, какой-то вариант экономического союза в Северо-Восточной Азии и т.д. На следующем этапе, видимо, должна происходить интеграционная стыковка континентальных и региональных конфедераций, – скажем, объединение ЕС и НАФТА в “Новый трансатлантический рынок”. Дискуссии на эту тему активно ведутся по обе стороны Атлантики. На завершающем этапе все континентальные и региональные конфедерации сливаются в Единый мир с единой экономикой.

Вторая концепция выдвинута наиболее радикальными пропагандистами американской экономической и общественной модели. Они предлагают распространить американскую хозяйственную практику, американскую валюту, законодательство, экономические институты и т.д. на весь остальной мир. Страны, которые не примут новых условий, окажутся изолированными от мировой экономики и связи с ними будут минимизированы. Данная модель не предполагает немедленного всеобщего политического объединения и оставляет без внимания ряд существенных вопросов, в частности вопрос о том, будут ли, и если да, то с какого момента, граждане других стран-участниц новой хозяйственной системы иметь право избирать американского президента и американских законодателей.

Третья концепция предлагает исходить из сегодняшней реальности, не забегать вперед и постепенно содействовать глобализации посредством либерализации экономической и финансовой деятельности, расширения сферы от-

ответственности международных организаций, работающих на цели либерализации, таких, как ВТО, МВФ, и т.п.

Четвертая концепция настаивает на создании единого мирового экономического правопорядка и, на этой основе, развитии интернациональных институтов, позволяющих проводить скоординированную мировую социально-экономическую и финансовую политику. Вопрос о Едином мире, в политическом смысле, относится на потом и будет решен естественным образом, т.е. путем постепенного превращения экономической интеграции в политическую. В отличие от первой из упомянутых выше концепций, данная концепция не требует *обязательного* соблюдения региональной этапности – сначала региональные конфедерации, затем – единый мир. Дело в том, что сегодня, когда в мире существуют два крупных интеграционных объединения – ЕС и НАФТА, на которые приходится почти 40% мирового ВВП, экономическое развитие других стран не может происходить без взаимодействия с этими экономиками-лидерами. Отдельные страны и регионы могут быстрее интегрироваться в “уже объединенные между собой экономики” Европы и Северной Америки, чем развивать внутрорегиональную интеграцию. Создание, например, азиатского экономического и монетарного союза, азиатской конфедерации, является при этом хотя и возможным, но не обязательным условием перехода к единой мировой экономике.

На практике глобализация мировой экономики происходит, в той или иной степени, по всем из упомянутых вариантов. Расширение ЕС и НАФТА сопровождается увеличением числа стран-членов АСЕАН и попытками создать “связующие” трансконтинентальные структуры – типа АТЭС (связь рынка АСЕАН с рынком стран Северо-Восточной Азии, Австралии и Новой Зеландии, Северной и Южной Америки, России) и АСЕМ (связь Азиатского и Европейского рынков). Американский доллар доминирует в международных расчетах – на него приходится около 50% мировой торговли, почти 60% международных валютных резервов, 80% операций на мировых фондовых рынках. ВТО, МВФ и Всемирный Банк ведут постоянную работу по либерализации экономики. Страны все больше уделяют внимание проблемам выравнивания национальных условий хозяйственной деятельности и введения единых товарных стандартов.

Концепции азиатского регионализма

Глобализации мировой экономики предшествует или, напротив, противостоит, регионализм. Регионализм также означает взаимозависимость стран и выход интересов хозяйственных субъектов за национальные границы, однако ограничивается региональными рамками.

Открытый регионализм, рассматривающий экономическое развитие и интеграционное взаимодействие стран данного региона в контексте развития мировой экономики, находится в русле экономической глобализации. Служит своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации мировой экономики. ЕС и НАФТА представляют собой примеры такого открытого регионализма.

Регионализм закрытый, напротив, противодействует глобализации. Нацелен на защиту исключительно данного региона от негативных последствий глобализации. Представляет собой своего рода расширенную до региональных пределов автаркическую политику “опоры на собственные силы”. Примером закрытого регионализма может служить деятельность бывшего Совета Экономической Взаимопомощи. Возможно, что именно стратегия закрытого регионализма, взятая на вооружение бывшими странами-членами СЭВ, стала, наряду с другими известными факторами и обстоятельствами, причиной краха миро-

вой социалистической системы, оказавшейся неспособной адаптироваться к растущей экономической взаимозависимости стран мира.

Для России, учитывая ее геоэкономическое положение, наибольший интерес – как в теоретическом, так и в практическом аспектах – представляют и европейский, и азиатский регионализм. Нельзя только не считаться с тем, что в Европе концепция открытого регионализма уже сложилась и воплощается в жизнь в практических шагах стран Евросоюза по взаимному сближению и расширению на Восток, между тем как в Азии регионализм еще только ищет свои пути реализации

Особенность ситуации в сегодняшней Азии состоит в том, что здесь отсутствует межгосударственная структура типа ЕС. Возникающий вследствие этого политико-институциональный вакуум стимулирует поиск вариантов и направлений становления азиатского регионализма. Этот процесс происходит на двух уровнях – на уровне функционирования форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и на уровне субрегиональных интеграционных группировок – реально существующих (как АСЕАН) или только обсуждаемых на уровне концепций.

Проблема развития АТЭС состоит в том, что процесс институализации этой организации идет крайне медленно, встречая противодействие со стороны то тех, то других членов АТЭС. 21 стране-участнице далеко не всегда удается согласовать свое видение развития азиатско-тихоокеанской экономики. В разгар азиатского финансового кризиса проявилось было стремление стран-участниц АТЭС к налаживанию более обязывающей общерегиональной экономической и финансовой интеграции. Определенный толчок этому был дан на Куала-Лумпурском саммите форума АТЭС (ноябрь 1998 г.), где была признана необходимость проведения синхронизированной “стратегии роста через региональное сотрудничество”. Ближайшими целями такого сотрудничества были провозглашены преодоление последствий азиатского финансового кризиса, недопущение его повторения и предотвращение глобальной и региональной экономической стагнации. И хотя уже тогда, в Куала-Лумпуре, при переходе к рассмотрению конкретных сценариев углубления региональной интеграции азиатские государства проявляли скорее сдержанность и осторожность, чем стремительность и инициативу, определенные надежды на ускорение процесса региональной интеграции все же возникли. Однако на следующем саммите АТЭС (Оклэнд, сентябрь 1999 г.) в условиях преодоления, в той или иной мере в той или иной стране, финансового кризиса страны-участницы АТЭС уже не спешили развивать дальше идеи общеазиатской интеграции, уделив основное внимание вопросам политической безопасности в регионе в свете событий в Восточном Тиморе.

В этих условиях в АТР активизируются поиски идей и концепций развития субрегиональной экономической интеграции. Среди появившихся под воздействием азиатского финансового кризиса концепций азиатского регионализма, за редким исключением регионализма открытого типа, выделим следующие из них:

– Таможенный союз Японии и Южной Кореи – идея предложенная послом Японии в Сеуле в октябре 1998 г. и воспринятая официальными южнокорейскими властями с настороженностью. По мнению сеульского правительства, японская и южнокорейская экономики больше конкурируют, чем дополняют друга, и, следовательно, таможенный союз даст больше выгод более сильной Японии, чем Южной Корее. Позиция правительства, впрочем, разделяется далеко не всеми: южнокорейский бизнес предлагает свои концепции экономического регионализма в СВА.

– Экономический союз Японии, Южной Кореи и Китая – совместное предложение корейских и японских бизнесменов на их традиционной встрече в Токио в октябре 1998 г. Южнокорейские и японские ученые и бизнесмены выступают активными сторонниками этой идеи, видя в ней азиатский аналог НАФТА. Китай изначально отнесся к идее осторожно, резервируя окончательный ответ на будущее.

– Экономический “пятиугольник” в СВА на основе объединения капиталов и усилий Японии, Китая, Южной Кореи, Тайваня и Гонконга вокруг строительства газопровода из Иркутской области России в Азию – предложение южнокорейского бизнеса в ноябре 1998 г.

– Развитие интеграции в СВА на основе Туманганского проекта, осуществляемого с 1994 г. при содействии ООН силами Северной и Южной Кореи, Японии, Китая, России.

– Зона свободной торговли в Северо-восточной Азии – идея в той или иной форме, например в виде концепции “Нового рынка стран СВА”, выдвигавшаяся многими, в том числе и российскими учеными на протяжении 90-х годов и предусматривающая создание в перспективе экономического союза России, Японии, Китая, двух Корейских государств, Монголии. Проблема с реализацией этой идеи в том, что абсолютно не ясно, как Россия, Китай и Япония будут сочетать свои интеграционные устремления по другим направлениям (для России – это Европа, для Китая и Японии – Юго-Восточная Азия и США) с региональным сотрудничеством в рамках предложенной идеи. Попытка разрешить данную проблему путем привлечения к интеграции лишь регионов – Дальневосточных районов России и Северо-восточных провинций Китая – выглядит вроде бы уместной, однако ставит новый не простой вопрос: как надо перестроить – в соответствии с нуждами восточно-азиатской интеграции – внутренние связи между ориентированной на Запад экономикой России до Урала и интегрируемой в СВА экономикой России к востоку от Урала. Аналогичный вопрос можно поставить и применительно к Китаю.

– Российско-японский валютный и экономический союз – идея, отстаиваемая автором этой статьи, предполагает своего рода обмен. Россия *использует* (1) заинтересованность Японии в ресурсах Сибири и Дальнего Востока и (2) в российской территории как связующей зоны между Японией и ЕС, а также (3) озабоченность Токио угрозой потери международных позиций японской йеной на фоне появления европейской валюты евро, и “меняет” свои ресурсы, территорию (в смысле геоэкономического пространства, важного с точки зрения перевозки грузов между Японией и Европой) и готовность стать пионером в создании международной йеновой зоны на японскую помощь экономическому возрождению России. Доведенная до логического конца, данная идея выводит на необходимость разделения российской экономики на западную и восточную часть, создание по существу двух валютных зон и двух центральных банков – в Москве и на Дальнем Востоке – и в итоге слияния дальневосточного центрбанка с японским. Автор исходит из того, что не такого рода политика, а сохранение нынешних пагубных тенденций развития российской экономики представляют собой главную угрозу целостности Российской Федерации. Губернаторы крупных восточных регионов России вынуждены искать и уже ищут способы обеспечить экономическую безопасность своих областей и краев вне отношений с федеральным центром: создание собственных валютных резервов, введение областных таможен для внутрироссийской торговли, попытки поставить под свой контроль силовые структуры и даже армию, открытие регулярного сообщения с внешним миром в обход Москвы и т.д. Подобные поиски по сути своей содержат определенный запал сепаратизма. Экономически же процветающий Дальний Восток России, напротив, даже в условиях валютной и

экономической интеграции с Японией, больше заинтересован в сохранении Российского федерализма – как условия поддержания международной значимости России, ее граждан и ее регионов. Дополнительные аргументы в пользу выдвигаемой идеи дает взгляд на российскую экономику и российско-японское сотрудничество через призму глобализации мировой экономики и, пусть и отдаленных, перспектив создания единого мирового рынка. Проблема, однако, не только в том, стоит ли России идти на экономический союз с Японией, но и в том, как убедить Японию пойти на такое сотрудничество. Впрочем, аргументы ресурсов, территории, йеновой зоны и перспективы решения вопроса о Южных Курилах через валютный и экономический союз с Россией кажутся весьма весомыми.

– Создание Азиатского монетарного союза по аналогии с Европейским монетарным союзом и введение единой азиатской валюты – эта идея была выдвинута гонконгскими учеными и финансистами и стала активно обсуждаться в прессе с ноября 1998 г. Ее авторы признают, что требуется тщательное изучение этой проблемы, в частности на предмет того, какая валюта – йена или юань – должна стать основой единой финансовой системы в Азии.

– Создание Азиатского валютного фонда для самостоятельного, без участия МВФ, решения кризисных финансовых ситуаций. Предложение о создании АВФ было выдвинуто Японией в сентябре 1997 г. на сессии МВФ в Гонконге. Токио был готов внести половину из 100 млрд. долл., необходимых для начала работы АВФ, вторую половины должны были бы вложить другие азиатские участники нового регионального фонда. Первоначально многие страны (включая Южную Корею, но при выжидательно-сдержанной реакции Китая) воодушевлено отреагировали на Токийскую инициативу. Однако негативное отношение к АВФ со стороны МВФ и США, продемонстрированное на ноябрьской 1997-го года встрече министров финансов стран АТЭС в Маниле, затормозило развитие идеи. В конце 1998 г. Япония возобновила международное лоббирование АВФ. Активным сторонником идеи и реальным партнером Токио готов стать Сеул, в ноябре 1998 г. поддержавший – устами своего премьер-министра Ким Чжон Пхилия – идею АВФ. Похоже, что начинает меняться и отношение к АВФ со стороны МВФ и США, убедившихся в сложности азиатских финансовых проблем, как и в том, что решить их силами одного МВФ трудно и обременительно, в том числе и для бюджета США – главного донора МВФ (19% всех взносов). Если к начинающей формироваться финансовой оси Сеул-Токио присоединятся Тайвань и АСЕАН, то и без участия Китая, идея об АВФ может стать реальностью. Такая перспектива не может не влиять на финансовую политику китайского руководства.

– Валютный союз стран АСЕАН – это предложение было выдвинуто Малайзией в начале 1998 г. и нацелено на создание единой валюты стран АСЕАН на базе сингапурского доллара или новой коллективной валюты с тем, чтобы противостоять долларизации азиатской экономики. Пожалуй, предложение Малайзии единственное, которое по своему духу может быть отнесено к разряду закрытого регионализма. Введение Малайзией в сентябре 1998 г. жесткого валютного контроля и контроля над иностранным капиталом подтверждает такое предположение. Малайзийская идея была похоронена другими странами АСЕАН, которые после экономического и политического коллапса в Индонезии – не формальном лидере АСЕАН в недавнем прошлом – предпочитают более широко подходить к проблемам азиатского регионализма, делая ставку больше на сотрудничество с Японией, США, ЕС, чем на внутри АСЕАН-овскую интеграцию, охватывающую лишь около 20% объема внешнеэкономических связей стран-участниц.

– Создание мини-зон двусторонней свободной торговли, выходящих за рамки азиатского региона. В эту концепцию вписываются намерения Южной Кореи заключить соглашения о свободной торговле с Чили, ЮАР, Турцией и другими странами. Данный вариант кооперации строится не на факторе геоэкономической близости, а на взаимодополняемости экономик стран-партнеров. Реализация подобных идей может быть определена как глобализация азиатского регионализма, его выход за континентальные рамки.

– Институализация работы межконтинентальных форумов: АТЭС (с участием 21 страны Азии и Америки, а также России) и АСЕМ (страны Азии и ЕС, без России и США). Недавние Форумы АТЭС и АСЕМ (апрель 1998 г., Лондон), однако, показали, что эти организации пока больше служат местом для обмена мнениями между государственными лидерами из различных регионов мира, чем обнаруживают готовность к практической координации экономической и финансовой политики стран-участниц.

– По аналогии с данными двумя межконтинентальными форумами, в рамках которых обсуждаются идеи открытого регионализма, можно было бы предложить ежегодное проведение еще одного форума – между странами СНГ и Азии (АСИС). Первоначально форум служил бы целям обмена мнениями и сверки курсов экономического развития между Россией и другими странами СНГ, с одной стороны, и Японией, Китаем, АСЕАН, Южной и Северной Кореей, Индией и другими заинтересованными странам – с другой.

В контексте рассмотрения проблем азиатского регионализма особо необходимо выделить итоги ноябрьского саммита в Маниле по формуле АСЕАН плюс три (Япония, Китай, Южная Корея). На мой взгляд, историческое значение этого саммита состоит, во-первых, в том, что на нем впервые на столь высоком уровне, пусть и в постановочной форме, была представлена схема развития азиатского регионализма – таможенный союз стран АСЕАН и трех стран Восточной Азии, далее – общий рынок стран АСЕАН и трех стран Восточной Азии, далее – единая валюта и единая экономика. А, во-вторых, в том, что Китай, опять же впервые и на таком уровне, согласился участвовать в развитии многосторонней экономической интеграции, к чему раньше китайские лидеры относились весьма и весьма осторожно.

Конечно, пока манильские заявления не более чем декларации о намерениях, однако они дают определенное представление о том, каким путем может развиваться экономическая интеграция в АТР, о том, какое место в этом процессе может занимать Китай, а также заставляют Россию более определенно реагировать на современные тенденции в АТР.

Обобщая появившиеся в конце 90-х годов под воздействием азиатского финансового кризиса концепции азиатского регионализма, можно проследить три основных подхода к проблеме. Первый рассматривает общеазиатскую экономическую и финансовую интеграцию в качестве альтернативы американскому и западноевропейскому доминированию на мировых и азиатских рынках. Переход ряда стран Евросоюза на единую валюту и закончившаяся финансовым крахом, как считают многие в АСЕАН, чрезмерная зависимость азиатских экономик от американского доллара, подтолкнули сторонников “азиатизации Азии”, в основном из Юго-Восточной ее части, к разработке различных концепций создания единой азиатской валюты и единого азиатского рынка.

Второй подход, разделяемый японскими экономистами, также рассматривает азиатско-тихоокеанскую экономику в перспективе как единое экономическое и финансовое пространство. Однако не противостоящее североамериканской или западноевропейской интеграции, а способное в будущем стать своего рода азиатским дополнением к ЕС и НАФТА, позволяющим в еще более отдаленной перспективе перейти к единому мировому рынку. В качестве пер-

вого шага на пути реализации этой модели азиатского регионализма Токио предлагает, как уже отмечалось, создание Азиатского валютного фонда – регионального аналога МВФ.

Третий подход исходит из поэтапного развития азиатской экономической интеграции на субрегиональных уровнях. Руководители АСЕАН – до последнего финансового кризиса – видели именно свою ассоциацию в качестве своего рода первопроходца азиатского регионализма. Однако азиатский финансовый кризис, подорвавший экономику Юго-Восточной Азии, и сохраняющаяся нестабильность в Индонезии, геоэкономическом лидере АСЕАН, делают проблематичными надежды стран Ассоциации стать субрегиональным эпицентром азиатско-тихоокеанской экономической интеграции.

С другой стороны, обозначается движение к налаживанию интеграционного сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Стержнем создания в перспективе Северо-Восточного азиатского рынка, как это видится с позиций сегодняшнего дня, реально может стать активно развивающееся в 1999 г. японо-южнокорейское экономическое взаимодействие с подключением к нему в будущем Китая или, по крайней мере, особых экономических районов Китая, дальше других сегментов китайской экономики продвинувшихся по пути рынка и открытости.

Вместе с тем стремление Японии взять на себя роль азиатского лидера, вокруг которого могли бы раскручиваться региональные интеграционные процессы, не встречается пока широкого отклика в Азии, за исключением Сеула. Другой же потенциальный экономический лидер АТР – Китай пока еще не готов к роли регионального интеграционного локомотива, но, похоже, не готов и быть ведомым Японией.

В целом, азиатский регионализм сталкивается сегодня с двумя дилеммами: как правильно увязать интеграционные внутрорегиональные связи с традиционным жизненно важным сотрудничеством с США, во-первых. И как обеспечить безболезненное сочетание продолжающегося исторического процесса пост колониальной самоидентификации азиатских наций с признанием ключевой роли Японии в развитии азиатского регионализма – во-вторых.

Персонификация международных отношений

Глобализация мировой экономики приводит в действие еще одну новую тенденцию современности – тенденцию персонификации международных отношений. Выход интересов хозяйственных субъектов за национальные рамки и растущая мировая взаимозависимость обуславливают становление дополнительных, наряду с национальными государствами и международными организациями, источников внешнеполитической инициативы – частных корпораций, в лице их руководства, и самого Человека, конечного потребителя создаваемых экономикой товаров и услуг. Эти интересы могут не совпадать или вступать в противоречие с национально-государственными интересами в трактовке тех политических сил, тех политических деятелей и поддерживающих их бюрократических и аналитических структур, которые в данный момент находятся у власти в данной стране.

Персонификация международных отношений, означая появление новых субъектов международной жизни – корпораций и Человека – формирует новые вызовы мировому сообществу и требует создания надлежащей глобальной политико-правовой инфраструктуры учета их (корпораций и Человека), независимых от государства, международных интересов. Не случайно сегодня тема “теории и практики внешней политики международных и национальных корпораций” находится, наряду с проблемами глобализации, в числе приоритетных тем мировых научных изысканий.

С другой стороны, персонификация международных отношений позволяет частным лицам, не связанным с правительствами и не работающим на политические партии, выражать свою озабоченность международной безопасностью, формировать, формулировать и отстаивать собственные внешнеполитические интересы. Именно такая личная обеспокоенность отдельных людей судьбами мира открывает возможность инициировать и проводить международные неправительственные обсуждения многих острых мировых проблем, подготавливая тем самым и последующие межгосударственные решения – в том числе и в отношении рассматриваемых нами проблем экономической глобализации и регионализма и места в них Китая и России.

Персонификация международных отношений требует от правительств большей прозрачности во внешней и внешнеэкономической политике, более широкого участия граждан и корпораций в ее разработке и обсуждении.

Китайский подход к глобализации

Китайский подход основывается на известном принципе разделения политики и экономики. В политической глобализации Китай усматривает угрозу вмешательства Запада в его внутренние дела по таким вопросам, как независимость Тибета и Тайваня, права человека, реформирование политической системы, обеспечивающей ныне власть Компартии Китая. В таком контексте Китай трактует глобализацию не иначе, как опасный и неприемлемый для Китая новый вариант гегемонизма, или, говоря словами председателя КНР Цзян Цэминя, как “неоинтервенционизм”.¹ В экономической глобализации Китай ищет возможности для экономического роста, причем желательно без ущерба для национального суверенитета.

В работах китайских ученых, занимающихся разработкой проблематики глобализации, доминирует больше утилитарный, нежели теоретический, подход, который скорее ближе к подходам азиатских НИДС, нежели развитых или развивающихся государств. Однако существенным отличием китайских исследований глобализации является присутствие в них темы взаимоотношений китайского социализма и глобальной экономики.

Профессор Лю Кан, отмечая, что Китай остается пока социалистической страной и при этом демонстрирует высокие темпы экономического роста, считает, что Китай представляет собой “вызов глобализации”, трактуемой как “результат развала социализма советского типа”.² “Китайский вызов глобализации, – пишет Лю Кан, – может быть истолкован в двух аспектах: первое, как вызов глобальному капитализму как идеологии и затем как вызов новому мировому порядку. Китай, будучи глубоко интегрированным в глобальную экономическую систему, сохраняет свою идеологическую и политическую самоидентификацию как страна третьего мира и как социалистическая страна”.³ Рассматривая глобализацию, в ее понимании на Западе, как “стратегию легитимизации идеологической гегемонии глобального капитализма”,⁴ Лю Кан усматривает в китайском опыте возможность постановки вопроса о “некапиталистических альтернативах капиталистической глобализации”.⁵ По мнению китайского ученого, такая постановка вопроса может задать новое направление теоретическим исследованиям в Китае.

Профессор Дин Цзинпин связывает участие Китая в экономической глобализации с началом проведения политики “открытости” в 1978 г.⁶ Ученый полагает, что более активное участие Китая в процессах глобализации относится к 90-м годам и связано с возрастанием доли внешней торговли в ВВП страны (до 30%)⁷, притоком иностранного капитала, увеличением числа поездок китайских граждан за рубеж и числа иностранных граждан, посещающих Китай, вовлечением Китая в обмен международной информацией. Дин Цзин-

пин считает, что глобализация несет Китаю плюсы и минусы, содержит преимущества и недостатки, с точки зрения развития китайской экономики. К преимуществам глобализации ученый относит рост объемов внешней торговли Китая, увеличение национального ВВП, создание новых рабочих мест, приток в бюджет страны налоговых платежей, осуществляемых иностранными компаниями (около 10% всех налоговых поступлений в бюджет).⁸ К негативным последствиям глобализации для китайской экономики Дин Цзинпин относит: (1) особое, "экстранациональное",⁹ отношение к иностранным компаниям, которое создает у китайцев ощущение, что иностранцы более желанны для страны, чем свои люди, (2) завышение иностранными компаниями стоимости ввозимого в Китай оборудования, которое составляет до 70% всего объема иностранных инвестиций, в результате чего китайский экспорт за рубеж, более половины которого приходится на компании с иностранным участием, оказывается недооцененным, и китайские предприниматели несут убытки, (3) захват иностранцами большей доли собственности в совместных предприятиях, что, по мнению многих китайцев несет в себе стратегические угрозы, (4) загрязнение окружающей среды вследствие того, что иностранные инвесторы меньше внимания обращают на проблемы защиты окружающей среды в Китае, чем в своих странах, (5) обострение торговых противоречий с США и другими развитыми странами вследствие переноса в Китай трудоемкого производства из Гонконга и Тайваня, уменьшившего (переноса) в свою очередь торговые трения между Гонконгом и Тайванем, с одной стороны, и США - с другой, по поводу дешевой трудоемкой продукции, (6) увеличивающийся разрыв в уровне социально-экономического развития между прибрежными и внутренними (более отсталыми) районами Китая. В целом, однако, по мнению Дин Цзинпина, "Китай больше извлек выгоды из глобализации, чем понес потерь, благодаря правильной политики адаптации к глобализации".¹⁰ "Местная культура и традиции, - считает ученый, - не противостоят глобализации, в случае если между ними обеспечивается баланс, хорошим примером чего служит опыт Японии и Южной Кореи".¹¹

Ван Хэсинь, признавая, что "глобализация является тенденцией развития современного мира", вместе с тем отмечает, что "люди из разных стран мира, прежде всего из развивающихся государств, не обладают на сегодня достаточными знаниями и представлениями о глобализации".¹² Ван Хэсинь также обращает внимание на преимущества и негативные последствия глобализации. К первым он относит открываемую глобализацией возможность для развивающихся стран осуществить индустриальную перестройку экономики, получить доступ к современным технологиям и богатым рынкам, следовать в русле основных тенденций развития мировой экономики. К негативным последствиям автор относит, в частности, распространение начавшегося в Таиланде азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. на другие страны Азии и его косвенное влияние на китайскую экономику. В этом контексте Ван Хэсинь призывает с осторожностью относиться к таким компонентам экономической политики Китая, связанным с экономической глобализацией, как финансовая либерализация и дерегулирование банковской сферы. "Несмотря на необратимый характер глобализации, - пишет китайский ученый, - необходимо проводить экономическую политику в соответствии с конкретными обстоятельствами и не забывать о тех приемах, которые могут уменьшить риски глобализации".¹³

Юань Цзянь, ссылаясь на высказывание Дж. Сакса о том, что "краеугольным камнем политических вызовов глобализации является влияние торговли на распределение доходов", посвящает свое исследование влиянию глобализации на развитие американской промышленности и динамику заработной платы американских рабочих.¹⁴ В результате исследований автор приходит к выводу, что либерализация мировой торговли наряду с преимуществами создает ре-

альные угрозы для американской экономики. В зависимости от того, насколько США “удастся справиться с негативными социально-экономическими последствиями глобализации ... будет зависеть общий подход США к проблеме дальнейшей либерализации мировой торговли”, – пишет автор.¹⁵

Так же, как и в новых индустриальных и демократизирующихся странах Азии, в Китае появлению новых подходов к практическим аспектам глобализации способствовал азиатский финансовый кризис 1997-1998 годов. Китайские ученые, задумываясь о причинах и экономических последствиях, стали больше говорить о необходимости корректировки китайской политики открытости. В частности, о необходимости поддержания баланса между открытостью и либерализацией внутренних рынков, с одной стороны, и темпами осуществления реформы промышленности и реформы китайского банковского сектора – с другой.

Так, известный китайский экономист Фань Ган пишет: “Многие сторонники глобализации считают, что глобализация путем притока капиталов и передачи технологий предоставляет развивающимся странам шанс. Это не вызывает сомнений ... Однако в реальной жизни такое утверждение не совсем точно. Перед нами встает вопрос: почему экономики большей части развивающихся стран не получают должных выгод от глобализации, а, напротив, испытывают бедность, социальную нестабильность, финансовые потрясения и экономические кризисы? Почему большая часть прежних колоний, где степень либерализации была высокой, оказалась в рядах отсталых стран? Почему такое хорошее дело, как глобализация, всегда высоко ценится правительствами и международными организациями развитых стран, а развивающиеся страны относятся к ней с подозрением или принимают ее не без колебаний?”¹⁶ Фань Ган вводит понятие “неравного положения в глобализации”, под которым он понимает то обстоятельство, что развитые страны получают больше дивидендов от глобализации, чем развивающиеся. Однако в отличие от ряда авторов из развивающихся государств, возлагающих ответственность за неравенство в глобализации на развитые страны, Фань Ган полагает, что менее развитые экономики, в том числе и китайская, сами должны искать пути преодоления такого неравенства и прежде всего обратить внимание на соответствие степени открытости экономики, требуемой глобализацией, внутренним возможностям страны успешно участвовать в глобальной конкуренции. При этом, по мнению китайского ученого, необходимо исходить из того факта, что “вся экономическая теория построена на основе ограничения условий ... любые чрезмерные изменения приводят к нарушению равновесия ... иногда при прочих равных условиях (в случае полных изменений – В.М.) возможен даже худший результат, чем при неполных изменениях”.¹⁷ Фань Ган в качестве разумного ответа на вызовы глобализации со стороны Китая предлагает “сбалансировать реформу и открытость”, добиваться “скоординированной открытости” посредством “искусства экономической политики”. “Ты должен, – пишет Фань Ган, – открываться, однако думать при этом о реформе внутри страны и развитии экономики в целом, нельзя действовать слишком быстро, нельзя чрезмерно открываться”¹⁸.

Проблемы китайской экономики в свете глобализации и азиатского регионализма

В конце 90-х годов Китай столкнулся с принципиально новыми экономическими проблемами, связанными с его вовлеченностью в мировую экономику, влиянием мировых экономических процессов на экономику Китая и обратным влиянием того, что происходит в китайской экономике, на азиатско-тихоокеанское и мировое хозяйство. К таким острым проблемам относятся пробле-

мы дефляции, государственного долга, реформирования банковской системы и государственных предприятий, выбор оптимального валютного курса, поддержание темпов роста экспорта, обеспечение энергетической безопасности, рост безработицы. В свете экономической глобализации эти проблемы китайской экономики выглядят следующим образом.

Дефляция

Проблема дефляции за последние два года превратилась в одну из серьезнейших проблем мировой экономики. В 1998 г. уже и в Китае впервые наблюдалось падение внутренних цен. Опасность дефляции в том, что вслед за падением цен наступает падение внутреннего спроса, чреватого в условиях рыночной экономики снижением деловой активности и падением производства. В Китае одним из факторов дефляции стало сокращение в 1998-1999 гг. практически до нуля темпов роста экспорта (с сентября 1999 г. рост экспорта возобновился, в том числе по причине укрепления японской йены) – как косвенного следствия азиатского финансового кризиса – в результате чего увеличилось предложение товаров на внутреннем рынке без соответствующего увеличения платежеспособного спроса. Китайская экономическая мысль внимательно следит за тем, как решаются проблемы дефляции в развитых странах. На вооружение, как представляется, берется японская модель увеличения внутреннего спроса за счет крупных инвестиций в общественные работы – строительство дорог, мостов, дамб, а также в жилищное строительство.

Государственный долг

Стимулирование роста внутреннего спроса за счет крупных государственных расходов приводит к росту дефицита государственного бюджета, который, по официальным данным, возрос с 0,8% ВВП в 1996 г. до 1,2% ВВП в 1998 г. и, предположительно, до 1,8% ВВП в 1999 году.¹⁹ Учитывая же, что в Китае традиционно относят в доходы бюджета поступления от реализации государственных ценных бумаг государственным банкам, реальный дефицит госбюджета возрастает до 20% ВВП. Вместе с тем на фоне других азиатских экономик ситуация с государственными финансами в Китае не выглядит столь плохой. Большой резерв для инвестиций в экономику составляют частные накопления, достигающие 60% ВВП, а общий объем внутреннего и внешнего государственного долга находится лишь на уровне 32% ВВП. Эти обстоятельства, равно как и 150-миллиардные (в долларах США) валютные резервы Китая, позволяет международным компаниям, занимающимся оценкой инвестиционных рисков, считать общую финансовую ситуацию в Китае не столь уж и плохой.

Реформирование банковской системы

На этом аспекте китайской экономики хотелось бы остановиться по-подробнее.

Интеграция Китая в мировую экономику и поиск новых источников финансирования китайской реформы побуждают руководство страны идти на реформирование наиболее закрытого и консервативного сектора экономики – банковской системы. Будучи почти на 90% подконтрольной государству, банковская система Китая держит на голодном пайке частный сектор, направляя более 75% выделяемых кредитов исключительно государственным предприятиям.

Если взглянуть на финансово-банковский сектор Китая с позиций развитой рыночной экономики, то можно выделить следующие его слабые компоненты.

Во-первых, это большой объем невозвратных ("плохих", т.е. просроченных и безнадежных) кредитов. По разным оценкам, он достигает от 200 до 400

млрд. долл., что составляет от 20% до 45% остатка непогашенных кредитов (902 млрд. долл. на конец 1997 г. и 1042 млрд. долл. на конец 1998 г.) и примерно такую же долю от ВВП Китая (900 млрд. долл. в 1997 г. и 960 млрд. долл. в 1998 г.). Данный показатель выше, чем в других странах Восточной Азии — Японии, Южной Кореи, на Тайване. Главная причина “плохих кредитов” кроется в сохраняющихся элементах планирования, наложенных на систему рыночных отношений.

Несмотря на то, что с начала 1998 г. директивно планировавшиеся “лимиты кредитования” были отменены и коммерческие банки стали более свободны в своей кредитной политике, так называемое “направляющее”, т.е. индикативное, планирование для государственных банков сохранилось. К примеру, в апреле 1998 г. индикативный годовой план прироста кредитования основных фондов для госбанков был увеличен с 270 млрд. юаней 370 млрд. юаней (8,3 юаня = 1 долл.). Кроме того, государственные банки просто обязываются правительством финансировать государственные предприятия вне зависимости от результатов их хозяйственной деятельности. Доля “плохих долгов” государственных предприятий в общем объеме “плохих долгов” составляет около 70% по долгосрочным и 55% по краткосрочным кредитам.

Во-вторых, это — неэффективное использование кредитных ресурсов. Отношение показателя M2 (деньги в обращении плюс все депозиты) к ВВП достигло в настоящее время 130% — один из самых высоких показателей в мире. При этом объем депозитов населения в банках составляет более 600 млрд. долл. (по 500 долл. на душу населения), т.е. свыше, как уже отмечалось, 60% ВВП. Задача превращения сбережений в инвестиции является одной из ключевых для китайской банковской системы. Ее решению препятствует монополия четырех государственных банков, на которые приходится 90% сбережений и более 80% инвестиций, на рынке капиталов. Государственные банки финансируют в основном государственные предприятия, куда в 90-е годы поступало 85-90% всех выданных госбанками кредитов, и продолжают настороженно относиться к частному бизнесу — хотя его конституционный статус был де-юре закреплён китайскими законодателями в 1988 г. и вновь подтвержден в 1998 году.

В-третьих, низкий уровень такого показателя банковской надежности как “доля собственного капитала в общих активах” (“capital adequacy ratio”), или “норматив достаточности капитала”, по российской банковской терминологии. По разным оценкам, только в 1999 г. Китай должен будет выпустить специальных казначейских обязательств на сумму от 30 (официальные расчеты) до 60 млрд. долл. (оценки иностранных финансовых аналитиков) для того, чтобы довести этот показатель по четырем крупнейшим банкам до уровня 6%, рекомендованного ОЭСР для стран-членов этой организации. Для того чтобы повысить его до 10%, т.е. до уровня, считающегося приемлемым для развивающихся государств, — Китаю потребуется порядка 100 млрд. долл. (около 10% ВВП Китая).

В-четвертых, высокие затраты на рабочую силу и небольшая производительность труда в китайских банках. В банковском секторе Китая, в 150 тыс. банков и их отделений, занято 1,7 млн. работников. По показателю “отношение активов к числу занятых”, порядка 750 тыс. долл., Китай отстает от всех стран мира. Четверка наиболее крупных китайских банков тратит на оплату труда банковских служащих от 85 до 90% своих доходов.

Другими слабыми элементами китайской финансовой системы являются:

- отсутствие свободной торговли национальной валютой (за исключением экспортно-импортных операций);
- поддержание по существу привязанного к американскому доллару курса юаня за счет валютных резервов, объем которых, впрочем, является одним из самых больших в мире;

– ограничения на приток иностранных портфельных инвестиций: в Китае существует разграничение фондового рынка на два сегмента, на главный из которых иностранные инвесторы не допускаются;

– сложная многодневная процедура вывоза иностранцами капиталов из страны (за исключением платежей по текущим операциям).

Дополнительную проблему для Китая представляет собой финансовая система Гонконга, играющая роль связующего моста между китайской экономикой и мировым финансовым рынком и к тому же весьма развитая и открытая по международным стандартам. Поддержание в равновесии фондового и валютного рынка Гонконга жизненно важно для Китая. И несмотря на собственные большие валютные резервы (порядка 80 млрд. долл.) этого нового Особого административного района Китая, решение данной задачи требует от Пекина постоянного внимания к развитию финансовой ситуации в Гонконге и определенных финансовых затрат, необходимых для того, чтобы защитить гонконгский доллар от периодических атак международных финансовых спекулянтов.

Вместе с тем у китайской финансовой системы есть свои факторы стабильности. “В слабости сокрыта сила” – это утверждение может быть полностью применено к финансовой системе Китая. Ключ к пониманию парадокса состоит, как уже отмечалось, в соответствии недостаточно развитой финансовой системы Китая недостаточно свободным рыночным отношениям. Именно закрытость китайских фондовых рынков от внешнего мира, государственная опека ведущих банков и отсутствие свободной торговли валютой позволили Китаю не попасть под прямые удары Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.

Слабо развитая, по современным меркам, финансово-банковская система Китая не допустила в дни апогея азиатского финансового кризиса катастрофического оттока из страны спекулятивного капитала и обвала китайской банковской системы с тяжелейшими социальными последствиями, связанными с неизбежной волной протестов со стороны частных вкладчиков. Эта система оказалась в состоянии не допустить девальвации юаня и позволяет до сих пор не прибегать к ней. Последнее обстоятельство имеет для Китая большое политическое и экономическое значение. Устойчивость китайской валюты на фоне девальвации национальных валют в странах-соседах по региону, безусловно, подорвала позиции китайских экспортеров на азиатских и мировых рынках. Уже упоминавшееся выше замедление в 1998 г. – начале 1999 г. практически до нулевой отметки темпов роста экспорта из Китая стало главным негативным, однако, косвенным, последствием финансового кризиса в Азии для китайской экономики. Но, с другой стороны, твердость Китая в поддержании стабильного курса юаня и его усилия по поддержанию гонконгского доллара повысила политические акции страны в регионе. Политический выигрыш ценой краткосрочных экономических потерь может помочь Пекину заручиться региональной поддержкой при решении вопроса о вступлении страны в ВТО.

Вместе с тем азиатский финансовый кризис более рельефно поставил вопрос о необходимости реформирования китайской финансовой системы. Китайскому руководству стало ясно, что при существующей слабости китайских банков открытие финансовой системы внешнему миру опасно повторением азиатского кризиса, но уже на китайской территории. С другой стороны, без большей степени финансовой открытости и без финансовой либерализации трудно рассчитывать на массивный приток новых иностранных инвестиций. Вывод был сделан весьма логичный: чтобы открыться, надо укрепиться, т.е. избавить финансовую систему от ее ключевых проблем – тормозов развития.

Происходящее в современном Китае реформирование финансово-банковской системы преследует две главные цели: укрепление самой этой системы для ее дальнейшей либерализации и поддержание соответствия между

банковской системой и проводимой политикой в реальном секторе экономики. Здесь можно выделить следующие ключевые ходы:

– Усиление позиций и реформирование работы Народного Банка Китая (НБК), китайского центрбанка. В Китае предполагают превратить со временем НБК в подобие американской Федеральной Резервной Системы. НБК надеется строже наблюдать за операциями коммерческих банков через сеть своих недавно укрупненных региональных отделений, обеспечив последним независимость от местных органов власти. Двумя первоочередными задачами НБК являются дерегулирование режима установления процентных ставок и эффективное проведение политики в отношении формирования процентных ставок.

– Повышение надежности и эффективности работы четырех главных государственных банков. В целях снятия с них нагрузки по кредитованию затратных государственных финансовых проектов и нерентабельных государственных предприятий в Китае были созданы три так называемых “политических банка”, задачей которых стало финансирование реальной экономики за счет в основном бюджетных средств. Образуются также специальные финансовые “агентства по управлению активами”, которым передаются невыплаченные госпредприятиями кредиты “большой четверки” государственных банков. Последние тем самым освобождаются от тяжелого бремени. Агентства же должны будут заниматься реструктуризацией и продажей “плохих кредитов”.

– В целях поощрения развития частного предпринимательства китайские власти стимулируют создание в стране частных банков. На повестке дня вопрос о либерализации фондового рынка, необходимой для увеличения притока иностранных портфельных инвестиций.

– Для стимулирования внутреннего спроса в Китае предпринимаются попытки побудить вкладчиков тратить свои сбережения. Проценты по депозитам в последнее время существенно снижены, в августе 1999 г. объявлено о введении налога на проценты по вкладам. Создается система кредитования частного жилищного строительства. Приобретение жилья китайскими гражданами за счет использования части из 600 млрд. долл. на частных депозитах видится властям путем решения двух глобальных проблем в комплексе: проблемы ликвидности и жилищной проблемы.

Провозглашение реформ банковской системы и системы государственных промышленных предприятий еще не означает их успех. В Китае, как мы отмечали выше, накоплен опыт поддержания адекватности финансового и реального секторов экономики, однако намеченные реформы фактически требуют усиления роли частного предпринимательства при соответствующем уменьшении реальной власти государственных административно-бюрократических структур и, следовательно, ослаблении социально-политического статуса возглавляющих их людей.

Реформа государственных предприятий и рост безработицы

Стремление Китая повысить эффективность национального хозяйства и его конкурентоспособность на мировых и азиатских рынках подталкивает Пекин к серьезным структурным реформам государственного сектора экономики. В их центре – реформа крупных государственных промышленных предприятий, основы социалистической экономики страны. Реформе предшествовало изучение зарубежного опыта управления крупным производством. За образец для использования в китайских реалиях были выбраны южнокорейские крупные промышленные корпорации – чэболь. Однако данная реформа, как и любая структурная перестройка, не обходится без социальных издержек: в Китае наблюдается всплеск безработицы. В настоящее время в Китае насчитывается около 5 млн. официально зарегистрированных безработных в городах, плюс

еще около 30 млн. городского населения, не зарегистрированного в качестве безработных, но являющегося таковым по данным специальных китайских социологических исследований, плюс около 180 млн. безработных в сельской местности.

В свою очередь рост числа безработных ведет к увеличению количества нелегальных мигрантов из Китая в соседние страны Юго-Восточной Азии, США, Японию и Россию. По данным региональных миграционных служб России, ежегодно порядка 35-50 млн. китайцев нелегально остаются в России на заработки. Учитывая численность китайского населения, даже незначительное – в процентном отношении – увеличение потока нелегалов в соседние страны не просто осложняет социальную обстановку в последних, но и превращает проблему китайских нелегальных иммигрантов в проблему регионального уровня.

Задача увеличения экспорта и проблема валютного курса

Приостановка роста китайского экспорта и относительное падение конкурентоспособности китайских товаров стало косвенным следствием азиатского финансового кризиса. Кризис вызвал обвал ряда азиатских валют и тем самым, во-первых, поставил экспортеров из этих стран в более выгодное по сравнению с китайскими конкурентами положение на мировых и региональных рынках. А, во-вторых, уменьшил импортный спрос азиатских государств на китайскую продукцию. С точки зрения национальных интересов китайской экономики, естественным ответным ходом Китая должна была бы стать девальвация китайского юаня, что восстановило бы азиатские и мировые позиции китайского экспорта. Однако мощное политическое давление на Китай его соседей по региону с требованиями не девальвировать юань и опасения самого китайского руководства относительно того, что девальвация юаня может вызвать новую волну региональных финансовых потрясений с новыми негативными последствиями и для китайской экономики, удержали Пекин от на первый взгляд очевидного шага – девальвации национальной валюты вслед за девальвацией азиатских валют.

Китай попытался компенсировать потери от не девальвации другими шагами глобального характера. Пойдя на определенные уступки США при заключении в конце 1999 г. китайско-американского торгового соглашения, Китай открыл себе путь в ВТО. Все плюсы и минусы этого шага, а также плюсы и минусы вступления Китая в ВТО еще требуют своего изучения. Вместе с тем, китайское руководство исходит из того, что “потери от неучастия в ВТО для Китая превышают неизбежные издержки от вступления в ВТО”. Китай полагает, что наиболее уязвимым окажется его сельскохозяйственный сектор, где в первые годы после вступления КНР в ВТО следует ожидать сокращения занятости на 2%. В тоже время Китай ожидает, что вступление в ВТО в первые 5 лет членства Китая в этой организации даст дополнительно 1,5 процентных пункта прироста ВВП Китая, 27 процентных пункта прироста экспорта и 26 – импорта, 2 процентных пункта прироста инвестиций. После решения задачи о вступлении в ВТО Китай может пойти и на 20-30%-ую девальвацию юаня в целях дальнейшего повышения конкурентоспособности своих товаров.

Исследование реальных последствий для китайской экономики вступления КНР в ВТО превращается сегодня в одну из приоритетных тем исследований нашего Института.

Энергетическая безопасность

Прогнозируя быстрый – на уровне 3,3% в год – рост потребностей китайской экономики в энергоресурсах в 2000-2010 гг., китайские аналитики указывают на грозящую нехватку национальных запасов нефти, газа и угля для удовлетворения соответствующего спроса китайской экономики на энергоносители. При этом они увязывают китайскую энергетическую безопасность с азиатско-тихоокеанской энергетической безопасностью в целом. “Без китайского участия и без сотрудничества с Китаем энергетическая безопасность АТР представляется не достижимой,” — пишет один из ведущих китайских ученых в этой области²⁰. В качестве тревожного сигнала китайские ученые ссылаются на прогноз роста доли стран АТР (без США и без России) в мировом потреблении энергоресурсов до 28% к 2010 г., тогда как их доля в мировых запасах газа к тому времени будет находиться лишь на уровне 7%, а нефти – 4%. Выход из возможного кризиса Китай видит в налаживании региональной кооперации, в том числе и с участием Японии и России, в области азиатской энергетической безопасности.

В чем состоят вызовы для Китая?

Китайское руководство в целом двойственно относится к экономической глобализации и азиатскому регионализму. С одной стороны, Китай стремится использовать экономическую глобализацию и концепции открытого регионализма для решения внутренних экономических и финансовых задач, вытекающих из курса реформ. Прежде всего – получить выход на товарные рынки развитых стран, доступ к их капиталам и современным технологиям. Практической целью номер один в области политики Пекина в отношении экономической глобализации является стремление как можно быстрее вступить в ВТО.

Серьезным стимулом, подтолкнувшим Китай к более активному участию в процессах экономической глобализации и азиатского регионализма, стал и азиатский финансовый кризис. Пекин увидел угрозу распространения кризиса на китайскую экономику и опасность повторения азиатского финансового кризиса. Увидел и поспешил объявить о своей готовности к международному сотрудничеству, направленному на предотвращение подобных явлений.

С другой стороны, Китай, как и многие развивающиеся страны, втягиваемые сегодня в экономическую глобализацию, рассматривает глобализацию прежде всего как возможность получить от развитых стран дополнительные ресурсы развития, возможность “справедливо” перераспределить финансовые и интеллектуальные ресурсы развитых стран в пользу развивающихся. При этом вопрос об обратной стороне глобализации – необходимости “делиться” суверенитетом, остается без адекватного решения. Китай не установил пока рамки, в которых он был бы готов делегировать часть национальных полномочий – чего объективно требуют процессы интернационализации хозяйственной жизни на региональном и глобальном уровнях – международным экономическим институтам. В этом, пожалуй, состоит главный вызов глобализации, на который Китай должен будет дать ответ.

Развивая идеи азиатско-тихоокеанской экономической и финансовой кооперации, Пекин, вслед за другими развивающимися странами, делает акцент на ответственности развитых стран за мировую финансовую стабильность и на необходимости “уменьшения разрыва между развитыми и развивающимися странами и обеспечении их общего процветания через экономическую кооперацию”.

Признавая глобализацию “объективной реальностью” и призывая “адаптироваться к глобализации, а не просто бояться ее”, китайские аналитики

подчеркивают, что именно развитые страны “получают больше преимуществ от глобализации”²¹.

По всей видимости, Китаю еще предстоит пройти не простой путь согласования своих представлений о регионализации и глобализации с представлениями, утверждающимися в развитых странах-партнерах Китая.

Еще одной чертой китайской концепции азиатской регионализации является осторожность. Осторожность просматривается в конкретных предложениях Китая о формах регионального финансового взаимодействия. Поддерживая диалог по проблемам экономического и финансового сотрудничества стран АСЕАН, Японии, Южной Кореи и Китая, Пекин вместе с тем пока в практическом плане ограничивает такое общение уровнем заместителя министра финансов, резервируя для себя право не спешить с принятием обязательных решений.

Осторожность характерна и для реакции Китая на идеи формирования новой валютной системы в Азии. Китай сдержанно отреагировал на предложение Малайзии о создании новой азиатской валюты – как альтернативы доллару. Приветствуя введение евро в контексте “формирования многополярной международной финансовой системы” и признавая, гипотетически, возможность превращения японской йены в “базовую азиатскую валюту в наступающую эру валютной регионализации”, Пекин, вместе с тем, не спешит аккумулировать евро и йены и продолжает рассматривать именно американский доллар в качестве главной резервной расчетной и инвестиционной валюты Китая.

Осторожность в подходах Пекина к финансовой регионализации объяснима. Нынешняя банковская и финансовая система Китая пока не отвечает тем международным и азиатским стандартам, которые позволяют говорить о возможности полномасштабной синхронизации финансовой политики стран АТР и Китая. Реформа же банковской системы в Китае идет медленно и не дает оснований утверждать, что китайская финансовая структура уже готова к региональной кооперации. В этом состоит еще один из вызовов экономической глобализации для Китая: сможет ли страна эффективно и своевременно реформировать свои финансы и стать полноправным участником азиатской финансовой интеграции.

К другим вызовам регионализации азиатской экономики и экономической глобализации можно отнести:

– упоминавшиеся выше вопросы вступления Китая в ВТО: сумеет ли Китай воспользоваться преимуществами членства в этой глобальной организации или же требуемая ВТО степень открытости китайской экономики будет иметь больше негативные последствия для китайской экономики.

– Проблему поддержания стабильности юаня – как долго Китай сможет идти навстречу региональному давлению и удерживаться от девальвации национальной валюты, теряя при этом на национальном экспорте.

– Проблемы нелегальной иммиграции и экологической безопасности – насколько Китай готов к международному сотрудничеству в решении этих проблем.

События в Косово создали новый, можно сказать “философско-политический” вызов Китаю в свете проблем глобализации. Кризис в Косово вызвал недоверие к западным партнерам, озабоченность тем, а не повторит ли Запад “югославский сценарий” в отношении таких болезненных для Пекина политических проблем, как проблемы Тайваня и Тибета. Кризис обострил восприятие Китаем вопроса о соотношении прав человека и национального суверенитета и усилил неприятие самой идеи “делиться суверенитетом” – одного из требований глобализации и регионализации. Одновременно с этим в Китае начинается процесс переосмысления концепции национальной безопасности и стратегических приоритетов в направлении усиления позиций военных компонентов наци-

ональной безопасности. Обострение отношений с США в связи бомбежкой китайского посольства в Белграде объективно сыграло на руку консервативным кругам в китайском руководстве, рассматривающим глобализацию мировой экономики и развитие азиатского регионализма исключительно в негативном контексте – как вмешательство внешних сил во внутренние дела Китая.

С другой стороны, у китайско-американских отношений есть пределы для ухудшения – пределы, обусловленные взаимными экономическими интересами, прямым следствием экономической глобализации. Недавние соглашения по торговым вопросам и по вопросу возмещения американской стороной ущерба, нанесенного Китаю бомбардировкой китайского посольства в Белграде, как раз и показывают, что ни Китай, ни США не намерены “перешагнуть” через эти пределы ухудшения двусторонних отношений.

Анализ международного поведения Китая под углом новых вызовов заставляет по-иному взглянуть на Китай и на его роль в АТР и в мировых делах. Позволяет в новом свете – в свете развивающихся процессов экономической глобализации и азиатского регионализма – увидеть и перспективы развития российско-китайских отношений.

Выводы для России

В Китае, как представляется, признают объективный характер тенденций глобализации мировой экономики и развития азиатского регионализма и ищут пути адаптации китайской экономики к этим явлениям. Вместе с тем Китай пока не нашел своего места в азиатско-тихоокеанской интеграции. Китайская экономика остается еще не полностью готовой к координации финансовой и экономической политики на региональном уровне. Китай, обремененный внутренними социально-экономическими проблемами, не готов взять на себя роль лидера интеграционных процессов, продолжая выступать в вопросах глобализации и регионализма с позиций развивающейся, а не развитой страны, и продолжая ориентироваться на нынешнюю региональную финансовую структуру, в основе которой находится американский доллар.

И тем не менее Китай уже заявил о себе как об активном и потенциально очень важном участнике азиатско-тихоокеанской экономической интеграции. Будущее китайской экономики – в АТР, а наиболее реалистичными путями дальнейшего вовлечения Китая в региональное сотрудничество представляются следующие:

- осторожное участие Китая в становлении региональных и глобальных финансовых институтов, способных отслеживать перемещение по миру финансовых потоков и заранее предупреждать об угрозе кризисов. Причем, по мере повышения реальной роли Китая в таких институтах, будет, по всей видимости, возрастать объективная потребность и желание Пекина присоединиться к “большой восьмерке” и через этот международный механизм укреплять свои интернациональные позиции;

- углубление экономического взаимодействия Китая с США, Японией и Южной Кореей по каналам американских, японских и южнокорейских транснациональных корпораций;

- поиск вариантов обеспечения энергетической безопасности Китая за счет расширения регионального сотрудничества в этой области;

- постепенное втягивание китайской экономики в развитие интеграции в Северо-Восточной Азии, где сходятся экономические интересы Китая, Японии, Южной Кореи и России, а с другой стороны – зондирование вариантов развития интеграционного сотрудничества с АСЕАН.

Подобные перспективы вовлечения Китая в азиатскую регионализацию и экономическую глобализацию имеют важное значение для России. Идеи рос-

сийско-китайского долгосрочного, или "стратегического", сотрудничества могут быть реализованы не в противовес ориентации Китая на АТР, на США и Японию, а в контексте развивающейся азиатско-тихоокеанской интеграции. Отсюда: стремление России стать стратегическим партнером Китая реализуемо только при условии превращения самой России в активного и весомого участника процессов азиатско-тихоокеанской интеграции. Для этого России необходимо иметь свой взгляд на глобализацию мировой экономики и азиатский регионализм, свою концепцию создания единой Азиатско-тихоокеанской экономики, стратегию и политику экономической и финансовой интеграции России в АТР, или, по крайней мере, в географически близкую нашему Дальнему Востоку Северо-Восточную часть Азиатско-тихоокеанского региона.

Без этого, полагаясь лишь на использование время от времени возникающей напряженности в китайско-американских отношениях и противопоставляя "стратегическое партнерство" России и Китая отношениям Китая с АТР, в котором ведущую роль по-прежнему играют США, Япония, Южная Корея, американский доллар и японская йена, России трудно рассчитывать на дипломатические победы. Более того, при таком варианте реальной становится угроза для России быть использованной в качестве дипломатической карты в моменты обострения отношений между Пекином и Вашингтоном.

-
- 1 China Engagement, World Bank. 1998. P.63-64.
 - 2 Liu Kang. Is There an Alternative to (Capitalist) Globalization? The Debate about Modernity in China// The Cultures of Globalization. Duke University, USA, 1998. P. 164.
 - 3 Ibid.
 - 4 Ibid. P.183.
 - 5 Ibid.
 - 6 Ding Jingping. China// Domestic Adjustments to Globalization, Japan, 1999. P. 160.
 - 7 Ibid. Pp.160-161.
 - 8 Ibid. P.170-171.
 - 9 "Extranational" treatment. Ibid.. P.171.
 - 10 Ibid. P.191.
 - 11 Ibid.
 - 12 Wang Hexing. Perspectives on the Economic Globalization in Light of Asian Financial Turmoil//International Studies, China Institute for International Studies. China Foreign Ministry. Beijing, 1998. N 8-9. P.3.
 - 13 Ibid. P.5.
 - 14 Yuan Jian. The Challenge of Globalization. Debating the Impact of Trade on Income Distribution in the United States. "International Studies//, China Institute for International Studies. China Foreign Ministry. Beijing, 1999. N 3-4. Pp.1-14.
 - 15 Ibid. P.14.
 - 16 Фань Ган. Цюньшоуа чжун дэ бу пиндэн вэньти (Проблема неравенства о процессе глобализации). //Синьхуа вэньчжай, 1999. №7. С.51. Пер. в.н.с. ИДВ РАН к.э.н. О. Борох.
 - 17 Там же., Сс.54.
 - 18 Там же.
 - 19 "The Economist. N 21. P. 91.
 - 20 Ji Guoxing. " China versus Asian Pacific Security" in "The Korean Journal of Defense Analysis", 1998, Winter, p.112
 - 21 Wang hexi.g. Perspectives on the Economic Globalization in the Light of Asian Financial Turmoil// International Studies./ China Institute for International Relations. China Foreign Ministry. 1998. N 8-9. P. 5.

Проблемы присоединения Китая к ВТО: плюсы и минусы

© 2000

М. Потапов

Всеобщая тенденция интернационализации хозяйственной жизни и международной торговли диктует Китаю необходимость активно интегрироваться в мировое хозяйство и систему международных экономических отношений. В рамках данной внешнеэкономической стратегии в середине 80-х гг. начались переговоры по присоединению КНР к ГАТТ, своеобразной конституции мировой торговли, на страны-участницы которой приходится более 85% китайской внешней торговли.

С 1982 г. КНР принимала участие в работе органов ГАТТ в качестве наблюдателя с правом совещательного голоса. В 1984 г. Китай стал участником действующего в рамках ГАТТ Международного соглашения по торговле текстилем на правах развивающейся страны. В июле 1986 г. КНР подала заявку на восстановление своего статуса договаривающейся стороны в ГАТТ. В мае 1987 г. была образована рабочая группа ГАТТ по рассмотрению китайской заявки. Начались сложные длительные переговоры по этому вопросу.

За восемь лет до преобразования ГАТТ в ВТО (1987-1994) состоялось 19 заседаний рабочей группы ГАТТ по Китаю. К маю 1993 г. Китай подготовил усовершенствованный вариант меморандума по внешнеторговой системе и ответы на более чем 4,5 тыс. вопросов о функционировании национального внешнеэкономического комплекса. В рамках заседаний рабочей группы началось обсуждение экономической политики КНР, а в ходе двусторонних переговоров с делегациями стран – проблем доступа на рынок.

Длительный затяжной характер переговоров по вступлению КНР в ГАТТ/ВТО был предопределен, с одной стороны, сложностью и уникальностью экономических преобразований в Китае, заключающихся в постепенном переходе от административно-централизованной экономики к рыночному хозяйству, отвечающему требованиям ВТО. Активизация переговоров КНР с ВТО шла параллельно с углублением экономических реформ в Китае, реализацией конкретных мероприятий в этой области, укреплением его экономики и внешнеэкономического сектора. Поэтому неслучайно, что всплески переговорной активности пришлись на 1993-1994 гг. и на конец 90-х годов.

С другой стороны, усложнение переговоров КНР с ВТО во второй половине 90-х гг. произошло в связи с включением в качестве предмета обсуждения сферы услуг (финансовый, банковский и страховой секторы, информаци-

Потапов Максим Александрович, кандидат экономических наук, первый секретарь Департамента международных организаций МИД России.

В основу статьи положен доклад автора на заседании Центра социально-экономических исследований Китая и Северо-Восточной Азии ИДВ РАН 17 декабря 1999 г.

Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 99-02-00052а

онные технологии, юридические консультации, аудиторские и транспортные услуги, розничная и оптовая торговля, интеллектуальная собственность и т.д.), а также широкого комплекса проблем нетарифных мер регулирования и общих вопросов экономической политики. Это непосредственно связано с преобразованием в 1995 г. ГАТТ во Всемирную торговую организацию и соответствующим расширением сферы ее деятельности.

Основные причины, по которым Китай стремится войти в состав членов ВТО, кроются, на наш взгляд, в следующем.

Полноправное участие в ВТО позволит КНР, благодаря избытку рабочей силы, дешевому сырью и т.п., более эффективно использовать свое сравнительное преимущество в рамках международного разделения труда. Двусторонние торгово-экономические соглашения с развитыми странами, заключенные в 70-х-80-х годах, не обеспечили Китаю справедливых условий торговли. В отношении китайских товаров по-прежнему действует множество дискриминационных мер, количественных ограничений. Добиваясь в 80-90-х гг. вступления в ГАТТ/ВТО, Китай прежде всего рассчитывает на предоставление безусловного и бессрочного режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле, а также на особо благоприятное отношение к себе как к развивающейся стране. В этом случае, надеются в Пекине, закончатся ежегодные баталии с США по условиям продления РНБ во взаимной торговле.

Участие Китая в ВТО, несомненно, послужит улучшению условий его торговли, увеличит и дифференцирует экспорт, стабилизирует рынки сбыта и расширит их географию, потребует повышения качества продукции до общемирового уровня. Более открытый доступ на рынок получают основные, наиболее конкурентоспособные, товары китайского экспорта – текстиль, одежда, игрушки, электроника, керамические и пластмассовые изделия, продукция химической и фармацевтической промышленности. При этом, что существенно, статус развивающейся страны в ВТО, за который ратует Китай, дает свободное право стране-участнице сохранять в силе в течение трех лет после присоединения к организации, с возможным продлением срока переговоров, импортные таможенные тарифы, лицензирование импорта и другие ограничения в целях защиты молодых отраслей промышленности, обеспечения равновесия платежного баланса и т.д. В целом, по оценкам Всемирного Банка и ОЭСР, присоединение Китая к ВТО даст ему возможность увеличить свой экспорт в течение десяти лет на 38%, а валовой внутренний продукт – на 1,8-2,5%¹.

Полноправное членство Китая в ВТО также расширит его торговлю услугами, активизирует привлечение иностранных инвестиций на китайский рынок, улучшит доступ к передовым технологиям. Это благотворно отразится на общей структуре промышленности, повысит ее технический уровень, будет стимулировать реформы, обновление законодательной базы, расширение открытости национальной экономики.

Членство в ВТО предоставит КНР в более отдаленной перспективе возможность оказывать реальное влияние на ход мировых экономических процессов и достичь более высокого уровня национальной экономической безопасности.

Однако вступление в ряды ВТО предполагает не только получение экономических прав и льгот, но и налагает встречные обязательства. Данный процесс, ввиду значительного объема требований к присоединяющимся странам с переходной экономикой, носит достаточно длительный и нелегкий характер, требующий поиска взаимных компромиссов.

Принятие на себя всех прав и обязанностей члена ВТО в полном объеме принесет Китаю значительные трудности. По крайней мере, в первые пятьдесят лет экономические потери, по мнению китайских специалистов, превысят валютные и прочие поступления. Предприятия приоритетных отраслей ки-

тайской экономики - автомобильной, текстильной, электронной, химической промышленности, сельского хозяйства - в результате отмены импортных количественных ограничений и снижения ввозных таможенных пошлин столкнутся с жестокой конкуренцией с иностранными контрагентами на внутреннем рынке. В настоящее время продукция этих отраслей пользуется повышенной степенью защиты на внутреннем рынке КНР. Таможенные пошлины на текстиль, к примеру, в середине 90-х гг. в среднем составляли 80%, бытовые электроприборы - 100%, автомобили - 180-220%. Рассчитывать же на опережающий рост экспорта Китая, учитывая недостаточную конкурентоспособность китайских товаров по сравнению с аналогичной продукцией развитых стран и НИС, а также жесткую антидемпинговую политику на мировом рынке, достаточно проблематично.

И тем не менее в Китае уверены, что потенциальные экономические потери от неучастия страны в ВТО в среднесрочной и долгосрочной перспективе на порядок выше возможных издержек участия в ВТО в краткосрочной перспективе.

Что касается позиции развитых стран, составляющих костяк ВТО, в отношении членства Китая в этой организации, то они заинтересованы в том, чтобы включить КНР - 10-ю торговую державу мира - в число полноправных участников ВТО и одновременно добиться от Китая выполнения обязательств, связанных с обеспечением дальнейшего развития рыночного характера экономики, расширения доступа на его внутренний рынок, а также организации совместного предпринимательства и полностью иностранных производств в русле переноса трудоемких и капиталоемких производств за рубеж. В целом, развитые страны-члены ВТО, добиваясь присоединения Китая к ВТО на приемлемых для себя условиях, стремятся получить реальные рычаги влияния на экономическую политику КНР, вовлечение ее в многосторонне экономическое взаимодействие по общепринятым правилам.

При этом ведущие западные страны во главе с США сходятся во мнении, что по многим параметрам экономика Китая по-прежнему остается централизованно-планируемой, характеризуется чрезмерным государственным вмешательством, административным регулированием в денежно-кредитной и валютной деятельности, а также ценообразования, закрытостью внутреннего рынка, особенно сферы услуг, несовершенством законодательства, чрезмерным бюрократизмом. На их взгляд, главным средством регулирования внешнеэкономических связей КНР в деле защиты ее национального рынка является не таможенный тариф, а различного рода нетарифные ограничения, директивные и индикативные планы сверху, административные положения, внутренние разнарядки и т.п. Что касается таможенного тарифа, то его нынешний средний уровень (17%) также превышает средний уровень таможенного обложения в развивающихся странах (15,5%) и многократно - показатель развитых стран (4,9%). При этом следует отметить, что итогом Уругвайского раунда переговоров явилось соглашение о снижении среднего уровня таможенных пошлин до 3,9%: 3,5% для развитых стран и 10% для развивающихся стран. Противоречит нормам ВТО и преференциальная налоговая политика в открытых экономических районах Китая².

Представители развитых стран, ведущую роль среди которых играют США, правда, указывают на то, что нельзя игнорировать значение Китая как крупной мировой торговой державы при значительной вовлеченности его экономики в мирохозяйственные связи, что отражает высокий показатель доли внешней торговли в ВВП (более 40%). Их позиция сводится к требованию существенной либерализации внешнеторгового режима КНР в части реализации т.н. торговых прав (свободного заключения и исполнения внешнеторговых контрактов с любыми китайскими партнерами); кардинального снижения уровня

таможенных пошлин; ликвидации всех нетарифных барьеров, связанных с квотированием, лицензированием, "рассмотрением" импортных контрактов в вышестоящих организациях; отмены обязательного экспорта продукции СП и доли отечественных комплектующих при ее создании; предоставления национального режима предприятиям с участием иностранного капитала на китайском рынке; обеспечения полной транспарентности законодательства; осуществления форсированной приватизации госпредприятий.

Общий смысл требований Запада сводится к тому, чтобы Китай в ряде случаев "добровольно" ограничил свои права, в частности по регулированию импорта, и принял повышенные обязательства по облегчению доступа зарубежного капитала в сферу услуг (банковских, страховых, телекоммуникационных и др.), в области защиты интеллектуальной собственности, реализации полной конвертируемости юаня. Одновременно развитые страны пытаются закрепить за собой специальную защитную оговорку, дающую в определенных случаях право принятия односторонних ограничительных мер в отношении китайского экспорта путем возведения тарифных и нетарифных барьеров и настаивают на введении жесткого механизма контроля за выполнением Китаем обязательств переходного периода³. Цель таких требований ясна – в условиях растущего торгового экспансионизма Пекина зарезервировать место на китайском рынке и получить реальные рычаги влияния на его внешнеэкономическую политику.

Китайская сторона в ходе переговоров отвергала эти требования как неприемлемые, превышающие возможности его развивающейся экономики и создающие угрозу национальной безопасности. Их реализация, по расчетам экспертов, привела бы к развалу национальной промышленности, коллапсу национальной финансовой системы, чреватому социальными потрясениями, сокращению сельскохозяйственного производства. Приватизация же госпредприятий, как подчеркивается китайской стороной, не входит в план экономических реформ и не соответствует условиям вступления в ВТО. Реализация этого требования лишь приведет к продаже предприятий иностранным инвесторам, а китайские работники будут лишены всяческих социальных гарантий.

Одновременно Китай в ходе переговоров во второй половине 90-х гг. широко пропагандировал свои шаги навстречу требуемым Западом "коммерчески реальным" условиям присоединения: по сужению директивного планирования внешней торговли, сокращению числа лицензируемых и квотируемых товаров, отмене прямых экспортных субсидий, введению единой системы налогообложения, единого "плавающего регулируемого курса" национальной валюты, внедрению аукционной системы распределения экспортных квот, открытости внутреннего законодательства, унификации внешнеторговой политики и т.п.⁴. Подчеркивалось также, что данные шаги будут непременно доведены до конца. В случае же непринятия в ряды Всемирной торговой организации Китай оставлял за собой право решать, какие мероприятия ему проводить, а какие нет в интересах собственных экономических реформ.

Интересным представляется решение, принятое на заседании рабочей группы ВТО в марте 1997 г., – исключить из протокола о присоединении упоминание о статусе китайской экономики как переходной или развивающейся. Воспринятое Западом как значительная уступка с китайской стороны, такое решение не означало согласия китайцев со статусом развитой страны со всеми вытекающими из этого обязательствами. Суть в том, что китайская делегация намеревалась сосредоточиться на завоевании уступок со стороны западных партнеров в области защиты конкретных отраслей и производств национальной экономики. При этом, в международных финансовых организациях (Всемирном Банке, АзБР и др.) Китай, как представляется, не откажется от

статуса развивающейся и переходной экономики в целях сохранения доступа к льготным займам и кредитам. С другой стороны, в торговых спорах по антидемпинговым мерам в отношении китайского экспорта Пекин намерен использовать отсутствие упоминания переходного (развивающегося) статуса национальной экономики в документах ВТО как своего рода признание ее рыночного характера.

Однако, несмотря на активные усилия китайской экономической дипломатии, на стремление заручиться поддержкой большинства развивающихся стран и сыграть на противоречиях между развитыми государствами, Китаю до конца 90-х гг. так и не удалось получить единодушного одобрения на присоединение к ВТО.

К примеру, Евросоюз по данному вопросу занял достаточно гибкую позицию, считая, что изменения в торговом режиме КНР можно проводить и после вступления Китая в нее, соблюдая общие критерии Уругвайского раунда переговоров. Китаю была обещана поддержка идеи переходного периода для снижения таможенных пошлин и нетарифных ограничений, либерализации внешнеторгового режима, открытия рынка услуг. Евросоюз не смущали ни сохранение в КНР в целом монополии внешней торговли, ни наличие импортных количественных ограничений, ни продолжение практики государственного субсидирования промышленности, ни закрытость рынка государственных заказов. Все, что инкриминировалось Западом отдельным участникам СНГ как препятствие для их присоединения к ВТО, в отношении Китая рассматривалось ЕС как временные расхождения во взглядах, которые будут чуть ли не сами собой устранены по мере продолжения экономических реформ в КНР. Однако в целом позиция ЕС в этом вопросе, по сути, не намного отличалась от американской. Просто, учитывая острый характер американо-китайских отношений, Евросоюз имел возможность оставаться в тени и демонстрировать более гибкий подход.

Что же касается т.н. тайваньской проблемы, то требование КНР, чтобы Тайвань, подавший заявку на присоединение к ГАТТ/ВТО в 1990 г., смог бы вступить в нее как самостоятельная таможенная территория в составе КНР после вступления Китая к ВТО (аналогичный статус имеют Гонконг (с 1997 г.) и Макао (с 1999 г.) и воссоединения с материковым Китаем)⁵, было с пониманием воспринято на переговорах в ВТО и, несомненно, будет учтено при принятии окончательного решения.

* * *

10-15 ноября 1999 г. в Пекине состоялся решающий раунд китайско-американских переговоров по доступу на рынок в рамках согласования условий вступления КНР в ВТО. Следует напомнить, что переговоры КНР с США, как и с Евросоюзом, возобновились после полугодового перерыва, вызванного натовскими бомбардировками китайского посольства в Белграде в мае 1999 г.

Нынешние переговоры (китайскую сторону представлял министр внешней торговли и экономического сотрудничества Ши Гуаншэн, а американскую – представитель США на торговых переговорах Ш.Баршефски) шли очень тяжело и завершились заключением *двустороннего китайско-американского соглашения по тарифным уступкам* только после личного вмешательства Премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи. В основу взаимных договоренностей легли следующие обязательства сторон.

Китай обязался уменьшить средневзвешенную ставку таможенных тарифов до 17% к моменту вступления в ВТО. Этот шаг не является революционным: по своему индивидуальному плану действий, представленному в АТЭС,

КНР уже снизила к началу 1999 г. средний уровень своих тарифов до 16,7% и взяла обязательство довести его до 15,0% к 2000 г. Одновременно Китай добился согласия от США на предоставление ему статуса переходного периода после вступления в ВТО, в течение которого будут снижаться тарифы на ввозимые промышленные товары: с 24,6% (1997 г.) до 9,4% (к 2005 г.) и сельскохозяйственную продукцию: с 31,5% (1997 г.) до 14,5-15,0% (к 2004 г.)⁶.

Серьезные уступки сделаны Китаем в одной из наиболее чувствительных отраслей экономики – автомобилестроении, характеризующейся низкой производительностью, высокими издержками и ценами на продукцию, малыми масштабами и слабой диверсифицированностью. Китай согласился постепенно снизить уровень тарифов на ввоз автомобилей с нынешних 80-100% до 25% к 2006 г. и до 10% на закупку запчастей к ним. Следует отметить, что в апреле 1999 г. в ходе визита в США Премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи Китай предлагал осуществить эти либерализационные мероприятия на год раньше⁷. Американским компаниям также обещан национальный режим на китайском рынке в отношении деятельности основанных ими предприятий по производству автомобилей, включая импорт, экспорт и реализацию транспортных средств.

Что касается основных уступок в области торговли сельхозпродукцией, то Китай их сделал еще в апреле 1999 г. во время визита в США Чжу Жунцзи, когда по заключенному двустороннему соглашению по сотрудничеству в области сельского хозяйства снял запрет на закупку пшеницы из северо-западных штатов США, а также цитрусовых, говядины, домашней птицы из других американских регионов. В итоге, по американским оценкам, ежегодные закупки Китаем пшеницы из США возрастут с 2 до 5 млн.т⁸. Американские фермеры также рассчитывают на резкий рост поставок в Китай хлопка, кукурузы, риса, цитрусовых и другой сельхозпродукции. Им дано обещание ликвидировать экспортные субсидии на сельхозпродукцию. В целом, предстоящее снижение Китаем торговых барьеров приведет к ежегодному увеличению американского экспорта на китайский рынок до 3 млрд.долл⁹.

В качестве ответного шага США подтвердили, что в соответствии с Соглашением по текстилю и одежде в рамках ГАТТ (1994 г.) отменят, начиная с 2005 г., в отношении Китая (как и других стран-членов ВТО), количественные ограничения (квоты) на ввоз производимой КНР текстильной продукции и готовой одежды.

При этом в течение 12 лет после приема КНР в ВТО США сохраняют возможность использования механизма специальных защитных мер в отношении китайского экспорта. Например, даже после отмены количественных ограничений в 2005 г. ввоз в США китайского текстиля и одежды будет подпадать под действие специальной защитной оговорки в течение дополнительных четырех лет¹⁰.

Впечатляющие инициативы были выдвинуты Китаем по существенному расширению доступа иностранного капитала на свой рынок услуг. В частности, в финансовой сфере отделения иностранных банков смогут открывать счета в местной валюте для китайских юридических и физических лиц соответственно через 2 и 5 лет после вступления КНР в ВТО. Через пять лет после вступления Китая будут сняты географические ограничения в отношении доступа иностранных банковских и страховых организаций на китайский рынок (на данный момент иностранцы могут открывать банковские и другие финансовые учреждения только в 24 городах и районах Китая, а операции с юанем осуществляются лишь в шанхайском районе Пудун и Шэньчжэне в отношении иностранных контрагентов) и сразу после вступления – количественные лимиты по предельной численности учреждений, работающих на китайском рынке. Это

позволит иностранным банкам и их отделениям через определенный переходный период осуществлять сделки с китайскими компаниями и частными лицами в юанях практически по всей стране.

В области страхования жизни верхний порог иностранного участия с момента присоединения к ВТО повышен до 50%, а в других видах страхования и перестрахования – до 51%. Правда, далеко не все зарубежные страховые компании смогут беспрепятственно работать на китайском рынке, при выдаче им лицензий китайской стороной будут учитываться “разумные критерии”, зафиксированные в китайско-американских соглашениях (количество лицензий не ограничивается).

Китай согласился допустить на свой рынок иностранных туроператоров для оказания полного набора услуг, а также иностранный гостиничный бизнес, причем сняв ограничения по 100-процентному зарубежному участию в этом секторе.

В случае своего вступления в ВТО КНР заявила о готовности присоединиться к соглашению по информационным технологиям и полностью устранить к 2005 г. тарифы на эту продукцию (персональные компьютеры, полупроводники, телекоммуникационное оборудование и т.п.), которые в настоящее время составляют в среднем 13%. К 2005 г. также будут отменены все количественные ограничения импорта этого вида продукции.

Доля участия иностранных инвесторов в телекоммуникационных компаниях в КНР к моменту вступления страны в ВТО возрастет до 49%, а спустя два года – до 50%. На большее, правда, китайская сторона не сочла возможным согласиться (американцы в апреле 1999 г. требовали себе контрольный пакет акций в этой сфере)¹¹. К уже освоенной области продаж оборудования на китайском рынке иностранные компании получают право участия в реализации на территории КНР кино- и видеопроизводства (ежегодное число закупаемых американских фильмов возрастет с 10 до 20), а также на правах совместного с китайской стороной участия – в строительстве, собственности и деятельности кинотеатров через три года после вступления Китая в ВТО.

Серьезной уступкой, сделанной Китаем в отношении США, явилось согласие Пекина на то, что США будут продолжать рассматривать китайскую экономику в качестве нерыночной при проведении антидемпинговых расследований в течение 15 лет после присоединения КНР к ВТО. Правда, китайская сторона при этом зарезервировала возможность обсуждения вопроса о “рыночности” отдельных отраслей своей экономики. Здесь уместно напомнить, что ЕС и Австралия уже отказались от методологии “нерыночной экономики” в антидемпинговых расследованиях с КНР, когда определение стоимости китайского экспортного товара исчислялось на основе издержек третьих стран по производству аналогичной продукции.

Анализ пекинских договоренностей свидетельствует о том, что сделанные Китаем уступки повлекут за собой немалые проблемы, связанные с обострением конкуренции на внутреннем рынке, особенно в автомобилестроении, нефтехимии и сельском хозяйстве, где и без того сохраняется непростое положение. Открытость рынка приведет к закрытию сотен неэффективных госпредприятий. По оценкам Вашингтонского Института международной экономики, объемы производства в отраслях промышленности и сельского хозяйства, пользующихся высокой протекционистской поддержкой, сократятся на треть, число безработных за пять лет может достигнуть 11 млн. человек, в том числе в сельском хозяйстве – 9,6 млн. человек (сокращение занятых на 3,6%), а в автомобильной отрасли количество рабочих мест сократится на 14,5%. Одновременно доходы сельского населения к 2005 г. снизятся на 2,1%¹².

Вместе с тем китайская сторона устами ее руководителя Цзян Цзэминя назвала заключенное соглашение с США взаимовыгодным и "выигрышным" для обеих сторон, открывающим путь Китаю в ВТО, улучшающим его торговые связи и китайско-американские отношения в целом. В Китае небезосновательно рассчитывают на выигрыш по многим параметрам, прежде всего в сфере расширения экспорта, увеличения притока иностранных инвестиций и передовых технологий.

По американским оценкам, показатели внешней торговли КНР могут уже к 2005 г. удвоиться и достигнуть 600 млрд. долл.¹³ По расчетам Всемирного Банка, к 2020 г. внешнеторговый оборот Китая достигнет 10% от общемирового объема и выведет страну на второе место в мире по этому показателю после США¹⁴. Рост торговли ожидается вследствие увеличения продаж трудоемкой продукции (бытовой электроники, игрушек, текстиля, готовой одежды, обуви и т.п.), которая обладает относительным преимуществом на мировом рынке, прежде всего в области ценовой конкуренции. Так, китайский экспорт готовой одежды и текстиля, на который приходится 1/4 часть всех товарных поставок КНР за рубеж, в результате отмены квот после 2005 г., по оценкам гонконгских специалистов, может удвоиться до 70 млрд. долл. в год¹⁵.

По расчетам Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР, в случае присоединения к ВТО показатель роста ВВП Китая в 2005 г. будет выше на 1,5 проц. пункта. Прирост потребления в том же году за счет членства в ВТО составит 0,6 проц. пункта, экспорта – 26,9 проц. пункта, импорта – 25,8 проц. пункта, а инвестиций – 1,8 проц. пункта. К 2007 г. число занятых в текстильной промышленности увеличится на 23,6%, а в производстве готовой одежды – на 52,3%, доходы городского населения при этом увеличатся на 4,6%. Ожидается также, что потеря части бюджетных доходов из-за снижения ввозных пошлин будет компенсирована за счет существенного расширения легального импорта, прежде всего акцизных товаров, с оплатой пошлин (спиртные напитки, сигареты и т.п.).

Пойдя на соглашение с США, Китай принял некоторые завышенные по сравнению со стандартными условиями требования по вступлению в ВТО. Речь, в частности, идет о принятии обязательств по доступу на рынок услуг, близких к уровню развитых стран-членов ВТО, а также по дополнительному снижению пошлин на определенные группы товаров, присоединению к соглашению по информационным технологиям, полному отказу от субсидирования экспорта сельхозпродукции.

С другой стороны, Китаю удалось по многим аспектам фактически добиться от американцев получения статуса развивающейся страны при вхождении в ВТО. Так, КНР, отвергнув обязательства по выполнению соглашений в рамках ВТО в полном объеме с момента присоединения, сумела оговорить для себя во многих областях предусмотренные нормами этой организации для развивающихся стран предоставление переходного периода. Китай не стал торопиться с присоединением к соглашениям ВТО по правительственным закупкам и по торговле гражданской авиатехникой, с обязательствами, выходящими за рамки переговоров по вступлению в ВТО (приватизация, инвестиционный режим, связывание экспортных тарифов и др.).

Ряд ограничений Китай зарезервировал в отношении сектора финансовых услуг, либерализация которого будет по-прежнему проходить поэтапно и постепенно. Это касается, к примеру, процедуры создания в КНР дочернего или совместного банка, иностранной финансовой компании или филиала иностранного банка, для чего требуется минимальный, достаточно высокий объем активов, предварительное присутствие на китайском рынке в течение определенного времени и т.п. Для получения возможности проведения операций с

юанями, по китайским законам, необходимо иметь определенный опыт работы на китайском рынке, минимальный объем кредитования, прибыльность в течение определенного периода и т.д.

В целом, можно сделать вывод о том, что готовность китайцев к компромиссам и некоторому "перевыполнению" норм ВТО по либерализации рынка в ряде секторов учитывает нынешнее состояние китайской экономики, ее способность адаптироваться к новым условиям. Она явно нацелена на втягивание американцев в программу модернизации КНР и, несомненно, будет активно использоваться Пекином в качестве аргумента в пользу расширения сотрудничества по передовым технологиям и для стимулирования заинтересованности США в сохранении внутривосточной стабильности в Китае.

Общий баланс плюсов и минусов для Китая от вступления в ВТО, скорее всего, проявится лишь через несколько лет и в значительной степени будет определяться ходом маркетизации госсектора и структурной перестройкой экономики страны. Много будет зависеть от того, насколько болезненна окажется миграция трудовых ресурсов КНР вслед за переливом капитала из убыточных в более рентабельные, производительные и конкурентоспособные на мировом рынке отрасли экономики. В конечном счете речь идет о том, в какой мере Китаю удастся реализовать свои "плюсы", использовать благоприятные условия торгового и инвестиционного режима в отношениях со своими торговыми партнерами и минимизировать "минусы" (экономические издержки) от вступления в ВТО.

В самих США пекинские договоренности вызвали противоречивые оценки. Американская администрация дает им положительную оценку. Одобрительно воспринял соглашение крупный американский бизнес, прежде всего сельскохозяйственный, телекоммуникационный, автомобильный, банковский, страховой и финансовый, для которого открылись новые возможности сбыта своей продукции на китайском рынке, доступа на него, в том числе для организации совместных и полностью иностранных производств.

Однако часть демократов и республиканцев, а также руководство профсоюзов настроены резко отрицательно. Профсоюзы справедливо опасаются, что после снятия тарифных барьеров дешевые китайские товары окончательно захлестнут американский рынок. По оценкам Американского института производителей текстиля, реализация соглашения может стоить США потери 150 тыс. рабочих мест в отрасли после отмены квот на ввоз китайской одежды и текстиля, в результате чего американская легкая промышленность будет вынуждена чуть ли не прекратить свое существование.

Несмотря на то, что КНР предложила более либеральные условия по присоединению, чем те, которые практикуют отдельные участники ВТО из числа развивающихся стран (например, Индия), ряд аспектов, связанных с либерализацией китайской экономики, вызывает у американцев вопросы и обоснованную критику. Речь идет, главным образом, о сфере телекоммуникационных и финансовых услуг, защите прав интеллектуальной собственности, экономически рациональном механизме выдачи внутренних кредитов (широком распространении скрытого субсидирования неэффективно действующих госпредприятий) и т.д. Понятно, что, учитывая значительный потенциал КНР как производителя конкурентоспособной продукции и роль, которую играют в этой стране государственные торговые предприятия, присоединение к ВТО на условиях развивающейся страны в полном объеме является для Китая нереальной задачей.

Представляется, что одобрение в Конгрессе США условий присоединения Китая к ВТО, а также предоставления КНР режима нормальных торговых отношений (РНТО)¹⁶ на постоянной основе столкнется с трудностями. Многие политические деятели в американском конгрессе ссылаются на нарушение

прав человека в Китае, его стремление стать мощной военной державой и составить угрозу для остального мира. В Америке также опасаются невыполнения Пекином взятых им обязательств по соглашению. Видимо, согласие на вступление Китая может быть дано Конгрессом США в случае, если в протоколе о его присоединении, который выработает Рабочая группа по итогам двусторонних и многосторонних переговоров, будут отражены специфические условия, не в полной мере соответствующие стандартным нормам ВТО, как, например, возможность применения специальных защитных мер против китайских товаров, специальные положения, касающиеся недобросовестной конкуренции и др.

Китай к тому же требует от США предоставления себе со вступлением в ВТО РНТО на постоянной основе. В противном случае, как заявляют китайские представители, заключенные договоренности с США потеряют силу, и само вступление в ВТО окажется под вопросом. В американском же конгрессе пока преобладают настроения не торопиться с рассмотрением вопроса о предоставлении Китаю постоянного РНТО до его вступления в ВТО. С учетом приближающихся выборов в США (ноябрь 2000 г.) решение этого вопроса вполне может затянуться. При этом основная причина непредоставления Китаю постоянного РНТО, и это признают даже сами американские экономисты, состоит не столько в защите прав человека (хотя, конечно, РНТО играет здесь роль рычага давления на Пекин по этому вопросу), сколько в защите своих производителей в их конкуренции с китайской продукцией, созданной дешевой рабочей силой.

Заключение соглашения с США по доступу на рынок фактически предрешило вступление КНР в ВТО уже в ближайшее время. Вполне реально, что это произойдет в 2000 г. Китаю, правда, не удалось приехать на министерскую встречу ВТО в Сизтле в ноябре-декабре 1999 г. в качестве полноправного члена ВТО (он на ней участвовал в качестве наблюдателя без права голоса). На пути юридического оформления решения о присоединении к ВТО Китаю предстоит еще завершить двусторонние переговоры с ЕС и другими странами-членами организации, включая Канаду и Бразилию, согласовать на заседаниях рабочей группы протокол о присоединении и окончательные условия вступления.

При этом не стоит ожидать автоматического одобрения китайских предложений по условиям присоединения со стороны Евросоюза, теперь, когда ЕС потерял удобную возможность оставаться в тени США и продемонстрировать "более гибкий" подход. К примеру, европейцы особо заинтересованы в дополнительных уступках с китайской стороны по финансовым и страховым услугам, телекоммуникациям.

Наконец, многое в решении вопроса о принятии КНР в ВТО зависит по-прежнему от Соединенных Штатов (одобрения американского конгресса, предоставления постоянного РНТО и др.), которым по силам ускорить или замедлить процесс согласования позиций стран-членов ВТО по присоединению Китая.

* * *

Итак, несмотря на сложный и длительный характер переговоров в ВТО, Китай по-прежнему придерживается курса на получение членства в этой организации. Во второй половине 90-х гг. акцент в китайской переговорной политике делался на долговременном процессе склонения Запада к достижению компромиссных развязок, которые свели бы к минимуму возможные экономические потери в ходе первоначального этапа после вступления при сохранении жесткости по принципиальным вопросам. Продолжительность таких переговоров китайскую сторону не пугает, поскольку в Китае твердо убеждены, что

Запад в не меньшей степени, чем КНР заинтересован в ее полноправном членстве в ВТО, а излишняя поспешность решения вопроса о членстве приведет лишь к неоправданному экономическому ущербу.

Такая убежденность основывается на растущей вовлеченности западных деловых кругов в экономическое взаимодействие с Китаем, при котором им становится невыгодно держать Китай за рамками правил ВТО. К тому же Пекин рассчитывает умело сыграть на противоречиях между развитыми и развивающимися странами - членами ВТО. Не скрывает он и свою способность умело использовать трибуну других влиятельных экономических организаций и форумов, в частности АТЭС.

Тот факт, что вопрос о присоединении Китая к ВТО стал одним из основных в его отношениях с развитыми странами Запада, говорит о признании ими значимости стремительного роста экономического потенциала КНР, об уходе на второй план противоречий политико-идеологического характера и возобладании жесткого прагматизма в отношениях с Пекином, о расчетах развитых стран влиять на эволюцию экономической и политической системы КНР посредством выдвижения требований по осуществлению рыночных преобразований. В целом же, необходимо подчеркнуть, что Китай, делая уступки Западу и реформируя внешнеторговую систему, пока сохраняет высокообщественную экономику с централизованным регулированием, а западный бизнес, наращивая свое присутствие на китайском рынке, достаточно умело к этому приспосабливается.

С присоединением Китая к ВТО Россия останется, пожалуй, единственной крупной державой за бортом ВТО. Вступление КНР в Всемирную торговую организацию станет, таким образом, дополнительным стимулирующим фактором в пользу присоединения России к ней и активизации переговорного процесса по этому вопросу. Определенную пользу и дополнительные аргументы смогут принести нам согласованные Китаем с его западными партнерами условия присоединения к организации. Несомненно, что в дальнейшем они могут быть использованы в качестве прецедента, своеобразной модели при присоединении к ВТО стран с переходной экономикой, включая Россию и другие страны СНГ (заявки на присоединение к ВТО уже подали Украина, Белоруссия, Армения, Молдова, Грузия, Казахстан и Узбекистан; Киргизия принята в ВТО в 1999 г.).

Сейчас, когда идет решающий этап переговоров России по вступлению в ВТО, активизировались двусторонние консультации с нашими основными торговыми партнерами, условия вступления к ВТО, которые будут выработаны в ходе переговоров, на многие годы вперед определяют правовую основу участия России в системе мировой экономики. В этой связи богатый опыт Китая в данной области способен оказать важную помощь в деле выработки позиции российской делегации на переговорах по всему спектру обсуждаемых проблем.

Принятие Китаем с его вступлением в организацию общепризнанных "правил игры" ВТО в целом улучшит условия деятельности на китайском рынке российских предприятий и фирм, который станет более открытым и предсказуемым.

При этом, важно отметить, что предстоящее со вступлением в ВТО законодательное закрепление более льготного торгово-политического режима отношений КНР с развитыми странами-членами ВТО, включая использование недискриминационных таможенных тарифов и нетарифных мер регулирования, процедур разрешения споров (к примеру, антидемпинговых расследований), объективно поставит Россию как экономического партнера Китая в менее выгодное положение.

Так, ослабление торговых барьеров развитых стран на пути китайских товаров его традиционного экспорта, делает их экспортные рынки для КНР более привлекательными, чем, к примеру, российский. Это прежде всего касается увеличения продаж обладающей относительным преимуществом на мировом рынке, прежде всего в области ценовой конкуренции, трудоемкой продукции (бытовой электроники, игрушек, текстиля, готовой одежды, обуви и т.п.).

Иными словами, получив со вступлением КНР в ВТО большую свободу на китайском рынке товаров и услуг, российские компании могут столкнуться с более жесткой конкуренцией со стороны иностранных контрагентов, которые во многих случаях будут более привлекательными для Китая.

С другой стороны, неучастие России в ВТО вполне может стимулировать использование Китаем как страной-членом ВТО дополнительных мер защиты собственного рынка в отношении ввозимых из России товаров (количественных ограничений, импортного лицензирования, технических барьеров и т.п.), а также механизма ВТО по разрешению торговых споров в свою пользу.

Другой важный аспект влияния вступления КНР в ВТО заключается в возможных изменениях режима китайской приграничной торговли, которая играет значительную роль для наших регионов Сибири и Дальнего Востока. Следует быть готовым к тому, что определенные ограничения будут наложены по правилам ВТО на режим ведения нашего двустороннего приграничного сотрудничества с Китаем.

Предстоящее вступление Китая в ВТО уже вызвало необходимость приведения в соответствие национального режима приграничной торговли КНР с правилами данной международной организации. Географический размах приграничных связей Китая с субъектами Российской Федерации, значительный объем их товарооборота, равно как и преференции, связанные с ней, не отвечали критериям и требованиям ВТО. В этих условиях Китаем была выработана и в 1996 г. принята новая модель системы приграничного экономического сотрудничества.

Ее основные параметры сводятся к следующим:

— ограничение территории распространения режима приграничной торговли до уровня округов и территорий, выделенных из приграничных уездов. Конкретно предусматривается создание в 20-километровой приграничной полосе совместных китайско-российских "народных рынков" для обмена товарами в установленных по сумме и объему пределах (так, установлен необлагаемый пошлинами и налогами минимум в 1 тыс. юаней на одного человека в день). Помимо упомянутых специальных рынков, предусматривается мелкооптовая торговля, осуществляемая специально уполномоченными внешнеэкономическими предприятиями в приграничных уездах и "открытых" городах Китая через определенные государством пункты пропуска;

— отмена 50-процентной налоговой скидки для приграничной торговли в связи с переходом к единому таможенному тарифу. Отмена льгот для большинства ведущих китайских компаний приграничной торговли уже сказалась на активности их внешнеторговых операций с Россией. Вместе с тем поэтапное снижение импортного таможенного тарифа КНР во второй половине 90-х гг. в определенной степени скомпенсировало отмену льгот для приграничной торговли и предотвратило резкое падение российского экспорта в КНР, в т.ч. и в ее приграничные с Россией провинции и районы;

— либерализация действующей в Китае системы лицензирования и квотирования экспортных и импортных товаров в рамках приграничной торговли (снижение до 15-процентной ставки подоходного налога для предприятий, зарегистрированных в приграничных районах и т.д.);

— расширение прав местных органов власти КНР в области регистрации компаний, имеющих право ведения торговли в приграничной полосе.

Изложенные соображения, как представляется, служат еще одним аргументом в пользу того, что в условиях присоединения КНР к ВТО единственным реальным средством увеличения роли российско-китайских торгово-экономических связей в экономике наших двух стран и подъема двустороннего товарооборота является активизация инвестиционного сотрудничества России и Китая, менее подверженного конъюнктурным ценовым колебаниям на мировых товарных рынках, антидемпинговым расследованиям и т.п. В настоящее время такое инвестиционное сотрудничество возможно и уже реализуется на уровне крупных проектов в области нефтяной, газовой промышленности и электроэнергетики.

Другой не менее важный вывод заключается в необходимости интенсификации переговоров по вступлению России в ВТО на приемлемых для нашей экономики условиях.

1. South China Morning Post. 5 October. 1994.
2. Статья 24 ГАТТ предусматривает в этом отношении образование таможенных союзов, зон свободной торговли с целью углубления экономического сотрудничества пограничных государств при сохранении единой внешнеторговой политики страны (См.: Генеральное соглашение по тарифам и торговле. М., 1994 г. С.51-54).
3. См. статью 19 ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле. М., 1994 г. С.46-47).
4. Выделяются, в частности, обязательства, выдвинутые КНР в ходе заседаний рабочей группы ВТО во второй половине 90-х гг., включающие отмену в течение пяти лет после вступления санкционированного права на ведение внешней торговли шестью категориями импортных товаров (резина, лесоматериалы, фанера, шерсть, сталь, акрил); переход в течение 3-5 лет от разрешительного к регистрационному порядку осуществления внешнеэкономических операций для китайских предприятий; предоставление, в случае вступления в ВТО, национального режима иностранным компаниям, работающим на китайском рынке. При этом Пекин намерен сохранить исключительное право уполномоченных торговых организаций на ведение внешней торговли восемью основными государственными категориями сельскохозяйственных товаров, включая зерно и сахар (South China Morning Post. 28 July. 1995; 5 March. 1997).
5. Гонконг и Макао стали полноправными членами ГАТТ в качестве отдельных таможенных территорий, соответственно, в 1986 и 1991 гг.
6. Фактически это обязательства, взятые КНР в АТЭС, которые "перешли" в ВТО после принятого на саммите АТЭС в Куала-Лумпуре (1998 г.) решения о переносе из АТЭС в ВТО рассмотрения вопроса о реализации программы ускоренной добровольной секторальной либерализации, предусматривающей устранение к 2010 г. тарифных и нетарифных барьеров в 15 секторах торговли товарами, в т.ч. в девяти из них — начиная с 1999 г.
7. Во время визита в США Премьера Госсовета КНР Чжу Жунци в апреле 1999 г. китайская сторона предложила, помимо снижения импортных таможенных тарифов и отмены квотирования импорта, обеспечить американским компаниям широкий доступ на рынок сельхозпродуктов, телекоммуникаций и дилерских услуг, и даже согласилась на возможность применения т.н. специальной защитной оговорки, позволяющей другим членам ВТО вводить в определенных случаях односторонние ограничения на импорт китайских товаров. Администрацию США, однако, это не удовлетворило. В ответ американские представители выдвинули дополнительные требования по доступу на банковский и финансовый рынок КНР, сохранению ограничений на ввоз китайской стали и текстиля сверх ранее согласованных сроков. Несогласованное с китайской стороной обнаружение американцами предложений КНР и завышенные требования США не позволили тогда достичь двустороннего соглашения по доступу на рынок.

8. Seattle Times 16 November.1999.
9. Итоги. 30 ноября.1999. С.46.
10. Суть *специальной защитной оговорки*, предусматриваемой Соглашением о защитных мерах, принятым в рамках Уругвайского раунда торговых переговоров в рамках ГАТТ и опирающимся на статью 19 ГАТТ, заключается в том, что страна, включившая ее в свое законодательство или международное соглашение, получает возможность отменять ранее предоставленную тарифную уступку или ввести дополнительное ограничение ввоза как временную, чрезвычайную меру в том случае, если импорт иностранных товаров возрастет в такой степени, что будет причинять ущерб национальному производству.
11. 51% иностранного капитала, правда, будут разрешены в предприятиях пейджинговой связи спустя четыре года после вступления в ВТО (Seattle Times, 16.11.1999).
12. Asian Wall Street Journal. 18 April.1999.
13. Los Angeles Times. 16 November.1999.
14. Итоги. 30 ноября.1999. С.46.
15. БИКИ. №119. 9 Октября.1999.
16. *Режим нормальных торговых отношений (Normal Trade Relations status, NTR)* – по сути дела переименованный американскими законодателями режим наибольшего благоприятствования (РНБ), предоставляемый США стране-партнеру. Такое переименование, на наш взгляд, имело целью снять противоречие между требованиями ВТО (статьей 1 ГАТТ, обязывающей страны-участницы Соглашения предоставить друг другу безусловное РНБ) и внутренними нормами американского законодательства (т.н. поправкой Джэксона-Вэника к Закону США о торговле 1974 г., увязывающей предоставление РНБ на постоянной основе партнерам США из числа стран с т.н. нерыночной экономикой с выполнением ряда политических условий: свобода эмиграции, соблюдение прав человека, отказ от незаконной продажи оружия и ядерных технологий, использования труда заключенных для производства товаров на экспорт, политики ограничения рождаемости, не нарушать права интеллектуальной собственности и т.д.). В 1994 г. президент США Б.Клинтон объявил об отмене увязки предоставления Китаю РНБ в торговле с положением в области прав человека в КНР, что, однако, не изменило процедуру ежегодного рассмотрения этого вопроса в американской администрации и Конгрессе США.

Новый институт государственного контроля в КНР

© 2000

А. Шитов

За два последних десятилетия, особенно после провозглашения XIV съездом КПК в 1992 г. курса на построение «социалистической рыночной экономики», отношения между государством и промышленными предприятиями в КНР претерпевают серьезные изменения. Эти изменения прежде всего касаются характера управления и контроля над государственными предприятиями со стороны правительства. При этом государство декларирует отказ от непосредственного вмешательства в производственную деятельность предприятий. Как сказано в «Положении о контроле и управлении имуществом государственных промышленных предприятий» № 159, принятом Государственным советом КНР 24 июля 1994 года, «Правительство путем изменения своих функций стремится оздоровить связи с предприятиями, изменить механизмы управления ими, обеспечивая при этом право собственности государства на имущество, находящееся в распоряжении предприятий, предоставляя предприятиям право самим управлять своей производственной деятельностью, тем самым способствуя превращению предприятий в юридические лица, обладающие правами самостоятельного управления. Кроме того, предприятие само несет ответственность за свои прибыли и убытки, само определяет перспективы развития, само устанавливает отношения с партнерами, становится субъектом конкурентного рынка»¹. Как следует из этого документа, ключевым моментом во взаимодействии государства и предприятий должны стать отношения правительства с юридическими лицами, в распоряжении которых находится государственная собственность. Именно исходя из своих прав собственника, государство определяет формы управления предприятиями и контроля за рациональным использованием государственного имущества.

Изменения характера отношений между государством и предприятиями, благоприятствующее становлению последних субъектами рынка, было обусловлено разделением функций правительства и предприятий; разделением функций самого правительства как представителя государства - собственника имущества, находящегося в распоряжении предприятий, с одной стороны, и государственного органа, осуществляющего общее управление социально-экономической сферой, с другой; разделением функций предприятий в плане использования ими государственной собственности, с одной стороны, и в плане управления своей производственной деятельностью, с другой².

Границы полномочий правительства и предприятий были также четко определены в Плане реформы аппарата Государственного совета, утвержденном на 1-й сессии ВСНП 9-го созыва в марте 1998 г.³ В частности, Планом предусматривалось, что правительство обладает правами собственника в от-

ношении государственного имущества, находящегося в распоряжении предприятий, в соответствии с объемом капиталовложений, которые оно направляет для развития этих предприятий. Предприятия несут ответственность за сохранность и преумножение этого имущества.

Китайская печать отмечает, что на практике контроль за использованием предприятиями государственной собственности осложняется тем, что эта собственность рассредоточена на более чем 300 тыс. предприятий⁴. Кроме того, эффективности государственного контроля долгое время мешала неразделенность функций правительства и предприятий, нечеткость этих функций, неразбериха в управлении предприятиями, что приводило к ущербу, причиняемому государственным имуществу на предприятиях, к разбуханию управленческого аппарата, низкой эффективности работы предприятий. Нерациональность методов управления предприятиями зачастую влекла за собой утрату контроля за деятельностью руководителей предприятий, многие из которых, пользуясь этим, совершали противоправные действия: подлог при составлении финансовой документации и бухгалтерских счетов, «двойную бухгалтерию», утаивание и хищение денежных средств и т.д. В КНР отмечают, что за последние годы было немало примеров и откровенно слабого контроля за деятельностью государственных предприятий со стороны государства в лице правительственных органов⁵. Так, правительство слабо контролировало процесс крупных капиталовложений предприятий, особенно в зарубежные проекты. Вкладывая миллиарды юаней, предприятия зачастую плохо представляли себе, как будут конкретно реализовываться такие проекты, недостаточно четко определяли границы своих капиталовложений, плохо контролировали использование вкладываемых средств, что вело в конечном итоге к колоссальным убыткам самих предприятий и экономики страны в целом. Правительство также не всегда четко контролировало использование находящейся на предприятиях государственной собственности. В частности, имели место факты заниженной оценки государственного имущества, в результате чего государство терпело серьезные убытки. Немаловажное значение имеет и контроль правительства за деятельностью руководителей предприятий в плане их профессиональной компетентности. Это связано с тем, что предприятия часто терпят убытки из-за ошибок в производственном планировании как следствии недостаточного изучения руководителями предприятий ситуации на товарном и технологическом рынке своей отрасли, тенденций развития отрасли. А грубые нарушения финансовой дисциплины на предприятиях являются следствием не только бесконтрольности и злого умысла некоторых руководителей предприятий, но и результатом плохого знания ими специфики в сфере финансового управления и оформления финансовой документации.

В настоящее время в КНР говорят не просто о необходимости усиления государственного контроля за деятельностью предприятий, но и об укреплении системы так называемого «внешнего», то есть вневедомственного, контроля в противоположность системе «внутреннего» контроля со стороны органов того министерства или ведомства, в сферу деятельности которого попадает соответствующее предприятие. В частности к такому выводу пришли ученые Академии общественных наук КНР в ходе обсуждения проблемы модернизации, повышения научного уровня управления предприятиями⁶. Система «внешнего», вневедомственного контроля, кроме того, полностью соответствует принципу отказа от непосредственного управления предприятиями со стороны правительства, поскольку представляет собой одну из форм непрямого, опосредованного управления. Кроме того, подчеркивается, что поистине эффективным, действенным должен быть такой вневедомственный контроль, который помога-

ет не просто вскрывать факты нарушений, но прежде всего направлен на их предупреждение.

Наиболее серьезной мерой, нацеленной на укрепление именно такого, вневедомственного контроля, стало создание в 1998 г. в КНР института особоуполномоченных контролеров Государственного совета (гоуюань цзича тэпайюань). Идея создания института особоуполномоченных контролеров была изложена в уже упоминавшемся выше Плате реформы аппарата Государственного совета, принятом в марте 1998 г., где, в частности, отмечалось, что правительство направляет на предприятия особоуполномоченных контролеров, которые проверяют, как предприятия используют денежные средства, какова ситуация с их доходами и убытками. Кроме того, указывалось, что правительство несет ответственность за аттестацию, назначения и увольнения главных руководящих кадровых работников предприятий⁷. В период с апреля по июнь 1998 г. была подготовлена первая группа в составе 21 особоуполномоченного контролера и помощников особоуполномоченных контролеров. Перечень предприятий, на которые были направлены первые особоуполномоченные контролеры Государственного совета (см. Приложение).

30 июня 1998 г. Государственный совет утвердил «Положение об особоуполномоченных контролерах Государственного совета» № 246⁸. Как отмечается в этом документе, он был принят в целях усиления финансового контроля государства за деятельностью крупных государственных предприятий, имеющих важное значение, а также для оценки эффективности управленческой работы главных должностных лиц этих предприятий. Представителями государства, осуществляющими такого рода контроль, «Положение» определяет особоуполномоченных контролеров Государственного совета и помощников особоуполномоченных контролеров. Особоуполномоченные контролеры числятся в штатах Управления особоуполномоченных контролеров Государственного совета, которое организационно входит в структуру Министерства кадров, обеспечивающего координацию их работы. Однако подотчетны особоуполномоченные контролеры только руководству Государственного совета, который определяет, какие именно предприятия подлежат контрольной проверке. В «Положении» определено, что первичными организационными подразделениями институте особоуполномоченных контролеров являются рабочие группы (бань ши чу), в состав которых входят по одному особоуполномоченному контролеру и по несколько помощников особоуполномоченных контролеров. Как правило, один особоуполномоченный контролер курирует пять предприятий, каждое из которых он должен посещать с контрольной проверкой два раза в год, не считая возможных внеплановых проверок. Назначения и увольнения особоуполномоченных контролеров осуществляются непосредственно руководством Государственного совета. Обычно на должности особоуполномоченных контролеров назначаются государственные служащие в ранге министра или замминистра в возрасте до 60 лет, обладающие высоким уровнем правовой подготовки и знаниями в области государственной политики, характеризующиеся принципиальностью, бескорыстием, добросовестным исполнением служебных обязанностей, стремлением к отстаиванию государственных интересов, компетентные в делах подконтрольных предприятий, знакомые с основами управления предприятиями.

Что касается помощников особоуполномоченных контролеров, являющихся номенклатурой Министерства кадров, ими, как правило, назначаются государственные служащие в ранге начальника департамента (управления) или заведующего отделом в возрасте до 55 лет, компетентные в правовой сфере, обладающие соответствующими знаниями в области государственной политики, характеризующиеся принципиальностью, бескорыстием, добросовестным

исполнением служебных обязанностей, стремлением к отстаиванию государственных интересов, имеющие специальные знания в сфере финансово-денежных отношений, бухгалтерского учета, права, способные к комплексному анализу и умеющие делать логические выводы. Особоуполномоченные контролеры и их помощники назначаются на эти должности на три года и могут быть переназначены на новый срок, но только при условии работы по контролю другим предприятиям. Кроме того, особоуполномоченные контролеры не направляются на те предприятия, которые находились в сфере их подчинения по прежнему месту работы, а также на те предприятия, где занимают высокие руководящие должности их близкие родственники. Особоуполномоченным контролерам запрещается совмещать свою служебную деятельность с работой в штате какого-либо предприятия. Говоря о функциях и методах работы особоуполномоченных контролеров, «Положение» подчеркивает, что они защищают интересы государства как собственника имущества на крупных государственных предприятиях, имеющих важное значение, но в то же время не имеют права участвовать в непосредственной производственной деятельности подконтрольных предприятий, а также вмешиваться в эту деятельность. В функции особоуполномоченных контролеров входит: 1) проверка того, как главные должностные лица подконтрольных предприятий соблюдают требования закона и проводят в жизнь государственную политику; 2) изучение финансовой и бухгалтерской документации подконтрольных предприятий, а также других документов, имеющих отношение к управлению предприятиями. Проверка того, насколько полно финансовая отчетность предприятий отражает истинную финансовую ситуацию на предприятиях, главным образом по вопросам задолженностей предприятий, их способности погашать задолженности, получать, распределять прибыль, распоряжаться денежными средствами, а также контроль сохранения и преумножения государственной собственности на подконтрольных предприятиях; 3) контроль с целью предупреждения нанесения ущерба государственной собственности; 4) оценка эффективности управленческой деятельности главных должностных лиц предприятий; предложения по вопросам поощрений и взысканий, назначений и увольнений в отношении этих лиц.

В процессе выполнения своих функций, помимо изучения финансовой, бухгалтерской и другой необходимой документации подконтрольных предприятий, особоуполномоченные контролеры могут заслушивать, опрашивать главных должностных лиц предприятий с целью выяснения состояния финансовой ситуации и положения в сфере управления предприятиями, а также требовать у этих должностных лиц соответствующих объяснений по таким вопросам. Особоуполномоченные контролеры имеют право получать необходимую информацию в ходе бесед с персоналом предприятий, а также уточнять полученную в ходе контрольной работы информацию в соответствующих финансовых, ревизионных, налоговых, контрольных органах, банках, органах промышленно-торговой администрации.

Итогом работы особоуполномоченного контролера является его отчетный доклад Госсовету, в котором должно быть отражено следующее: 1) анализ и оценка финансовой ситуации на предприятии. 2) Анализ и оценка ситуации в сфере управления предприятием. 3) Анализ и оценка эффективности управленческой деятельности главных должностных лиц предприятия. 4) Предложения по вопросам поощрений и взысканий, назначений и увольнений главных должностных лиц предприятия. 5) Другие обстоятельства, которые Государственный совет может потребовать отразить в докладе или которые сочтет нужным дополнительно изложить сам особоуполномоченный контролер. Отчетный доклад особоуполномоченного контролера рассылается Министерством кадров в соответствии с отраслевой и ведомственной спецификой в соответст-

вующие учреждения аппарата Государственного совета, такие как: Государственный комитет по экономике и торговле; Государственный комитет по оборонной науке, технике и промышленности, Министерство внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества и т.д. Доклад изучается соответствующими министерствами и ведомствами в течение 30 дней. Сотрудники министерств и ведомств, изучающие доклад, в случае несогласия с изложенными в нем выводами и с целью выработки единой позиции по нему обязаны обменяться мнениями с составившим доклад особоуполномоченным контролером. Если единой позиции по докладу достичь не удалось, сотрудники соответствующих министерств и ведомств, изучающие доклад, обязаны изложить особое мнение по нему, не прибегая при этом к перепроверке на месте тех обстоятельств, с которыми они не согласны. После изучения отчетного доклада особоуполномоченного контролера в соответствующих министерствах и ведомствах он представляется Министерством кадров на утверждение руководству Государственного совета. Доклад, утвержденный руководством Государственного совета, является для Министерства кадров основанием на проведение мероприятий по вопросам поощрений и взысканий, назначений и увольнений относительно тех должностных лиц, по которым сделаны соответствующие предложения со стороны особоуполномоченного контролера. В случае возникновения экстренной ситуации особоуполномоченный контролер, осуществляющий проверку деятельности предприятия, обязан немедленно сообщить об этом в Государственный совет, вплоть до направления туда специального доклада. Исходя из ситуации на подконтрольном предприятии, особоуполномоченный контролер имеет право выйти с предложением к учреждениям Государственного совета, отвечающим за ревизионную работу, провести на предприятии ревизионную проверку. «Положение» обязывает особоуполномоченных контролеров, их помощников, других государственных служащих, участвовавших в контрольной проверке, хранить в тайне информацию, полученную и изложенную в ходе контрольной проверки. Кроме того, особоуполномоченные контролеры и их помощники не имеют права разглашать ставшие известными им факты, составляющие коммерческую тайну подконтрольных предприятий. Особоуполномоченные контролеры и их помощники могут подвергаться административным взысканиям, а при наличии состава преступления - уголовному наказанию в следующих случаях: 1) сокрытие серьезных проблем подконтрольного предприятия или существенное упущение в работе. 2) Сговор с представителями подконтрольного предприятия с целью фальсификации отчетного доклада особоуполномоченного контролера Государственному совету. 3) Вмешательство в производственную деятельность подконтрольного предприятия, что привело к нарушению его законных прав. 4) Получение от представителей подконтрольного предприятия подарков, денежных вознаграждений, других видов материальных благ, согласие на оплату подконтрольным предприятием своих расходов, участие в банкетах, увеселительных мероприятиях, экскурсионных поездках, проводимых подконтрольным предприятием, что могло повлиять на объективность выполнения контрольных функций; использование служебного положения в личных целях, а также в интересах родственников и знакомых. 5) Разглашение коммерческой тайны подконтрольного предприятия. Кроме того, административному взысканию, а при наличии состава преступления - уголовному наказанию подвергаются особоуполномоченные контролеры, их помощники, государственные служащие, изучавшие отчетный доклад особоуполномоченного контролера Государственному совету, в случае разглашения содержания этого доклада. И наоборот, особоуполномоченные контролеры и их помощники, добившиеся выдающихся результатов в деле отстаивания государственных интересов, представляются к поощрениям, конкретные виды

которых определяются Министерством кадров. Положение предусматривает принятие строгих мер, вплоть до увольнения и даже уголовного наказания для должностных лиц подконтрольных предприятий в случае отказа или препятствования с их стороны особоуполномоченным контролерам и их помощникам в проведении контроля на законных основаниях; в случае отказа от предоставления особоуполномоченным контролерам и их помощникам документации относительно финансовой ситуации и ситуации в сфере управления предприятием, а также в случае сокрытия таких материалов или предоставления их в искаженном виде; в случае вручения особоуполномоченным контролерам и их помощникам подарков, выплаты им денежных вознаграждений, предоставления других видов материальных благ, оплаты их расходов. В то же время должностным лицам подконтрольных предприятий предоставлено право непосредственно обращаться в Министерство кадров в случае выявления нарушений со стороны особоуполномоченных контролеров и их помощников. Следует отметить, что «Положение» запрещает направлять на те предприятия, где уже действуют особоуполномоченные контролеры, контрольные комиссии (цзянь ши хуэй), образование которых предусматривалось «Положением Государственного совета о контроле и управлении имуществом государственных предприятий», принятом в 1994 г. и упомянутом выше.

Спустя полгода после начала работы первой группы особоуполномоченных контролеров и их помощников была подготовлена и направлена на предприятия вторая группа, в состав которой вошли 18 особоуполномоченных контролеров. В течение 1999 г. Государственный совет планировал подготовить еще две группы особоуполномоченных контролеров и их помощников⁹.

Итоги работы первой группы особоуполномоченных контролеров и их помощников были подведены, в частности, на Всекитайском рабочем совещании по вопросам экономики в декабре 1998 г., на котором премьер Государственного совета КНР Чжу Жунцзи сказал, что создание института особоуполномоченных контролеров Государственного совета есть важный шаг в деле укрепления государственного контроля над предприятиями. Он отметил, что необходимо и в дальнейшем постепенно развивать этот институт на основе уже достигнутого положительного опыта¹⁰. Китайская печать отмечает, что уже первые результаты функционирования института особоуполномоченных контролеров позволяют говорить: во-первых, о его специфичности, поскольку он не подменяет собой другие системы государственного контроля над предприятиями, например, систему контрольных комиссий; во-вторых, о его независимости, поскольку расходы на деятельность особоуполномоченных контролеров Государственный совет закладывает в бюджет отдельной строкой без привлечения расходных средств министерств и ведомств; в-третьих, о его объективности, поскольку Государственный совет предусмотрел назначение особоуполномоченных контролеров и их помощников для работы на конкретных предприятиях на определенный срок - три года. Кроме того, исключается работа особоуполномоченных контролеров на тех предприятиях, где они могут иметь какие-либо личные интересы; в-четвертых, о его авторитетности, поскольку Государственный совет назначает на должности особоуполномоченных контролеров государственных служащих ранга министра или замминистра. Помимо этого, работа особоуполномоченного контролера на предприятии означает, что финансовые проверки и ревизии от отдельных министерств и ведомств без инициативы особоуполномоченного контролера на такое предприятие не направляются; в-пятых, о его профессионализме, поскольку, помимо специальной подготовки на курсах для особоуполномоченных контролеров и их помощников, помощники особоуполномоченных контролеров, в частности, должны быть специалистами в конкретных областях: финансов, бухгалтерского учета,

права и т.д. Кроме того, при необходимости особоуполномоченные контролеры могут приглашать для помощи в контрольной деятельности специалистов из соответствующих министерств и ведомств ¹¹. На торжественной церемонии по случаю выпуска второй группы особоуполномоченных контролеров и их помощников в январе 1999 г. было также отмечено, что институт особоуполномоченных контролеров отличается научным подходом к деятельности и имеет хорошие перспективы развития ¹². Такая характеристика, как отмечается в китайской печати, была дана потому, что в своих отчетных докладах Госсовету особоуполномоченные контролеры доводят необходимую информацию о влиянии рыночных отношений на характер управления предприятиями до тех правительственных органов, которые несут ответственность за принятие экономических решений. Кроме того, благодаря отчетным докладам особоуполномоченных контролеров Госсовету, правительство получает возможность поставить систему аттестации руководящих кадров предприятий в зависимость от реалит развития рыночных отношений в экономике, что в свою очередь будет способствовать преодолению субъективизма и произвола при назначении руководителей госпредприятий. В то же время институт особоуполномоченных контролеров в определенной степени меняет систему субординации между должностными лицами предприятий и министерствами и ведомствами различного уровня, поскольку ослабляет механизмы, с помощью которых последние могли бы вмешиваться в производственную деятельность предприятий путем принятия тех или иных кадровых решений. С другой стороны, работа института особоуполномоченных контролеров направлена на то, чтобы и руководители предприятий больше думали о финансовом состоянии своих предприятий и эффективности управления ими, а не о личной выгоде ¹³.

Вместе с тем, начало деятельности особоуполномоченных контролеров Государственного совета выявило и целый ряд проблем. Китайские аналитики выделяют здесь две основные проблемы ¹⁴. Во-первых, необходимость изучения особоуполномоченными контролерами опыта работы различных органов и ведомств, в том числе, осуществляющих в тех или иных формах контроль за деятельностью предприятий. Это прежде всего органы отраслевого управления, партийные комитеты, кадровые и организационные учреждения, органы по проверке дисциплины, плановые, финансовые, налоговые, ревизионные, органы промышленно-торговой администрации, специализированные контрольные органы, банковские структуры. Во-вторых, наиболее сложной с практической точки зрения признана проблема работы особоуполномоченных контролеров и их помощников с финансовой документацией предприятий в целях выявления умышленных и ошибочных искажений, допущенных при ее оформлении. В связи с этим сообщается, что соответствующие органы министерств и ведомств, которым поручена подготовка работников контроля, в том числе особоуполномоченных контролеров и их помощников, будут готовить их, в частности, по двум узкоспециализированным направлениям: выявление неверно оформленных и подложных финансовых документов и составление финансовой документации в соответствии с установленными требованиями ¹⁵.

Помимо этих двух вопросов, правительство, судя по материалам китайской печати, обеспокоено и уровнем квалификации лиц, выполняющих контрольные функции ¹⁶. Отмечается, что профессиональная подготовка и политическая зрелость работников контроля должны быть такими, чтобы не создавать проблем подконтрольным предприятиям. Имеется в виду, что контроль главным образом направлен на возможность полной реализации предприятием своего права на самостоятельность в производственной деятельности и достижении успехов в развитии производства.

Первые шаги в сфере становления института особоуполномоченных контролеров получили оценку не только со стороны правительства, но и со стороны представителей предприятий, попавших в поле деятельности нового института государственного контроля. И если правительство в целом положительно оценивает первый опыт работы института особоуполномоченных контролеров, то руководители ряда крупных и средних государственных предприятий придерживаются иного мнения на этот счет¹⁷. Они считают, что противоречия, возникающие между особоуполномоченными контролерами, их помощниками и управленческим персоналом предприятий, - это результат проявления недоверия правительства по отношению к управленцам-производственникам. Сторонники этой точки зрения полагают, что «контроля стало слишком много», и мотивируют свое мнение тем, что институт особоуполномоченных контролеров как форма вневедомственного контроля усиливает и без того мощный контрольный пресс, который испытывают на себе руководители предприятий со стороны органов, осуществляющих «внутренний», ведомственный контроль, а также со стороны парткомов предприятий, советов представителей трудовых коллективов и организаций, осуществляющих другие, в отличие от института особоуполномоченных контролеров, формы вневедомственного контроля, таких как: органы по проверке дисциплины, по проведению прокурорского надзора за исполнением законов, по налогообложению с торгово-промышленной деятельности предприятий. Но есть и другая точка зрения, не руководителей, а рядовых работников и служащих подконтрольных предприятий. Они, наоборот, считают, что дополнительный вневедомственный контроль не просто необходим, а должен усиливаться и, самое главное, быть как можно более эффективным. По сообщениям китайской печати, персонал предприятий весьма резко высказывается относительно ситуаций, когда «правление предприятия некомпетентно, а контроль за деятельностью правления неэффективен»¹⁸. Рабочие и служащие полагают, что ослабление контроля над деятельностью руководителей предприятий приводит к тому, что они начинают чувствовать вседозволенность и совершать крупные правонарушения. Так, в конце июня 1999 г. суд средней инстанции города Цзыгун провинции Сычуань вынес приговор по делу четырех руководящих работников Восточной акционерной закрытой компании по производству бойлерных агрегатов, которые были уличены в перепродаже и присвоении акций компании¹⁹. Каждый из них таким образом незаконно присвоил более 2 млн. юаней. Суд вынес по их делу приговоры о смертной казни с отсрочкой исполнения и о бессрочном тюремном заключении. Главное ревизионное управление Госсовета ежегодно производило проверки на этом предприятии, однако не выявило нарушений, и только после направления на предприятие рабочей группы особоуполномоченного контролера Государственного совета удалось вскрыть хищения и разоблачить злоумышленников. Китайские аналитики делают из этого примера вывод, что, хотя соответствующие органы министерств и ведомств, наделенные контрольными функциями, и обладают достаточно широкими полномочиями, однако не всегда способны полностью их использовать, если речь идет о контроле в отношении руководителей вышестоящего или равного им уровня²⁰. В этом смысле особоуполномоченные контролеры, напрямую подчиненные руководству Госсовета, способны быть беспристрастными в отношении руководителей-производственников любого уровня.

Многообразие направлений государственного контроля за деятельностью предприятий требует, наряду с внедрением нового института государственного контроля, сохранять «традиционные» формы контроля со стороны государства, такие как: финансовые проверки, аудит, проверки дисциплины и пр. Вместе с тем, имеется необходимость в создании и других новых органов и

институтов контроля, которые будут существовать параллельно с институтом особоуполномоченных контролеров и «традиционными» институтами контроля. Так, одновременно с институтом особоуполномоченных контролеров в 1998 г. был создан новый контрольный орган в Государственном комитете по экономике и торговле - Департамент контроля за деятельностью предприятий. В мае 1999 г. ЦК КПК и Госсовет совместно приняли «Временное положение о проверке экономической ответственности на период исполнения служебных обязанностей руководителей госпредприятий и предприятий, на которых контрольный пакет акций принадлежит государству». Помимо этого, как отмечают китайские специалисты, следует изучать возможности создания «специальных» контрольных органов, а также расширять систему так называемого «общего финансового контроля», которая функционировала бы по принципу «Кто дает деньги, тот имеет право контролировать их использование». Говорится также и о необходимости совершенствовать уже работающую с 1994 г. систему контрольных комиссий²¹.

В целом, освещая последние шаги руководства КНР в деле усиления государственного контроля за деятельностью предприятий, китайская печать отмечает, что такие меры, во-первых, благоприятствуют совершенствованию системы управления, использования и контроля со стороны государства государственной собственности, находящейся в распоряжении предприятий, а во-вторых, способствует созданию на предприятиях современной производственной системы, изменению механизмов управления предприятиями, повышению уровня управленческой работы на них и, в конечном счете, росту эффективности экономической деятельности предприятий. Иными словами, государственный контроль направлен не только на обеспечение интересов государства на предприятиях, но и на развитие самих предприятий и экономики в целом в условиях становления рыночных отношений.

С такой оценкой тенденции развития государственного контроля за деятельностью предприятий нельзя не согласиться. Подобный подход руководства КНР к принципам государственного контроля в полной мере отвечает идее проводимой в последние годы политики разделения функций правительства и предприятий. Однако, на наш взгляд, вопрос о степени соответствия масштабов государственного контроля и возможностей предприятий для самостоятельной производственной деятельности остается открытым. Отказавшись от вмешательства в производственную деятельность предприятий путем определения им соответствующими министерствами и ведомствами производственных планов, государство не ослабило, а наоборот, ужесточило контроль в первую очередь за финансовой стороной деятельности предприятий, о чем свидетельствует создание института особоуполномоченных контролеров. Это вполне объяснимо, поскольку в условиях развития рынка многократно возрастает значение товарно-денежных отношений. Контроль над финансовой сферой, таким образом, позволяет в итоге активно влиять и на производственную деятельность. Бесспорно, что ключевое значение для контроля за деятельностью предприятий имеет и сохранившееся по сути дела у государства право решать в административном порядке кадровые вопросы в отношении руководителей предприятий. Что бы ни говорили китайские специалисты об уменьшении зависимости управленцев-производственников от субъективизма и произвола руководителей отраслевых министерств и ведомств в результате создания института особоуполномоченных контролеров, главные должностные лица предприятий по-прежнему зависят от административной воли - теперь уже не столько отдельных министерств, сколько руководства правительства, - формируемой особоуполномоченными представителями высшего органа исполнительной власти. Кадровые решения, принимаемые теперь на столь высоком уровне,

носят гораздо более категоричный, безапелляционный характер, а потому говорить об уменьшении зависимости руководителей предприятий от административной воли структур исполнительной власти не приходится. По-видимому, нет и необходимости доказывать, что любое административное кадровое решение по отношению к главным должностным лицам предприятия так или иначе влияет на непосредственный процесс производства.

В заключение можно сделать следующий вывод: оставляя предприятиям для самостоятельной деятельности производственный сектор, государство усиливает контроль над теми сторонами деятельности предприятий, которые не относятся напрямую к производству, но имеют настолько важное значение и так тесно связаны с производством, что фактически позволяют государству так или иначе влиять через них на производственный процесс. Разумеется, подобное опосредованное влияние государства на экономическое производство не столь «болезненно» для предприятий, как непосредственное, административно-плановое влияние. Опосредованное влияние государства на производство не просто создает определенные предпосылки для самостоятельности предприятий, но и, несомненно, дает им известный простор для хозяйственной деятельности, что является в экономическом смысле шагом вперед. Конкретно судить, насколько широк сектор производственной самостоятельности предприятий - удел экономистов. На наш взгляд, усиление контроля и соответственно опосредованного влияния государства на производственную деятельность предприятий свидетельствует о стремлении руководителей КНР и в дальнейшем сохранять за собой «командные высоты» в экономике по мере углубления рыночных реформ.

Приложение

1. Китайская генеральная компания по добыче нефти в морской акватории (г. Пекин).
2. Северо-восточная компания (корпорация) цветных металлов в Хулудао (г. Хулудао, пров. Ляонин).
3. Компания цветных металлов в Байинь (г. Байинь, пров. Ганьсу).
4. Бохайская объединенная компания химической промышленности в Тяньцзине (г. Тяньцзинь).
5. Шаньдунская объединенная электроэнергетическая компания (г. Цзинань, пров. Шаньдун).
6. Юньнаньская электроэнергетическая компания (г. Куньмин, пров. Юньнань).
7. Китайская генеральная компания по импорту и экспорту продовольственных товаров (г. Пекин).
8. Китайская восточная объединенная электроэнергетическая компания (г. Чэнду, пров. Сычуань).
9. Сигаретная фабрика в Чанша (г. Чанша, пров. Хунань).
10. Китайская компания алюминиевой промышленности, имеющая марку «Великая стена» (г. Чжэнчжоу, пров. Хэнань).
11. Китайская объединенная компания «Хуанэн» (г. Пекин).
12. Куньминская сигаретная фабрика (г. Куньмин, пров. Юньнань).
13. Гуанчжоуская (корпорация) компания с ограниченной ответственностью по морским перевозкам (г. Гуанчжоу, пров. Гуандун).
14. Сианьская компания по производству электротехнического оборудования (г. Сиань, пров. Шэньси).
15. Объединенная компания «Радуга» (г. Пекин).
16. Тунлинская компания цветных металлов (г. Тунлин, пров. Аньхой).
17. Китайская компания с ограниченной ответственностью единой почтовой связи (г. Пекин).

18. Шанхайская табачная (корпорация) компания (г. Шанхай).
19. Китайская восточная объединенная авиационная компания (г. Шанхай).
20. Уханьская металлургическая (корпорация) компания (г. Ухань, пров. Хубэй).
21. Китайская генеральная компания по импорту и экспорту продукции химической промышленности (г. Пекин). (Ляован. 1999. № 7-8. С. 7)

-
1. Жэньминь жибао. 1994. 30 июня.
 2. Там же.
 3. Жэньминь жибао. 1998. 7 марта.
 4. Ляован. 1999. № 7-8. С. 5.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. Жэньминь жибао. 1998. 7 марта.
 8. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань гунбао. (Вестник Государственного совета Китайской Народной Республики). 1998. № 19. С. 757-761.
 9. Ляован. 1999. № 7-8. С. 4, 7.
 10. Там же. С. 7.
 11. Там же. С. 6.
 12. Там же. С. 5.
 13. Там же. С. 5-6.
 14. Там же. С. 4.
 15. Ляован. 1999. № 7-8. С. 6.
 16. Ляован. 1999. № 32. С. 4.5.
 17. Ляован. 1999. № 32. С. 4-5.
 18. Там же.
 19. Там же.
 20. Там же.
 21. Там же.

Урбанизация в Китае

© 2000

Л. Кондрашова, А. Островский

Китай - страна древней городской культуры. Первые города здесь возникли в провинции Хэнань в XXI-XX в. до н. э. По образному выражению сиолога А.В. Александрова, разрушение первобытной аморфности, при которой нет "ни города, ни деревни", дало начальный импульс к формированию цивилизации на востоке Азии¹. В эпоху Чуньцю ("Весны и осени") и Чжаньго ("Воюющих царств") в Китае уже были города с населением около 300 тыс. человек, а в столице Чанъань (ныне Сиань) проживало более 500 тыс. человек, что было по тем временам беспрецедентным явлением. В средневековье Китай был одной из самых урбанизированных стран мира. В городах танской эпохи численность населения порою достигала 1 млн. человек. Правда, в отличие от Европы феодальный китайский город не имел особого статуса самостоятельности и самоуправления и входил органической составной частью в общую социально-экономическую систему аграрного типа. Характерное для этой системы превосходство земледелия над ремеслом создавало экономическое подчинение города деревне и лимитировало свободу предпринимательства².

Город был прежде всего административным и торговым центром определенной территории, что запечатлелось и в самом иероглифическом биноме "город", который состоит из двух иероглифов - "чэн" (стена) и "ши" (рынок). Городская стена защищала горожан от вражеских нападений и обособляла правителя и его челядь от внешнего окружения. Кстати говоря, этот символ "стена-граница" прочно вошел в государственную и урбанистическую культуру Китая. "Китайской стеной" правители страны пытались оградить ее от набегов кочевых племен, а каждое подворье заявляло о своей обособленности также глинобитной стеной, за которой шла своя жизнь, скрытая от посторонних глаз. В числе достопримечательностей китайских городов нередко присутствуют мощные городские стены, а там, где время безжалостно с ними расправилось, остались красивые городские ворота, сориентированные по частям света.

Со второй половины XIX в. стало все ярче проявляться экономическое отставание Китая, одним из показателей которого служит низкая степень урбанизации (в 1949 г - 10,6%) и слабая общественно-трансформирующая способность города. Сконцентрировавшийся в основном в городах капиталистический уклад оставался "низкосортным" из-за влияния традиционной системы и зависимости от иностранного капитала. Города глубинки сохраняли черты средневекового города, роль которого была ограничена из-за преобладания над ним деревни. В города приморской зоны практически импортировался

Кондрашова Людмила Ивановна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

“капитализм вчерашнего дня”, и уровень жизни рядового горожанина мало чем отличался от крестьянского.

В середине 20-х годов в Китае начала создаваться система городов в европейском понимании этого слова, что означало признание города как политического, торгового и транспортного центра. Это нашло свое отражение в новом китайском наименовании крупных городов (*ши*), которое в 1925–1934 гг. было присвоено 26 наиболее важным политическим и транспортным центрам. Пионерами в этой области были Гуанчжоу и Шимынь (сейчас Шицзячжуан), затем к ним присоединились Пекин, Шанхай и Тяньцзинь (в 1928 г.). В 1936–1944 гг. в категорию “город” (*ши*) были возведены 25 городов на неоккупированной японцами территории, в последние годы гоминьдановского режима (1945–1947 гг.) - еще 9 городов. Исторически сложилось так, что большинство крупных городов располагались в восточной приморской части страны, вдоль крупных рек, а потом железных дорог.

При анализе степени современной урбанизированности Китая мы сталкиваемся с рядом серьезных трудностей. Первая из них - содержание самой категории “город”. При большой плотности населения и чрезвычайной освоенности территории даже в сельскохозяйственных регионах населенные пункты стоят довольно близко друг к другу и имеют внушительные размеры, а вокруг крупных городов сложились зоны притяжения. Обычные мировые стандарты “города” по количеству жителей и характеру их занятости к Китаю мало подходят. Таких поселений с несколькими тысячами жителей, многие из которых работают на волостно-поселковых предприятиях (*сянчжэнь цзе*), в Китае великое множество, однако образ жизни в них нельзя считать “городским” в полном смысле этого слова, это, скорее, те места комплексного проживания, которые у нас в России называли “фабричными поселками” (или “посадами”).

Поскольку городское строительство требует больших средств, а уровень жизни в городе много выше, чем в деревне, китайское руководство в дореформенный период придерживалось политики сдерживания процесса урбанизации, хотя в годы форсирования индустриализации вынуждено было отступить. Государство старалось также строго контролировать миграцию в города, чтобы удержать ее в соответствии с возможностями трудоустройства и продовольственного снабжения и тем самым избежать возникновения очагов социальной нестабильности, сами мигранты рассматривались как лица “второго сорта” и подвергались разного рода дискриминации.

Одним из проявлений такой политики служили очень высокие официальные критерии статуса “город” (*ши*), при этом его официальное присвоение населенному пункту даже при соответствии существовавшим требованиям нередко откладывалось на многие годы. Присвоение статуса “город” (*ши*) населенному пункту всегда было не чисто административной, а серьезной политической акцией, сопряженной с распределительными процессами.

Количественные нормы для города несколько раз менялись. Первое постановление относительно содержания понятия “город” с соответствующими политическими и административными последствиями было принято Госсоветом КНР в 1955 г. К городам-муниципиям (*ши*) относились только те, в которых проживало более 100 тыс. человек. Поселками (*чжэнь*) могли становиться те городские пункты, в которых число жителей превышало 2 тыс. человек, а вне сферы сельского хозяйства было занято более половины экономически активного населения (включая население городской области). В исключительных случаях статус поселка мог присваиваться тем населенным пунктам, в которых проживало от тысячи до двух тысяч человек при занятости вне сферы сельского хозяйства более 75%³.

В декабре 1963 г. было принято совместное постановление ЦК КПК и Госсовета КНР относительно нового содержания категорий "город" и "поселок" и урезания территории городских областей. Правила предоставления статуса "города" (*ши*) остались прежними (более 100 тыс. жителей с некоторыми исключениями для особо важных промышленных, торговых и пограничных центров, административных центров провинций). Понятие же "поселок" (*чжэнь*) было пересмотрено в сторону ужесточения критериев, и этот ранг мог быть присвоен только населенным пунктам, имеющим не менее 3000 жителей, из которых свыше 70% заняты вне сферы сельского хозяйства, либо 2500-3000 человек при 85% занятых вне сферы сельского хозяйства, причем при учете лиц, занятых вне сферы сельского хозяйства, требовалась городская прописка, что обеспечивало получение продовольственных карточек. Центры народных коммун - новых административных единиц, заменивших волости, оставались за пределами городского "массива" даже если они полностью укладывались в установленные рамки⁴.

Годы реформы отличались послаблениями в отношении миграции в города, быстрым ростом населения городов и большей либерализацией в отношении признания их административных прав. Во время III Всекитайской переписи населения 1982 г. действовали те же критерии городов, но территория городской области к тому времени во многих случаях значительно расширилась за счет прилегающих уездов. С 1984 г. стали действовать правила ГСУ КНР, согласно которым на статус поселка городского типа (*чжэнь* или *цзичжэнь*) могли претендовать: 1) уездные центры, 2) волостные административные центры с населением свыше 20 тыс. человек, в которых не менее 10% населения были заняты вне сферы сельского хозяйства, 3) волостные административные центры с населением менее 20 тыс. человек, но с долей занятых вне сферы сельского хозяйства более 10%, 4) поселения особого значения (промышленные, транспортные и туристические центры), в которых занятость вне сферы сельского хозяйства составляет не менее 2000 человек⁵. Введение этих новых правил резко повысило численность городского населения, что и зафиксировали статистические справочники 80-х годов. Однако такая форсированная урбанизация "на бумаге" в дальнейшем была признана несостоятельной, скорее всего, по чисто экономическим соображениям. И хотя сейчас критерии 1982 г. формально продолжают действовать, но в действительности учетная база оказалась уменьшена за счет выведения за ее пределы сельских поселков, лишенных официального статуса "поселка городского типа", и цифр на 1983-1989 гг. пришлось корректировать.

Вторая трудность при анализе процесса урбанизации связана с взаимоотношениями между городами и административными районами, в которых они находятся, а также непосредственно прилегающими к ним территориями. До реформы города подчинялись органам управления соответствующих административных единиц, но в 1983 г. вышли из-под этой опеки и, образовав самостоятельную систему городских административных районов, стали претендовать на руководство окружающей местностью.

С 1993 г. в КНР вступили в силу новые критерии определения "город". В феврале 1993 г. Министерство гражданской администрации КНР направило доклад в Госсовет КНР с предложением пересмотреть критерии понятия "город" (*ши*). Предложение обосновывалось тем, что действующие критерии, такие как доля занятых вне сферы сельского хозяйства и объем валовой продукции промышленности не согласовывались с наличием большого числа жителей в поселении, что требовало дополнительных затрат из бюджета на развитие его инфраструктуры. В докладе также предлагалось выработать критерии, различающие городские поселения по типам - уездные города (*сяньши*) и

окаймленные города (*диши*). В результате в 1993 г. при определении понятия "город" одним из главных критериев вновь стала плотность населения в сочетании с уровнем экономического развития. При этом были снижены требования к уровню экономического развития для центральных и западных районов Китая, а также были выделены специальные критерии для уездных городов (*сяньши*) и окрестных городов (*диши*)⁶.

В настоящее время классификация городов аналогична иерархии территориальных административных единиц. По своему месту в территориально-административном устройстве страны все города распределяются на следующие категории: 1) города центрального подчинения (или города провинциального ранга) (*шэнхуэй чэнши* или *чжисяши*); 2) города окружного ранга (*дицзиши*); 3) города уездного ранга (*сяньцзиши*); 4) поселки городского типа (*чжэнь* или *цзичжэнь*).

Города центрального подчинения, или города провинциального ранга, приравненные по своему положению к высшим административным единицам.

После создания КНР было 14 городов центрального подчинения, но к середине 50-х годов таких городов-провинций осталось только три: столица Пекин, расположенный недалеко от Пекина портовый город Тяньцзинь и находящийся в устье реки Янцзы город Шанхай. В 1997 г. к этим "трем избранным" присоединился крупный город провинции Сычуань - Чунцин, который в период войны с японскими захватчиками выполнял функцию столицы неоккупированной территории страны, но после образования КНР не был главным городом провинции Сычуань. При оформлении современного статуса города центрального подчинения к Чунцину отошла значительная часть территории Сычуани.

У этой группы городов есть своего рода "резерв". С середины 80-х годов часть наиболее крупных городов стали получать статус "самостоятельных плановых единиц" (*цзихуа даньле ши*), т.е. приближенных к городам провинциального ранга (центрального подчинения). Эти города остаются административными центрами провинций, но в финансовых и плановых вопросах выходят непосредственно на центральные органы. В 1996 г. таких городов, близких по своему положению к городам центрального подчинения, было 6, из их числа юридическое признание этого статуса получил пока только Чунцин, но аналогичная перспектива может ожидать и другие такие города - Ухань, Шэньян, Далянь, Сиань и Гуанчжоу.

Особое место в системе территориально административного устройства Китая занимает город-порт Сянган (Гонконг), считающийся "особым административным районом". В 1990 г. был принят "Основной закон Особого административного района Сянган КНР", согласно которому Сянган в отличие от провинций, автономных районов и городов центрального подчинения получил право иметь свой флаг и герб, самостоятельно поддерживать отношения с разными странами и международными организациями, открывать за рубежом торговые представительства. Официально оговорено сохранение существующего в Сянгане социально-экономического строя и образа жизни в течение 50 лет после возвращения Сянгана Китаю. С 1 июля 1997 г. Основной закон в отношении Сянгана вступил в силу. Однако в статистические отчеты Сянган пока включается отдельно. В декабре 1999 г. состоялась церемония присоединения к Китаю бывшей португальской колонии - Макао.

Города окружного ранга, или ранга префектур (дицзиши)

Эта категория и нижеупомянутая были введены в 1983 г. вместо городов провинциального и окружного (районного, префектурного) подчинения. К городам уровня округов относятся столицы провинций и административные центры округов (обычно несколько городов-"ши" в каждой провинции). Главные

города провинций - это, как правило, города с численностью населения свыше 1 млн. человек (города-миллионеры), важные политические центры (а теперь и экономические), прежде соперничавшие между собой за первое место в китайской империи и на какое-то время его отвоевывавшие. Столицами Китая (или части его территории) были Лоян, Сиань, Нанкин, Гуанчжоу. К этой же "почетной" когорте китайских городов принадлежат Харбин, Чэнду, Чанчунь и многие другие. Согласно критериям 1993 г., к городам окружного ранга стали относить поселения, в которых плотность населения свыше 400 человек на 1 кв.км, численность населения занятого вне сферы сельского хозяйства превышает 25 тыс. человек, из которых 80% должны иметь городскую прописку, валовая продукция промышленности и сельского хозяйства (ВПП и СХ) - свыше 3 млрд. юаней, при доле валовой продукции промышленности (ВПП) не менее 80% ВПП и СХ, валовой внутренней продукт - не менее 2,5 млрд. юаней, доля "третьей" сферы - более 35% ВВП, а доходы местного бюджета должны превышать 200 млн. юаней в год⁷. Таким образом, введение специальных критериев понятия "окружной город" (или "город окружного ранга"), где сочетаются как демографические, так и экономические условия, позволяет более объективно и реально оценивать процессы урбанизации в КНР, связанные с переходом китайских городов от средних к крупным и от крупных к сверхкрупным.

Города уездного ранга (сяньцзиши).

Пик образования новых городов-"ши" пришелся на начальный период существования КНР, до 1954 г. на китайской карте появилось 99 новых городов - "ши", причем только в одном 1949 г. - сразу 41. В конце первой пятилетки в Китае было 176 городов-"ши", а после "большого скачка" в 1961 г. - 208, но затем почти все "скачковые" города лишились этого почетного титула, и в 1964 г. их осталось только 168. В годы "культурной революции" за 11 лет массив городов -"ши" пополнился только 11 единицами, а всего в 1965-1978 гг. прибавка составила лишь 25 городов. С 1977 по 1986 г. в Китае появилось 129 новых городов-"ши", на конец 1986 г. их было 353, а в последующем десятилетии прирост составил 315 единиц.

Такой прирост городов -"ши" связан с изменением понятия "уездный город" (или "город уездного ранга") в 1993 г. Согласно критериям 1993 г., все уездные города стали подразделяться на четыре категории: 1) в уездах с плотностью населения свыше 400 чел. на 1 кв.км; 2) с плотностью населения от 100 до 400 чел. на 1 кв.км; 3) с плотностью населения менее 100 чел. на 1 кв.км; 4) в уездах с численностью населения, занятого вне сферы сельского хозяйства, более 60 тыс. человек, из которых более 2/3 имеют городскую прописку. Для поселений, расположенных в уездах с плотностью населения свыше 400 чел. на 1 кв.км, статус города присваивался в тех случаях, когда они являлись уездными центрами, а численность населения превышала 120 тыс. человек, из которых 67% имело городскую прописку. Если поселение не являлось уездным центром, то численность занятого вне сферы сельского хозяйства населения должна была превышать уже 150 тыс. человек и составлять не менее 30% всего его населения. Также выдвигались и требования к объему валовой продукции волостно-поселковых предприятий - не менее 1,5 млрд. юаней, при доле ВПП в ней - более 80%, объему ВВП - свыше 1 млрд. юаней, доле "третьей сферы" - не менее 20% ВВП, доходам местного бюджета - не менее 60 млн. юаней в год и не менее 100 юаней в год на душу населения при обязательной определенной доле отчислений в центральный бюджет. При этом к уездным городам в отличие от окружных выдвигались требования о наличии необходимой инфраструктуры - не менее 60% всех дорог должны быть асфальтированы и не менее 65% всех строений обеспечено водоснабжением.

Для поселений в уездах с плотностью населения от 100 до 400 человек на 1 кв.км и менее 100 человек на 1 кв.км экономические критерии для получения статуса города постепенно снижались, но требовалась более высокая доля населения с городской пропиской. В частности, в уездах с плотностью населения от 100 до 400 человек на 1 кв.км городами могли называться поселения, являющимися уездными центрами с общей численностью населения не менее 100 тыс.человек, из которых не менее 70% должны иметь городскую прописку, либо минимальная общая численность населения занятого вне сферы сельского хозяйства должна быть свыше 125 тыс.человек (не менее 25% всего населения города), при общем объеме продукции волостно-поселковых предприятий не менее 1,2 млрд.юаней при доле ВПП в ней не менее 70%, объема ВВП - не менее 800 млн.юаней, доли "третьей сферы" - не менее 20% ВВП, доходах местного бюджета - не менее 50 млн.юаней или 80 юаней на душу населения в год, а доля асфальтированных дорог - не менее 55% всех дорог поселения и обеспеченность водоснабжением - не менее 60% всех строений.

В уездах с плотностью населения менее 100 человек на 1 кв.км на получение статуса города могли претендовать уездные центры, где численность населения свыше 80 тыс.чел. и 75% из них должны иметь городскую прописку, либо минимальная общая численность занятых вне сферы сельского хозяйства должна превышать 100 тыс.чел. (не менее 20% всего населения города) при общем объеме продукции волостно-поселковых предприятий не менее 800 млн.юаней (при доле промышленной продукции не менее 60%), ВВП - не менее 600 млн.юаней, "третьей сферы" - не менее 20% ВВП, доходах местного бюджета - не менее 40 млн.юаней или 60 юаней в год на душу населения, а доля асфальтированных дорог должна составлять более 50% всех дорог в данном поселении, обеспечение водоснабжением - иметь не менее 55% всех строений.

Для городских поселений в уездах с численностью населения, занятого вне сферы сельского хозяйства, свыше 60 тыс. человек, из которых не менее 2/3 должны иметь городскую прописку, были выработаны особые критерии, более строгие, чем к обычным уездам. Согласно этим критериям, городское поселение должно быть по меньшей мере окружным центром (*дициши*), объем валовой продукции волостно-поселковых предприятий должен превышать 4 млрд.юаней, ВВП - не менее 2,5 млрд.юаней, доходы местного бюджета - более 100 млн.юаней, из которых необходимо отчислять в центральный бюджет не менее половины. Кроме того, поселение должно быть крупным торговым портом или местом, отведенным под реализацию крупного государственного проекта, либо оно должно являться важным пунктом для реализации политических, военных и дипломатических планов⁸.

На конец 1997 г. в Китае было зарегистрировано 668 городов-муниципий ("ши"), из которых 4 относились к провинциальному рангу, 222 - к рангу префектур и 442 - к уездному рангу⁹. В 1996 г. городов уездного ранга было больше - 446, из них 357 были уездными, а 89 - окружными центрами¹⁰. Исходя из разницы числа округов и городов окружного ранга, в 1997 г. окружными центрами были 110 "дициши", а 332 - уездными центрами. Как видим, введенные в 1993 году новые критерии для определения понятия город - "ши" с делением на три группы - провинциальные, окружные и уездные не только позволили более гибко подходить к присвоению статуса город - "ши" различным поселениям, но и своевременно изменять их статус по мере изменения экономической ситуации в том или ином уезде. Это стало мощным инструментом контроля за деятельностью местной власти и всей исполнительной вертикали, поскольку наличие статуса города - "ши" позволяло местным властям получать дополнительные средства из вышестоящих бюджетов, а в отдельных

случаях - и непосредственно из центрального бюджета на нужды городов и развитие необходимой инфраструктуры.

С проведением реформы связано появление особого статуса "открытых городов". В 1984 г. этот статус был присвоен 14 наиболее крупным приморским городам. Эти города вместе с четырьмя специальными экономическими зонами образовали приморскую зону открытия внешнему миру. Одним из наиболее убедительных показателей перехода КНР к политике открытости "по всем азимутам" стало официальное разрешение иностранным вкладчикам вести свою деятельность в 18 провинциальных центрах, 5 городах по течению Янцзы, 13 приграничных городах, а также в 34 таможенных пунктах.

Одним из главных направлений экономической реформы в городах КНР стало расширение юрисдикции городских властей на прилегающие сельские регионы. В докладе о проекте 6-го пятилетнего плана тогдашний премьер Чжао Цзыян сформулировал задачу "сделать экономически развитые города центрами притяжения прилегающих к ним сельских территорий, организовать в едином порядке производство и обращение и постепенно создавать разные по величине и профилю экономические районы вокруг городов"¹¹. В перспективе такие городские экономические районы как альтернатива ведомственному и территориальному управлению могли бы заменить существующее административное деление.

Политика "город управляет прилегающими уездами" вместо традиционного управления административными районами привела к размыванию границ между городами и уездами, часть уездов присоединялась к городам на правах "ближнего" или "дальнего" пригорода и в итоге либо прекращали свое самостоятельное существование, либо становились уездами особого типа, находящимися в подчинении городов (*шисясянь*). В 1983-1996 гг. ежегодно число уездов сокращалось на 34 единицы¹². Число уездов типа "шисясянь" варьируется по разным провинциям, в Хэбэе, например, их 115, в Хунани - 54, в Цзилине - 21 и т.п.

Этот эксперимент под названием "город управляет уездами" внес в понятие "город" большую путаницу. Так, "город Гуанчжоу" существует в трех ипостасях: 1) собственно городская территория (город в узком понимании), 2) город вместе с ближайшим пригородом, который по площади в 8 раз превышал зону городской застройки, 3) "большой Гуанчжоу", который включает несколько уездов городского подчинения с 4 городами уездного ранга.

Новый административно-территориальный подход привел к возникновению городов-миллионеров и экономических гигантов на базе довольно заурядных городских поселений. Так, население не очень крупного города Сычуани Ваньсянь с учетом 8 присоединившихся к нему уездов возросло до 8,2 млн. человек¹³. Сейчас вся эта территория вошла в новообразование "Чунцин как город центрального подчинения", в результате чего под управлением Чунцина оказался юг провинции Сычуань с общим населением более 30 млн. человек, а сам Чунцин по численности населения вышел на первое место среди всех китайских городов.

Согласно недавно установленным правилам, к городу не относятся управляемые им уезды, а только близлежащие территории на правах городской области¹⁴. Однако эти установки ЦСУ до сих пор не всегда строго соблюдаются. Большинство населенных пунктов на территории управляемых городом уездов, включая города центрального подчинения - Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, а теперь ещё и Чунцин, относятся к категории "посёлок" (*чжэнь* или *цзичжэнь*), статус которых был определен критериями ГСУ КНР в 1984 году.

Таким образом, в КНР оказывается довольно размытая граница между городом (*ши*) и поселком (*чжэнь*), что создает значительные трудности в опре-

делении понятий "городское население" и "сельское население". В одних случаях численность городского населения исчислялась по принципу места проживания, в других - по принципу занятости населения (в пределах или вне пределов аграрной сферы), в третьих - по принципу городской прописки. Сама система прописки была введена в 1955 г. сначала по инструкции Госсовета КНР, а с 1958 г. по решению Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных представителей (ПК ВСНП). Отличие городской прописки от сельской состояло в том, что она давала право на государственное снабжение зерном. Следование принципу административной принадлежности при проведении переписи 1982 г. привело к тому, что в разряд "горожан" попало значительное число крестьян и дислоцированных на данной территории военных. С 1997 г. начала внедряться система постоянной и временной прописки, а лица временного проживания стали исключаться из числа городских жителей.

Механический прирост всегда был важной компонентой роста городского населения, особенно после того, как все больше вступала в силу политика ограничения рождаемости, оказавшаяся более действенной именно в городах. В годы первой пятилетки развернувшееся индустриальное строительство потребовало большое количество рабочих рук, но порядок найма сельских жителей на работу в городе был связан с получением многочисленных документов как по месту прежнего проживания в деревне, так и по месту получения работы и предоставления нового жилья. Наличие городской прописки гарантировало получение продовольствия по карточным нормам, а поскольку продовольственные карточки в те годы были единственным каналом снабжения городского населения продуктами питания, свободной сельской миграции в города был поставлен прочный заслон.

Введение прописки сопровождалось выселением из городов тех лиц, которые находились в них без постоянного места работы или местожительства. В 1955 г. из одного только Шанхая в сельские районы было выселено 558 тыс. человек¹⁵ ("Гуанмин жибао", 29.11.1955). Примеру Шанхая последовали и другие города. Однако эта политика вошла в противоречие с курсом на ускорение индустриализации. В 1956 г. были заключены соглашения по найму с 500 тыс. крестьян, что полностью компенсировало "потерю" 1955 г.

В годы "большого скачка" миграция в города приобрела большие масштабы и полустихийный характер. За годы "скачка" (1958-1960) численность городского населения увеличилась на 30 млн. человек, почти целиком за счет механического прироста. Но закрепиться в городах этим людям не удалось. После провала "большого скачка" большая часть начатых объектов капитального строительства была заморожена, а продовольственное снабжение городов крайне осложнилось из-за сельскохозяйственного кризиса. Выход был найден в принудительной кампании "возвращения в деревню". В начале 60-х годов 20 млн. временных поселенцев были явочным порядком выселены из городов в свои "родные края". А поскольку в городах снизился и естественный прирост по тем же кризисным причинам, доля городского населения в общей численности населения существенно уменьшилась.

Еще одно массовое выселение из городов наблюдалось в годы "культурной революции". С 1966 по 1978 гг. свыше 17 млн. студентов и молодых рабочих, так называемой "грамотной молодежи" под предлогом поддержки отсталых районов и морального перевоспитания были отправлены на поселение в сельскую местность. В 1970-1971 гг. из-за возникшей нехватки рабочих рук встал вопрос о привлечении в промышленность женщин и жителей окрестных деревень. Крестьян старались набирать на определенный срок без предоставления права прописки, заменяя через какое-то время одну партию

“лимитчиков” другой. Через такую “городскую школу” в 1966-1976 гг. прошли около 13 млн. крестьян¹⁶.

В годы реформы значительно повысилась мобильность населения, в том числе между городом и деревней, и государственный контроль над миграционными процессами значительно ослаб. Это связано в первую очередь с ростом производства продовольствия и повышением производительности труда в сельском хозяйстве вследствие введения системы сельского подряда, что, с одной стороны, увеличило трудоизбыточность деревни, а с другой, - улучшило продовольственное снабжение города. По мере роста производства зерновых продовольственные карточки постепенно выходили из обращения и вместе с ними городские власти утрачивали главный рычаг давления на нежелательных пришельцев из деревень. За последние 30 лет в город мигрировало более 70 млн. человек избыточного сельского населения (20% прироста сельского населения за этот период).

Официальные ограничения в отношении мигрантов стали менее жесткими. Для того чтобы получить постоянную прописку в малом городе или поселке, нужно выполнить следующие требования: 1) располагать городской жилплощадью, 2) быть свободным от невыполненных обязательств по месту своего прежнего проживания, 3) иметь в городе родственника с постоянным местом работы. Таким образом, переезд в город теперь связан не столько с административными препонами, сколько с собственной предприимчивостью, наличием средств для покупки жилья. Таким образом, мигрантам стало как бы легче попасть в число горожан, зато большее значение приобрел показатель несельскохозяйственной занятости. Его пересчет, вероятно, сыграл главную роль в исключении в 1990 г. многих волостных центров и части уездных центров из категории городов. Новые нюансы должно внести введение в 1997 г. института временной прописки.

В конечном счете следование разным критериям “города” приводит к сильно отличающимся показателям общей численности городского населения. Самые высокие относятся к тем годам, когда городами стали считать волостные центры, еще не получившие официального признания такого их нового качества. Средние показатели, публикуемые сейчас в официальных справочниках, составлены по принципу места проживания в городской черте и уже без учета “негородских” волостных центров. Численность городского населения при учете только жителей самого города и пригородов, при этом занятых вне сферы сельского хозяйства, оказывается на 100 млн. человек меньше официальных данных (208,2 млн. чел. против 360 млн.)¹⁷.

Все это свидетельствует о том, что количественные показатели степени урбанизации Китая являются достаточно условными, и по мере уточнения статистических понятий общая картина этого сложного процесса может меняться.

Таблица 1

Рост городского населения в КНР (1949-1997 гг.)

Год	Общая численность населения страны (млн. чел.)	Городское население (млн. чел.)	Доля в общей численности населения (%)
1949	541,7	57,7	10,6
1952	574,8	71,6	12,5
1953	582,6	77,26	13,26
1957	646,5	99,5	15,4
1962	673,0	116,6	17,3
1964	691,2	94,55	13,68
1965	725,4	130,5	18,0

Год	Общая численность населения страны (млн. чел.)	Городское население (млн. чел.)	Доля в общей численности населения (%)
1970	829,9	144,2	17,4
1975	924,2	160,3	17,3
1980	987,1	191,4	19,4
1982	1003,91	206,31	20,55
1985	1058,5	250,9 (384,5)	23,7 (36,3)
1986	1075,0	263,7 (441,0)	24,5 (41,0)
1987	1093,0	276,7 (505,6)	25,3 (46,3)
1988	1110,0	286,6 (543,7)	25,8 (49,0)
1989	1127,0	295,4 (589,0)	26,2 (52,3)
1990	1143,3	301,9	26,4
1990	1130,51	296,14	26,2
1991	1158,2	305,4	26,4
1992	1171,7	323,7	27,6
1993	1185,2	333,5	28,1
1994	1198,5	343,0	28,6
1995	1211,2	351,7	29,0
1996	1223,9	359,5	29,4
1997	1236,3	369,9	29,9

Источник: "Чжунго тунци няньцзянь.1998". с. 105, 110.

Примечания: 1) Расхождения между данными переписи 1964 г. и 1965 г. объясняются тем, что перепись населения 1964 г. (вторая перепись, долгое время остававшаяся засекреченной) проводилась еще не по новым правилам 1963 г., и к "поселкам городского типа" (чжэнь) относились, как было принято ранее, только поселения с числом жителей более 2000 человек, из которых более 50% были заняты вне сферы сельского хозяйства.

2) Цифры в скобках за 1985-1989 гг. даны с учетом населения, проживающего в поселках городского типа (чжэнь или цзичжэнь).

Как можно видеть из вышеприведенных официальных данных, процесс урбанизации после образования КНР шел как бы волнами с большими перепадами от года к году. Максимальный годовой прирост численности населения городов составил 36,8%, а трижды она, наоборот, сокращалась. В целом в этом процессе можно выделить следующие этапы:

- 1949-1957 гг. - быстрый рост урбанизации в условиях индустриализации под государственным контролем (повышение доли городского населения в общей численности населения с 10,6 до 15,4%). В годы первой пятилетки господствовал лозунг "превратим города-потребители в города-производители";

- 1958-1977 гг. - чередование приливов и отливов урбанизации при том, что общий людской баланс между городом и деревней остался почти неизменным (сохранение доли городского населения на уровне 18%). В период "большого скачка" и ликвидации его последствий (1958-1965) рост городского населения обгонял общий рост населения (3,4% против 1,5%), а на протяжении десяти лет "культурной революции" (1966-1976) численность городского населения росла со среднегодовым темпом 2,1%, уступавшим приросту общей численности населения (2,3%).

В этот период широкомасштабных социальных экспериментов широкое распространение получили антиурбанистические проекты особого территориального устройства страны в виде конгломерата "народных коммун", создаваемых на базе как сельских, так и городских поселений. В идеале социальная структура общества должна была стать однородной (каждый гражданин "и рабочий, и крестьянин"), а разницу между городом и деревней предстояло вообще уничтожить. "Народные коммуны" (*жэньминь гушэ*) в качестве низовых административных единиц на некоторое время заменили прежние волости (*сян*), а их административные центры считались "полугородами", "поселками - торговыми центрами" (или ярмарочными центрами (*цзинчжэнь*)).

- 1978 - 1998 гг. - активизация процесса урбанизации при его постепенном замедлении. За первое десятилетие реформы прирост доли городского населения составил 8%, за второе - только 4%. Это связано в первом случае - с политикой "сельской индустриализации" - строительством мелких предприятий в деревне, поглощавших значительное количество излишней рабочей силы; а во втором - с определенным сдерживанием перевода населенных пунктов из разряда деревень в разряд города.

На различных этапах менялось также соотношение городов различных масштабов. По своим размерам города — "ши" подразделяются на сверхкрупные с числом жителей более 1 млн. чел. (иногда в этой категории выделяются города-гиганты с населением более 2 млн.), крупные города (500 тыс.-1 млн.), средние (200-500 тыс. человек) и мелкие (менее 200 тыс. чел.).

В дореформенный период опережающими темпами шло развитие крупных и средних городов. С 1952 по 1978 гг. число сверхкрупных городов выросло с 7 до 13, крупных - с 8 до 27, средних - с 21 до 60, зато количество мелких городов уменьшилось с 117 до 92¹⁸.

В годы реформы упор стал делаться на мелкие города, в 1978-1994 гг. их количество выросло в 4,3 раза (до 395 единиц), однако и сейчас в городах-гигантах проживает около половины городского населения (без учета жителей городских поселков). Соотношение между разными категориями городов по их размерам в 1996 г. выглядело следующим образом:

Таблица 2

Категория городов по численности населения	Число городов	% от общего числа городов	Доля в общей численности городского населения
>1 млн.	34	5,1	35,2
500 тыс.-1 млн.	44	6,6	14,4
200 тыс.-500 тыс.	195	29,3	28,6
<200тыс.	393	59,0	21,8

Источник: "Цзинцзи дили", 1998, №1, с.23.

В крупных городах производится более половины валовой продукции промышленности страны. По данным китайской статистики, на города центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин), провинциальные центры и прочие города с численностью населения свыше 1 млн.чел. приходится примерно 17% всего населения страны, около 31% всех рабочих и служащих и свыше 33% валовой промышленной продукции¹⁹.

Особенно быстро в последние два десятилетия росло количество поселков (*чжэнь*). В 1949 г. в Китае было их только 2000, в 1956 г. - 5404, к 1964 г. их число уменьшилось до 3148, а к 1978 г. осталось только 2660, зато в 1996 г. количество поселков-"чжэнь" увеличилось до 17 000, что в 6,4 раза больше

уровня 1978 г.²⁰. Из них около 1/4 официального наименования "поселок городского типа" пока не получили и остаются на положении "цзичжэней", бывших когда-то центрами "народных коммун", а сейчас ставших центрами волостей как низового административного звена²¹.

Различный уровень экономического развития районов и неравномерность размещения населения по территории страны находят свое отражение в неодинаковой степени урбанизации отдельных административных единиц, как показано в таблице ниже.

Таблица 3.

Доля городского населения по провинциям КНР (%)

Адм. единица	Доля городского населения (%)	Население по разным типам городов				
		Сверх-крупные	Крупные	Средние	Мелкие	Поселки
Пекин	69,7	58,7	-	-	-	-
Тяньцзинь	69,9	53,2	-	-	-	-
Хэбэй	21,1	12,4	30,1	26,7	22,7	20,5
Шаньси	29,9	17,3	31,9	16,4	23,4	28,3
Вн.Монголия	38,2	20,6	22,2	14,9	33,6	29,3
Ляонин	52,1	39,6	51,5	20,2	16,7	11,6
Цзилинь	46,9	33,2	36,6	0	37,9	25,5
Хэйлуцзян	46,5	32,1	30,6	34,2	21,6	13,5
Шанхай	83,8	64,5	-	-	-	-
Цзянсу	27,3	20,0	23,2	17,2	37,7	21,9
Чжэцзян	32,6	14,3	20,5	10,4	22,2	46,9
Аньхуэй	19,1	10,7	0	34,7	47,9	17,4
Фуцзянь	22,7	12,7	24,3	0	34,3	41,4
Цзянси	22,6	11,5	25,8	0	43,4	30,8
Шаньдун	31,9	19,2	28,7	15,9	35,9	19,5
Хэнань	17,2	10,6	14,3	32,5	27,7	25,5
Хубэй	31,2	20,2	32,4	15,5	29,1	23,0
Хунань	23,0	10,8	18,2	22,5	32,9	26,3
Гуандун	39,3	24,3	19,2	12,6	43,6	24,6
Гуанси	>20	8,9	0	40,4	28,9	30,7
Хайнань	23,2	15,7	0	0	35,2	64,8
Сычуань	25,7	10,4	40,8	0	33,0	20,2
Гуйчжоу	22,7	8,5	41,1	0	32,7	26,2
Юньнань	16,4	7,2	43,8	0	15,5	40,7
Тибет	13,3	6,3	0	0	0	100,0
Шэньси	25,8	13,0	49,0	0	30,3	20,7
Ганьсу	23,2	12,1	46,5	0	18,2	35,2
Цинхай	28,3	14,1	0	85,5	0	14,5
Нинся	29,0	18,6	0	0	77,0	23,0
Синьцзян	32,6	23,6	32,5	0,1	26,1	41,4
В целом по КНР	28,9	17,0	35,2	14,4	28,6	21,8

Источник: 1) *Major Figures of the National 1% Population Sampling Survey of China, Beijing, 1995*, данные 1995 г.; 2) Расчет по данным "Цзинцзи дили", 1998, №1, с.24; данные 1996 г.

По степени урбанизации все китайские административные единицы первого ранга можно разделить на следующие группы:

В основном урбанизированные территории (доля городского населения превышает 50%) - Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, провинция Ляонин;

Регионы с достаточно высокой степенью урбанизации (40-50%) - провинции Цзилинь и Хэйлуцзян;

Район со средней степенью урбанизации (30-40%) - провинции Чжэцзян, Шаньдун, Хубэй, Гуандун и автономные районы Внутренняя Монголия и Синьцзян;

Регионы с довольно низкой степенью урбанизации (доля городского населения 20-30%) - 12 провинций (Хэбэй, Шаньси, Цзянсу, Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хайнань, Сычуань, Гуйчжоу, Шэньси, Ганьсу, Цинхай) и Нинся-Хуэйский автономный район;

Районы с самой начальной стадией урбанизации (доля городского населения менее 20%) - провинции Аньхуэй, Хэнань, Юньнань и два автономных района - Тибетский и Гуанси-Чжуанский.

Статистика свидетельствует, что степень урбанизации сильно связана с экономической развитостью (по расчетам китайских ученых примерно на 3/4). Кроме того, прослеживается связь с особенностями исторического развития и распространенностью мелких предприятий. Последний фактор сыграл большую роль в понижении степени урбанизации такой экономически развитой провинции, как Цзянсу.

По доле городских жителей в общей численности населения на первом месте стоит Северо-Восток Китая. В провинции Ляонин сформировались агломерации из крупных, средних и малых городов, причем крупные города являются центрами притяжения для целого ряда мелких городов.

Для Юго-Запада Китая характерен самый низкий в стране уровень урбанизации - ниже среднего по стране, что является отражением отсталости экономического развития этих территорий.

Показательна также высокая степень урбанизации слабо заселенных районов компактного проживания национальных меньшинств на Севере и Северо-Западе Китая. В этом немалая роль природных и исторических условий, города оказываются наиболее удобным местом жительства в условиях аридного климата, и их экономический потенциал позволяет расширять градостроительство.

Примерно одна треть городского населения Китая проживает в сверхкрупных городах. За исключением провинций Аньхуэй, Цинхай и Хайнань и двух автономных районов (Гуанси-Чжуанского и Тибетского) в каждом из китайских регионов первого административного ранга есть по 1-4 сверхкрупных города, а также то или иное число крупных городов. Высокой степенью концентрации городского населения отличаются Ляонин, Цзилинь, Шэньси, Ганьсу, Синьцзян. Вокруг крупных городов создаются города-спутники, которые помогают ослабить груз перенаселенности крупных городских центров, особенно таких, как мегаполисы Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, а также приближающихся к ним по размерам Чунцина, Гуанчжоу, Шэньяня, Уханя и Харбина.

Несмотря на повышенное внимание в отношении обустройства городов, они по-прежнему сталкиваются с проблемами чрезмерной скученности, нехватки сырья и энергии, перегруженности транспортных магистралей, обеспечения населения работой и жильем, обострения экологической ситуации. В 1996 г. на одного городского жителя приходилось 8,5 кв. м жилья, причем особенно остро жилищный вопрос стоит в крупных городах. Состояние жилого фонда не отвечает современным требованиям. Зимой дома отапливаются очень плохо, для обогрева помещений используются печи и небольшие котельные, что усиливает загрязнение воздуха,

Вода в городах плохого качества, ее не хватает как для потребительских, так и для промышленных нужд. ЦСУ и Министерство водных ресурсов с 1991 по 1995 гг. проводили обследование 270 городов. Все они признаны дефи-

цитными в отношении обеспеченности водой, и планируемый дефицит на 2000 г. будет покрываться на 40% за счет воды, которая до этого шла на нужды сельского хозяйства²². В 1996 г. среднедушевое потребление воды в целом по стране составляло 208,1 литра на человека, однако во многих регионах этот показатель намного ниже.

Рост числа городских жителей все более осложняет проблему городского транспорта. Нагрузки на общественный транспорт огромны, в Пекине, например, перевозится в среднем 9 млн. человек в день. Хотя общее количество троллейбусов и автобусов в крупных городах достаточно велико (в Пекине 17,6 единиц на 10 тыс. жителей, в Шанхае - 15,7 против 7,3 единицы в среднем по стране), но парк машин нуждается в ремонте, обновлении и пополнении. Из-за постоянных дорожных пробок добраться до места работы совсем просто. Многие городские жители из-за давки в городском транспорте и больших очередях на остановках предпочитают пользоваться велосипедами, что еще более затрудняет движение автомашин.

Мэрии крупных городов уделяют большое внимание прокладке городских дорог и строительству дорожных развязок. Однако до сих пор, по данным ГСУ КНР, в среднем на 1 жителя городов приходилось в 1996 г. только 7,56 кв.м твердого дорожного покрытия. При этом эти показатели были особенно низкими для двух самых крупных городов Китая: в Пекине - 5,59, в Шанхае - 4,46 кв.м.²³ Следует также учитывать недостаточную дисциплинированность как водителей, так и пешеходов и велосипедистов. В результате число несчастных случаев со смертельным исходом на 1000 зарегистрированных автомашин в городах Китая намного больше, чем в городах других стран, где автомобильное движение намного интенсивнее.

Целям повышения безопасности движения и ликвидации заторов на магистралях городов призвано служить строительство метрополитенов. В двух городах - Пекине и Шанхае метро уже действует. Ведется строительство метро в Гуанчжоу. Кроме того, в крупных городах предполагается пустить трамвайные линии. Стала практиковаться аренда автобусов для доставки рабочих и служащих к месту работы, во многих городах работают маршрутные такси. Однако велосипеды еще долго будут занимать важное место в городском транспорте. В приморских городах и в Пекине становится все больше мотоциклов и мопедов. Для этого "малого городского транспорта" строятся специальные стоянки и дороги.

По своим экологическим условиям китайские города относятся к числу самых неблагоприятных в мире. Борьба с загрязнением воздуха и воды только-только начинает разворачиваться. Пока же в среднем в городах КНР на 1 человека приходится всего 5,29 кв.м озелененной территории. Если в городах с хорошими климатическими условиями, где выпадает много осадков, озелененность территории превышает средние показатели, то в крупных городах положение граничит с безнадежным. Например, в Шанхае этот показатель составляет 1,9 кв.м на человека, в Тяньцзине - 3,45 кв.м.²⁴

Китайские ученые проделали большую работу по оценке "степени модернизации" китайских городов. Оценка велась по 13 показателям, отражающим: 1) модернизированность экономической структуры, 2) состояние инфраструктурного обеспечения, 3) социальное обслуживание населения. По определенной методике каждый из показателей получал оценку из общей суммы 100 баллов. Степень модернизации оценивалась по следующей шкале: 1) высокая степень модернизации (более 85 баллов), 2) средняя степень модернизации (60-85), 3) начальная степень модернизации (40-60), 4) крайне низкая степень модернизации (менее 40)²⁵.

Таблица 4

**Комплексная оценка уровня модернизации китайских городов
(данные 1993-1994 гг.)**

	Страна в целом				Оценки по категориям городов			
	Ед. изм.	Целевая величина	Реальная	Оценка в баллах	Сверхкрупные	Крупные	Средние	Мелкие
ВВП на душу населения	Юани	32000	7245	3,4	7,67	5,45	2,97	2,43
Доля третичного сектора в ВВП	%	65	35,3	5,43	6,8	5,66	4,97	4,32
Доля занятых в третичном секторе	%	60	25,3	3,37	4,75	4,15	3,27	2,43
Степень открытости	%	20	13,6	2,04	3,00	3,00	1,94	0,34
Обеспеченность водопроводной водой	%	95	87,9	1,85	2,00	1,92	1,81	1,56
Дороги с твердым покрытием	Кв.м/чел.	8	2,48	2,48	3,90	4,16	2,36	1,64
Телефонная сеть	На 100 чел.	50	5,5	1,1	2,41	2,72	1,08	0,26
Автобусы	На 1000 чел.	2	0,21	0,63	1,66	1,2	0,48	0,16
Врачи	" - "	8	2,6	2,28	2,16	3,97	1,98	1,27
Жилая площадь	Кв.м на душу	12	7,81	6,51	6,03	6,12	6,68	7,3
Студенты	На 1000 жит.	13	5,91	3,15	5,03	5,65	1,78	0,53
Библиотечные фонды	Том/чел.	2,8	0,78	1,95	1,95	2,23	0,83	1,78
Озеленение	Кв.м/чел.	10,95	9,97	5,98	5,70	6,00	4,49	2,63
Суммарный балл				40,17	53,08	52,2	34,62	26,7

Источник: Чжунго шэцзуэй цзинцзи фачжань чжаньлюэ, 1996-2050 гг., с. 544.

Исходя из этих данных, процесс модернизации китайских городов находится в самой начальной стадии, особенно это касается жилищного хозяйства. Между городами наблюдается большая разница. Первое место среди всех китайских городов занимает Пекин, но и его степень модернизации оценивается только в 71 балл. Шанхай смог набрать только 59 баллов.

Новое направление процессу урбанизации может придать современная политика преимущественного развития средних и малых городов. Жизнь показала, что в прежних колониальных и полуколониальных странах, находящихся в совершенно других демографических и технологических условиях, повторение образца городского роста развитых капиталистических государств малопродуктивно. Трудопоглощающие способности "современного" ("формального") сектора в крупных городах оказались ограниченными, а индустриализация и модернизация анклавного типа за счет сельского хозяйства при разрастании экономической и культурной дистанции между городом и деревней имела негативные последствия.

Осознание этого факта дало толчок переоценке роли неформального сектора, промежуточной технологии, мелкого производства и малых городов.

Ограниченность пахотных земель в Китае и повысившаяся в связи с сельским подрядом интенсивность труда грозят в будущем мощным оттоком населения из деревни. Примерно одна треть сельской рабочей силы может считаться избыточной. Как показало обследование миграции населения, проведенное в 1984 г. при содействии Фонда народонаселения ООН в 74 городах страны, развитие малых городов и поселков является единственно разумным решением вопроса аграрного перенаселения при сдерживании дальнейшего роста городов-гигантов. По расчетам китайских демографов, сделанных в начале 80-х годов, если центры имеющих уездов превратятся в города с населением 50-100 тыс. человек (в среднем 70 тыс. человек), общая численность их жителей составит около 150 млн. человек. А если в каждом уезде выбрать 3-5 волостных центров с соответствующими условиями и развить их в малые города с населением 30-50 тыс. человек, это может дать прибавку численности городского населения еще на 200 млн. человек.

Утверждающаяся в последнее время в Китае теория деконцентрации урбанизационного процесса путем ограничения численности населения больших городов и развития системы малых и средних городов отвечает наблюдающемуся в мире "осовремениванию" теории модернизации в духе взаимосвязи городского и деревенского развития, синтеза традиционных и современных структур при общем повышенном внимании к вопросам экологии и духовного здоровья общества.

1. Александров А.В. Урбанистический контекст древней истории Китая. / Новое в изучении Китая. М.: Наука, 1988. С.10.
2. Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Китай: синтез традиционного и современного (середина XIX - середина XX века) // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М.: Наука, 1986. С.49.
3. Цзян Чжэнхуа, Чжан Лингуан. Гуаньюй чжунго жэньминь баогао (Доклад: Народонаселение Китая). Шэньян. Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1997. С.204.
4. Yue Guangzhao. Employment, Wages and Social Security in China // International Labour Review. 1985. V.124. No.4. P.413; Цзян Чжэнхуа, Чжан Лингуан. Там же. С.204.
5. Чжунго тунци няньцзянь - 1997 (Статистический ежегодник Китая - 1997). Пекин.1997. С.85-86; Statistical Yearbook of China, 1985. Beijing. 1985.
6. Подробнее см.: Zhang L. and Zhao Simon X.B. Re-examining China's "Urban" Concept and the Level of Urbanization//China Quarterly. 1998. No.154. PP.334-335, 339.
7. Ibid., Pp.334-335.
8. Ibid., Pp.334-335.
9. Чжунго тунци няньцзянь - 1998. Пекин, 1998. С.3.
10. Цзинцзи дили. 1998. №1. С.22.
11. Пятая сессия ВСНП КНР 6-го созыва. Пекин, 1985. С.187.
12. Гуанмин жибао. 1998. 22 октября.
13. Диюй яньцзю юй кайфа. 1998. №1. С.6.
14. Подробнее см.: Чжунго тунци няньцзянь - 1997. Пекин, 1997. С.332-337.
15. Гуанмин жибао. 1955. 29 ноября.
16. Yue Guangzhao. Op cit., p.413.
17. Цзинцзи дили. 1998. №1. С.24.
18. Чжунго шэхуэй фачжань чжаньлюэ (1996-2050) (Стратегия развития китайского общества (1996-2050): Бэйцзин чубаньшэ, 1997. С.547.
19. Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь - 1998. С.366.
20. Чжунго шэхуэй фачжань чжаньлюэ (1996-2050). С.547.
21. Диюй яньцзю юй кайфа. 1998. №1. С.6.
22. The China Quarterly. 1998. No.156. P.886.
23. Чжунго тунци няньцзянь - 1997. С.355.
24. Там же. С.355.
25. Чжунго шэхуэй фачжань чжаньлюэ... С.542-545.

Российский Дальний Восток

Правовые основы регулирования внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока

© 2000

М. Александрова, П. Трощинский

В настоящее время для экономического развития Российской Федерации характерно интенсивное сотрудничество с иностранными государствами. Наша страна участвует в деятельности множества международных организаций, межгосударственных объединений. Активизация внешнеэкономической деятельности России в лице её регионов является характерной особенностью развития современной экономики. Особое место в этом процессе занимают регионы Сибири и Дальнего Востока. Они играют ключевую роль в развитии внешнеэкономических связей между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Необходимо отметить, что Россия и Китай ведут курс на углубление равноправного доверительного партнёрства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Встречи на уровне глав государств и глав правительств приобрели регулярный характер. На них определяются важнейшие направления сотрудничества, рассматриваются возможности взаимодействия как на двухсторонней, так и на многосторонней основе в интересах двух государств. Помимо регулярных встреч на высшем уровне, российско-китайские отношения в экономической области получают своё развитие и в ходе встреч глав администраций приграничных районов, руководителей с той и с другой стороны. Между ними заключаются договоры, осуществляются сделки, бартерные обмены, обмены специалистами. Вся эта деятельность осуществляется от имени конкретной области, города, региона.

В связи с этим напрашивается вопрос о том, насколько правомерно сотрудничество отдельных субъектов Российской Федерации (конкретно - регионов Сибири и Дальнего Востока) с иностранным государством, не противоречит ли такое сотрудничество Основному закону страны, не нарушаются ли основные принципы российского федерализма. Ответам на эти вопросы и посвящена данная статья.

Правовое закрепление компетенции Федерации и её субъектов в лице регионов Сибири и Дальнего Востока во внешнеэкономических связях базируется на следующих основных группах нормативных источников:

во-первых, Конституция Российской Федерации и Федеративные договоры;

во-вторых, федеральные законы, Указы Президента РФ, акты Правительства РФ;

в-третьих, конституции, уставы, а также законы и иные акты регионов Сибири и Дальнего Востока по предметам их ведения;

в-четвёртых, система общепризнанных принципов и норм международного права и международно-правовых источников.

Такова общая нормативная база правового регулирования внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока. Рассмотрим подробнее разные аспекты этого регулирования.

Концепция российского федерализма, устанавливающего основы внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока, определена, прежде всего, подписанным 31 марта 1992 года **Федеративным договором**, который стал первым шагом к подлинному федеративному устройству России и явился основным политико-правовым документом, регулирующим отношения федерального центра и субъектов Федерации. Под Федеративным договором понимаются три договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и соответственно: 1) органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации; 2) органами власти краёв, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга; 3) органами власти автономной области, автономных округов. Одним из важных аспектов конституционно-правового регулирования внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока является признание Федеративным договором республик в составе Российской Федерации "самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений" (п.2, ст.111). Например, одновременно с Федеративным договором Республика Саха (Якутия) подписала **Соглашение о взаимоотношениях между Правительством Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) по экономическим вопросам**, в статье 8 которого говорится о согласованной внешнеэкономической деятельности сторон. 27 апреля 1992 года вступила в силу **Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия)**, в которой нашли отражение нормы Федеративного договора, касающиеся внешних связей субъектов Федерации. В статье 9 данной Конституции записано, что "Республика Саха (Якутия) является самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей. Республика вправе устанавливать торговые и иные отношения с другими государствами, заключать международные договоры и участвовать в деятельности международных организаций".

Основополагающие идеи Федеративного договора вошли в ныне действующую **Конституцию Российской Федерации**, принятую всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.¹ Принципиальное значение имеет статья 5 Конституции, которая является составной частью основ конституционного строя страны. Часть 3 статьи 5 Конституции гласит, что "федеративное устройство Российской Федерации основано на её государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации". Из содержания данной части можно сделать вывод, что принцип федерализма стал определять отношения между центром и теми составными частями Российского государства, которые именуются административно-территориальными единицами.

Ключевую роль в определении основ внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока играют статьи 71, 72, 73, 76 и 78 Конституции РФ. Согласно статье 71 (определяющей разграничение компетенции между центром и его субъектами) в исключительном ведении Российской Федерации находятся "внешнеэкономические отношения Российской Федерации".

Таким образом, статья 71 Конституции РФ признаёт приоритет федерального центра в международных делах, однако она не исключает субъекты Федерации из числа участников внешнеэкономических связей. Такой вывод вытекает из пункта "о" статьи 72 Основного закона, который гласит, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится "координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации". Из смысла указанной нормы следует, что субъекты Российской Федерации (в нашем случае регионы Сибири и Дальнего Востока) имеют право на внешние связи, причём двух отдельных видов: "международные связи" и "внешнеэкономические связи". Эти связи подлежат координации, осуществляемой совместно центром и его субъектами.

Особого внимания требует статья 73 Конституции РФ, которая устанавливает, что "вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти". Данная статья провозгласила презумпцию компетентности субъектов Федерации, то есть они обладают всей полнотой государственной власти и соответственно всеми полномочиями, за исключением тех, которые закреплены за Федерацией. Таким образом, положения настоящей статьи способствуют развёртыванию инициативы регионов Сибири и Дальнего Востока, укрепляют их самостоятельность.

Разграничение полномочий между Федерацией и её субъектами в лице регионов Сибири и Дальнего Востока прослеживается и в классификации законов, которая дана в статье 76 Конституции РФ. Так, полномочия Федерации, закреплённые статьёй 71 Конституции РФ, реализуются в федеральных конституционных законах и федеральных законах, имеющих прямое действие. В сфере совместного ведения принимаются федеральные законы и в соответствии с ними — законы и иные нормативные акты субъектов Федерации. "Вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативно правовых актов" (ч.4 ст.76 Конституции РФ). Таким образом, Конституция установила определённый механизм взаимодействия федеральной и региональной государственной власти, чем и обеспечивается определённая самостоятельность регионов Сибири и Дальнего Востока в сфере внешнеэкономических связей.

Согласно части 2 статьи 78 Конституции РФ "федеральные органы исполнительной власти по соглашению с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам". Это означает правовую возможность центра передавать часть своих полномочий (включая и внешнеэкономическую сферу) отдельным субъектам Федерации.

Подводя итоги анализа основных положений Конституции РФ, касающихся правового регулирования внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока, необходимо отметить, что они сводятся к двум положениям:

- 1) указанные регионы самостоятельны в развитии своих внешнеэкономических связей;
- 2) они координируют эти связи совместно с федеральным центром.

В целях более полного правового регулирования внешнеэкономических связей центра и его субъектов (включая регионы Сибири и Дальнего Востока) в Российской Федерации был принят ряд основных законов. Важнейшим из

них является Федеральный закон **“О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации”**, принятый Государственной Думой 2 декабря 1998 г.² Настоящий закон устанавливает общий порядок координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, содержит правовые гарантии обеспечения прав и законных интересов субъектов Российской Федерации при установлении международных и внешнеэкономических связей. В нём установлены права регионов на осуществление внешнеэкономической деятельности, на ведение переговоров и заключение соглашений, подчёркивается их обязанность согласовывать проекты соглашений с Министерством иностранных дел РФ. Предусмотрен порядок регистрации таких соглашений и координационные функции федеральных органов. Так, согласно статье 1 Федерального закона **“О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации”** субъекты Российской Федерации в пределах полномочий, предоставленных им Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством и договорами между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий, обладают правом осуществления международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также на участие в деятельности международных организаций в рамках органов, созданных для этой цели. **“Субъекты Российской Федерации с согласия Правительства Российской Федерации могут осуществлять такие связи и с органами государственной власти иностранных государств”**. Статья 2 Федерального закона предоставляет органам государственной власти субъекта РФ в пределах предоставленных Конституцией и законами полномочий право ведения переговоров с иностранными партнёрами, а также право на заключение с ними соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей. Особо необходимо отметить, что если соглашение об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключённое органом государственной власти субъекта РФ противоречит Конституции Российской Федерации, федеральным законам, общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам РФ, ущемляет законные интересы другого субъекта РФ либо нарушает порядок, установленный Федеральным законом, такое соглашение может быть оспорено в судебном порядке.

Исходя из смысла указанного Федерального закона, в общем виде можно выделить такие средства координации внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока на федеральном уровне, как:

- 1) единое законодательное регулирование порядка внешних сношений рассматриваемых регионов;
- 2) установление общей процедуры заключения соглашений рассматриваемыми регионами с зарубежными партнёрами;
- 3) оказание консультативно-методической помощи рассматриваемым регионам;
- 4) обеспечение их совместной деятельности во внешней сфере.

Важным регулятором сферы внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока является Федеральный закон **“О государственном регулировании внешнеторговой деятельности”**, принятый Государственной Думой 7 июля 1995г. Данный закон определяет основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, порядок её осуществления российскими и иностранными лицами, права, обязанности и ответственность органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности³.

В Федеральном законе раскрываются понятия, используемые в области внешнеторговой деятельности и названы принципы государственного регулирования внешнеторговой деятельности. Исходным является конституционная норма о единстве экономического пространства России. В Российской Федерации должно соблюдаться верховенство федеральных законов, обеспечиваться единство внешнеторговой политики, таможенной территории и т.д.³

Напрашивается вопрос о компетенции субъектов Федерации (в частности регионов Сибири и Дальнего Востока) в данной сфере. Закон чётко разграничивает вопросы, находящиеся в ведении Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности (ст. 6), предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности (ст.7) и полномочия субъектов Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности (ст.8). Так, законодатель исходил из того, что на гражданско-правовом уровне участники внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации обладают всей полнотой инициативы и самостоятельности при совершении внешнеторговых сделок с соблюдением действующего законодательства. Но на макроуровне не может быть самостоятельных режимов регулирования внешней торговли и самостоятельных таможенных территорий субъектов Федерации.

Согласно анализу статьи 8 указанного Федерального закона, мы можем констатировать, что регионы Сибири и Дальнего Востока имеют право в пределах своей компетенции:

1) осуществлять внешнеторговую деятельность на своей территории в соответствии с законодательством Российской Федерации;

2) осуществлять координацию и контроль за внешнеторговой деятельностью российских и иностранных лиц;

3) осуществлять формирование и реализацию региональных программ внешнеторговой деятельности;

4) предоставлять дополнительные по отношению к федеральным финансовые гарантии участникам внешнеторговой деятельности, зарегистрированным на их территории;

5) предоставлять гарантии и льготы участникам внешнеторговой деятельности, зарегистрированным на их территории, только в части выполнения их обязательств перед бюджетами и их внебюджетными фондами;

6) создавать страховые и залоговые фонды в сфере внешнеторговой деятельности для привлечения иностранных займов и кредитов;

7) заключать соглашения в области внешнеторговых связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств;

8) содержать своих представителей при торговых представительствах Российской Федерации в иностранных государствах за свой счёт.

Новым моментом в Федеральном законе является прямое установление монополии на экспорт и/ или импорт отдельных товаров (ст.17), в статьях 18, 19 и 20 указаны случаи, когда федеральным Правительством или законодательной властью могут вводиться защитные меры в отношении импорта товаров, прямые запреты и ограничения экспорта и/или импорта, определён порядок контроля за ввозом товаров на предмет их соответствия техническим, санитарным и др. стандартам.

Принятый в июле 1995г. Федеральный закон "О международных договорах Российской Федерации" также имеет большое значение для правового регулирования внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока. Международный договор является основным инструментом международного сотрудничества, при помощи которого действующие лица на международ-

ной сцене оформляют свои договорённости. Два его положения имеют особое значение для рассматриваемых субъектов Федерации:

1) предложения о заключении международных договоров до их представления Президенту или в Правительство РФ согласовываются с органами государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации (п.5 ст.9);

2) на органы государственной власти соответствующих субъектов РФ возложена обязанность обеспечения в пределах их полномочий выполнения международных договоров РФ (п.3 ст.32). Здесь имеется в виду организационные, финансовые и материальные меры, ориентация региональных органов и хозяйствующих субъектов, последовательная реализация международных обязательств и т.д.

Согласно статье 4 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" международные договора РФ, относящиеся к ведению субъекта РФ, заключаются по согласованию с органами государственной власти заинтересованного субъекта РФ. Статья 4 также указывает, что "основные положения или проект международного договора, затрагивающего полномочия субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, направляются федеральными органами исполнительной власти органам государственной власти заинтересованного субъекта Российской Федерации, на которые возложена соответствующая функция".

Особую роль в конституционно-правовом регулировании внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока играет Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", принятый Государственной Думой РФ 12 августа 1995г. В законе под "местным самоуправлением" понимается признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций (ч.1 ст.2). Общими словами местное самоуправление можно представить как многогранную деятельность местного сообщества по решению стоящих перед ним задач на основе принципов самоорганизации, самофинансирования, самоответственности с целью улучшения качества жизни населения соответствующей территории.

Ярким примером организации местного самоуправления в контексте осуществления внешнеэкономических связей служит, в частности, контракт №11 "О совместном выращивании овощей в 1997 году", заключённый между АО "Струговское" Октябрьского района Приморского края с. Струговка и Китайской Ляонинской международной компанией по технико-экономическому сотрудничеству, подписанный главой администрации Октябрьского района 5 января 1997г. предмет контракта состоял в том, что руководство с. Струговска предоставляло Китайской стороне во временное пользование на весенне-осенний период 1997 года пахотную землю общей площадью 45 га. Китайская сторона на предоставленной земле выращивала и поставляла с. Струговска сельскохозяйственную продукцию установленного ассортимента и в определённом количестве. Стороны контракта особо подчёркивали, что контракт призван в первую очередь удовлетворить потребности жителей с.Струговска в качественной сельскохозяйственной продукции.

Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" чётко определяет полномочия органов государственной власти РФ в области местного самоуправления (ст.4), полномочия органов государственной власти субъектов РФ в области местного само-

управления (ст.5) и предметы ведения местного самоуправления (ст.6). Важным моментом для рассматриваемой проблемы является пункт 6 статьи 5 Федерального закона. Согласно ему органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе наделять органы местного самоуправления своими отдельными полномочиями, осуществлять передачу материальных и финансовых средств, необходимых для осуществления переданных полномочий.

Принятый Государственной Думой 22 сентября 1999 года Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" также регулирует основы внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока. Федеральный закон в который раз напоминает, что "полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации устанавливаются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта Российской Федерации и могут быть изменены только путём внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации и (или) пересмотра её положений, путём принятия новых федеральных законов, конституции (устава) и законов субъекта Российской Федерации либо путём внесения соответствующих изменений и (или) дополнений в указанные действующие акты" (ч.4 ст.1). Законодатель также устанавливает, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ осуществляется Конституцией РФ, Федеративным договором и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий, заключёнными в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами (ч.5 ст.1). Согласно Федеральному закону к основным полномочиям законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ относится утверждение программы социально-экономического развития субъекта (п. "г" ст.5), утверждение заключения и расторжения договоров субъекта (п."з" ст.5), регулирование иных вопросов, относящихся в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта РФ к ведению и полномочиям субъекта РФ (п."н" ст.5). Высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) представляет субъект РФ "..... при осуществлении внешнеэкономических связей, при этом вправе подписывать договоры и соглашения от имени субъекта Российской Федерации" (ч.7 ст.18). Так, губернатор Красноярского края (глава края, руководящий деятельностью правительства, являющегося высшим исполнительным и распорядительным органом) А.Лебедь неоднократно заключал множество соглашений с иностранными партнёрами от лица края, среди которых была и китайская сторона⁴.

Большой объём работы по конституционно-правовому регулированию внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока, несомненно, приходится на Министерство иностранных дел. В Положении "О Министерстве иностранных дел Российской Федерации", утверждённом Указом Президента РФ 14 марта 1995 года, №271 предусмотрены функции МИД по координации международных связей субъектов РФ, получение от органов государственной власти субъектов федерации документов, справочных и иных материалов, передача им в установленном законом порядке необходимой информации. Консультативный совет субъектов РФ по международным и внешнеэкономическим связям при МИД РФ (Положение утверждено 15 декабря 1994 года) проводит экспертную оценку проектов нормативных документов, регламентирующих и внешнеэкономические связи субъектов Федерации, готовит рекомендации, обобщает позитивный опыт взаимодействия региональных органов.

Президент РФ своим Указом "О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации" от 12 марта 1996 года, №375 установил, что органы государственной власти субъектов РФ должны информировать в установленном порядке МИД РФ об осуществляемых международной деятельности и международных связях: официальных поездках, консультациях и переговорах, подписанных документах и других договорённостях. Если рассматриваемые нами регионы собираются заключить какие-либо международные договоры, принять участие в международных внешнеэкономических связях, осуществить другую деятельность, затрагивающую внешнеполитические интересы России, то она должна быть согласована федеральными органами власти с МИД РФ, а затем представлена на рассмотрение Президенту и Правительству РФ. Таким образом, не всякие внешнеэкономические связи регионов Сибири и Дальнего Востока могут получить добро центра и быть реализованы в полном объёме.

Утверждённые Указом Президента РФ от 3 июня 1996 года, №803 "Основные положения региональной политики в Российской Федерации" устанавливают цели региональной политики внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. Исходя из анализа положений, мы можем обозначить следующие основные цели осуществляемых внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока:

1) использование региональной политики в области внешнеэкономических связей для обеспечения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов Российской Федерации на международной арене;

2) реализация внешнеполитической линии Российской Федерации и её международных обязательств;

3) учёт интересов рассматриваемых регионов при разработке концепции внешней политики страны;

4) содействие регионам в освоении опыта деятельности в области внешних связей, их активному вхождению в международное сотрудничество;

5) поддержка внешнеэкономической деятельности своих производителей для их экономического развития и улучшения жизни населения;

6) широкое участие представителей рассматриваемых регионов в общем мировом сотрудничестве региональных и местных властей⁵.

Механизмы реализации целей региональной политики в области внешних связей включают государственную поддержку программ регионального развития РФ, совместную координацию РФ и её регионов внешнеэкономических связей, обеспечение государственной поддержки деятельности регионов РФ по развитию внешних связей и т.д.

Весной 1998 года вступил в действие Федеральный закон "О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами". Предусмотренные в нём специальные защитные меры, антидемпинговые и компенсационные меры, средства ограничения импорта товаров, защиты при экспорте товаров относятся исключительно или преимущественно к компетенции федерального Правительства и иных федеральных органов исполнительной власти. Данная норма полностью соответствует статье 71 Конституции РФ о финансовом, таможенном, валютном регулировании единого рынка. Тем не менее влияние субъектов Федерации на решение данной проблемы должно быть более ощутимым, ведь ни для кого не секрет, что большое количество производимой регионами Дальнего Востока продукции не может в полной мере конкурировать с "китайским ширпотребом" из-за недостаточно полного поддержания центром отечественных производителей.

Особо следует обратить внимание на возможность участия органов исполнительной власти регионов Сибири и Дальнего Востока в осуществлении режима использования исключительной экономической зоны. Федеральный закон "Об исключительной экономической зоне Российской Федерации", принятый Государственной Думой РФ 18 ноября 1998 года под исключительной экономической зоной РФ понимает морской район, находящийся за пределами территориального моря Российской Федерации и прилегающий к нему, с особым правовым режимом, установленным законом, международными договорами РФ и нормами международного права (ч.1 ст.1). Федеральный закон определил не только статус исключительной экономической зоны Российской Федерации, но и суверенные права и юрисдикцию РФ в ней. В соответствии с законом федеральные органы государственной власти обеспечивают участие региональных органов исполнительной власти в составлении программ промысла живых ресурсов и разработки неживых ресурсов, в установлении порядка их использования, в выполнении мероприятий по охране зоны и её морской среды. Федеральные органы государственной власти, при определении стратегии изучения и промысла живых ресурсов, поиска, разведки и разработки неживых ресурсов и т.п. должны исходить из "экономических интересов коренных малочисленных народов и этнических общностей Севера и Дальнего Востока Российской Федерации и населения в местах постоянного проживания на территориях, прилегающих к морскому побережью".

Неотъемлемым элементом внешнеэкономических связей рассматриваемых регионов являются валютные операции, которые регулируются Законом РФ "О валютном регулировании и валютном контроле". Согласно закону, Центральный Банк России является органом валютного контроля, который организует и осуществляет валютный контроль как непосредственно, так и через уполномоченные банки. Таможенные органы осуществляют валютный контроль в пределах предоставленных законом полномочий. Уполномоченные банки и таможенные органы начали вести валютный контроль при экспортных операциях с 1994 года (в соответствии с совместной Инструкцией ЦБР №30, ГТК РФ №01-20/10283 от 12.10.93), со второй половины 1995 года — контроль за обоснованностью платежей в иностранной валюте за импортируемые товары (в соответствии с Инструкцией ЦБР №30, ГТК РФ №01-20/10538 от 26.07.95), а также за рядом иных операций по перемещению валютных ценностей через таможенную границу Российской Федерации. Центральным органом исполнительной власти, образованным для реализации функций Правительства РФ по валютному, является Федеральная служба по валютному и экспортному контролю. Главной задачей этой службы является проведение единой общегосударственной политики в области организации контроля и надзора за соблюдением законодательства в сфере валютных, экспортных и иных внешнеэкономических операций.

Сфера внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока регулируется и в их конституциях, уставах, договорах о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти рассматриваемых регионов, в других законах субъектов Федерации. Большинство указанных правовых актов устанавливает, что участие субъектов РФ во внешнеэкономических связях входит в совместную компетенцию с федеральным центром. Именно такова федеральная конституционная норма (п."о" статьи 72 Конституции РФ (в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся "координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации.....")).

Самое детальное определение компетенции субъектов Федерации в области внешнеэкономических связей нашло своё отражение в двусторонних

договорах, заключаемых между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации. На данное время заключено около 30 договоров о разграничении полномочий и предметов ведения.

В области международных и внешнеэкономических связей договоры о разграничении полномочий передают субъектам следующие права:

- 1) право участия в осуществлении внешнеэкономических связей;
- 2) право на заключение соглашений с членами иностранных федераций, административно-территориальными единицами унитарных государств;
- 3) право на открытие своих представительств за рубежом;
- 4) право участвовать в международных организациях, уставы которых предусматривают такое участие;
- 5) право создавать свободные экономические зоны на своей территории;
- 6) право на привлечение иностранных инвестиций.

К кругу совместного ведения договоры о разграничении полномочий относят следующее:

- 1) защиту интересов субъектов Российской Федерации за рубежом;
- 2) вопросы, связанные с развитием торгово-экономических отношений с иностранными государствами, международными организациями, непосредственно затрагивающие интересы субъектов;
- 3) регулирование платежно-расчетных отношений по внешнеторговым сделкам;
- 4) лицензирование инвестиций субъектов Федерации за рубежом;
- 5) привлечение иностранных инвестиций по федеральным программам на территории субъектов (необходимо отметить, что распределение иностранных инвестиций по субъектам РФ очень асимметрично. В то же время часть регионов РФ благодаря своему географическому положению обладает существенными конкурентными преимуществами во внешнеэкономических связях, особенно в торговле, совместном использовании производственной инфраструктуры и энергетических мощностей, туризме и т.п. В первую очередь это относится к регионам Сибири и Дальнего Востока);
- 6) открытие на территории субъектов Федерации иностранных коммерческих представительств;
- 7) участие субъектов в разработке международных договоров РФ, внешнеэкономическим и другим вопросам, непосредственно затрагивающим интересы данных субъектов.

Например, заключенный 28 июня 1995 года Договор "О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Саха (Якутия)" четко определил право Республики на осуществление внешнеэкономических связей, подчеркнув, что Якутия осуществляет свои внешние связи в соответствии с общегосударственными интересами Российской Федерации, руководствуясь Конституцией РФ, Федеральным договором, Конституцией Республики Саха (Якутия), федеральным и республиканским законодательством, Договором о разграничении полномочий и другими нормативными актами, действуя в пределах своей компетенции как субъект Федерации в тесном сотрудничестве с федеральными органами власти.

По отдельным предметам совместного ведения между правительствами Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) было заключено 15 соглашений, в том числе и Соглашение "О разграничении полномочий в области международных и внешнеэкономических связей" от 28 июля 1995 года. В Соглашении отражены существующие в российской и зарубежной практике полномочия субъектов Федерации в области внешних связей. В документе существенно дополнены, уточнены и конкретизированы положения Конституции РФ и Федеративного договора, касающиеся участия Якутии как субъекта Рос-

сийской Федерации в международной и внешнеэкономической деятельности. Детально и чётко сформулирован перечень федеральных и республиканских полномочий.

Согласно статье 1 Соглашения Правительство РФ и Правительство Республики Саха (Якутия) координируют свои действия в области внешнеэкономических связей, при этом:

1) Правительство Республики Саха (Якутия) ежегодно согласовывает с МИД России и МВЭС России планы работы по внешнеэкономическим связям. Незапланированные внешнеэкономические связи согласовываются с МИД России и МВЭС России не позднее чем за месяц до проведения мероприятий;

2) Правительство Республики Саха (Якутия) направляет проекты соглашений с зарубежными партнёрами (включая торгово-экономические) для экспертизы в МИД России и МВЭС России. В случае противоречия представленных проектов соглашений внешнеполитическим и экономическим интересам Российской Федерации Правительство Республики Саха (Якутия) воздерживается от заключения таких соглашений;

3) представители Республики Саха (Якутия) имеют право участвовать в разработке проектов законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих интересы Республики Саха (Якутия) в сфере внешнеэкономических связей.

Соглашение чётко определяет полномочия Правительства Республики Саха (Якутия) во внешнеэкономических связях. Оно вправе:

1) самостоятельно участвовать во внешнеэкономических связях в пределах компетенции субъектов РФ;

2) открывать в соответствии с законодательством страны пребывания свои представительства за рубежом по согласованию с МИД России и МВЭС России;

3) привлекать иностранные банковские и коммерческие кредиты под свои гарантии и осуществлять контроль за их использованием в соответствии с законодательством РФ;

4) разрабатывать и реализовывать программы с привлечением иностранных инвестиций на территории Республики;

5) содействовать коммерческой деятельности предприятий и организаций Республики в зарубежных странах;

6) заключать договора с зарубежными партнёрами от имени Правительства РФ при условии передачи полномочий по данному вопросу Правительством РФ;

7) заключать соглашения с субъектами других федераций, административно-территориальными единицами иностранных государств, а также министерствами и ведомствами иностранных государств в целом;

8) создавать свободные экономические зоны на территории Республики в соответствии с законодательством РФ;

9) предоставлять дополнительные гарантии участникам внешнеэкономической деятельности за счёт бюджета Республики (статья 3 Соглашения).

Представители Правительства Республики Саха (Якутия) имеют право участвовать в разработке международных договоров и соглашений Российской Федерации по вопросам внешнеэкономических связей в части, непосредственно затрагивающей интересы Республики, участвовать в решении вопросов в области внешнеэкономических связей, непосредственно затрагивающих интересы Республики, участвовать в составе делегаций РФ в работе международных экономических и финансовых организаций и органов, а также межправительственных комиссий по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству по касающимся Республики вопросам (статья 4 Соглашения).

Особое место в осуществлении внешнеэкономических связей региона Дальнего Востока, несомненно, занимает Хабаровский край. В крае расположен ряд крупных предприятий военно-промышленного комплекса, ускоренное развитие получает рыбная и лесоперерабатывающая промышленность, существуют значительные запасы нефти и газа, доказаны и разрабатываются крупные месторождения олова и комплексных полиметаллических руд. Во внешнеторговых связях прослеживаются следующие ориентиры: из 879 млн. долл. экспортной выручки за 1998 год 508 приходилось на Китай, 148 - на Японию, 96 - на Южную Корею, 62 млн. долл. - на Вьетнам. В товарной структуре краевого экспорта преобладали летательные аппараты (162 млн. долл.), измерительные приборы (89), лесоматериалы (147), изделия из чёрных металлов (110), суда и судовое оборудование (51), нефтепродукты (49 млн. долл.). В импорте наиболее значительными по объёмам были закупки мяса и аппаратуры связи⁶.

Внешнеэкономические связи Хабаровского края регулируют следующие основные документы:

1) Устав Хабаровского края, принятый в декабре 1996 года. Статья 9 Устава определяет, что "Хабаровский край — самостоятельный участник межрегиональных и внешнеэкономических связей по вопросам своей компетенции". Он вправе самостоятельно заключать договоры, соглашения с иностранными государствами в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и Уставом. Организационно-правовыми формами международных связей Хабаровского края являются общепринятые в международной практике формы, за исключением договоров (соглашений) межгосударственного уровня (9.2; 9.3). В соответствии с Уставом на всей территории края осуществляется местное самоуправление и Хабаровский край вправе наделять краевым законом органы местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, передавать материальные и финансовые средства, необходимые для их осуществления, осуществлять контроль за реализацией переданных полномочий (54.1). Часть 4 статьи 55 Устав дополняет, что "наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями осуществляется федеральными законами, а также краевыми законами с одновременной передачей необходимых материальных и финансовых средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна органам государственной власти Хабаровского края. Условия и порядок контроля за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий определяются соответственно федеральными и краевыми законами".

2) Договор "О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Хабаровского края" от 24 апреля 1996 года. В целях качественного улучшения условий жизнедеятельности населения Хабаровского края, обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, единства экономического пространства страны, исходя из необходимости разграничения полномочий и ответственности между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Хабаровского края (преамбула Договора) "Хабаровский край вправе выступать самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей, если это не противоречит Конституции Российской Федерации, федеральным законам и международным договорам Российской Федерации, заключать соответствующие договоры (соглашения) с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также министерствами и ведомствами иностранных государств" (ст. 10).

3) некоторые соглашения между федеральным правительством и краевой администрацией, разграничивающие предметы совместного ведения, в которых регулируются вопросы перераспределения и разграничения полномочий в сфере владения и использования земельных ресурсов; развития районов Севера; в сфере функционирования и развития оборонной промышленности и т.д.

Важное место в осуществлении внешнеэкономических связей региона Сибири занимает Красноярский край, который является вторым в России по площади (после Якутии) и наиболее богатым природными ресурсами регионом страны. Его доля в общероссийских ресурсах минерального сырья оценивается в 8%. Красноярский край занимает первое место в России по лесным богатствам, располагает значительными запасами угля, в Эвенкийском округе разведаны, но пока не разрабатываются крупные месторождения нефти. В индустриальной структуре края пока преобладает цветная металлургия, электроэнергетика, топливная и лесная промышленность⁷. Всё это чётко отражается на структуре вывоза продукции из региона за рубеж. Внешнеэкономические связи этого сибирского региона регулируют:

1) Устав Красноярского края от 29 февраля 1996 года. Согласно статьи 14 Устава вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации край обладает всей полнотой государственной власти. В совместном ведении Российской Федерации и края находятся вопросы, установленные в части первой статьи 72 Конституции РФ (в том числе и координация международных и внешнеэкономических связей края, выполнение международных договоров РФ). В ведении края, согласно пункту "е" части 3 статьи 14 Устава Красноярского края находятся "внешнеэкономические связи, международные и межрегиональные отношения края". На территории края осуществляется местное самоуправление. Федеральным законодательством, законами края органы местного самоуправления на территории края могут наделяться отдельными государственными полномочиями. Органы государственной власти должны передавать органам местного самоуправления необходимые для выполнения государственных полномочий материальные и финансовые ресурсы (ст.115).

2) Договор "О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Красноярского края" от 1 ноября 1997 года. Согласно Договору край вправе самостоятельно осуществлять внешнеэкономические связи в пределах полномочий, предоставленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, Уставом края.

Иркутская область (Сибирский регион) относится к числу наиболее богатых сырьевыми ресурсами регионов России. Лесные ресурсы области составляют 11% от общероссийских, здесь расположен крупнейший в мире Восточно-Сибирский соленосный бассейн, в Байкале сосредоточено 20% мировых запасов пресной воды. На территории области расположено крупнейшее месторождение золота — Сухой Лог. Разведанные, извлекаемые запасы нефти с газовым конденсатом составляют около 300 млн. т. Именно богатая сырьевая база и служит основой для развития внешнеэкономических связей данного Сибирского региона. Значительную долю во внешнеторговых связях Иркутской области занимают её ближайшие соседи: Китай, Япония, Южная Корея. В настоящее время прорабатываются два крупных экспортных проекта — поставки газа с Ковыктинского месторождения в Китай и Южную Корею и энергоком между Иркутской областью и центральными районами Китая по передаче туда электроэнергии⁸. Развитие внешней торговли региона (экспорт в 1998г. превысил 2 млрд. долл., импорт составил 660 млн. долл.) сопровождается и активным инвестиционным сотрудничеством с зарубежными странами (законода-

тельную основу инвестиционной деятельности в области составляет закон "Об областной государственной инвестиционной политике" от 2 апреля 1997 год). В области зарегистрировано множество совместных предприятий. Партнёрами иркутских учредителей в них были преимущественно Китай (18 СП), США (9), Япония, Швейцария, Великобритания и т.д. В области на территории Усть-Ордынского Бурятского автономного округа создана зона экономического благоприятствования "Усть-Орда". Внешнеэкономические связи рассматриваемого региона регулируются следующими основными документами:

1) Уставом Иркутской области от 10 февраля 1995 года;

2) Договором "О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Иркутской области и Усть-Ордынским Бурятским автономным округом, подписанным 27 мая 1996 года (первый трёхсторонний договор в истории РФ);

3) 12 соглашениями между федеральным и областным правительствами, разграничивающими предметы совместного ведения. В них регулируются самые разные вопросы: от управления государственной собственностью до социально-экономического развития зоны Байкало-Амурской магистрали.

Внешнеэкономические связи региона Сибири также получают своё развитие в Республики Алтай. Согласно статье 81 Конституции Республики Алтай (Основной Закон) от 7 июня 1997 года Республика самостоятельно и в полном объёме осуществляет правовое регулирование вопросов, находящихся в её ведении. Пункт "к" данной статьи к предмету ведения Республики Алтай относит "осуществление международных и внешнеэкономических связей Республики Алтай в соответствии с федеральным законодательством". Вместе с тем статья 76 Конституции особо подчёркивает, что "в республике может быть запрещена хозяйственная и иная деятельность субъекта любой формы собственности в случае нанесения ущерба экономике республики, интересам населения, окружающей среде в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и Республики Алтай". Статьёй 13 Договора "О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Алтайского края" от 29 ноября 1996 года устанавливается, что "Алтайский край вправе выступать самостоятельно, а также по поручению органов государственной власти Российской Федерации участником международных и внешнеэкономических связей, если это не противоречит Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству и международным договорам Российской Федерации, вправе заключать соответствующие договоры (соглашения) с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также министерствами и ведомствами иностранных государств".

Устав Кемеровской области от 9 апреля 1997 года (в ред. от 23 июня 1997 г. №18-ОЗ, от 4 января 1998 г. №3-ОЗ и от 21 мая 1998 №15-ОЗ) в статье 4 "Международные и внешнеэкономические связи Кемеровской области" предоставляет ей право на осуществление внешнеэкономических связей, при этом область "принимает участие в выполнении международных договоров Российской Федерации, заключает соответствующие договоры (соглашения), если это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам". В соответствии с Уставом области все договоры подлежат ратификации областным Советом народных депутатов. Ратификация договоров Кемеровской области осуществляется путём принятия соответствующих областных законов. Часть 3 статьи 66 Устава посвящена правовой регламентации исполнения отдельных государственных полномочий на органы местного самоуправления области, однако "органы местного самоуправления не вправе принимать

правовые акты по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти области" (ч.1 ст.66).

Республика Бурятия также занимает своё место в осуществлении внешнеэкономических связей региона Сибири. Такое право предоставлено ей **Конституцией Республики Бурятия** от 22 февраля 1994 года (в ред. Закона Республики Бурятия от 22 июня 1999 г.). Так, Республика Бурятия признаёт, что в ведении Российской Федерации находятся внешняя политика и международные отношения РФ, международные договоры РФ, внешнеэкономические отношения РФ (п.п."к", "л" ст.61 Конституции). Вместе с тем в совместном ведении Республики Бурятия и Российской Федерации находится "координация международных и внешнеэкономических связей Республики Бурятия, выполнение международных договоров Российской Федерации" (п."о" ст.62). К ведению же Республики относится "установление и регулирование внешнеэкономических...связей с зарубежными странами" (п."м" ст.63), а также "представительство Республики Бурятия в международных организациях" (п."н" ст.63). Согласно пункту "ж" части 3 статьи 93 Конституции Правительство Республики Бурятия "осуществляет внешнеэкономическую деятельность".

Приморский край (Дальневосточный регион) также вправе выступать в качестве самостоятельного участника международных и внешнеэкономических связей, заключать международные соглашения и внешнеэкономические сделки с национально-государственными и административно-территориальными образованиями иностранных государств, другими участниками международных отношений, если это не противоречит российской Конституции и федеральным законам. Вместе с другими субъектами РФ и федеральными органами государственной власти Приморский край участвует в деятельности по координации международных и внешнеэкономических связей РФ, выполнению её международных договоров. Международные соглашения Приморского края подлежат утверждению (ратификации) Думой Приморского края в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами и законами края. Органы государственной власти края не вправе действовать вопреки международным обязательствам, принятым РФ. Органы государственной власти Приморского края вправе оспаривать акты, содержащие международные обязательства, в порядке, установленном Конституции РФ и федеральными законами (статья 13 **Устава Приморского края** в редакции закона от 18 мая 1999 года)⁹.

Как уже было отмечено выше, общепризнанные принципы и нормы международного права и международно-правовые акты служат важными источниками регулирования конституционно правовых основ внешнеэкономической деятельности рассматриваемых регионов. Часть 4 статьи 15 Конституции РФ гласит, что "общепринятые принципы и нормы международного права и международные договора Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора". Согласно данной правовой норме, принципы и нормы международного права и международные договора РФ являются частью её правовой системы. Заинтересованные физические и юридические лица могут ссылаться прямо на нормы международного права при разрешении споров между собой и с государственными органами и т.д.

В Совете Европы в течении ряда лет готовилась **Хартия региональной автономии**, рассчитанная на сближение регионов и введение общих гарантий их самостоятельности. Но до сих пор Хартия так и не принята. Ключевую роль в международно-правовом регулировании внешнеэкономических связей рассматриваемых регионов играет **Европейская хартия местного самоуправления**, ратифицированная Российской Федерацией в г.Страсбурге 28 февраля 1996 года. Хартия содержит немало положений, воспринятых в российском за-

конодательстве. Важное значение имеет Европейская рамочная конвенция по приграничному сотрудничеству территориальных сообществ и властей (подписана 21 мая 1980 г. в Мадриде, и была дополнена 9 ноября 1995 г. протоколом и 5 мая 1998 г. Протоколом №2). Конвенция имеет цель облегчить и придать импульс развитию приграничного сотрудничества между различными регионами. Как зафиксировано в Протоколе №2, "каждая Договаривающаяся сторона признаёт и уважает право территориальных сообществ и властей, находящихся под её юрисдикцией, предусмотренное в статьях 1 и 2 Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, поддерживать связи и заключать в сферах своей компетенции соглашения о межтерриториальном сотрудничестве согласно процедуре, предусмотренной в их уставах в соответствии с национальным законодательством и при соблюдении международных обязательств, взятых на себя данной Договаривающейся стороной".

Немалую роль в правовом регулировании рассматриваемого вопроса играют различные межгосударственные и межправительственные соглашения. Ярким примером тому служит Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики. Статья 2 Соглашения особо подчёркивает, что обе стороны будут активно содействовать развитию двустороннего сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и КНР. Согласно Соглашению, администрации (правительства) субъектов РФ и местные правительства КНР вправе достигать договорённости о сотрудничестве по вопросам, входящим в их компетенцию (ст.3).

Осуществлению внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока активно способствуют типовые и рамочные соглашения по приграничному сотрудничеству в экономической и социальной сферах. С 1996 года действует Постоянная рабочая группа по межрегиональному и приграничному сотрудничеству. Ощутимое влияние идей и принципов международного межрегионального сотрудничества, разрабатываемых на международных конгрессах, конференциях, семинарах¹⁰.

Проведённый выше анализ правовых основ регулирования внешнеэкономических связей регионов Сибири и Дальнего Востока позволяет сделать следующие основные выводы:

во-первых, Конституция Российской Федерации устанавливает тройной уровень предметов ведения и полномочий в области осуществления внешнеэкономических связей:

1. Исключительные предметы ведения и полномочия Федерации: Российская Федерация обладает полномочиями в области внешнеэкономической деятельности, внешней политике, международных отношениях, международных договорах (статья 71);

2. Предметы совместного ведения и полномочий Федерации и регионов Сибири и Дальнего Востока: Российская Федерация и рассматриваемые регионы совместно координируют международные и внешнеэкономические связи субъектов федерации и совместно обеспечивают выполнение международных договоров (статья 72);

3. Исключительные полномочия регионов Сибири и Дальнего Востока: регионы в рамках предоставленных полномочий, внешней политики и международных отношениях, которые относятся к ведению федерации, а также в рамках координации международных и внешнеэкономических связей субъектов федерации, которые относятся к совместному ведению, поддерживают международные и внешнеэкономических связи;

во-вторых, несмотря на наличие конституционных норм, разграничивающих пределы ведения полномочий Федерации и её субъектов во внешнеэкономических связях, всё же существуют определённые недостатки. Прежде всего подвергается критике статья 72 Конституции о предметах совместного ведения Федерации и её субъектов. Некоторыми юристами эта статья рассматривается как свидетельство неспособности законодателя разделить полномочия между центром и его регионами, что эта статья написана для того, чтобы отложить мучительное дело разграничения полномочий. Другие полагают, что законодатель имел цель создать поле для взаимодействия, а не для дальнейшего разделения полномочий. Однако отсутствие конкретного федерального закона по вопросам совместного ведения Федерации и её субъектов в области осуществления внешнеэкономических связей не является препятствием для урегулирования данного вопроса. Стоит обратиться к таким законам, как **“О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации”** от 2 декабря 1998г., **“О государственном регулировании внешнеторговой деятельности”** от 7 июля 1995г., **“О международных договорах Российской Федерации”** и множеству других;

в-третьих, особо необходимо отметить институт “делегирования полномочий”. Так, в соответствии со статьёй 78 Конституции РФ федеральные органы исполнительной власти по соглашению с органами исполнительной власти субъектов Федерации могут передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции и федеральным законам. Это же могут делать и исполнительные органы субъектов Федерации по соглашению с органами исполнительной власти Федерации. Таким образом, осуществляемые центром внешнеэкономические связи могут быть возложены на рассматриваемые нами регионы Сибири и Дальнего Востока;

в-четвёртых, регионы Сибири и Дальнего Востока в осуществлении внешнеэкономических связей руководствуются Конституцией Российской Федерации, Федеративным договором, собственными конституциями и уставами, федеральным и местным законодательством, Договором о разграничении полномочий и другими нормативными актами и действуют в пределах своей компетенции в тесном сотрудничестве с федеральными органами власти, исходя из общегосударственных интересов России.

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993г. М.: Юридическая литература. 1993.
2. Федеральные законы РФ, Указы Президента РФ, Постановления и Распоряжения Правительства РФ, Конституции и Уставы субъектов РФ, законодательство субъектов РФ, Международно-правовые акты, договоры РФ и её субъектов. См.: Правовая база “Гарант”, 1999
3. Внешнеэкономическая деятельность. 1997. №9.
4. Колчин С., Миронов В. От северо-запада до Дальнего Востока: экономико-политические зарисовки 10 регионов Российской Федерации. М.: АОЗТ “Эпикон”. 1999.
5. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. -Владивосток: “Дальнаука”, 1998
6. Колчин С. И др. Указ. соч.
7. Там же.
8. Там же.
9. Ларин В.Л. Указ. соч.
10. Сборник документов и материалов по вопросам международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. -М.: “МИД” 1999

История

Сунь Ятсен, Чэнь Цзюньмин и генерал Потапов (история одной политической мистификации)

© 2000

М. Крюков

В первые годы после Октября едва ли не главным направлением советской политики в Китае был поиск той политической силы, союз с которой позволил бы разжечь пожар революции в этой части земного шара. В конечном счете большевики остановили свой выбор на Гоминьдане, но путь к этому альянсу был долгим и извилистым. У нас нет объективных оснований полагать, что окончательно оформившееся в январе 1922 г. намерение Ленина после годичного перерыва вернуться к всесторонней ориентации на Сунь Ят-сена было в тот момент единственно возможным решением вопроса. Напротив, оно скорее всего стало результатом стечения преходящих обстоятельств.

Волна и камень

Сунь Ятсен без сомнения был одним из наиболее крупных политических деятелей Китая, на которых большевики могли сделать свою ставку. Он был широко известен в России как первый президент Китайской Республики; вскоре после Синьхайской революции Ленин назвал его "революционным демократом, полным благородства и героизма"¹. Определяя линию своего поведения по отношению к Китаю, Наркоминдел пришел в 1918 г. к выводу о том, что подлинным выразителем воли китайского народа был отнюдь не Пекин, а южное Кантонское правительство во главе с Сунь Ятсеном².

В Москве не знали, что вскоре после этого Сунь Ятсен сложил с себя полномочия главы Южного военного правительства и уехал в Шанхай. Эти события заставили руководителя Гоминьдана сместить акценты разработанной им стратегии. Продолжая считать свержение Пекинского правительства и последующее объединение страны своей сверхзадачей, Сунь Ятсен считал возможным вступить во временную коалицию с Севером ради уничтожения своих недавних соратников - южных милитаристов. "Сначала уничтожить гуансийских бандитов и объединить Юг, а затем наступать на Север, чтобы овладеть Среднекитайской равниной" - так теперь он формулировал свои политические цели³.

Но для реализации этого стратегического плана у д-ра Суня не было ни достаточных средств, ни собственной армии, хотя все свои надежды он возлагал именно на подавление противников с помощью военной силы. Поэтому он

Крюков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор Тамканского университета.

разрабатывает “Северо-Западный план”, суть которого заключалась в использовании с этой целью вооруженных формирований Советской России или Германии, в состав которых предполагалось включить также добровольцев из числа китайских эмигрантов.

Весной 1920 г. в Шанхай прибыл советский эмиссар - бывший полковник царской армии М. Г. Попов. Сунь Ятсен подробно обсуждал с ним детали своего плана, но переговоры не дали ожидаемых результатов. Попов не только счел предложенную операцию неосуществимой, но помимо этого дал резко отрицательную характеристику автору плана, не признававшего иных средств для объединения Китая кроме военных⁴.

Не добившись желаемого, Сунь Ятсен решил использовать представившуюся ему возможность вступить в контакт с представителями советского анклава на Дальнем Востоке - Благовещенска. Летом 1920 г. в Шанхай оттуда приезжал некто Лю Цянь, действовавший под псевдонимом Федоров и называвший себя представителем Китайской коммунистической партии. В отчете Амурскому обкому РКП(б) он сообщал, что заключил с Сунь Ятсеном соглашение об объединении вооруженных сил Советской России и Южного Китая⁵. В сентябре-октябре 1920 г. в Благовещенск для уточнения оперативных деталей этого плана по поручению д-ра Суня выезжал Ли Чжанда⁶.

Но справедливости ради следует сказать, что будучи поглощен подготовкой грядущей иностранной интервенции, Сунь Ятсен в то же время внимательно следил за действиями Гуандунской армии - войсковых частей, находившихся под общим командованием Чэнь Цзюньмина.

Чэнь Цзюньмина тогда называли генералом, но он вовсе не был профессиональным военным. Начинал он свою карьеру как публицист и издатель. Однако теперь от его энергии и врожденного полководческого таланта зависело, сможет ли Сунь Ятсен со временем вернуться обратно в Кантон и продолжить борьбу за достижение своих стратегических целей. Поэтому генерал Чэнь пользовался полным доверием д-ра Суня, который сравнивал его с ветеранами революции Хуан Сином и Чэнь Цимзем⁷.

На рубеже второго десятилетия нашего века Чэнь Цзюньмин был наряду с Сунь Ятсеном одной из самых ярких прогрессивных фигур на китайском политическом небосклоне. Но эти два деятеля были людьми совершенно различного склада.

Д-р Сунь считал себя теоретиком и время от времени излагал на бумаге свои многочисленные, часто весьма амбициозные, но в большинстве случаев крайне фантастические планы. Достаточно вспомнить, как в 1918 г. д-р Сунь намеревался за несколько лет усеять весь Китай сетью крупных промышленных предприятий, построить более 100 тысяч миль автомобильных дорог и судоходных каналов. Что же касается его организаторских способностей, то они оставляли желать большего. Да Сунь Ятсен и не был создан для повседневной практической работы; не случайно за все время своего пребывания в 1917-1918 г.г. на посту руководителя Кантонского правительства он фактически совершенно не занимался конкретными государственными делами.

У Чэнь Цзюньмина также был свой собственный взгляд на будущее Китая. В отличие от Сунь Ятсена он возлагал свои надежды не на свержение Пекинского правительства с помощью военной силы, а на создание в Китае федерации провинций. Когда Чэнь Цзюньмин создал в Чжанчжоу базу борьбы против Кантона, он получил возможность на практике проверить реальность своего стратегического плана: “Сначала осуществить местную автономию, затем создать федеральное правительство”. И он немедленно приступил к активному проведению в жизнь широкой программы социальных реформ.

Первым шагом на этом пути было создание нового административного аппарата, включавшего помимо Главного штаба также ряд гражданских департаментов - политической работы, экономического строительства (с отдела-

ми промышленности и финансов), образования, здравоохранения, которым была поставлена задача немедленно принять меры для повышения боевой готовности армии, укрепить дисциплину, улучшить управление городским хозяйством, начать дорожное строительство, реформировать систему образования, уделить особое внимание проблемам развития культуры. За короткий срок в Чжанчжоу было сделано на удивление много. Американский консул в Амое, посетивший Чжанчжоу в конце 1919 г., писал: "Под непосредственным руководством Чэнь Цзюньмина приняты меры по благоустройству Чжанчжоу. Были снесены городские стены, расширены улицы, в центре города разбит красивый, поддерживаемый в чистоте парк, вдоль берега реки построена набережная, открыто несколько больших и очень чистых городских рынков и т.д. Кроме того, разработан проект прокладки шоссейных дорог и уже начаты строительные работы на участке Чжанчжоу-Амой. Все расходы компенсируются за счет налогообложения, которое, кстати говоря, не превышает уровня, прежде установленного Пекинским правительством... В то время как генерал Чэнь Цзюньмин активно реконструировал Чжанчжоу, условия жизни в Амое, прославившемся самым грязным городом в Китае, продолжают ухудшаться"⁸. Тем самым, по словам американского консула, новая власть в Чжанчжоу "предприняла искреннюю попытку показать народу, на что способно прогрессивное правительство"⁹.

Осуществлявшиеся Чэнь Цзюньмином социальные преобразования отвечали духу "движения за новую культуру". Свое наглядное выражение его принципы находили на страницах журнала "Миньсин", основанного Чэнь Цзюньмином в конце 1919 г., и газеты "Миньсин жибао" (выходила в Чжанчжоу с января 1920 г.). Эти издания пропагандировали идеи демократии и социализма, постоянно помещали материалы о Советской России, о прогрессивном значении русской литературы и т.п. Во время проводившихся по инициативе Чэнь Цзюньмина крупных спортивных соревнований организаторы распространяли печатные материалы, содержавшие "большевистские лозунги". Все это вскоре привлекло к себе внимание широкой общественности не только в Китае, но и за рубежом.

Большевистский эмиссар в гостях у Чэнь Цзюньмина

С этой точки зрения кажется вполне естественным, что, как о том упоминают многие исследователи, в начале 1920 г. в Чжанчжоу появился посланец из Москвы. Основываются эти сообщения на свидетельствах двух очевидцев и участников тогдашних событий. Первый из них - Чэнь Юци, высокопоставленный офицер в штабе Чэнь Цзюньмина; второй - тогдашний заведующий отделом просвещения Лян Бинсюань. Они опубликовали свои воспоминания почти одновременно, но один в Шанхае, другой в Гонконге, еще не возвратившемся тогда в лоно родины. Отсюда - явные расхождения в деталях и оценках. Предоставим им слово.

Вспоминая обстоятельства этой встречи, Чэнь Юци писал: "Зимой 1919 г. Сунь Чжуншань жил в Шанхае, принимал участие в революции, много писал, публиковал свои политические сочинения. В то время Ленин послал одного адмирала, который должен был передать привет китайским друзьям (фамилию его я забыл, но ее можно восстановить по тогдашним документам). Его сопровождал товарищ из Кореи, а также швейцарская гражданка. Это был первый русский, посланный в Китай после победы революции в СССР.

В это время Чэнь Цзюньмин еще не изменил делу революции, со своей армией он находился в Чжанчжоу. Сунь Ятсен дал ему телеграмму с указанием соответствующим образом принять гостя и обсудить с ним вопросы революционной работы, взаимопомощи и налаживания контактов. Китай тогда еще находился под властью различных империалистических государств, всюду

шныряли агенты империализма. Чжанчжоу, естественно, также не был исключением и поэтому принимать военного, прибывшего из социалистической страны, было чрезвычайно трудной задачей.

Ответственность за прием советского друга была возложена на меня, а также на Ляо Чжункая и Чжу Чжисиня. Мы в качестве представителей должны были встретить его на набережной. Работа велась в условиях абсолютной секретности. Я помню, что для сохранения тайны во имя обеспечения безопасности военного из СССР его разместили в помещении отдела просвещения, а сотрудники отдела, отличавшиеся в то время своими прогрессивными взглядами, переодевшись в официантов, поваров и т.д., носили ему чай и готовили обед.

Советский друг, о котором идет речь, привез письмо от Ленина. Передавая его нам, он упомянул о готовности СССР оказать помощь китайской революции. Мы выразили благодарность Ленину и советскому народу за их внимание к революции в Китае. Помимо этого мы пояснили гостю, что революционные силы еще не имеют в своем распоряжении ни одного морского порта, и мы сможем обратиться за помощью к СССР лишь после того, как хотя бы один такой порт окажется в наших руках.

В этом духе было составлено ответное послание Ленину. Оно было написано Чжу Чжисинем по-английски, а Ляо Чжункай лично отпечатал его на машинке. После этого были выделены люди, которые должны были сопровождать советского представителя в Амой, а затем в Гонконг с тем, чтобы он отправился в обратный путь через Владивосток¹⁰.

В другой раз, вспоминая о встрече Чэнь Цзюньмина с "военным из СССР", Чэнь Юци добавил к этому рассказу несколько дополнительных деталей. Он, в частности, вспомнил, что гостя из Москвы как будто бы звали Лубо; приезжий хотел надеть для встречи с Чэнь Цзюньмином свой парадный мундир, но его отговорили от этой идеи, имея в виду соображения безопасности¹¹.

Несколько иначе рисует тогдашнюю ситуацию Лян Бинсюань. Он пишет: "Проживавший тогда в Тяньцзине советский коммунист Полевой, участвовавший в организации в Китае социалистического союза, сообщил командующему Чэню о том, что ближайший друг Ленина по фамилии В. (я сейчас не в состоянии полностью воспроизвести его фамилию, помню лишь, что она начиналась на букву "В") получил задание способствовать развитию революционной ситуации в странах Азии. Полевой гарантировал, что В. едет с добрыми намерениями. Если бы какая-нибудь революционная организация на юге Китая, располагающая собственной территорией и необходимыми условиями, смогла бы принять этого эмиссара, он немедленно отправился бы на юг. Начальник принял решение по этому поводу, его подчиненные составили ответное письмо Полевому, и скоро была получена еще одна телеграмма о том, что группа из шести человек во главе с В. с сопровождающими и секретарем на днях отправляется на юг. В конце весны - начале лета 1920 г. тайный посланец ленинского правительства В. и пять сопровождающих были уже тут.

В. узнал, что социалистическое движение в Китае находилось тогда на этапе теоретических исследований и письменной агитации. Занимались этой работой главным образом последователи Прудона, а в Советской России деятельности такого толка были тогда соратниками большевиков; поэтому В. с готовностью начал контактировать с ними.

Прибыв в Чжанчжоу, он выяснил, что эта группировка в Южном Китае считает своей первостепенной задачей борьбу с милитаристами во имя демократии и пропаганду своих идей в массах, а в будущем ей предстоит работа по реформированию экономики. Что же касается политической системы советского типа, то В. в этой его поездке должен был выяснить, проявляют ли к ней интерес китайцы.

Во время первой беседы В. задал вопрос о том, какого рода взгляды представляют газета "Миньсин жибао" и одноименный журнал. Ответственные за издание лица ответили ему, что с точки зрения китайских социалистов высшей ценностью является свобода мыслить и выражать свои мысли. Никто не должен решать за других, тем более - никто не должен слепо подчиняться чужим мнениям; в качестве истины может быть принято суждение большинства. Собеседники выразили свое уважение к революции в Советской России и в то же время - несогласие с тем, что после революции свобода личности была в России подавлена диктатурой. Журнал "Миньсин" критиковал советскую конституцию, отражая в этом отношении мнение большинства тогдашних социалистов.

В. отвечал на это, что Советская Россия вовсе не против свободы каждого, но силы контрреволюции еще не разгромлены окончательно. Отсюда возникает вопрос: следует ли подавлять их?

Ему ответили, что после того, как Синьхайская революция свергла тысячелетнюю тиранию, народные массы поняли преимущества республиканского строя и опасности контрреволюции в Китае не существует (поэтому и Юань Шикай плохо кончил). Мы верим в то, что революции совершаются во имя грядущей справедливости. Когда революция победит, массы будут единодушно выступать в поддержку справедливости, и ей более не будет угрозы со стороны безумцев. Напротив, тот, кто лишает народ свободы с помощью насилия, сам превращается в настоящего контрреволюционера...

Эти аргументы, казалось, подействовали на В., и поэтому он как-то ненароком обмолвился, что начиная с того момента, когда он оказался в Китае, революция предстала перед ним в ином свете.

В. глубоко проникся идеями китайских социалистов, и поэтому во время второй встречи он уже не пытался настаивать на своем.

Днем он или осматривал достопримечательности города или встречался с группами местных деятелей. Серьезные же разговоры происходили по ночам в узком кругу из нескольких человек.

Среди обсуждавшихся военных тем был, например, план вдвое сократить две недостаточно боеспособные армии численностью 60 тысяч человек, оставив наиболее пригодные 30 тысяч, затем в течение двух лет набрать и обучить еще 70 тысяч, чтобы довести общую численность вооруженных сил до 100 тысяч человек. Для этого за год на специальных курсах было подготовлено большое число офицеров и других кадровых работников. Обсуждался также вопрос о том, что в отношении вооружения нельзя полагаться исключительно на помощь из-за рубежа, и поэтому здесь следует построить небольшой оружейный завод.

Имея в виду эти проблемы, В. несколько раз проводил переговоры о плане создания офицерской школы и военного завода, а также о смете расходов на эти цели. Обсуждение обнаружило взаимопонимание по основным вопросам. Он выразил готовность порекомендовать нескольких российских командиров в качестве преподавателей, некоторое число инструкторов в войска и инженеров для завода, прислать нужное количество станков для производства снарядов, несколько видов специального редкого сырья. Один из его сопровождающих быстро и со знанием дела составлял список, чего явно не смог бы сделать непрофессионал.

В условиях экономической блокады в России из-за осуществленных там нововведений резко упал уровень производства; не только в центральной части страны, но также в Средней Азии и даже в Сибири вплоть до маньчжурской границы свирепствовал голод. Поэтому В. помимо всего прочего надеялся получить помощь из Китая, хотя всерьез говорить об этом было трудно. Впрочем, даже такой маленький и еще не вполне вставший на ноги независимый район мог сказать свое слово. По имевшимся данным, в обмен на оборудование можно было поставлять ежемесячно по несколько тонн риса, пшеницы, соли-

ных морских продуктов, сушеного батата. Договорились о том, что советские суда будут прибывать в международные воды близ Цюаньчжоу и Амоя, отсюда на больших лодках продовольствие будет доставляться на их борт, а затем транспортироваться во Владивосток. Все это было решено во время нескольких ночных совещаний. Был составлен протокол переговоров, под которым стороны поставили свои подписи. Копию этого протокола В. увез в Москву.

Наша сторона договорилась с В. о том, что как сам факт переговоров, так и содержание всех достигнутых соглашений будет храниться в строжайшей тайне, и даже члены китайского социалистического союза не будут до поры до времени упоминать об этом.

В. подарил главнокомандующему Чэню фотографию Ленина с его собственноручной подписью, а тот в свою очередь в качестве ответного подарка преподнес свое фото, на котором он был снят в военной форме¹².

Впоследствии Лян Бинсюань дополнил свой рассказ о посланце из Москвы некоторыми новыми деталями: "До революции В. был высокопоставленным офицером и состоял в близких отношениях с Лениным. После Октября он со многими перессорился, и Ленин, будучи не в состоянии защищать его, отправил В. работать за границу. Тот был ранее знаком с жившим в Тяньцзине Полевым и решил поехать в Китай... Позднее из Читы была получена телеграмма, в которой военные власти сообщали: по пути домой В. заболел и скончался в Хабаровске..."¹³.

Лубо и В.: один человек или два человека?

Решая вопрос о том, кем же в действительности были Лубо и В., нам необходимо принять во внимание еще одного деятеля, о котором доподлинно известно, что в первой половине 1920 г. он побывал в Чжанчжоу и встречался с Чэнь Цзюнмином. Речь идет о генерале А. С. Потапове, который привез в Москву адресованное Ленину письмо Чэнь Цзюнмина и представил сначала в НКВД, а затем в Коминтерн несколько подробных докладных записок о положении в Китае.

В свое время А. В. Панцов и М. Ф. Юрьев высказали мнение о том, что с Чэнь Цзюнмином почти одновременно встречались два различных лица: приехавший из Москвы эмиссар Ленина, действовавший под псевдонимом Лубо, и направлявшийся из Китая в Москву бывший генерал царской армии Потапов¹⁴. Однако эта точка зрения не согласуется с по-видимому оставшимися неизвестными авторам свидетельствами Чэнь Юци и Лян Бинсюаня, которые, надо полагать, сообщили бы о визите в Чжанчжоу не одного, а двух русских.

Тайваньский исследователь Ли Цзяньго не располагал данными о генерале Потапове и высказал предположение, что В. был ни кем иным, как В. Виленским¹⁵. Этот известный деятель действительно побывал летом 1920 г. в Китае. Тем не менее находился он там всего лишь две недели и совершенно невозможно представить себе, чтобы он смог за столь короткое время приехать из Владивостока в Пекин, побывать на юге Фуцзяни, вернуться в Пекин, организовать там встречу представителей местных коммунистических кружков и, не просрочив полученной им визы, добраться до Кяхты, где его по случайному совпадению встретили направлявшиеся в Пекин члены делегации ДВР во главе с Юриным¹⁶. Тем более, что в своих отчетах Виленский нигде не упоминает о личной встрече с Чэнь Цзюнмином.

В противоположность этому, У Сянсян высказал другую догадку, предположительно отождествив визитера из Москвы с Г. Войтинским, приезжавшим в 1920 г. в Китай. Но эта версия была отвергнута японским историком Хатано Сэндай: Войтинский действовал в Китае как Ху Динкан, У Тинкан или под своей собственной фамилией, но не как Лубо. К тому же есть основания полагать, что первая встреча Войтинского с Чэнь Цзюнмином произошла в

Кантоне в конце 1920 г. В этом смысле Хатано, по-видимому, прав, так как Войтинский писал в Москву в июне 1920 г.: "Согласно словам местных революционеров, революционная деятельность генерала Чэня (в Чжанчжоу) несколько преувеличена"¹⁷. Это означает, что сам он в Чжанчжоу не бывал.

Хатано в свою очередь выдвинул еще одну версию идентификации личности Лубо, согласно которой большевистским послом к Чэнь Цзюньмину был уже упоминавшийся выше Лю Цянь (Федоров). По мнению японского исследователя, в имени советского эмиссара была допущена опечатка: второй иероглиф следует читать не "бо", а "фу". Стало быть, возможно, что "...луфу" -это последняя часть китайской транскрипции фамилии "...ров"¹⁸.

Лю Цянь вел переговоры с Сунь Ятсеном в Шанхае, откуда, вообще говоря, можно было добраться и до Фуцзяни. Но Лю был китайцем, тогда как очевидцы встреч Чэнь Цзюньмина с советским эмиссаром говорят о нем как о русском. С этой точки зрения предположение Хатано кажется недостаточно обоснованным.

Наконец, сначала китайский специалист по истории коммунистического движения в Фуцзяни Сяо Линь, а затем американский исследователь Чжоу Гу пришли к заключению, что и Лубо и В. - это Потапов¹⁹.

Некоторые детали сообщений Чэнь Юци и Лян Бинсюаня, на первый взгляд, противоречат этой гипотезе. Лубо вручил Чэнь Цзюньмину письмо Ленина, В. - фотографию вождя с его личным автографом; оказавшийся в Китае царский генерал Потапов явно не мог сделать ни того, ни другого. Не мог он также, казалось бы, спорить с сотрудниками местной газеты о преимуществах советской демократии. В конце 1920 г. Потапов благополучно прибыл в Москву: значит он не умер в Хабаровске. Его фамилия не начинается на "В" и уж совершенно не имеет ничего общего с "Лубо". Кроме того, из донесения полицейского управления английской концессии в Шанхае явствует, что Потапов прибыл в Чжанчжоу 23 апреля 1920 г. под своей настоящей фамилией, а не под вымышленной²⁰.

Но, с другой стороны, многое говорит "за". Весьма многозначительная деталь: приезжий хотел надеть на встречу с Чэнем свой генеральский мундир, которого, согласитесь, не могло быть в чемодане ни у Виленского, ни тем более у Лю Цяня. Далее, сопроводжал прибывшего кореец, а из другого важного источника о деятельности Потапова в Китае нам известно, что во время его пребывания в Шанхае с ним постоянно был кореец по фамилии Рю²¹.

Источник, о котором идет речь, имеет первостепенное значение для того, чтобы объяснить отмеченные выше моменты, говорящие, как будто, не в пользу версии "Лубо=В.=Потапов".

Алексей Потапов и Джордж Сокольский

В 1919 г. в Шанхай приехал молодой американский журналист Дж. Сокольский, который до этого некоторое время жил и работал в Москве. Он познакомился с Сунь Ятсеном, вошел в его доверие и часто присутствовал на встречах бывшего главы Южного правительства с зарубежными гостями, а также переводил для него иностранную корреспонденцию. Но в то же самое время Сокольский был завербован генеральным консулом США в Шанхае Э. Каннингамом и регулярно информировал его о контактах Сунь Ятсена с иностранцами. Именно из донесений Сокольского нам сегодня известно о переговорах д-ра Суня с полковником Поповым. Подробно излагал осведомитель и все, что ему было известно о генерале Потапове.

Говоря о Попове, он отмечал, что в разговорах тот, как правило, умалчивал о цели своего визита в Шанхай и не был вовлечен в пропаганду. Совершенно иную характеристику Сокольский дает Потапову.

“Генерал Потапов, - писал он, - выдает себя за большевика и за жертву, принесенную на алтарь русской революции. На самом деле во время столкновения между Керенским и Корниловым в Петрограде он был на стороне Корнилова и действовал против революционных войск. В этом - одно из объяснений его появления на Дальнем Востоке. Будучи вовлеченным в большевистскую пропаганду в Японии, он имел там неприятности, однако не думаю, чтобы он предпринял что-либо существенное.

Он - неврастеник, страдает манией преследования и чрезмерным самомнением о важности собственной персоны. Он высказывается в том духе, что может осуществлять контакты с Москвой даже в тех случаях, когда это не в состоянии сделать Владивостокское Земство; он то и дело раздает рекомендательные письма к Ленину, которые затем под тем или иным предлогом забирает обратно.

Он посетил д-ра Сунь Ятсена, с которым обсуждал планы сотрудничества Гоминьдана с большевиками. Однако он признает, что не имеет на то полномочий. Я предложил помочь ему при условии, если он предъявит мне свой мандат, но такового у него не оказалось. Он сам сказал мне об этом.

Его говорливость стала причиной того, что широко распространились слухи о большевистской пропаганде в Шанхае. Потапова не следует принимать всерьез, да никто и не принимает, если не считать газетчиков, столь падких на рассказы о большевиках”²².

Как видим, о личности Потапова у Сокольского сложилось отнюдь не лестное мнение. Потапов отвечал ему в этом смысле взаимностью; в своем докладе на имя Чичерина он упирал главным образом на политическую сторону дела: “Сокольский был свидетелем Февральской и Октябрьской революции 1917 года в Петрограде, который он покинул в 1918 году, и является ярым врагом Советской России”²³.

Коль скоро эти два человека явно не испытывали симпатии друг к другу, является ли содержащаяся в донесении Сокольского характеристика Потапова достаточно объективной? Можно было бы усомниться в этом, если бы до нас не дошли совершенно иные свидетельства.

Они принадлежат другому бывшему генералу царской армии В. Г. Болдыреву, который в 1918 г. стал членом Уфимской директории, а после колчаковского переворота уехал сначала на Дальний Восток, а затем в Японию. В своих воспоминаниях о пребывании во Владивостоке в декабре 1919 г. Болдырев, в частности, пишет: “В ресторане “Золотой рог” нам досталось лишь пол-обеда - опоздали. Исправил эту неудачу своими новостями генерал Потапов. Он, видимо, в связи с местными земскими и демократическими кругами... Изъявлял готовность на сотрудничество”²⁴.

Через несколько дней “за обедом опять неизбежный Потапов”²⁵. Спустя два месяца Болдырев был уже в Токио, и вот однажды “после завтрака в весьма растерзанном виде, с неизменным голубым галстуком на шее вбежал только что прибывший из Владивостока генерал Потапов... Утомил меня нескончаемой беседой”²⁶. Вскоре со слов Потапова стало известно, что к нему “японцы приставили “почетный” караул в виде двух соглядатаев. Они уверяют, что он слишком большой человек, чтобы его особу подвергать риску без охраны”²⁷...

Отдельные штрихи к портрету Потапова, содержащиеся в мемуарах Болдырева, в целом создают образ, весьма близкий к нарисованному Сокольским: назойливая болтливость, неуемное самомнение, постоянное стремление преувеличенно подчеркнуть собственную роль во всем, что происходит вокруг.

Те же самые черты в полной мере проявляются и в том, что написал Потапов в своем письме Ленину 21 октября 1920 г.

Письмо Ленину

Читая это послание, невольно думаешь о том, что генерал страдал одновременно и манией величия, и манией преследования.

Послушать Потапова, как картина его революционной деятельности получалась действительно внушительная: накануне февраля 1917-го он якобы принял в Петрограде командование революционными войсками; затем был в оппозиции правительству Керенского, противодействовал его закулисным интригам против Советов и за это в конце концов подвергся изгнанию; после этого возглавил антиколчаковское и антисоюзническое движение, из-за чего на его жизнь неоднократно совершались покушения; был выслан из Японии за действия, угрожавшие безопасности империи; во время пребывания в Китае стал уполномоченным подпольного правительства Кореи, был избран членом ЦК революционного общества Датундан, а также имел поручения от лидеров народных организаций Китая, включая Главнокомандующего всеми войсками Южного Китая, действующими против Севера; в то же самое время он был фигурой, которую принимало в расчет и Пекинское правительство, делавшее ему "некоторые предложения" и пытавшееся достичь соглашения с его доверителями; после выезда из Китая неоднократно подвергался обыскам и был арестован английскими властями в Лондоне. Завершает этот перечень следующий многозначительный абзац: "За протекший промежуток времени моих настойчивых, вызывавших в отношении меня эксцессы союзников, попыток установления с Вами связи моих доверителей, из бесед с Вашими представителями, из полученных мною сообщений из России и с Дальнего Востока и из прессы мною установлено, что с отъездом моим из Китая лидеры народных революционных движений, в надежде на успех моей и моих сотрудников миссий и уверенные в Вашем им сочувствии, смело перешли к активным против Пекина действиям, схема которых мною была одобрена, и, при обозначившимся организацией борьбы несомненным успехе народных масс, союзные и даже японские войска приняли нейтралитет"²⁸.

В высшей степени характерно, что изобразив себя едва ли не ключевой фигурой революционного движения в странах Дальнего Востока, Потапов переходит затем к критике советской политики в Китае, нашедшей выражение в Декларации Карахана 1919 г. Это обращение, утверждает генерал, было использовано Пекином против интересов трудящихся: "Пекинское правительство в целях спасения личных положений поспешило с крайней мерой и приняло ранее им по настоянию союзников отклонявшееся Ваше предложение об установлении с Вами сношений, признало декларацию и в связи с нею право на наши имперские концессии и опередило обращение к Вам народных масс. Произошедшее событие отразилось на настроении и порыве народных китайско-корейских движений и вызвало недоумения и поддержанное иностранной агитацией подозрение в предательстве их Вами и провокации рабоче-крестьянских азиатских масс. В то же время реализация Пекинскими властями возвращенных Вами бывших русских концессий придала им опору и устойчивость и предоставила мощные средства для личных обогащений и для победной борьбы против угнетенного ими народа... Удержавшись при Вашей мощной поддержке у власти, Пекинское правительство по указанию Японии не замедлило принятием новых репрессивных мер против народных движений и провело ряд новых притеснений среди спасавшегося в Китае корейского населения... Как русский революционный деятель и как представитель многих китайских, корейских, азиатских и мировых организаций (Да-Тонг-Данг - в переводе Интернационал) я глубоко страдаю, что Пекинские события при содействии иностранной капиталистической агитации могут быть истолкованы среди азиатских и других народов как Ваша мощная поддержка во спасение Вашей власти Пекинским капиталистам в их борьбе против преданных Вами китайско-

корейско-японских народных рабоче-крестьянских масс, что подорвет укрепившееся доверие к лозунгам русской революции и разорвет и задавит насажденный нами и созревший русско-китайско-корейский народный союз, грозивший с развитием событий мировыми осложнениями, которые бы благоприятствовали успешному завершению и победе русской революции"²⁹.

Последняя сентенция недвусмысленно свидетельствует о том, что решившись обвинить Советское правительство в предательстве интересов трудящихся масс Востока, Потапов преследовал свою главную цель - как можно более рельефно оттенить свою собственную потенциальную роль в разработке внешнеполитического курса России. Поэтому он добавляет: "Я далек от критики действий Советского Правительства... Но я опасаясь, что мои сообщения не были своевременно получены, рассмотрены и учтены и высказанные мною скромные мнения не были Вам доложены"³⁰.

И, наконец, нечто уже совершенно невероятное. Потапов утверждает, что Ленин и его соратники именно ему были обязаны своим спасением в предоктябрьские дни: "Хотя русскими реакционными кругами и иностранной разведкой твердо и авторитетно установлена наша взаимная дружеская близость и на мне тяготеют неопровержимые обвинения в поощрении, в бытность мою в Петрограде, Вашей деятельности, в спасении Вас и Ваших сотрудников и последователей от организованных против всех эксцессов и в поддержке в течение всей революции тесной с Вами связи, в удостоверение чего в разных контрразведках надежно хранятся, в порядке вещественных доказательств, копии будто бы адресованных Вами ко мне писем, но, к моему сожалению, я до сих пор не имел удовольствия личного с Вами знакомства и не был почтен какою-либо Вашей корреспонденцией, что очень отразилось на моей работе и деятельности как в пределах русского Дальнего Востока, так и в сопредельных с нами странах Японии и Китая"³¹.

Во всей этой несурзаце есть только одна фраза, в которой Потапов не погрешил против истины: тот факт, что он "не был почтен" корреспонденцией Ленина и ему нечего было предъявить на сей счет в качестве вещественного доказательства, действительно очень затруднял деятельность генерала на Дальнем Востоке.

Хлестаков в генеральском мундире

Непубликовавшиеся ранее архивные материалы позволяют сегодня восстановить основные этапы рискованной операции, задуманной и успешно осуществленной Потаповым летом-осенью 1920 г.

Вопреки прямо-таки безудержной саморекламе, Алексей Степанович Потапов отнюдь не был ни "революционным деятелем", ни "признанным главой антиколчаковского движения". Поддержав в 1917 г. корниловский мятеж, он был вынужден покинуть Петроград и уехать в Сибирь, где его застало известие об Октябрьском перевороте. Не оцененный Колчаком, генерал Потапов вскоре оказался во Владивостоке, но не нашел общего языка и с местными военными кругами. Тогда он решил попытать счастья в Японии, однако его многословие и чрезмерные амбиции вызвали подозрительное отношение к нему со стороны японских властей, а попытки получить въездную визу в Соединенные Штаты или Канаду окончились неудачей. Вот тогда-то у Потапова и родился весьма неординарный план. Он решает вернуться в Советскую Россию. Но не с пустыми руками. Для этого во второй половине 1919 г. генерал Потапов едет в Китай.

Еще совсем недавно Потапов предлагал свое сотрудничество генералу Болдыреву. Теперь он выдает себя за большевика и человека, близкого к Ленину. В эту легенду, судя по всему, поверил профессор С. А. Полевой, который в то время выполнял роль связующего звена между визитерами из Советской

России и китайскими деятелями левой ориентации. Полевой организовал поездку в Фуцзянь к Чэнь Цзюньмину. А до этого мнимый большевик побывал в Шанхае, где он встречался с Сунь Ятсеном. От него Потапову хотелось получить какие-либо вещественные доказательства своей бурной революционной активности в Китае. Тогда по приезде в Москву он имел бы основания ожидать благосклонного отношения к себе со стороны советских руководителей.

Но с Сунь Ятсеном ему не повезло. Лидер Гоминьдана встретил его настороженно и отказался передать с ним письмо Ленину, как о том его просил Потапов. Во время их беседы не упоминалось и о "Северо-Западном плане" - верное свидетельство того, что д-р Сунь не решился доверить говорливому гостю свои самые сокровенные замыслы.

В Чжанчжоу все сложилось для Потапова гораздо удачнее. Ему удалось убедить Чэнь Цзюньмина в том, что он действительно является "ближайшим другом Ленина".

Как мы видели выше, Потапов якобы передал Чэнь Цзюньмину то ли письмо, то ли фотографию Владимира Ильича с его автографом. Письмо это не сохранилось. Но существовало ли оно на самом деле?

Историк Чжоу Гу предполагает, что следы этого письма со временем, возможно, будут найдены в российских архивах³². Но надежда на это представляется излишне оптимистичной. В послании, которое Потапов привез в Москву, Чэнь Цзюньмин ни словом не упоминает о каком-либо письме Ленина, а он наверняка сделал бы это, если письмо действительно было им получено.

Что до фотографии, то данная версия выглядит вполне правдоподобно: коль скоро Потапов ссылаясь на оказавшийся у него портрет Сунь Ятсена для подтверждения факта их переговоров, он точно так же мог для пушей достоверности предъявить Чэнь Цзюньмину какую-нибудь ленинскую фотографию.

В карман за словом Потапов не лез, и поспорить с сотрудниками газеты о плюсах и минусах советского строя труда ему не составляло. В результате Чэнь Цзюньмин писал Ленину: "На днях генерал Потапов прибыл сюда и виделся со мной. Он ознакомился с нашим положением и рассказал мне о положении новой России и о путях распространения принципов самоопределения. Это доставило мне большое наслаждение. Я глубоко верю в исключительное сочувствие, проявленное новой Россией к китайскому народу, и в помощь нашему грядущему революционному движению в его различных видах"³³.

Это было как раз то, что требовалось генералу Потапову.

Удачно для него сложилась ситуация и во время встречи с начальником Генерального штаба вооруженных сил Юга Ли Лецзюнем. Тот также составил "Обращение к советскому народу", в котором писал: "С истинным удовольствием мы пользуемся случаем проезда генерала Потапова через Гонконг, чтобы к вам обратиться с нижеследующими строками, стремясь к тому, чтобы завязать связь и войти в сношения с русским народом и его представителями и установить прочные отношения"³⁴.

Встречался Потапов и с некоторыми другими деятелями. Одновременно он стал готовиться к поездке в Москву.

Для этого он послал во Владивосток несколько сообщений, предназначенных для большевистского руководства, и попросил находившегося там Виленского переправить их по назначению. Эта информация дошла до центра, и Войтинскому, направленному в Китай для установления контактов с марксистскими кружками, была дана инструкция встретиться с Потаповым. Сделать это Войтинскому не удалось³⁵, но фамилия генерала была теперь на слуху советских лидеров, и представители РСФСР вскоре помогли ему добраться из Европы в Москву.

По прибытию в Россию Потапов смог предъявить большую папку с самыми различными материалами, свидетельствующими о его роли в налаживании контактов китайских революционеров с большевиками. Среди этих бумаг

помимо газет и фотографий были прокламации, изданные Чэнь Цзюньмином якобы при участии Потапова для распространения 1 мая 1920 г. среди войск и населения Южного Китая; письмо Чэнь Цзюньмина Ленину; обращение Чэнь Цзюньмина к проживающим в России китайцам; письмо Ли Лецзюня Потапову и его обращение к советскому народу; обращение некоего Хуан Цземиня к Российскому рабоче-крестьянскому правительству; анонимный ответ на обращение Российского рабоче-крестьянского правительства и т.д.³⁶

Эти документы были с большим интересом просмотрены заведующим Восточного отдела НКВД Я. Янсоном и ввиду их исключительной важности переданы вместе с его сопроводительным письмом в Коминтерн. Затем Потапова попросили высказать свои соображения о современной ситуации в Китае и о перспективах развития советско-китайских отношений.

Потапов демонстрирует свою эрудицию

12 декабря 1920 г. генерал Потапов написал три докладных записки: "О докторе Сунь Ятсене, бывшем первом президенте Китайской республики", "Краткий обзор современных политических партий, обществ и союзов в Китае и отношения их и населения разных частей Китая к Р.С.Ф.С.Р." и "Современное политическое положение в Китае". Когда текст был перепечатан на пишущей машинке, автор внес в него некоторые уточнения, после чего он был отпечатан вторично, на этот раз с соблюдением правил новой орфографии. Первоначальные экземпляры, подписанные автором, были переданы в Коминтерн; исправленные копии (без подписи) остались в архиве НКВД.

Первая записка была в 1994 г. опубликована в книге "ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы"; вторая в 1999 г. проанализирована О. С. Артемьевой³⁷; третья до сих пор не использовалась специалистами.

Все они написаны в стиле, типичном для генерала Потапова. Автор высказывает в них свое мнение тоном, не допускающим сомнений в достоверности приводимой информации. Беда лишь в том, что информация эта весьма далека от фактического положения вещей. Выясняется, что генерал был знаком с реалиями китайской жизни крайне поверхностно, в результате чего различные имена, факты и события оказались в ряде случаев безнадежно перепутанными.

Например, упоминая о клубе Аньфу, Потапов утверждает, что "до последнего времени бывший премьер и военный министр Пекинского Правительства Дой-Чи-Сен состоял председателем клуба"³⁸. О том, кто такой этот "Дой-Чи-Сен", приходится только догадываться.

Может быть, имеется в виду Дуань Цижуй? Но Дуань Цижуй, фактически возглавлявший аньфуистов и являвшийся премьером и военным министром в 1918 г., в другом месте фигурирует у Потапова не как Дой-Чи-Сен, а как "Туан-Чи-Джу" или "Туанчи-Джуй". С другой стороны, с сентября 1919 г. по август 1920 г. должности главы Пекинского правительства совмещал генерал Цзинь Юньпэн. Но он не только не был председателем клуба Аньфу, но, напротив, подал в отставку из-за противоречий с ним.

Потапов утверждает также, что "другим энергичным лидером Ан-фу до весны с.г. был маньчжурский генерал-губернатор Джан-Дзао-Лин", который затем "выступил против политики клуба и вышел из его состава"³⁹. Однако известно, что Чжан Цзолинь никогда не был членом аньфуистской группировки и весной 1920 г. из ее состава не выходил. К тому же Потапов явно спутал двух разных деятелей - Чжан Цзолиня и Чжан Сюня. Именно последний, а вовсе не Чжан Цзолинь, как утверждал Потапов, "неудачно пытался вооруженными силами реставрировать династию"⁴⁰.

Впрочем, Потапов оказался не в состоянии отличить не только Чжан Цзолиня от Чжан Сюня, но и этих двух деятелей от генерала Чжан Сылиня,

приехавшего в 1920 г. в Советскую Россию в качестве военного представителя Пекинского правительства. Потапов пишет о нем: "Главою прибывшей в Москву делегации был назван Джань-Дзы-Линь, ярый монархист, еще недавно произведший неудачную попытку реставрации династии, один из столпов партии Анфу, сотрудник Семенова, принявший незадолго до моего отъезда из Китая предложение Японии о создании Маньчжурии под японским протекторатом. Имя его раздражает китайские народные массы и вызывает отчаяние корейцев" ⁴¹.

Приведенной характеристики руководителей клуба Аньфу вполне достаточно, чтобы по достоинству оценить степень достоверности сообщаемой Потаповым информации. Не лучше дело обстояло и с предложенным им анализом ситуации на юге Китая. Потапову явно не давались имена китайских политических деятелей, а их должности он также запомнить никак не мог. Поэтому, в частности, генерал-губернатором Юньнани Потапов называет то Тан Цзияо, то Тан Шаои, никогда на этой должности не состоявшего ⁴², и т.д. и т.п.

Неосведомленность генерала стала причиной появления на страницах его докладных записок целого ряда совершенно неожиданных утверждений. Так, он пишет, что Сунь Ятсен часто именуется в прессе главой национальной партии, "но такой партии до сих пор не образовано" ⁴³, хотя партия Чжунхуа гэмьндан (Революционная партия Китая) была переименована в Чжунго гоминьдан (Национальная партия Китая) еще в октябре 1919 г. О Дуань Цижую автор записки сообщает, что он возглавляет Военную партию Северного Китая, но по личным убеждениям не соответствует политическим взглядам своей партии, сочувствуя генералу Чэнь Цзюньмину ⁴⁴. И уж совсем поразительным открытием Потапова является его заявление о том, что Тан Шаои "в течение 20 лет проводил коммунизм на своей родине" ⁴⁵!

Генерал Потапов не только безнадежно путал имена и факты, но одновременно с этим то и дело давал волю своей поистине необузданной фантазии. Описывая мифическое общество Датундан, Потапов сообщил: "Да-Тонг-Донг (мировое общество, Интернационал) образовалось из слияния нескольких тайных союзов... Общество до сих пор сохраняет секретный характер (из опасений преследования со стороны агентов капиталистических стран). В последнее время общество открыло конспиративный клуб.

Агентура общества очень широкая и охватывает не только всю Азию и Японию, но и Ост-Индию и Полинезию. Недостаток собираемых пожертвованиями средств задерживает развитие и более интенсивную деятельность. В члены общества принимаются лица, известные прочностью своих политических убеждений. При вступлении проходят через ритуалы. Существуют лозунги для определения своих и чужих и отзывы. За нарушение устава общества - жестокая кара. Организация общества очень прочная и захват части руководителей или членов не может отразиться на работе всей организации..." ⁴⁶.

Потапов утверждал, что с Датунданом поддерживает связь Сунь Ятсен, к этой организации очень близок Чэнь Цзюньмин. Он добавлял при этом: "Все народные революционные организации вполне сочувствуют сближению и совместной активной деятельности по проведению мировой революции под руководством Советской России. Но руководящей в этом отношении является организация Да-Тонг-Донг" ⁴⁷.

Столь высокая оценка деятельности общества Датундана станет понятной, если принять во внимание следующую немаловажную деталь: одним из его руководителей был якобы не кто иной, как лично генерал Потапов!

На этот раз он позаботился о том, чтобы его полномочия были подтверждены документом, отсутствие которого не позволило ему в свое время войти в доверие к Сунь Ятсену. Мандат члена Центрального комитета Датундана, выписанный Потапову 22 мая 1920 г., он предусмотрительно приложил к представленным в Коминтерн документам.

Остается добавить, что сочинения Потапова - единственный источник наших сведений о Датундане, о существовании которого исследователям новейшей истории Китая до сих пор решительно ничего неизвестно. Не случайно авторы публикации "ВКП(б), Коминтерн и Китай" вынуждены были сделать краткое, но достаточно многозначительное примечание к докладной записке Потапова: "Достоверные сведения о партии Датундан (партии Великого Единения) не обнаружены"⁴⁸.

Попутно замечу, что докладные Потапова не идут ни в какое сравнение с аналитическими записками о положении в Китае, которые примерно в то же время представлял в Госдепартамент США Дж. Сокольский, демонстрировавший свое блестящее знание ситуации и умение обобщать факты⁴⁹.

Тем не менее, Потапову удалось почти невероятное: в Москве ему поверили. Произойти это могло лишь потому, что и в НКВДе и в Коминтерне в то время практически имели крайне смутное представление о происходящем в Китае. Фантастический по своей дерзости план триумфального возвращения на родину осуществился.

Побочный эффект

Алексей Степанович Потапов в конечном итоге добился своего: сначала он мистифицировал китайских политических деятелей, а затем использовал полученные от них материалы для того, чтобы подтвердить в Москве достоверность сочиненной им легенды о своей выдающейся революционной деятельности. Одновременно ему удалось ввести в заблуждение и многих современных исследователей, поверивших в эту легенду⁵⁰. Но ирония судьбы заключалась в том, что благодаря своей поистине уникальной бесцеремонности генерал Потапов в той или иной мере действительно сыграл в 1920 г. определенную роль в процессе выработки советской линии поведения в Китае, в частности, позиции в отношении Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина.

Начиная с первых месяцев после Октября большевики настойчиво искали контактов с д-ром Сунь Ятсеном, которого считали главной фигурой народно-освободительного движения в Китае. В августе 1918 г. наркоминдел Чичерин направил Сунь Ятсену письмо, в котором чрезвычайно высоко оценивал его вклад в дело революции и даже называл его "Учителем". Оно осталось без ответа. Не реагировал Сунь Ятсен и на обращение Советского правительства от 26 июля 1919 г. ("Первую Декларацию Карахана"). По поручению Советского правительства летом 1920 г. два послания Сунь Ятсену направил председатель Союза китайских рабочих в России Лю Цзэжун. В одном он призвал д-ра Суня признать РСФСР, в другом приглашал его посетить Россию. Ответ на первую телеграмму был весьма сдержанным и неопределенным, а на приглашение посетить РСФСР Сунь Ятсен даже не ответил.

На первый взгляд такая реакция руководителя Гоминьдана может показаться странной, ведь как раз в это время Сунь Ятсен вынашивал свой "Северо-Западный план", предусматривавший использование частей Красной Армии для свержения пекинского правительства. Но в действиях д-ра Суня была своя вполне определенная логика: подготовка столь масштабной операции требовала полной секретности, и он всячески избегал афиширования своих контактов с большевиками. Поэтому Сунь Ятсен наотрез отказался передать с Потаповым письмо Ленину. По прибытию в Москву Потапов сообщал Чичерину: "Он (Сунь Ятсен) мне сообщил, что в конце мая получил Ваше письмо, и ввиду моей предстоящей поездки в Россию просил меня передать привет В. И. Ленину. От письменных обращений к советскому правительству воздержался из опасений, им предсказанных и подтвердившихся произведенными у меня обысками представителями держав Антанты, ибо обнаружение его сношений с Москвой могло осложнить его пребывание на иностранных концессиях и про-

водимую им в Китае работу⁵¹. Что до Чэнь Цзюньмина, то он в отличие от Сунь Ятсена написал письмо Ленину.

Все это говорило не в пользу Сунь Ятсена. Но в Москве все еще колебались. В октябре 1920 г. Чичерин пишет еще одно письмо Сунь Ятсену, хотя говорит на этот раз не о перспективах мировой революции, а лишь о желательности налаживания торговых отношений между Россией и Китаем. Но ответа на это письмо получено не было.

В конце декабря 1920 г. в отчете НКВД VIII Съезду Советов нарком Чичерин в вопросе о перспективах сотрудничества с Сунь Ятсеном внешне был еще достаточно оптимистичен, но в его формулировке прозвучала уже новая нота: залогом установления тесной дружбы между Советской Россией и будущим обновленным Китаем в этом документе названы не только "переписка с вождем демократического Юга Сунь Ятсеном", но и "начинающиеся сношения с видными демократическими деятелями Севера"⁵².

Между тем из МИД ДВР в НКВД стали поступать сообщения о том, что Сунь Ятсен вступил в тайный союз с милитаристами из группировки Аньфу и готовится к началу военных действий против Пекинского правительства, используя для этого японские деньги⁵³. Данная информация, казалось, хорошо согласовывалась с сообщением Потапова о том, что в беседах с ним Сунь Ятсен "неоднократно высказывал недоверие к возможности нашего успеха проведения коммунизма в России"⁵⁴.

Совершенно иначе характеризовал Потапов Чэнь Цзюньмина: "Революционный деятель, известный публицист и издатель, высоко уважаемый не только на его родине, но и во всем Южном Китае, и широко популярный по всей территории республики, лучший из современных военачальников, ведет крайне скромный образ жизни и проводит коммунистические идеи в семье и среди своих приверженцев, сам обрабатывает землю, всюду устраивает библиотеки и создал много школ, в которых ввел новую систему обучения. Его войска являются лучшими в Китае. Чанчжоу является самым благоустроенным городом в Китае (из закрытых для иностранцев), куда даже всюду проникающие японцы генералом Чен-Кван-Мином смело ограничиваются в правах торговли"⁵⁵.

И весной 1921 г. советское руководство наконец принимает политическое решение. Большевики меняют свое прежнее отношение к д-ру Суню, предпочитая теперь иметь дело в Китае с Чэнь Цзюньмином на юге и У Пэйфу на севере. Главным внешним проявлением этого сдвига стала перепечатка в "Вестнике Наркоминдела" письма Чэнь Цзюньмина к Ленину, доставленного в Москву Потаповым⁵⁶. Через некоторое время Ленин в своей записке Чичерину утверждает, что с Сунь Ятсеном он не знаком и никогда не писал ему ни слова⁵⁷.

Выступая на Первом Конгрессе Коминтерна, Лю Цззжун в свое время называл д-ра Суня "гордостью Китая". Теперь "Бюллетени Дальне-Восточного секретариата Коминтерна" без каких-либо комментариев перепечатывали статью из либеральной пекинской газеты, где, в частности, говорилось: "Доктор Сун и его приверженцы давно уже потеряли свою популярность, которой они пользовались раньше и вся страна считает его политическим интриганом, одним из тех, политика которых имеет чисто химерический характер"⁵⁸.

Позднее эта формулировка постепенно становится идеологическим клише, к которому то и дело прибегают коминтерновские авторы: "Популярность Сун-Ят-Сена в китайских общественных кругах, а тем более среди революционных групп интеллигенции и трудящихся утрачивается... Он ныне одинаково далек как от нарождающейся и освобождающейся от феодального плена буржуазии, так и от трудящихся масс. Это не мешает, однако, Сун-Ят-Сену выступать периодически в роли защитника интересов рабочего класса. Так, на одном из многочисленных собраний кантонских организованных рабочих Сун Ят-Сен заявил, что "условия жизни рабочих тяжелы и необходимо их изме-

нить". Но заявления Суна в рядах рабочих встречают очень и очень мало доверия"⁵⁹. На страницах этого издания Чэнь Цзюньмин выступает как "один из наиболее передовых и популярных людей Китая", а Сунь Ятсен - как "искусный дипломат, осторожный политик и меньше всего революционер"⁶⁰.

Симптоматично, что в споре между Чэнь Цзюньмином, выдвигавшим планы создания в Китае федерации самоуправляющихся провинций, и Сунь Ятсеном, по-прежнему делавшим ставку на воссоединение страны с помощью военной силы, этот орган Коминтерна стоял на стороне первого. Положительно оценивалось мнение Чэнь Цзюньмина о нецелесообразности проведения выборов чрезвычайного президента Китая, на чем настаивал Сунь Ятсен: "Чен находил эти выборы преждевременными и называл их преступным форсированием событий. Кантонское правительство, по его мнению, не настолько окрепло, чтобы решиться на такой огромной важности шаг... Таковы причины оппозиции Чена и его сторонников. В январе мнение его восторжествовало, а честолюбивые планы Сун-Ят-Сена потерпели фиаско"⁶¹.

Как справедливо отметил К. В. Шевелев, было бы упрощением объяснять подобную позицию редколлегии "Бюллетеней" левацкими тенденциями Дальневосточного секретариата Коминтерна⁶²: в то время она несомненно отражала санкционированную высшими партийными инстанциями точку зрения ИККИ. Достаточно вспомнить, что в речи председателя исполкома Коминтерна Г. Зиновьева на Съезде трудящихся Востока в январе 1922 г. Сунь Ятсен подвергся резкой критике за свое стремление заручиться поддержкой со стороны американского империализма. А из выступления заведующего Восточным отделом ИККИ Г. Сафарова явствовало, что рабочему классу Китая с Гоминьданом не по пути⁶³.

Когда весной 1922 г. в Кантон приехал С. Далин, он получил от корреспондента ДальТА К. Стояновича информацию о положении на юге Китая и обнаружил, что "в довольно мрачных красках были изображены как сам Сунь Ятсен, так и его правительство. По словам Стояновича, оно проводило политику, враждебную рабочему классу. Сподвижников Сунь Ятсена он характеризовал как милитаристов американской ориентации"⁶⁴. Но в словах Стояновича не было никакой отсебятины: они точно воспроизводили формулировки недавних выступлений Зиновьева и Сафарова.

Одновременно Далин выяснил также, что "симпатии Стояновича целиком склонялись на сторону Чэнь Цзюньмина, который якобы поддерживал рабочее движение и близко стоял к кантонской организации коммунистической партии. Стоянович в свою очередь был чрезвычайно удивлен, когда я сказал, что Суня и гоминьдан следует, по-моему, поддерживать"⁶⁵.

Впрочем, и это ни в коей мере не было личным мнением Далина. Решение вернуться к поддержке д-ра Суня было принято Лениным в январе 1922 г. Но о том, что произошел очередной резкий поворот советской политики в отношении Сунь Ятсена и его партии, ни Стоянович, ни другие находившиеся в Китае советские работники тогда еще не знали.

Если бы разрыв Чэнь Цзюньмина с Сунь Ятсеном произошел не летом 1922 г., а годом раньше, не исключено, что в этом конфликте ВКП(б) и Коминтерн приняли бы сторону генерала Чэня. И тогда он не вошел бы в историю как предатель революции и реакционный милитарист, до поры до времени рядившийся в тогу демократа.

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т.21. С.402.

2. Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. М., 1959. С.37.

3. Гофу цюаньцзи (Полное собрание сочинений Отца Государства). Тайбэй, 1989. Т.5. С.176.

4. E.Cunningham to the Secretary of State, March 30, 1920 // State Department Archive (USDS) 761.91/142. Подробнее о миссии Попова см.: Крюков. М. Улица Мольера, 29. М., 2000.
5. Лю Цянь - в Амурский областной комитет РКП(б), 5 октября 1920 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. 1920-1925. М., 1994. Т.1. С.42.
6. Бушуев - Трилиссеру, 16 ноября 1920 г. // Центральный государственный архив Дальнего Востока (ЦГАДВ), ф. 100006, оп.2, д.6, л. 10; Ли Чжанда. Шича синь э жици (Дневник ознакомительной поездки в Советскую Россию) // Чжунго гоминьдан бэньбу тунсюнь. 1921. №64. С.93-95.
7. Гофу цюаньцзи. Т.5. С. 270.
8. Charge d'affaires in China to the Secretary of State, January 19. 1920 // USDS 893.00//3307.
9. Ibid.
10. Чэнь Юци. Во со циньчжи ды Чжуншань сяньшэнь чжэньчжи шэнхо чжун ды лян сань ши (Несколько эпизодов политической биографии Сунь Ятсена, свидетелем которых я был) // Сунь Чжуншань шэньпин шиэ чжуйици (Воспоминания о Сунь Ятсене). Пекин, 1986. С.311-312.
11. Чэнь Юци. И цзю и цзю нянь сулянь пай ди игэ дайбяо дао Чжанчжоу (В 1919 г. Советский Союз направил в Чжанчжоу своего первого представителя) // Вэньши цзыляо сюаньцзи. 1980. №24. С.92-94.
12. Лян Бинсюань. Чэнь Цзюньмин юй синь сюцай цзаофань (Чэнь Цзюньмин и новые сюцаи устраивают мятеж) // Чжуаньцзи вэньсюэ. 1978. №2. С.35-36.
13. Цит. по: Чжэн Сюэцзя. Чжун гун син ван ши (История китайской компартии). Тайбэй, 1987. Т.2. С.533.
14. Панцов А. В., Юрьев М. Ф. Установление сотрудничества между КПК и Сунь Ятсеном в 1921-1924 гг. // Сунь Ятсен. 1866-1986. М., 1987. С.131.
15. Ли Цзяньго. Чжун э гундан жэньу лунь (О коммунистических деятелях Китая и России). Тайбэй, 1981. С.8.
16. Казанин М. И. Записки секретаря миссии. М., 1962. С.35.
17. Войтинский - неустановленному адресату, июнь 1920 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. С.42.
18. Хатано Сэндай. Тютюку киндай гумбацу-но кэнкю: (Изучение китайского милитаризма нового времени). Токио, 1973. С.339.
19. Сяо Линь. Ленин чжи хань Чэнь Цзюньмин ды дунгъинь хэ инсян (Почему Ленин написал письмо Чэнь Цзюньмину и какое влияние оно оказало) // Фуцзянь данши юэкань. 1990. №12. С. 19; Чжоу Гу. Сунь Чжуншань юй ди сань гоци (Сунь Ятсен и Коминтерн). Тайбэй, 1997. С.76.
20. K.McEuen to Acting Consul General, Shanghai, November 11, 1920 // USDS 893.00В/8.
21. E.Cunningham to Secretary of State, March 30, 1920 // USDS 761.93/142.
22. Ibid.
23. Потапов А. С. Краткий обзор современных политических партий, обществ и союзов в Китае и отношения их и населения разных частей Китая к Р.С.Ф.С.Р. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф.514, оп.1, д.6, л. 33.
24. Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Новосибирск, 1925. С. 124.
25. Там же. С. 126.
26. Там же. С. 195.
27. Там же. С.213.
28. Потапов - Ленину, 21 октября 1920 г. // РГАСПИ, ф.514, оп.1, д.6, л.39.
29. Там же, л.39-40.
30. Там же, л.40.
31. Там же, л.36.
32. Чжоу Гу. Сунь Чжуншань... С.80.
33. Чэнь Цзюньмин - Ленину, май 1920 г. // Советско-китайские отношения. С.50.
34. Ли Лецзюнь - советскому народу, май 1920 г. // Советско-китайские отношения. С.49.
35. Войтинский - неустановленному адресату. С.28.
36. Опись документов, переданных Потаповым в Наркоминдел 25 ноября 1920 г. // РГАСПИ, ф.514, оп.1, д.6, л.3.

37. Artemyeva O.S. Some Problems of Soviet-Chinese Relations in 1920-1921 (Доклад на научной конференции "Москва, Пекин и Кантон: ранний этап советско-китайских отношений". Тамканский университет, 25-26 марта 1999 г.).
38. Потапов А. С. Краткий обзор., л.24.
39. Там же, л.25.
40. Там же.
41. Потапов - Ленину, л.39.
42. Потапов А. С. Краткий обзор., л.30.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же, л.33.
46. Потапов А. С. Современное политическое положение в Китае // РГАСПИ, ф.514, оп.1, д.6, л.23.
47. Потапов А. С. Краткий обзор., л.33.
48. ВКП(б), Коминтерн и Китай. С.47.
49. A.V.Runnock to the Secretary of State, October 14, 1920 // USDS 893.00/3609.
50. Го Хэнъюй. Э гун чжунго гэмин мидан (Секретные архивные материалы РКП(б) о китайской революции). Тайбэй, 1996. С. 17; Лю Юйчжэнь. Сунь Чжуншань юй гунчань гоцзи (Сунь Ятсен и Коминтерн). Тайбэй, 1996. С.56-57.
51. Потапов А. С. О докторе Сунь Ятсене... С.46.
52. Годовой отчет Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к VIII Съезду Советов за 1919-1920 гг. // Документы внешней политики СССР. М., 1957. С.662.
53. Лившиц - Гончаровской, 30 декабря 1920 г. // РГАСПИ, ф.372, д.352, л.209.
54. Потапов А. С. О докторе Сунь Ятсене... С.46.
55. Потапов А. С. Современное политическое положение в Китае // РГАСПИ, ф.514, оп.1, д.6, л.22.
56. Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 1921. №1-2. С.13.
57. Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891-1922. Москва, 1999. С.482.
58. Беспокойный доктор Сунь Ятсен // Бюллетени Дальне-Восточного секретариата Коминтерна. №4. 17 апреля 1921. С.9.
59. В Южном Китае // Бюллетени Дальне-Восточного секретариата Коминтерна. №7. 29 мая 1921 г. С. 11.
60. Там же.
61. Там же.
62. Шевелев К. В. Предыстория единого фронта в Китае и учредительный съезд КПК // Китай: традиции и современность. Сборник статей. Москва, 1976. С.203.
63. Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Сборник. Петроград, 1922.
64. Далин С. А. Китайские мемуары. М., 1982. С.104-105.
65. Там же.

Философия

Миф и метафизика древнекитайской геополитики

© 2000

А. Лукьянов

В качестве метафизической основы древнекитайской геополитики в данной статье будет фигурировать памятник «Шань хай цзин» («Канон Гор и Морей»), что может показаться неожиданным читателю, знакомому с китайской философской классикой. Действительно, текст «Шань хай цзина» не стоит у истоков ни одной из традиций древнекитайской мысли и не включен ни в одно из философских учений. В трудах китайских философов отсутствуют упоминания этого памятника и ссылки на него, которые могли бы служить косвенным объяснением его назначения или смысла содержащихся в нем образов. Согласно древнекитайским легендам, «Шань хай цзин» был выгравирован в виде рисунков на девяти священных сосудах рукой Бои, помощника Великого Юя – победителя потопа и основателя цивилизации Поднебесной¹. Впоследствии священные сосуды были якобы утрачены и память о рисунках сохранилась в устной традиции, что и легло в основу письменной фиксации «Шань хай цзина». Однако это только легенда, тогда как на самом деле автор памятника неизвестен.

Оценивая содержание «Шань хай цзина», недостаточно констатировать его особое место в ряду древнекитайских классических канонов. Он просто является единственным в своем роде. Поэтому библиографы, философы и историки причисляют «Шань хай цзин» к разряду то гадательных книг, то географических сборников, то источников по мифологии, или вообще подвергают сомнению его «серьезность» ввиду наличия в этом памятнике описаний необычных вещей и фантастических существ.

И все-таки, несмотря на явное отличие от признанных классических памятников древнекитайской мысли, «Шань хай цзин» всегда сохранял за собой статус канона – *цзин*, который присваивался исключительно произведениям высокой духовности. Следовательно, в нем есть нечто такое, что древним представлялось великим и очевидным, а в наши дни остается неразгаданным и непонятым. В силу этого «Шань хай цзин» вызывает к себе возрастающий исследовательский интерес в среде специалистов.

Высокий статус канона «Шань хай цзин» подтверждает своим названием и содержанием: его «горы и моря» символизируют архетип *у син* ("пять

элементов”) культуры дао. В роли такого архетипа гора-и-вода пронизывают все области и слои культуры дао и служат несущей конструкцией как художественного образа, так и философской идеи. Конфуций, например, основывает на символе горы-и-воды нравственную диаду мудрости (*чжи*) и человеколюбия (*жэнь*), выстраивая таким образом типологию человеческих субъектов: «Учитель сказал: “Мудрый любит воду, человеколюбивый любит горы. Мудрый подвижен, человеколюбивый спокоен. Мудрый радостен, человеколюбивый долговечен”»². Лао-цзы также связывает нравственные ценности с архетипом горы-и-воды, в частности, с его водной составляющей: «Верхняя доброта подобна воде. Доброта воды приносит пользу вещам и не борется [с ними]. [Она] устремляется туда, где многие люди погрязли во зле. Поэтому [она] почти как дао»³.

Обобщая формальную (структурную) и содержательную стороны «Шань хай цзина», архетип горы-и-воды выступает в роли архетипа геополитики и в этом своем качестве может быть назван архетипом Суши (гора) и Моря (вода), согласно которому различается власть, утверждаемая по принципу Суши, и власть, утверждаемая по принципу Моря. Современная наука геополитики, выстраивая свои глобальные по пространственным и хронологическим масштабам концепции, исходит именно из такого архетипа Суши и Моря⁴. Таким образом, этот архетип отнюдь не является достижением современного политического сознания, он имеет длительную историю и интересную судьбу. Более 25 веков назад древние китайцы (точно также как греки и индийцы) разработали по модели Суши и Моря свою первую геополитическую теорию.

Если с архетипа горы-и-воды снять его ландшафтные покровы, т. е. горную и водную образность, то под ними обнаружится горизонтально-вертикальная конструкция архетипа у син культуры дао. О последней мы уже говорили в предыдущих публикациях⁵, поэтому здесь напомним только основные параметры, необходимые для дальнейшего анализа текста «Шань хай цзина». Культура дао рассматривается нами как живой организм, сочетающий две совершенные формы – сферу и куб, которые в пределах сжатия и расширения стремятся друг к другу и образуют статико-динамическую форму кубосферы или сферокуба. Организм дао один и единственный плавает во вселенской пустоте, которой присущи *инь-янские* натяженность и напряженность. Под их воздействием на сфере дао по вертикали образуется пять полей *ян*, а на кубе по горизонтали пять полей *инь*, соединенных нитями натяжения. В центре кубосферы эти построения пересекаются и образуют новое поле *цзы*. Поле *цзы* воздействует на *янский* и *иньский* составы полей и подразделяет их на триады *инь-цзы-ян*: две триады укладываются по вертикали (центр и два дальних поля – внешняя триада; центр и два ближайших к нему поля – внутренняя триада) и две триады – по горизонтали (на диагоналях горизонтального сечения куба). Триады вертикали и горизонталей соотносятся попарно по принципу противозарядности: там, где у одной триады стоит поле *инь* с векторной связью в одну сторону, у второй находится поле *ян* с векторной связью в другую сторону, и наоборот. Эти триады внутри пяти полей *инь* и пяти полей *ян* (и сами эти поля) образуют энергетическую генетическую формулу культуры дао – формулу «трех и пяти». Объем культуры дао заполнен пустотой-хаосом, в которой растворены телесное, духовное и идеально-мыслительное качества, а также теоморфная, зооморфная и антропоморфная лики-формы. Следуя круговому движению по горизонтали и витому (по принципу «восьмерки») – по вертикали, поля *инь* и *ян* сопрягаются в центре и сплетают генетическую спираль дао. Эта спираль энергетически «сбивает» пустоту и сепарирует ее на пять бинарных *инь-янских* элементов: в телесном воплощении это *му, хо, ту, цзинь, шуй* – дерево, огонь, земля, металл, вода; в духовном – *жэнь, ли, синь, и, чжи* – человеколюбие, ритуал, доверие, долг, муд-

рость/знание; в идеально-числовом – *янские* числа 1, 3, 5, 7, 9 и парные *иньские* числа 2, 4, 6, 8, 10. Эти пять элементов образуют онто-гносеопсихологическую смесь, которая отливаясь в тео-зоо-антропоморфные лики формы. Объемная система архетипа *у син* в горизонтальной проекции дает девятиэлементную (девятипольную) матрицу (*цзин*), где элементы *ян* укладываются в форму прямого креста, а элементы *инь* в форму диагонального креста, что хорошо показывает их числовое воплощение.

Матрица (*цзин*) архетипа *у син* в числовом воплощении

4	9	2
3	5/10	7
8	1	6

Культура *дао* изоморфно повторяет себя в каждой своей органической части и заряжает единым генетическим кодом каждую свою точку, линию, плоскость, объем. При этом ее архетип *у син* в различных областях природного, божественного (первопредки) и человеческого бытия принимает адекватные этим областям телесные, духовные и идеально-мыслительные лики формы. В контексте «Шань хай цина» архетип *у син* предстает в ландшафтном облике горы-и-воды. Это обстоятельство позволяет сделать некоторые выводы относительно сущности данного архетипа.

Во-первых, архетип горы-и-воды есть ландшафтная копия архетипа культуры *дао*. Следовательно, он живой и объемный, заряжен энергетикой триад *инь-цзы-ян* и, следуя единому генетическому коду, воспроизводит в окружаемом им пространстве между Небом и Землей тео-зоо-антропоморфные вещи-существа в их телесном, духовном и идеально-мыслительном наполнении. Единый архетип горы-и-воды умножает себя в пяти своих копиях, располагающихся в пределах сторон света (центр тоже сторона света). Эти пять копий, т.е. пять гор-и-вод, умножаются в расходящихся от них спиральных гор-и-вод, где каждая гора-и-вода имеет свои ландшафтные координаты и порождает в окружающем пространстве определенные виды вещей-существ. В совокупности эти спирали гор-и-вод являются проекцией спирали единого архетипа горы-и-воды.

Во-вторых, единый архетип генетически соединяет в себе людей, богов и вещи в их совокупности, а его ландшафтные копии являются архетипами отдельных этносов, групп богов и классов вещей, рассредоточенных по спиральным гор-и-вод.

В-третьих, в архетипическом пространстве люди, боги и вещи гор-и-вод выглядят весьма необычно с точки зрения современных стандартов восприятия действительности, их лики и органы перемешаны. Возьмем один из множества подобных примеров, содержащихся в «Шань хай цине»: «От Тяньюэ горы до Наньюэ-горы всего 14 гор. Протяженность цепи 6530 ли. Все их духи телами драконов и человеческими лицами»⁶. Разумеется никто никогда не видел подобных существ и в таком изобилии ни в Китае, ни где-либо еще. В таком случае возникает закономерный вопрос: «Что это за создания и какова их природа?» Если принять во внимание способ воспроизводства родового сознания, то можно ответить следующим образом: эти существа суть произведения человека, точнее, коллективные произведения родовых групп. Последние существуют в единстве с природой, занимают определенные родовые площадки (ландшафтные зоны) и встроены – согласно своим архетипам гор-и-вод – в энергетику генетических триад *инь-цзы-ян*. Двигаясь в хороводах вместе с богами (тотемами) и вещами по спиральной траектории архетипа горы-и-вод и сопровождая это движение песнопением, каждый род закрепляет свой родовой генетический код, воплощает его в тео-зоо-антропоморфном образе и воплощает его телесным, духовным и идеально-мыслительным составом. Ин

говоря, родовые группы следуют в своих жизненных циклах архетипам гор-и-вод, а создаваемые их воображением тео-зоо-антропоморфные существа являются их родовыми гербами, спиральными сгустками генетической информации.

Тезис о коллективном родовом песнопении и танце как методе встраивания во вселенскую энергетiku *инь* и *ян* в соответствии с архетипом *у син* – это не домыслы этнографов. Об этом свидетельствует само содержание «Шань хай цзина». Один из основных этнических тотемов китайцев, Фэн-Хуан (Феникс), в сфере архетипического действия Даньсюэ-горы и Дань-воды поет и танцует, настроившись на ритмы естественности, а в это время на его оперении проступают пять цветных узоров со значениями духовных элементов *дэ, жэнь, и, ли, синь* (добродетели, человеколюбия, долга, ритуала, доверия). Пение и танец знает также Хунь-Дунь, другой тотем, олицетворяющий первозданный водный Хаос, он обитает в сфере действия архетипа Тянь-горы и Ин-воды⁷.

Таким образом, в «Шань хай цзине» запечатлена карта родовых и этнических архетипов гор-и-вод вместе с формулами их генетической энергии, которые находят выражение в тео-зоо-антропоморфных обликах. Эти облики воспроизводятся в коллективном спирально-хороводном действии на родовых площадках, живут только в продолжении этого действия, видятся только внутренним объемным коллективным взором (в центре между плоскими и выпуклыми зеркалами кубосферы *дао*) как «само-поющие» и «само-танцующие» (характеристики Фэн-Хуана в «Шань хай цзине») живые голограммы. Эмпирически они не наблюдаются, в природной фактуре их нет. Они образуют метафизический мир архетипических сущностей, которые фиксируются в застывших рисунках лишь после разрушения родовой системы. Именно с этими обликами в рисунках и сталкивается последующая наука, в том числе современная, и пытается их понять, нередко сводя все к «фантазии» и «мифотворчеству» первобытного человека. При своей простоте эти образы не поддаются самому отточенному логическому анализу и дешифруются только посредством обратного включения их в характерное для каждого рода хороводное действие. Но сегодня уже нет ни родов, ни союзов мудрецов, способных привести в движение застывшие архетипические копии. Поэтому если бы мы и решили заняться подобной работой, то вынуждены были бы ограничиться лишь средствами спекулятивной философской рефлексии, рискуя обманываться на каждом шагу.

Являясь копией метафизического мира, «Шань хай цзин» построен по спиральной модели архетипа *у син*. Текст памятника включает пять составляющих: виток пяти разделов Гор, виток четырех разделов Заморья, виток четырех разделов Внутриморья, виток четырех разделов Великих пустынь и один отдельно стоящий пятый раздел Внутриморья, выступающий в качестве центрального звена. Виток Великих пустынь начинается с Восточной стороны, остальные – с Южной стороны, звенья их соединяются между собой по часовой стрелке. В совокупности содержание всех разделов дает следующую геополитическую карту.

В центре мира лежит Внутриморье, т.е. неподвижная Земля (Суша). Ее поверхность структурирована по девятипольной матрице *цзин* или, что то же самое, по плоскостной проекции объемной модели архетипа *у син*: Земля плоская, имеет форму квадрата, который разделен на девять полей (центральное и восемь полей вокруг него) соответственно четырем основным и четырем промежуточным сторонам света. Суша окружена кольцом восьми Морей, также называемых по именам сторон света. За Морями в координатах основных сторон света простираются четыре Заморья и четыре Великих Пустыни (соотношение их в «Шань хай цзине» не определяется).

Горы располагаются на Суше, но к координатам Внутриморья не привязаны и представляют собой самостоятельную карту – карту гор. Вероятно, это объясняется тем, что горы в паре со своими водами генетически глубже, чем карта Внутриморья. Горы-и-воды составляют карту ландшафтных архетипов, человека как такового здесь еще нет, он существует только в генетическом проекте и растворен в тео-зоо-антропоморфной «смеси». Внутриморье, напротив, дает карту архетипов человеческих родов и царств, т.е. выступает уже поверхностным уровнем архетипической генерации. Горы-и-воды, образуя объемные коконы, связываются в линейные цепи с тем или иным количеством гор-и-вод и расстояниями между ними. Горы-и-воды Южной стороны насчитывают три цепи и направлены на Восток; Западные, Северные и Восточные насчитывают по четыре цепи и направлены соответственно на Запад, на Север и на Юг. Из Центральных гор-и-вод четыре цепи направлены на Запад и семь на Восток. Вполне вероятно, что направления горных цепей подчеркивают векторную направленность энергетических токов Суши, а расстояния между горами-и-водами указывают на уровни энергетических зарядов и масштабы их действия.

Архетипы гор-и-вод соотносятся в «Шань хай цзине» с человеком цивилизации и выступают регуляторами его физической, психической и интеллектуальной жизни (коллективной и индивидуальной), охватывая хозяйственную, военную и политическую деятельность людей. Показательна в этом отношении концовка раздела «Гор», где в связи с горами говорится о власти: «...Когда в мире началось размежевание плодородных земель, пошли в ход мечи и копья и появились металлические деньги, тогда способные получили прибыль, а неспособные понесли убыток. Тех, кто приносил жертвы на Тай-горе, и тех, кто приносил жертвы на Лянфу-[горе], было 72 семьи и среди них все те, кто всходил на престол и уступал его. Это и были правители царств»⁸. Число 72 названо не случайно. Оно указывает на количество полей, которые образуются делением восьми полей Суши, лежащих вокруг центрального поля, на девять полей, т.е. каждое из этих восьми полей повторяет в себе модель матрицы *цзин*. Центральное поле остается общим и служит органом неделимой Центральной власти. Таким образом на систему архетипов гор-и-вод, символизируемых Тай-горой и Лянфу-горой (на первой жертвы приносили вступавшие на престол, на второй – уступавшие его), накладывается карта архетипов царств и власти.

Разделы «Заморья» вносят в карту мироздания свою структурную составляющую – тождество сторон света с первопредками. Первопредки прорастают в их ландшафтах под видом тео-зоо-антропоморфных существ и как космические дети (*цзы*) этих пространств стягивают на себя *инь-янскую* диаду в образе пары драконов (змей):

«Юг – Чжунюан. У него тело зверя и человеческое лицо, едет на двух драконах»; «Запад – Жушоу. В левое ухо серьгой вдета змея, едет на двух драконах»; «Север – Юйцян. У него человеческое лицо и птичье тело, в уши серьгами вдеты две черные змеи, под ногами две черные змеи»; «Восток – Гоман. У него птичье тело и человеческое лицо, едет на двух драконах»⁹.

На поверхность Заморья, которую образуют горные возвышенности и долины, нанесена карта царств с их тотемными гербами. Эта карта демонстрирует генетическое соотношение царств с пространственными зонами Заморья, т.е. показывает, на каком участке какое царство может произрастать как биосоциальный организм.

Внутриморье не вносит существенных структурных координат в метафизическую карту мироздания, оно лишь детализирует встречающееся в разделе Западных Гор описание Куньлуня – Центра мироздания и Нижней

(Земной) столицы Первопредка. Примечательно, что этот Центр смещен в Северо-Западную сторону относительно географического центра: «Внутри Морей на Северо-Западе стоит холм Куньлунь, это Нижняя столица Первопредка...»¹⁰. Возможно, координаты Куньлуна выражают меру органического плоскостного и объемного «золотого сечения», ставшую впоследствии антропологическим принципом мышления и чувствования, а также эстетического и технического созидания по закону устойчивости, красоты и гармонии.

Великие Пустыни накладывают новый слой на геополитическую карту. Во-первых, одухотворяется кольцо Морей. Посреди каждого Моря основных сторон света выделяется остров, с обитающим на нем духом, который выступает духовной персонификацией данного Моря:

«На острове посреди Восточного Моря обитает дух. У него человеческое лицо и птичье тело, в уши продеты две желтые змеи, под ногами две желтые змеи. Именем зовется Юйху»; «На острове посреди Южного Моря обитает дух. У него человеческое лицо, в уши продеты две синие змеи, под ногами две красные змеи. Именем зовется Бутин Хуюй»; «На острове посреди Западного Моря обитает дух. У него человеческое лицо и птичье тело, в уши продеты две синие змеи, под ногами две красные змеи. Именем зовется Яньцзы»; «На острове посреди Северного Моря обитает дух. У него человеческое лицо и птичье тело, в уши продеты две синие змеи, под ногами две красные змеи. Именем зовется Юйцян»¹¹.

Все духи имеют одинаковый облик и в совокупности с верхними и нижними парами синей (Небо) и красной (Земля) змей образуют по две триады. Выделяется только дух Восточного Моря, при котором желтые змеи. Вероятно, здесь сказалось влияние Хуанди (Желтого Первопредка) – центральной фигуры мироздания. Дело в том, что Юйху его сын, и это генетическое первенство выражается в цветовой атрибутике змей. От Юйху рождается Юйцян, а от него, по всей видимости, Яньцзы и от последнего Бутин Хуюй. Таким образом, морские духи составляют генетический виток, который имеет общий корень – Хуанди, причем духовная генетическая направленность витка Морей обратна описанию витков Суши.

Во-вторых, пространственные области Суши в отличие от Заморья получают в Великих Пустынях антропоморфное обобщение, т.е. каждая сторона света обобщается в определенном человеке:

«Есть человек, именем зовется Чжэдань. Восточная сторона называется Чжэ, приходящий оттуда ветер называется цзюнь. [Чжэдань] живет в Восточном пределе, выпускает и впускает ветер»; «Есть дух (=человек), именем зовется Иньиньху. Южная сторона называется Иньху, приходящий оттуда ветер называется хуминь. [Иньиньху] живет в Южном пределе, выпускает и впускает ветер»; «Есть человек, именем зовется Ши. Западная сторона называется И (вторая часть имени Ши. – А.Л.), приходящий оттуда ветер называется вэй. [Ши] живет в Северо-Западном пределе, ведает длительностью пути [десяти] Солнц и [двенадцати] Лун»; «Есть человек, именем зовется Вань. Северная сторона называется Вань, приходящий оттуда ветер называется янь. [Вань] живет в Северо-Восточном углу, останавливает Солнца и Луны, следит за тем, чтобы они вместе не восходили и заходили, ведает длительностью их пути»¹².

Все четыре космических человека функционально (а значит и генетически) связаны между собой, они охраняют горизонтальную непрерывную ритмику ветров и прерывную вертикальную ритмику Солнц и Лун, или ритмику овеивания-охлаждения и освещения-согревания. Судя по Иньиньху, все они также являются духами и составляют категорию духо-человеков, которая зафиксирована в «Шань хай цзине»¹³.

Заключительный раздел Внутриморья дополняет общее построение мироздания развернутыми генеалогиями первопредков, духов, человеческих родов и царств. В параллели с разделом Гор здесь упоминается птица Фэн-Хуан с цветными смысловыми узорами на теле. Раздел завершается картиной мирового потопа, которая отделяет друг от друга гармонию естества и дисгармонию цивилизации.

Такова в целом органическая (она же геополитическая) карта «Шань хай цзина». Поскольку все ее составляющие – Суша (Внутриморье, Заморье и Великие Пустыни), Горы и Моря – выражаются в духовной сущности, ее можно назвать картой единораздельного духа Поднебесной. В системном выражении эта карта представляет собой дискретно-континуальное построение, где каждая часть органически и генетически связана с другой, и потому функциональный сбой или перенастрой в одной точке отражается на всем организме. Несмотря на свою одухотворенность и оживотворенность, этот организм еще фотографически неподвижен, его красочные узоры и фигуры пребывают в застывшем виде, а музыкальное звучание зависает на одной непрерывной ноте. Чтобы его «расколдовать», т.е. вести и пустить в действие, нужен духовный ключ.

Такой ключ дает содержательно связанный с «Шань хай цзином» трактат «Хуайнань-цзы». Это система пяти планет, носителей космической духовности, которая изоморфно повторяет построение архетипа *у син*. В каждой планете находят обобщенное выражение сторона света, физический элемент (стихия), пара мужского и женского первопредков (что указывает на бинарный инь-янский состав планет), сезон года и символ владычества над ним, зооморфное существо, окрашенное в цвет стороны света, музыкальный тон и временной период (в приведенном ниже случае из дней декады Солнца)¹⁴:

Что суть пять звезд-планет!

Юг - Огонь.

Его Первопредок Яньди.

Его помощница - Чжумин,
держит в руке весы и
управляет Летом.

Его дух - Инхо-звезда (Марс).

Его зверь - Красная Птица.

Его звук - чжи.

Его дни - бим, дин.

Восток - Дерево.

Его Первопредок - Тайхао.

Его помощница - Гоуман,
держит в руке циркуль и
управляет Весной.

Его дух - Суй-звезда (Юпитер).

Его зверь - Синий Дракон.

Его звук - цзяо.

Его дни - цзя, и.

Центр - Земля.

Его первопредок - Хуанди.

Его помощница - Хоуту,
держит в руке отвес
и управляет

четырьмя сторонами света.

Его дух - Чжэнь-звезда

(Сатурн).

Его зверь - Желтый Дракон.

Его звук - гун.

Его дни - моу, цзи.

Запад - Металл.

Его Первопредок - Шаохао.

Его помощница - Жушоу,
держит в руке угольник
и управляет Осенью.

Его дух - Тайбо-звезда

(Венера).

Его зверь - Белый Тигр.

Его звук - шам.

Его дни - гэн, симь.

Север - Вода.

Его Первопредок - Чжуаньской.

Его помощница - Сюаньмин,
держит в руке гири и
управляет Зимой.

Его дух - Чэнь-звезда

(Меркурий).

Его зверь - Сюанью.

Его звук - юй.

Его дни - жэнь, гуй.

Планеты свивают объемное ядро над поверхностью Суши и Морей и сообщают их плоскостям трехмерное измерение. От планетарного ядра происходят генеалогии людей, вещей и предков, лежащие спиральными витками на неподвижные поверхности неба и земли. Здесь человек, вещь и предок неподвижны, а в духовном планетарном ядре они совершают свой вселенско-космический хоровод, получая генетический код в триадах *инь-цзы-ян*. В тексте «Хуайнань-цзы» приводится полная развертка спирали *у син* на примере физических элементов, взятых в пяти генетических модальностях:

Дерево крепнет, Вода стареет, Огонь рождается, Металл пленяется, Земля умирает.

Огонь крепнет, Дерево стареет, Земля рождается, Вода пленяется, Металл умирает.

Земля крепнет, Огонь стареет, Металл рождается, Дерево пленяется, Вода умирает.

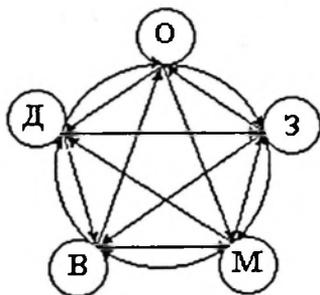
Металл крепнет, Земля стареет, Вода рождается, Огонь пленяется, Дерево умирает.

Вода крепнет, Металл стареет, Дерево рождается, Земля пленяется, Огонь умирает.

Схематизация данной спирали позволяет выявить ее генетическую формулу:

	а	б	в	г	д	
I	Д	О	З	М	В	крепнет
II	В	Д	О	З	М	стареет
III	О	З	М	В	Д	рождается
IV	М	В	Д	О	З	пленяется
V	З	М	В	Д	О	умирает

В горизонтальных рядах I – V повторяется одна и та же круговая последовательность элементов. Отообразим ее на плоскости в виде окружности и проведем в ней соединения вертикальных столбцов а–д. Получаем трехсоставное геометрическое построение: окружность *инь* с последовательным соединением элементов по часовой стрелке; пентаграмму *ян* с неперекрещивающимися сторонами, где элементы соединены между собой против часовой стрелки; пентаграмму *цзы* с соединением элементов через один. Это и есть графическая формула генетического кода спирали *у син*.

«Хуайнань-цзы» дает даосский вариант ключа спирали *у син*. Кроме него существуют также конфуцианский и ицзиновский варианты¹⁵. Каждый из них предлагает свой код развертывания линии жизни человека, вещи и предка. Тот правитель, кто избирает какой-либо из этих трех ключей и ут-

верждает его в архетипе *у син*, генетически овладевает Горами (Сушей) и Морями неба и земли.

Метафизический мир «Шань хай цзина» и «Хуайнань-цзы» генетически проецируется в телесную, духовную и идеально-мыслительную действительность Поднебесной. Там, где стоят горы в спиральных стекающих с них рек, Поднебесная постоянно пополняется вселенской энергией *инь-цзы-ян*, а вокруг них, как первопредков, эта энергия разрастается спиральными генеалогиями вещей и людей. Здесь нет пустоты – в соответствии с ландшафтом все пространство плотно занято, и нет противоборства – ни один вид вещей и ни один род людей не занимают места другого; постепенно, в спиральных циклах они меняют свои формы (пульсируют), исчерпывая до конца заложенные в них потенции.

Однажды эта гармония нарушилась. Сейчас трудно ответить, чем это было вызвано: или произошла структурная и энергетическая перестройка архетипического ядра *у син* под воздействием некоей космической силы, или на земле произошли стихийные сдвиги из-за изменения планетарного вращения. Во всяком случае было разрушено состояние *цзы жань* (естественности). Вследствие этого хороводное песнопение утихло, космический танец прекратился, единство человека, вещи и первопредка распалось. Каждый член этой триады счел себя демиургом и стал рассматривать остальных в качестве средства для обеспечения своего существования: первопредок-бог увлекает человека в мир смерти, а человек в поисках бессмертия обожествляет себя; человек пытается «выскочить» из природы и подвергает ее техническим экспериментам, а она не выпускает его из своих объятий. При таком положении начинается «война всех против всех». Осознав это, человек пытается воссоздать былое единство и гармонию: с одной стороны – путем возврата к прошлому посредством «недеяния» (предаться естественности), с другой – путем воцарения и подчинения себе в перспективе природы и бога. Все древнекитайские мудрецы, философы и философские школы именно этим и занимались. Каждый из них в первую очередь разрабатывал теорию гармонизации человека, природы и бога.

На этом критическом рубеже, положившем конец состоянию естественности, человек лицом к лицу столкнулся с геополитической проблемой. Это не просто предположение относительно далекой древности, а факт более чем тысячелетней истории эпох Шан-Инь (16 – 11 вв. до н.э.) и Чжоу (11 – 3 вв. до н.э.). Свидетельством тому являются археологические данные – пиктографические надписи на костях животных и панцирях черепаха, найденные при раскопках близ современного г.Аньяна. Многие тысячи экземпляров этих надписей свидетельствуют о почти ежедневной практике «гадания» в специальном общерегиональном Центре (таких Центров, видимо, было пять).

Сегодня индивидуальное, коллективное или массовое этническое переселение из одной области в другую нам представляется вполне заурядным процессом. Но представим себе, как это было трудно осуществить уже подвергшимся разрушению родам, выходявшим из-под контроля космопланетарного архетипа *у син*. Вступить на чужую землю – значит прорвать свою и чужую родовые оболочки, переступить собственный генетический порог и подвергнуть себя опасности перерождения или поглощения чужим пространством. О том, где, когда, как, с кем, в каком ритме и в каком направлении следует сделать этот шаг и каковы будут его последствия, как раз и сообщал древний мантический Центр. Он регулировал отношения сотен и сотен родов и племен, так что вся его деятельность прямо или косвенно касалась геополитики: отношений войны и мира между родами внутри одного племени и между различными племенами, смещения и назначения родовых вождей, захвата чужих

территорий и уступки своих, обмена натуральным продуктом и создания трехчастных и пятичастных вертикальных и горизонтальных союзов и т.д.¹⁶.

Но не только это говорит о геополитической функции Центра. Во-первых, каждая процедура гадания осуществлялась под непосредственным руководством или с санкции *вана*, т.е. верховного правителя, а значит, властью и для власти. Во-вторых, гадание являлось прерогативой специально подобранного штата мудрецов, способных структурно и функционально имитировать родовое и государственное объединения в виде пространственных организмов. В-третьих, гадание вовсе не было случайным угадыванием. Судя по сохранившимся сведениям, в гадательной практике использовались плоскостные и объемные матрицы архетипа *у син*. Это означает, что мудрецы «владели» в данном Центре горами-и-водами, а сам процесс гадания был методом духовного подключения к метафизической карте духовных архетипов, запечатленной в «Шань хай цзине» и «Хуайнань-цзы». Иначе говоря, Центр владел психологическим оружием власти над родовыми и государственными пространствами, показывая, что эти пространства завоевываются не с помощью технического превосходства, а генетически – будь то экономическое, военное, политическое предприятие или биологическая миграция. Знание карты духовных архетипов и способов их согласования и рассогласования обеспечивало успех как в урегулировании этнических и государственных конфликтов, так и в их провоцировании.

Даоские принципы геополитики

Параллельно геополитической мантической теории и практике в китайской культуре постепенно вырабатывались даоские принципы геополитики, первоначально закрепленные в приписываемом Лао-цзы трактате «Дао дэ цзин».

Принцип первый: «центрокрафия». В соответствии с общим даоским миропредставлением человек помещается в середине между небом и землей. Он равная им органическая составляющая, центрирующая космологическую триаду небо-человек-земля, которая является проекцией архетипической триады *инь-цзы-ян*. Согласно своему положению, человек есть величина духовная, сопрягающая в себе идеальную сущность неба и телесную сущность земли. Геополитической единицей человека делает отождествление его с социоморфной персоной *вана-царя*. Этот процесс осуществляется на исходной стадии космогенеза *дао*, когда величие *дао* распространяется на все составляющие космологической триады: «...Дао велико, небо велико, земля велика, *ван-царь* тоже велик. Среди границ [космоса] есть четверо великих и *ван-царь* один из них»¹⁷. Внутри триады устанавливается иерархия следования образцу, которая через *дао* выходит на пятом уровне к высшей ценности – естеству (*цзы жань*): «Человек берет за образец землю, земля берет за образец небо, небо берет за образец *дао*, *дао* берет за образец естественность»¹⁸. Человек и естественность – это два полюса единораздельного тождества. Поэтому они равны и взаимообращаемы как органические и геополитические единицы, что и демонстрирует Лао-цзы, относивший себя к пятой, особой категории правителей: «Лучший правитель тот, о котором низы знают, что есть такой... [Я же] успешно завершаю последовательность дел и все сто родов человеческих называют меня естественностью (*цзы жань*)»¹⁹. Таким образом, центрируя космос, человек по уровням бытия следует естественности, замыкает ее на себе, превращая связь этих уровней в кольцо, и использует естественность в управлении пространством Поднебесной.

Принцип второй: «власть пустоты» (ср.: современный принцип «эфирократии»). Кроме космического пространства, ограниченного плоскостями неба и земли и доступного управлению посредством естественности, суще-

ствует еще один тип пространства – метафизическая вселенская тота тоже осваивается даосизмом геополитически. В общепризнанной она есть исходная онтологическая реальность, из которой рождается духовный и идеально-мыслительный мир Поднебесной. При этом в генологии феноменов пустота сохраняется в них на каждой стадии как равная вселенской мощи порождающая способность рождается из пустоты и они сами пусты, пространство небеса, рожденного из дао и дэ, тоже пусто, сердце человека, передача вакуума, пусто и т.д.²⁰ Преодолевая предел физики в область метафизики, Лао-цзы осваивает вселенскую пустоту (органистически) и геополитически. В первом случае он превращает младенца, связанного родовой пуповиной с Матерью-землей, во втором – он утверждает в области пустоты и отсюда созерцает хоровод соединенных в пары вещей, где в полном цикле их движения и возвращения в центр закладываются категориальные основы судьбы и постоянства. Познавательная рефлексия над ними (чуждого человека всеобъемлющим, буквально пустотным объемом (жун), координатной (метафизической) основе включает в себя пятиступенчатый аппарат, руководящий всеми уровнями пространства от земного до сверхнебесного метафизического: «Достиг пределов. Знающий постоянство всеобъемлющ. Всеобъемлющий и есть гуан-правитель и есть ван-царь, ван-царь и есть небо, небо и есть вечность. Бестелесному нет преград»²².

Принцип третий: «власть великого образа дао» (ср.: принцип «медиакратии»). Великий образ дао фокусирует вниманием Поднебесной и притягивает к себе людей всех сторон своим воздействием на человека не визуально, как художественный уровень сокрытых в метафизике архетипов. Правитель, в данном случае совершенномудрый человек – духовный предводитель Поднебесной монстрирует этот образ людям, но они его не видят, не слышат и все-таки идут к совершенному мудрому человеку: «К тому, кто держит образ, приходит вся Поднебесная. Приходит и не испытывает везения, мир, уважение, радость и угощение... Дао выходит из невидимого, оно без вкуса. Смотришь на него и не можешь увидеть, слышать, не можешь услышать, используешь его и не можешь исчерпать. Только догадываться о способе демонстрации великого образа дао. «Дао дэ цзине» об этом способе ничего не сказано, но, по всей видимости, совершенномудрый человек включается при этом в систему архетипическую пустоты. Он втягивает хаос Поднебесной в пустоту своего сердца, генерирует властную тягу к себе как сыну человечества: «Когда мудрые люди находятся в Поднебесной, [они] ради Поднебесной своим сердцем и все совершенномудрые люди становятся ее детьми».

Принцип четвертый: «стойчивость Поднебесной». «Поднебесная – это духовный сосуд», как говорит «Дао дэ цзине» в энергетических потоках вселенной и может легко переворачивать свою системность. Поэтому ему нужна стойчивость, которая обеспечивается совершенномудрым человеком, а в каждом царстве «Тяжелое есть основа легкого. Покой есть господин беспокойного совершенномудрый человек, шагая весь день, не отходит от границ... И что тут поделывать с тем, если хозяин 10000 колесниц [должен стоять], а сам облегчает Поднебесную? Если облегчает, то теряет спешит, то теряет царственность»²⁵.

Принцип пятый: «стремление к биосоциальному низу». Данный принцип, подобно предыдущим, отображен в двух видах – органическом и социальном. Лао-цзы основывает даосские концепции по преимуществу на *иньской*, горизонтальной, женской, водной составляющей архетипа *у син*. Вследствие этого у него фигурируют женский и водный исходные символы *дао*, которые он включает в геополитические конструкции. Подобно тому как реки и моря царствуют в долинах над сушей, занимая низины, так воцаряющийся человек ставит себя ниже народа: «Реки и моря потому могут быть *ванами*-царями ста долин, что они с легкостью ставят себя ниже их... Поэтому, желая встать над народом, непременно говори, что ты ниже его»²⁶. Аналогичным образом, принимая женскую и водную сущность, соотносятся великие и малые царства Поднебесной. Кто из них ляжет вниз, тот и овладевает верхом, т.е. пространством другого царства²⁷.

Действие всех перечисленных геополитических принципов основывается на функциональной норме «деяния недеянием», воплощенной в естественности. Естественность ведет социоприродный организм Поднебесной к последней геополитической стадии умиротворения хаоса – распаду больших искусственно созданных государственных объединений на малые родовые группы, расселению их по своим исконным родовым площадкам, хороводному встраиванию в энергетические ритмы *инь-цзы-ян*, овладению в метафизике *дао* своим духовным архетипом, преобразованию в органическое звено общего спирального организма Поднебесной, овладению информационным полем *дао* и генерации себя в константе бессмертия.

Ицзинговские принципы геополитики

Спиральные системы триграмм и гексаграмм «И цзина» копируют построение архетипа *дао* и, приведенные в хороводное движение совершенномудрыми людьми, служат средством восхождения к метафизической карте духовных этнических архетипов. В процессе создания и функционирования этих систем проявляются их геополитические параметры.

Принцип первый: «дифференциация пространства, достижение духовного дэ и классификация вещей в контексте космополитической власти». Эта процедура приписывается мифическому императору Баоси (Фуси), который, согласно «И цзину», полагает начало цивилизации Поднебесной. Он копирует узоры пространственной упорядоченности неба и земли, создает из восьми триграмм минологию архетипа *у син*, сопрягает их в спираль 64 гексаграмм и технически и экономически устраивает Поднебесную: «В древности Баоси был *ваном*-царем Поднебесной. Смотрел вверх – созерцал образы на небе. Смотрел вниз – созерцал образцы на земле... С этого начал создавать восемь триграмм, чтобы проникнуть в высветленное духом дэ, чтобы классифицировать свойства мириад вещей...»²⁸.

Принцип второй: «слово и дело благородного мужа». После того как власть и графическая миниатюра архетипа *у син* побывали в руках у пяти древних императоров – Баоси, Шэннуна, Хуанди, Яо и Шуня, они перешли к совершенномудрым людям. Совершенномудрые с помощью *у син* созерцали сокровенную суть Поднебесной и воплощали ее в физических образах, созерцали цикличное движение Поднебесной и строили по этому движению свои кодексы и ритуалы. Они приложили афоризмы к графическим символам, чтобы определять счастье и несчастье. От совершенномудрых власть и графическая миниатюра архетипа *у син* попадают к благородным мужам (*цзюньцзы*). Благородный муж – это конфуцианский тип совершенного человека и правителя, описанный в «И цзине», поэтому данный принцип можно отнести и к конфуцианским принципам геополитики. В противоположность Баоси, который

при создании системы триграмм шел в направлении от неба и земли к центру, благородный муж, наоборот, идет от центра к небу и земле, делая себя правителем космограда. Он согласовывает свое слово и дело со спиральным алгоритмом триграмм и гексаграмм и достигает эффекта властного запуска движения неба и земли: «Скопируй их, а затем говори. Согласуйся с ними, а затем действуй. Копированием и согласованием воссоздашь их (=перемен) метаморфозы и изменения... Слово и дело – высший метод управления благородного мужа... Слово и дело – это то, посредством чего благородный муж движет небо и землю»²⁹.

Принцип третий: «играющий дракон». Динамика перемен уровней гексаграммы Цянь (Небо), начинающей спираль 64 гексаграмм, передается в образе играющего дракона: он ныряет, появляется и взвизгивает в небо. Иначе говоря, в узорах неба, скопированных гексаграммой Цянь (Небо), заключен образ дракона. И это не только не мифологическая фантазия или случайность, но астрономическая реальность. Согласно исследованиям древней астрономии³⁰ за десятки столетий со времени появления человека Полюс Мира, имеющий первостепенное значение для инстинктивной и осознанной ориентации в пространстве Поднебесной, соединил звезды центральной области неба в фигуру дракона (теперь созвездие Дракона). Отсюда на правах зооморфного аналога центральной составляющей архетипа *у син* он и вошел в систему гексаграмм. Дракон символизирует высший предел неба, а в социальном аспекте, т.е. в космограде – высшую власть над всем пространством. Вследствие этого он избирается в качестве символа геополитического принципа: «игру дракона» гексаграммы Цянь (Небо) «И цзин» называет «управлением Поднебесной»³¹. Может быть, и даосист Лао-цзы, которого, кстати, называли Драконом, тоже имел ввиду этот срединный предел, когда выстраивал геополитическую концепцию ненасилия на основе добра и не ведущего борьбы *дэ*, называя их «сочетанием с Древним Пределом Неба»³². Вероятно, тот же образ дракона сокрыт в метафизическом («вьющемся», «неименуемом», «невещественном», «неизображаемом») «древнем дао», используемом тоже как геополитический принцип: «...Непрерывно вьется... Иду навстречу – не вижу его головы. Следую за ним – не вижу его спины (хвоста). Только держась древнего дао, чтобы править ныне существующим, можно познать древнее начало. Это и есть уток дао (=нить дао, устой дао, период дао в 1520 лет, небесный оборот дао)»³³.

Перечисление геополитических принципов можно было бы продолжить, присовокупив сюда конфуцианство и легизм, и расширить рамки темы до рассмотрения глобальной концепции «Срединное Государство – варвары». Однако это задача специального исследования. Цель же данной статьи состояла в поиске метафизических оснований древнекитайской геополитики и выяснения значения последней для современности. Разумеется, некоторые положения обозначенного подхода к древнекитайской геополитике носят гипотетический характер и требуют дальнейшей конкретизации. Однако исследовательская разработка этого подхода уже позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Во-первых, метафизическая карта родовых архетипов «Шань хай цзин» не утрачивает своей актуальности. Она отражает органическую генерацию рода, биосоциальную генерацию переходного от рода к государству образования и генерацию раннего государства. Эта карта показывает трансформацию этнических архетипов в социальные и раскрывает способы подключения этнических групп к спирали духовных архетипов, восходящих к единому космопланетарному духовному архетипу.

Во-вторых, эта карта фиксирует на архетипическом уровне органическое и геополитическое заболевание Поднебесной при переходе ее от состояния

естественности к цивилизации, что выражается в этнических и социальных конфликтах. Для излечения предлагается рецептура из состава духовных же архетипов. В «Шань хай цзине» приводится целый перечень способов лечения индивида и общества, записанных в виде наборов тео-зоо-антропоморфных образов. При этом понятие и процедура лечения сближаются с понятием и методом управления, что особенно хорошо видно в развитых философских учениях: конфликты понимаются как болезнь, а «управление государством» буквально называется «лечением государства» (чжи го).

В-третьих, согласно геополитической карте «Шань хай цзина», подлинное господство над государствами Поднебесной достигается не посредством насилия, а благодаря владению спиралью духовных архетипов этносов, находящихся в своих ландшафтных зонах. Это положение использовали в своих учениях и Лао-цзы, и Конфуций. Последний, например, говорил: «Если жители далеких окраин не покоряются, то совершенствуют культуру и дэ, чтобы привлечь их. А когда привлекают, то умиротворяют их»³⁴. При этом, надо предполагать, духовное дэ высветляется посредством духовных архетипов. В свою очередь, овладение духовностью космопланетарного (единого) архетипа, т.е. знание алгоритмов его развертывания относительно континентальных зон, дает потенциальную возможность господства над мировым пространством Суши и Моря.

В-четвертых, «Шань хай цзин» и «Хуайнань-цзы» позволяют выдвинуть гипотезу теории мировой катастрофы: разрыв генетических связей со спиральной системой духовных архетипов ввергает китайскую Поднебесную и вообще все планетарное человечество в затажную, зримую и незримую мировую катастрофу. Там, где происходит разрыв с духовным корневищем, разрушается этническая культура (способность коллективного считывания принципов гармонии с узоров неба и земли и вхождения в свой духовный архетип) и люди начинают почивать на лаврах своих технических достижений, знаменуя тем самым свой конец. Это предвидел Лао-цзы, критиковавший Конфуция за попытку искусственного интеллектуального (научного – мудрость и умничание), духовного (нравственного – человеколюбие и долг) и физического (экономического – искусность и выгода) лечения Поднебесной, что происходит в конфуцианстве «из-за недостатка культуры (вэнь)»³⁵.

В-пятых, «Шань хай цзин» закладывает концептуальную парадигму геополитики для всех последующих философских учений. Кроме того, в более широких географических и исторических масштабах, т.е. в контексте соотношения «древность – современность», данная парадигма может быть включена в теорию евразийской симфонии культур на правах одного из ее методологических принципов³⁶.

1. См.: Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Предисл., пер. и коммент. Э.М.Яншиной. М., 1977.
2. Лунь юй, VI.22 // Чжу цзы цзи чэн (Собр. соч. всех философов). Т.1. Шанхай, 1986.
3. Дао дэ цзин, §8 // Чжу цзы цзи чэн. Т.3. Шанхай, 1986.
4. См.: Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1999.
5. О культуре дао см.: Лукьянов А.Е. Дао Лао-цзы и Дао Конфуция // ПДВ. 1997. №6.
6. Шань хай цзин. Шанхай, 1985. С. 2, 9.
7. Там же. С. 8, 32.
8. Там же. С. 148.
9. Там же. С. 185, 193, 202, 212.
10. Там же. С. 225.
11. Там же. С. 247, 259, 271, 285.
12. Там же. С. 246, 247, 259, 269, 248.

13. Там же, С. 183.
14. Хуайнаньцзы // Чжу цзы цзи чэн. Т. 7. Шанхай, 1986.
15. См.: Лукьянов А.Е. Понятие философии у древних китайцев // ПДВ. 1998. №2. С. 135-140.
16. Серкина А.А. Опыт дешифровки древнейшего китайского письма. М., 1973; Символы рабства в древнем Китае. Дешифровка гадательных надписей. М., 1982.
17. Дао дэ цзин, §25.
18. Там же.
19. Там же, §17.
20. Там же, §4, 21, 25, 5.
21. Там же, § 20.
22. Там же, § 16.
23. Там же, §35.
24. Там же, §49.
25. Там же, §26.
26. Там же, §66.
27. Там же, §61.
28. Сицы чжуань. Нижний раздел, §2 // Сы шу у цзин (Четыре книги и Пять канонов). Т.1. Пекин, 1985.
29. Там же. Верхний раздел, §8.
30. См.: Кауров Э.Н. Созвездие Дракона: архаическая система астрономических наблюдений // Дракон и Зодиак. Сб. статей (по материалам конференции). М., 1997.
31. Вэньань чжуань // Сы шу у цзин. Т. 1. Пекин, 1985.
32. Дао дэ цзин, §68.
33. Там же, §14.
34. Лунь юй, ХҮІ, §1.
35. Дао дэ цзин, §19.
36. См.: Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998; он же. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.

Изучение "Лунь юя" и гипотеза развития китайской письменности

© 2000

Л.Головачева

Среди проблем текстологии древнекитайских памятников есть такие, которые далеко выходят за рамки собственно филологической тематики, по сути, определяя перспективы китаеведческой историко-философской науки. К таким проблемам относится, в частности, поиск критериев понимания и перевода древнекитайской классики. Этому вопросу и посвящена статья Л.И. Головачевой.

Читатель, знакомый с данной темой, сразу обратит внимание на то, что ряд отстаиваемых автором положений носит отчетливо дискуссионный характер. Так, автор высказывает предположение, согласно которому в древнекитайской письменности существовала развитая система фиксации звуков речи по принципу фонетической транскрипции. Ее тезисы о том, «что в доциньский период в иероглифах, видимо, вообще не было ключей», а также о том, что иероглиф обозначал звук и потому мог употребляться в разных значениях, противоречат широко распространенному мнению: древнекитайские тексты во времена их создания являлись идеографическими, т. е. имели не только слуховые реализации, но и зрительные, зафиксированные в самих начертаниях пиктограмм и идеограмм.

Л.И. Головачева также высказывает сомнения по поводу распространенных версий об особом характере китайской философии, китайского мышления, который считается во многом обусловленным спецификой иероглифической письменности. Критика предствлений об особом характере китайской культуры, а также положение об обозначении знаками звуков в древнем Китае приобретают у Л.И.Головачевой методологическое значение. Во-первых, они дают ей основания для понимания древнего текста, созданного в иной исторической и языковой традиции, с позиций логики современного человека. Во-вторых, автор допускает возможность изменения знаков первоисточника (замена или приписывание ключей в знаках), исходя из субъективно понимаемой общей связности мысли в тексте, понятной на этом этапе реконструкции современному исследователю, но не учитывавшейся сотнями поколений комментаторов.

Примеры изменения начертаний иероглифов и перетолковывания на этом основании даже канонических памятников китайская традиция дает во множестве. Достаточно вспомнить классический случай с главным основоположником неоконфуцианской ортодоксии Чжу Си (1130-1200), который в каноническом трактате "Да сюэ" ("Великое учение") в выражении "цинь

минь” (“породнение с народом”) приписал одну графему к иероглифу “цинъ”, в результате чего получилось “синь минь” - “обновление народа”. И именно это толкование было официально признано. Однако вопрос о том, дают ли такого рода примеры и исторические выкладки автора основания для того, чтобы подвергать ревизии чужую культурную традицию, остается спорным.

Подход Л.И.Головачевой к китайской традиции, при всей новизне и самостоятельности некоторых из ее гипотез, интересен тем, что отражает некую общую тенденцию в китаеведении. Она заявляет о себе, в частности, попытками новаторского прочтения классических текстов без учета мнений, сложившихся внутри той традиции, в которой данные тексты применялись. Зачастую такие попытки опираются на серьезно аргументируемые предположения о путях развития этой традиции - так, Л.И.Головачева, хотя и мельком, упоминает в качестве источников своих сомнений по поводу общепринятых взглядов работы некоторых отечественных и зарубежных специалистов. Дискуссионный характер высказываемых ею гипотез наглядно демонстрирует глубину и сложность затронутых автором вопросов, приглашая исследователей к их дальнейшему изучению и обсуждению.

© 2000

Н.Мартыненко,
кандидат философских наук

Старые проблемы истории развития китайской письменности приобретают новую актуальность в связи с изучением философского памятника “Лунь юя” - “Бесед и суждений” Конфуция. Этому тексту, в свою очередь, видимо, суждена важная роль в раскрытии загадок особого пути становления письма в Китае.

Обнаружение текста “Лунь юя” в царствование ханьского императора У-ди (140-86 гг. до н.э.), а по другим версиям, в царствование его предшественника Цзин-ди (156-140 гг. до н.э.), сопровождалось чудесным явлением. В 154 г. до н.э. сын Цзин-ди получил во владение территорию бывшего царства Лу, родины Конфуция, и титул луского гун-вана. Для перестройки и расширения своего дворца в Лу ему потребовалось частично снести усадьбу Конфуция, где жили потомки мудреца. В одной из разрушаемых стен был найден тайник со старинными рукописями. В момент обнаружения рукописей гун-ван восходил по ступеням родового храма. Внезапно он услышал звуки колоколов, цитры и цимбал, раздающиеся неизвестно откуда, а вслед за тем ему доложили о находке. Он принял это как чудесное знамение и отменил приказ о разрушении дома Конфуция. Случай описан в “Исторических записках” Сыма Цянем, который был учеником тогдашнего главы рода Кунов - Кун Аньго. Установить содержание найденных рукописей в то время не удалось и их передали на хранение Кун Аньго, имевшему за свою ученость звание боши (“эрудита”). Старинное письмо, которым были выполнены рукописи, не было понятно даже эрудиту-книжнику. В сохранившихся описаниях оно названо хэ доу взнь - “головастиковым письмом”.

Шло первое столетие царствования династии Западная Хань, сменившей династию Цинь, которая объединила Китай в централизованное государство. Как известно, в 213 г. до н.э. Цинь Шихуан по инициативе своего первого министра Ли Сы приказал населению империи сдать в местные управы всю “нецинскую” литературу, за исключением книг по земледелию, медицине и гаданиям, а чиновники должны были эту литературу сжечь. Ослушникам приказа и тем, кто знал об ослушании и не донес, грозила ссылка на строительст-

во Великой стены. Циньские “литературные репрессии”, как считается с древности, имели целью “оглушение народа” и были направлены против конфуцианцев, превозносивших идеалы древности и жизнь по традициям предков. А Цинь Шихуан и его идеологи-легисты стремились установить для всей империи новые унифицированные правила жизни, зафиксированные в законах. Действительно ли таковы были цели Цинь Шихуана и его вдохновителя Ли Сы, мы еще будем обсуждать ниже. Но остается фактом, что сданные населением книги были сожжены, а вскоре Цинь Шихуан приказал еще закопать живьем 460 видных конфуцианцев, обвиненных в “использовании древности для нападков на современность”. Культурная катастрофа довершилась через несколько лет в междоусобицах смутного времени рубежа эпох Цинь-Хань, когда в пожаре Сяньяна, столицы империи, погибла императорская библиотека. Уничтожение книг и людей старого образования создало роковой разрыв культурной памяти, который с тех пор не был ликвидирован. Запрет на частное хранение книг просуществовал 22 года и был отменен только в 191 г. до н.э. в царствование второго ханьского императора Хуэй-ди (194-187 гг. до н.э.). Попытки вернуть к жизни утраченные богатства духа начались при Вэнь-ди (179-156 гг. до н.э.) и стали систематическими при У-ди, который составил план создания библиотеки и назначил служащих для переписки книг. Судя по каталогу императорской библиотеки, вошедшему в “И вэнь чжи” (“Трактаты об искусствах и литературе”) – библиографический раздел “Хань шу” (“История династии Хань”, (1 в. н.э.), книг было собрано много, причем подлинность их доханьского происхождения удостоверялась наличием многих вариантов, записанных разными школами. Нельзя, однако, думать, что они существовали в доханьском письменном исполнении. “Книги из стены”, попавшие в императорскую библиотеку после дешифровки, оказались там единственными манускриптами доциньского периода. Все остальные представляли собой ханьские записи, сделанные с изустной передачи.

Кун Аньго сумел в конце концов разобраться в “головастиковом письме”. Среди “книг из стены” оказались “Шу цзин” (“Канон писаний”), “Сяо цзин” (“Канон сыновней почтительности”), “Чунь цю” (“Весны и осени”) и неизвестный ранее текст с высказываниями Конфуция, которому Кун Аньго дал впоследствии название “Лунь юй”. Ключом для расшифровки книг послужил параллельный текст “Шу цзина”, записанный совершенно независимо при Вэнь-ди со слов Фу Шэна.

Фу Шэн, происходивший из местности, расположенной в нынешней провинции Шаньдун, служил при циньском дворе, входя в состав корпуса эрудитов-*боши* из 70 человек, сформированного первым министром Ли Сы. Действие указа 213 г. до н.э., запрещающего снимать копии с древних книг, не распространялось на *боши*. В доме Фу Шэна имелся список “Шу цзина”. В смутные времена после падения Цинь Фу Шэну пришлось скрываться, переезжая из одного места в другое, и он спрятал планки с записью “Шу цзина” в стене своего дома. О том, что случилось с сокровищем, когда хозяин наконец вернулся к нему, по-разному говорят Кун Аньго в “Предисловии к комментариям к “Канону писаний” и ученик Кун Аньго Сыма Цянь в “Исторических записках”. По Сыма Цяню, многие дощечки списка оказались испорченными или совсем пропали, осталось только 29 глав. Кун Аньго же утверждает, что были утрачены все планки, но 28 глав Фу Шэн знал наизусть.

Версия Кун Аньго выглядит более правдоподобной. Если планки были спрятаны в доме Фу Шэна в Сяньяне, то вряд ли они смогли уцелеть при пожаре столицы в 206 г. до н.э., когда, подожженная войском Сян Юя, она горела три месяца. А если планки и сохранились, как мог Фу Шэн перевезти их в Шаньдун, где в конце концов обосновался на жительство, если запрет на хра-

нение книг еще в течение 11 лет продолжал существовать и при Хань? Тот же самый запрет помешал бы ему пользоваться планками, если бы они были спрятаны в Шаньдуне, что мало вероятно. Важно то, что в каталоге императорской библиотеки нет упоминания о списках Фу Шэна, исполненных древним письмом. А в том, что Фу Шэн знал “Шу цзин” наизусть, сходятся и Кун Аньго и Сыма Цянь. Опираясь на это свое знание, старый эрудит начал преподавать “Шу цзин” ученикам, которые потекли к нему со всего Шаньдуна. В царствование Вэнь-ди, начавшего розыски древних книг, слухи о знатоке “Шу цзина” дошли до столицы. Сыма Цянь сообщает, что император послал за Фу Шэном, но тот ехать не мог - ему давно уже минуло 90 лет. По Сыма Цяню, за остатками книги из столицы был отряжен высокопоставленный чиновник Чао Цо. Кун Аньго о визите Чао Цо не упоминает.

Так или иначе, но императорская библиотека получила в результате список части “Шу цзина”, известный как “новый текст Фу Шэна”, - это значит, что он был записан со слов Фу Шэна новым ханьским письмом. Более чем через сто лет подробности о записи “Шу цзина” привел Вэй Хуан (1 в. н.э.). По его словам, Фу Шэн от старости уже не мог говорить внятно и записывающий его не понимал. Сказанное стариком повторяла для него дочь (или внучка) Фу Шэна, также изучавшая “Шу цзин”, но местный диалект отличался от диалекта писца, поэтому из каждых 10 слов терялось два-три, а иногда смысл сказанного был вовсе не ясен¹.

Кун Аньго оставил собственноручные записки о том, как “книги из стены” были ему вручены и каким образом он их дешифровал. Но записки до нашего времени не дошли. А ведь в них говорилось о единственном в своем роде опыте дешифровки сохранившихся доциньских книг. Не сохранилось сколько-нибудь подробных упоминаний о методе Кун Аньго и в других книгах, даже в древнейшем словаре “Шо вэнь цзе цзы” (“Изъяснение письмен и толкование иероглифов”, 1 в.), созданном в “школе старых текстов”, где о письменности рукописей “из стены” говорилось специально. Можно предполагать, что метод был так прост, что доставало одного упоминания о сличении параллельных текстов, чтобы он стал понятен. Но впоследствии эта предполагаемая ясность почему-то исчезла. Нам известно только, что Кун Аньго должен был сначала обнаружить параллельность текстов “старого” и “нового” письма, чтобы потом воспользоваться ею для выведения соответствий между “головастиковыми” знаками и ханьскими иероглифами. Это было бы невозможно без какого-то внешнего сходства двух текстов, позволившего их сопоставить. Очевидно, мнение о том, что “головастиковое письмо” не имело с ханьскими знаками ничего общего, не верно.

Оригинальные образцы “головастикового письма”, сохранившиеся до циньского времени только в “списках из стены”, исчезли, самое позднее, в смутное время на рубеже Западной и Восточной Хань (5-25 гг. н.э.), когда императорская библиотека потерпела большой ущерб. Ныне оригиналы доциньского письма на бамбуковых планках и дощечках неизвестны. Но словарь “Шо вэнь цзе цзы”, созданный Сюй Шэнем в период Восточной Хань, приводит для некоторых иероглифов начертания *гу вэнь* (“древнего письма”), которые историки отождествляют с “головастиковым письмом”. В “Хоу Хань шу” (История Поздней Хань), в биографии Лу Чжи, говорится: “*Гу вэнь*, головастиковое письмо”. В комментарии записано: “*Гу вэнь* - название письма из стены [дома] Конфуция. По форме похоже на головастик, потому так называется”. В “Шан шу чжэн и” (“Канон писаний с филологическими пояснениями”) так же утверждается, что “*гу вэнь* из стены [дома] Конфуция” и представляет собой чжэуское “головастиковое письмо”. Известный китайский филолог Ма Сюй-лунь считал, что эти слова вполне определенно указывают на тождественность

гу взнь иероглифам чжуань взнь (“знакам печати”), но особым образом написанными, что придавало им сходство с головастиком². В пояснение сравнения с головастиком Ма Сюйлунь приводит слова из книги “Ван Инь Цзинь шу си чжуань” (“Комментарии Ван Иня к анализу цзиньской скорописи”): “Головастикове письмо - гу взнь чжоуского времени. Головы в нем толстые, а хвосты тонкие, отсюда произошло название”³. Ма Сюйлунь сравнил написание некоторых иероглифов гу взнь в словаре “Шо взнь цзе цзы” и “Вэй ши цзине” (“Вэйском каменном каноне”) с теми же иероглифами в стиле чжуань взнь на бронзовых колоколах и сосудах и не нашел существенных различий между гу взнь и чжуань взнь по конструкции или форме. Но иероглифы в стиле чжуань взнь на бронзе были выполнены чертами одной и той же толщины, тогда как в иероглифах “гу взнь” толщина черты была неодинакова в начале и в конце, все вертикальные черты имели форму клина, сужающегося книзу, а горизонтальные - форму клина, сужающегося слева направо. По мнению Ма Сюйлуня, здесь-то и скрывается секрет уподобления “головастику”. Иероглифы “Шо взня” и “Каменного канона” были уже стилизацией под древность, но, тем не менее, они донесли до нас важную черту оригинального “письма из стены”. Ма Сюйлунь сделал вывод о том, что гу взнь - вовсе не более древнее по сравнению с чжуань взнь письмо, они различаются только стилем написания, а последний, в свою очередь, связан с материалом письма. Все найденные при Хань классические тексты гу взнь были написаны на бамбуковых планках, причем с помощью лака и твердого стила. При опускании стила в начале черты лак из его головки, стекая на планку, образовывал утолщение, а к концу черты лак истощался и сохранить ширину черты равномерной было невозможно. Позже это превратилось в стиль, которому подражали, хотя новые средства письма - тушь и волосная кисть - позволяли выдерживать любую толщину линии⁴.

Вывод Ма Сюйлуня позволяет по-новому взглянуть на проблему расшифровки “списков из стены”. Если они были написаны не каким-то неизвестным древним письмом, а известными иероглифами чжуань взнь, пусть даже и с чертами керавной толщины, то это, с одной стороны, объясняет возможность отождествления параллельных текстов “Шу цзина”. Но, с другой стороны, в чем же состояла трудность их прочтения, почему шла речь о дешифровке? Поскольку трудность дешифровки исторически зафиксирована, мы можем сделать предположение о том, что не иероглифы головастика письма были непонятны эрудиту Кун Аньго. Неясен был смысл написанного с их помощью.

Если смысл записанного знакомыми письменами непонятен, можно предположить, что мы имеем дело с шифровкой. Но все может быть и гораздо проще. Сейчас нам часто приходится сталкиваться с записями русскоязычных текстов с помощью латиницы, например, в международных телеграммах, в сообщениях электронной почты. Такие тексты могут выглядеть шифровкой, пока письменные знаки не будут опознаны как транскрипция - тогда их легко можно прочесть. Транскрипции возможны не только в фонетическом письме, но и в иероглифическом. Это так называемые заимствованные знаки.

Впервые о “заимствованных знаках” (цзя цзе цзы) упоминается в “Шо взнь цзе цзы”. Сюй Шэнь в предисловии к словарю предложил классификацию иероглифов по их композиции, а выделенные таким образом группы расположил в той последовательности, в которой они, по его представлению, исторически возникали. Классификация называлась лю шу (“шесть начертаний”). Согласно ей, иероглифы подразделялись на шесть групп: 1) пиктограммы; 2) указательные знаки; 3) идеограммы; 4) видоизмененные знаки) 5) фонидеограммы; 6) заимствованные знаки. К первой категории относились рисуночные знаки, изображавшие простые, чувственно воспринимаемые предметы.

Во вторую входили знаки, указывающие направление (символы “верх”, “низ” и т.д.). Знаки этих категорий крайне немногочисленны, первых - около трехсот, вторых - немногим более ста. Рисуночное письмо, обозначавшее предметы, называлось *вэнь*, или “узорочьем” (в современном языке этот знак означает “литературу”, “культуру”, “текст”). Действия с предметами и некоторые их свойства нарисовать было невозможно, они изображались символами, составленными из пиктограмм и указательных знаков. Такие сочетания были отнесены к третьей группе - идеограммам. Идеограммы уже не назывались *вэнь*, они обозначены специальным термином - *цзы* (“иероглиф”).

Идеограммы представляли собой шаг вперед в эволюции первоначальной иероглифической письменности. В них была заложена возможность образования чрезвычайно большого числа новых знаков путем различных сочетаний и перестановок составляющих их пиктограмм. Но это не означает, что такая возможность была осознана одновременно с появлением идеограмм.

Пятую категорию по классификации *лю шу* (четвертая нас здесь не интересует, это были знаки, построенные по принципу симметрии с уже существующими и связанные с ними по смыслу) составляли фоноидеограммы - знаки *цзы*, в которых одна составная часть (так называемый ключ) указывала на предметную область обозначаемого, а другая (фонетик) намекала на произношение слова. Знаки первых трех категорий намеков на произношение не содержали, тем не менее произношение слов, соответствующее их денотатам и известное из обыденной жизни, превратило их в “фонетики”. Само собой разумеется, в отсутствие единого языка озвучивание фонетиков в разных частях древнего Китая, где уже пользовались иероглифической письменностью, было различным, “фонетик” сам по себе не был связан жестко с каким-то одним определенным звуком. Наконец, шестая категория - знаки, использовавшиеся не в своем первоначальном значении, а для обозначения совсем других слов, которые звучали одинаково или сходно, но для которых не существовало особых иероглифов (или пишущий этих иероглифов не знал). Такие знаки, названные “заимствованными”, были средством фонетической транскрипции. К ним полностью относилось сказанное выше о “фонетиках” - их связь со звуком не была жесткой.

В настоящее время считается, что последовательность категорий в классификации Сюй Шэня не соответствует в точности исторической очередности их появления в реальном процессе развития китайской письменности. Историки китайского письма практически не берутся датировать появление знаков первых трех категорий, ибо оно уходит в доисторию: уже в надписях на иньских гадательных костях (XV-XII вв. до н.э.) все эти знаки присутствуют. Некоторые исследователи усматривают на этих костях и присутствие знаков пятой категории. Но относительно широкого распространения последних существует два основных мнения: 1) они распространились в конце 2-го тысячелетия до н.э., т.е. в начале династии Чжоу, когда создавались песни “Ши цзина” (М.В.Крюков);⁵ 2) они получили распространение в эпоху Чуньцю-Чжаньго, особенно в V-III вв. до н.э., когда были записаны все дошедшие до нас доциньские произведения ((А.М.Карапетьянец)⁶.

Что же касается “заимствованных” знаков, то считается, что они служили неким промежуточным, переходным этапом к фоноидеографической письменности. Их изучают больше с филологической точки зрения, чем с исторической. М.В.Крюков считает, что заимствование знаков никогда не было распространенным путем развития китайского письма⁷. А.М.Карапетьянец отмечает, что заимствованные знаки могли бы послужить основой для фонетизации китайской письменности. Но чтобы заимствование стало системным, нужно было прекратить исходное употребление иероглифа. Этого не произошло, по-

скольку древние китайцы имели, по мнению А.М.Карапетьянца, слишком четкие представления о связи значения со звучанием⁸.

Возможно ли, чтобы "книги из стены" были записаны "заимствованными знаками"? С одной стороны, это хорошо объясняло бы загадку обнаружения параллельности двух текстов "Шу цзина" и возможность расшифровки других текстов из тайника. Даже утрату описания метода дешифровки такая версия могла объяснить, ведь фоноидеограммы отличаются от заимствованных знаков только наличием ключей. Стоило добавить к древним знакам ключи, как текст должен был, вроде бы, стать понятным. Но с другой стороны, как же быть с авторитетными мнениями историков китайской письменности, отрицающими сколько-нибудь важное значение заимствованных знаков в ее развитии? Ведь использование иероглифов для передачи звуков начинается при дефиците иероглифических знаков для обозначения слов языка, развитие которого продолжается. Это хорошо известно из истории древних письменностей. Все они начинались с пиктограмм и идеограмм, а потом в результате дефицита знаков через промежуточный этап использования иероглифов для передачи звуков перешли к слоговому и буквенному письму. Вспомним, как расшифровал древнеегипетскую письменность Ж.-Ф. Шампольон. Он сравнивал параллельные тексты - древнеегипетский и древнегреческий - на так называемом "Розеттском камне", найденном в Египте солдатами Наполеона. Эти надписи сравнивали многие ученые, но только Шампольон догадался, что иероглифами могут передаваться не значения слов, а звуки. Это стало для него ключом к успеху.

Но китайская письменность, по убеждению ее историков, развивалась иным путем. В ней не случилось дефицита знаков, потому что очень рано был обнаружен принцип фоноидеографии. А.М.Карапетьянец приводит данные о числе дешифрованных письменных знаков на гадательных костях XV-XI вв. до н.э. и бронзовых сосудах XII-IV вв. до н.э.: по отдельности оно приближается к двум тысячам⁹. В той же статье А.М.Карапетьянца приводятся данные о числе знаков, зарегистрированных в основных древних текстах, созданных до унификации письма и сожжения книг в III в. до н.э.: "Лунь юй" - 1,6 тыс.; "Чжоу и" и "Чжоу ли" - 1,7 тыс.; "Мэн-цзы", "Люй-ши чунь цю" - 2 тыс.; "Ли цзи" - 2,5 тыс.; "Сюнь-цзы" - 2,7 тыс.; "Ши цзин", "Чжуан-цзы" - 3 тыс.; "Чунь цю" с тремя комментариями - 4 тыс. О каком дефиците письменных знаков в период Чуньцю-Чжаньго, эпоху возникновения и расцвета древнекитайской философии, можно говорить, если в пользовании было много тысяч знаков?

Однако теоретически сомнения в истинности устоявшихся воззрений на историю китайской письменности имеют под собой почву. Весьма любопытно, например, что число знаков в архаических надписях на гадательных костях и ритуальной бронзе оказывается большим, чем в философском произведении "Лунь юй", а философ Чжуан-цзы употреблял столько же слов (если считать, что за каждым знаком стоит слово), сколько безвестные авторы песен "Ши цзина" за несколько сот лет до него. Примечательно и то, что исследователь, приводящий эти данные, никак такие числа с точки зрения их странной сопоставимости не комментирует.

В настоящее время общепризнанно, что классификация Сюй Шэня является чисто логической схемой развития китайского письма, действительному историческому процессу она не тождественна. Но неосознанно историки китайского письма все-таки следуют логической схеме, признавая существование единой линии его стихийного прогрессивного развития, начинающейся от эпохи Инь и ведущей прямо к ханьской письменности. Привычно делаются оговорки о заведомом отсутствии единства в древнекитайском языке, но в то же время ведется речь о диалектах древнекитайского языка, а не о местных языках родственных и неродственных групп, что куда естественнее в условиях от-

существования единого языка. Соображения о каких-то мистических особенностях древнекитайского языка, будто бы позволявших, при всех различиях диалектов, употреблять единую наддиалектную и всем понятную письменность, в которой слово равнялось слогу, а слог знаку, являются следствием представлений о существовании в древности единого чжоуского и даже иньского государства, которое в действительности есть миф. Если принять эти соображения, то получается, что двум тысячам иньских или чжоуских иероглифических знаков соответствуют столько же слов в древнекитайском языке.

Приведем одно простое возражение. Обычно выпускник средней школы употребляет 300-400 слов. А.С.Пушкин использовал в повседневности, по подсчетам специалистов, тысячу слов. Но в "Словаре языка Пушкина" слов около десяти тысяч. Это не удивительно, поскольку повседневный и литературный словари представляют разные уровни мышления. Но ведь разные уровни мышления представляют также архаические надписи на иньских гадательных костях или чжоуских ритуальных сосудах и философские тексты периода Чжаньго, а также философские тексты и народные песни, будь последние созданы в начале эпохи Чжоу (XI-IX вв. до н.э.) или в период Чуньцю-Чжаньго (VIII-III вв. до н.э.). Откуда же сходство числа употребляемых в них знаков? Вполне естественно предположить, что иньские и чжоуские иероглифы представляли письменности разных местных языков, в каждом из которых в повседневном употреблении вряд ли имелось более 300-400 слов. Изображение их на письме вполне было возможно с помощью пиктограмм и простых идеограмм. По логической схеме *Лю шу* некоторые знаки чжоуской письменности представляются фоноидеограммами, состоящими из ключей и фонетиков. На самом же деле, по-видимому, эти знаки возникли как знаки изобразительного письма. Народные песни "Ши цзина", были, разумеется, произведениями устного творчества. Вряд ли до Конфуция их фиксировали письменно. Конфуций же с учениками записали их во время странствий по разным царствам. Обилие слов в них обязано тому, что это были слова разных местных языков, обладавших каждый ограниченным словарным составом. Собираение песен Конфуцием являлось, может быть, одним из первых шагов к созданию единого древнекитайского языка. Параллельно происходило формирование корпуса синонимов. Сколько иероглифов было употреблено для их записи, нам неизвестно, ибо мы знаем "Ши цзин" только в ханьской записи. Испытывал ли Конфуций дефицит знаков для записи песен в иноязычных царствах? Если нет, значит, он мог отыскивать для них "стихийно" появившиеся в этих царствах фоноидеограммы или сам придумывать их по ходу дела. Но как тогда объяснить, что в "Шо вэнь цзе цзы" всего 510, а не три тысячи знаков *гу вэнь*, да среди них еще около ста разнописей? Видимо, дефицит знаков во времена Конфуция все-таки был.

Посмотрим на проблему еще с одной стороны. Известные ныне тексты памятников "Лунь юя", "Чунь цю", "Шу цзин" записаны в период Западной Хань с изустной передачи в нескольких вариантах. Описи разночтений в этих списках сохранились до нашего времени, хотя и далеко не в полном виде. Для "Лунь юя", например, это опись Чжэн Сюаня по спискам "Гу лунь" и "Лу лунь" ("древний" и "луский" списки), составленная в период Восточной Хань, она самая обширная, в ней 29 вхождений. В большинстве случаев разночтения в списке Чжэн Сюаня - это записанные разными знаками, но одинаково звучащие слова. Разница заключается либо в ключевых знаках при одинаковых фонетиках (причем в "Гу лунь" ключи иногда отсутствуют вообще), либо в пиктограммах, которыми обозначаются одинаково звучащие фонетики. И то и другое указывает на фонетическую природу знаков записанного текста, устойчивы в нем только фонетические части. Интересно также то, что во времена Чжэн Сюаня имелся письменный древний текст "Лунь юя". Однако Чжэн Сю-

ань не считал ключи, которые были в нем, нормой, а просто фиксировал разности. Возможно, он знал, что в доциньское время ключи отсутствовали вообще, все иероглифы были фонограммами, а не фоноидеограммами.

Но красноречивее всего об этом говорят археологические находки совсем недавнего времени - западноханьские шелковые свитки из Мавандуя и циньские бамбуковые планки из Шуйху. В них широко употребляются заимствованные знаки для тех слов, которые, судя по ханьским записям памятников, еще в период Чуньцю-Чжаньго имели свои собственные фоноидеографические обозначения. А это значит, что употребление фоноидеограмм не было обычным даже в циньский и раннеханьский периоды, к которым принадлежат найденные рукописи.

В начале статьи мы говорили об особой роли "Лунь юя" для решения загадок китайской письменности. Его текст, прошедший сложную и во многом загадочную историю формирования на основе трех ханьских списков, потерявший свой первоначальный облик, несмотря на все эти обстоятельства, непосредственно свидетельствует о том, что он был в оригинале записан заимствованными знаками. В данной статье нет места для сколько-нибудь подробного филологического анализа обнаруженного мною феномена, и о нем придется говорить по необходимости кратко.

Многое в тексте "Лунь юя" давно вызывало у исследователей удивление и сомнения. Высокая репутация философского текста не вязалась с его видимой малосвязностью и обрывочностью, с обилием случайных действующих лиц и деталей, с неопределенностью ситуаций, в которых возникал тот или иной описываемый разговор Конфуция с учениками, в особенности с невразумительностью ответов и реплик, подаваемых Конфуцием. Смущал язык памятника. Письменный он или разговорный? Вроде бы, разговорный, если судить по множеству присутствующих в тексте вопросительных, восклицательных и других эмфатических частиц. Памятник рассматривается и китайскими и европейскими исследователями как набор цитат из бесед, посвященных конкретным случаям. Но почему тогда такая лаконичность в обрисовке обстоятельств разговоров, без которых они не могут быть поняты? Почему о подробностях ситуации мы узнаем чаще всего из внешних источников, а не из самого "Лунь юя"? А если это язык письменный, то для чего в нем все это множество конечных и эмфатических частиц, знаки пауз, решающего значения для содержания текста не имеющие? Где положенная древности экономия средств письма?

Странности текста замечались многими исследователями, прежде всего европейскими. Для "оправдания" Конфуция как философа использовались версии об особом характере китайской философии, об особом характере китайского мышления, об особой логике китайцев и т.п. Меня смущали эти "извинительно-оправдательные" теории. Я думала о том, что отечественный философ М.К.Мамардашвили называл "презумпцией ума". Нельзя подозревать философа в примитивности, неразвитости, противоречивости мышления по той причине, что его философия тебе непонятна. Он не нуждается ни в извинении, ни в оправдании, - только в понимании.

К реконструкции мысли нельзя приступать без веры в существование ее тайны, которую нужно открыть. Я перевожу текст "Лунь юя", пытаюсь обосновать в комментариях каждое нововведение в интерпретации отдельных фрагментов и фрагментов фрагментов. Новая интерпретация любого слова влечет за собой пересмотр интерпретации всего текста в целом, ведь слова, знаки повторяются. Связности мысли в тексте все равно нет. Я поняла, что мне мешают ключевые знаки в иероглифах. Я пробую их менять - связность текста возрастает. Совершенно замечателен принцип построения "Большого китайско-русского словаря" под ред. И.М.Ошанина. Статьи в нем располагаются так, что друг за другом следуют иероглифы с разными ключами, но с одинаково

пишущимися фонетиками. В статьях часты примечания: употреблялся вместо - и следует иероглиф с другим ключом. Длинный строй сходных иероглифов с разными ключами начинается всегда иероглифом, в котором ключа вообще нет. Это не просто фонетик без ключа, а самостоятельная пиктограмма или идеограмма, в фонетик она превратилась, видимо, потом. Интересно, что в словарную статью такого иероглифа обычно входит весь набор значений иероглифов с данным фонетиком и самыми разнообразными ключами. Часто такой иероглиф помечен звездочкой - уточняется, что такое значение придавалось ему только в доциньский период. Это значит, что он "работал" тогда "один за всех". Похоже, что расположение иероглифов в словаре демонстрирует историю присоединения ключей к фонетикам. Такого не увидишь ни в китайских словарях, построенных по ключевому принципу, ни в фонетических словарях. Отсюда я делаю первый вывод: в доциньский период в иероглифах, видимо, вообще не было ключей, они появились позже. Когда - это еще предстоит узнать. Второй вывод - иероглиф мог "работать один за всех" потому, что обозначал звук.

В процессе многократных все новых и новых переводов текста "Лунь юя" у меня постепенно вырабатываются две привычки. Первая - проверять по словарю каждый иероглиф, выписывать все его значения в роли разных частей речи, особенно доханьские. И вторая - проверять по словарю не только иероглифы, фигурирующие в тексте, но и все иероглифы с одинаковыми фонетиками, а потом и все его омонимы. В переводах "Лунь юя" появляются новые интересные возможности. Кажется, грамматически текст гораздо более архаичен, чем принято думать. Иероглифы, которые считаются местоимениями, предлогами, союзами, в древности были глаголами и существительными, и именно с этими их древними значениями текст становится более связным. Но по-прежнему оставались необъяснимыми частицы - конечные, эмфатические, и другие, которых в архаичном тексте не должно быть.

Догадка пришла внезапно: ключи в ныне существующем тексте не только можно менять, если этого требует контекст, но иногда нужно их приписывать там, где их в нынешнем тексте нет. Произошло это при чтении первого чжана 20-й главы "Яо сказал". В тексте приводятся торжественные и не совсем связные слова полумифических правителей древности Яо и Шуня, которые говорившие ими при передаче престола преемникам. Найти логическую связь помогло отождествление двух почти рядом стоящих иероглифов. Они произносятся по-разному и имеют разные значения. Общее же состоит в том, что первый иероглиф *гун* (местоимение "сам") играет во втором иероглифе *цун* (глагол "истощаться") роль фонетика. Я пришла к выводу, что эти знаки имеют одно и то же значение "истощаться". Это значит, что в первом случае к знаку просто не приписан полагающийся ему ключ, превращающий *гун* в *цун*. В свою очередь первый знак *гун* выдает первоначальное написание второго знака *цун*. В словарях не отмечено употребление первого (бесключевого) знака вместо второго. Значит, отождествление этих знаков осуществляется впервые, прежде как имеющие одно и то же значение они никогда не опознавались. Понятна и причина того, что иероглифы не были отождествлены в данном тексте - это общая причина подобных случаев: текст имеет некоторый смысл и без приписывания ключа. Но приписывание ключа обнаруживает иной план смысла.

Продуктивность догадки о необходимости добавления ключей к некоторым простым идеограммам, которые в действительности являются заимствованными знаками, подтвердилась немедленно. В том же тексте несколько раз встречается иероглиф *эр*, который понимается традицией как местоимение "ты". Добавление к нему ключевого знака *гун* ("лук"), превращающего его в глагол "восполнять", как раз и дало возможность по-новому интерпретировать

слова Яо. С помощью пары иероглифов *эр гун* (которые после добавления ключей изменили чтение на *ми цюн*) в “Лунь юе” формулируется космический закон “восполнения истощающегося”, или закон поддержания гармонии и порядка. Ему следуют светила, в движении по небосводу сменяя друг друга, на земле ему должен следовать и правитель по отношению к своим подданным. Его милость должна быть для них незакатным солнцем. Чтобы транслировать небесную гармонию на землю, правитель всегда должен быть обращен лицом к солнцу (“стоять лицом к югу”). Как неизбежно оказывается в тени лицо того, кто не поворачивается вслед за солнцем, так неизбежно оказывается в смуте земля правителя, чья милость к подданным иссыкает. И в том и в другом случае виноват тот, кто нарушил космический закон “восполнения истощающегося”, и только признание собственной вины и исправление ошибки помогает восстановить нарушенную гармонию с мирозданием.

Учение о том, как гармонизировать самого себя и окружающий мир - это один из главнейших аспектов доктрины Конфуция. Поэтому формулировка закона гармонизации, а затем и описание ритуала слежения за солнцем по солнечным часам, прочитанные в 20-й главе, задали общее направление мысли при интерпретации всего текста. Это общее направление в сочетании с выводом, что “Лунь юй” был записан, по-видимому, в значительной части заимствованными знаками, которые нужно различить и затем идентифицировать с теми знаками, что ими заменены, дало значительный прогресс в реконструкции учения Конфуция. Но различение заимствованных знаков дается нелегко. Многие из них не были опознаны как таковые при Хань совсем не случайно. Дело в том, что транскрибирующие знаки специально подбирались автором “Лунь юя” таким образом, чтобы их последовательность в тексте также несла определенный смысл. Это особая игра слов, использование слов-ребусов, которая и гораздо позже имела в китайской культуре широкое распространение. Исходные значения заимствованных знаков создавали в тексте отдельный смысловой слой, практически не имеющий отношения к философскому содержанию памятника. Этот слой относится к обыденному мышлению. Но именно он оказался в центре внимания как при устной передаче текста, так и при “дешифровке” древнего его списка. Философский же слой “Лунь юя” в значительной степени “стерся” после переписки текста ханьским новым письмом.

Продолжение реконструкции философского слоя текста “Лунь юя” приносит все новые сюрпризы. Удалось раскрыть секрет странного множества конечных и эмфатических частиц. Они не все еще отождествлены, но уже сейчас можно утверждать, что в основном это заимствованные знаки для обозначения основных частей речи, весьма важных для смысла текста.

“Пусть так, - скажут нам. - Пусть с “Лунь юем” дело обстоит именно так, как вы говорите, и он действительно был записан в оригинале заимствованными знаками. Но есть еще философия Лао-цзы, Чжуан-цзы, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, есть поэзия Цюй Юаня и многое другое. Каким письмом были переданы они? И когда же распространилось фоноидеографическое письмо?”

Наш ответ таков: каждый, кто работал с текстами доциньской литературы, сталкивался с ситуациями, когда замена ключей в иероглифах оказывалась продуктивной, а это свидетельствует об употреблении в оригиналах заимствованных знаков. По моему мнению, вся доциньская литература использовала заимствованные знаки в широких масштабах. Это вполне объяснимо. Философы не придумывали (или почти не придумывали) новых письменных знаков, они вообще почти не писали. Они мыслили и учили мыслить других. Их мысли записывались учениками, которым знаков, конечно, не хватало. С началом философии обнаружился огромный дефицит письменных знаков, и использование заимствованных знаков было естественным выходом из положения. Одним до-

цинским произведениям повезло при ханьской дешифровке меньше, другим больше, но не опознанные до сих пор заимствованные знаки имеются во всех текстах эпохи Чуньцю-Чжаньго. Они и являются обычно главной причиной наличия так называемых "темных мест", несвязности, странных грамматических конструкций. Здесь широкое поле для работы по интеллектуальной реконструкции, критерием истинности которой неизменно является общая связность мысли в тексте.

Что же касается начала фоноидеографической письменности, то в Китае она распространилась отнюдь не стихийно. Спонтанно развитие письменности продвигалось по пути фонетизации, и рано или поздно переход к фонетическому письму в Китае должен был произойти. Но такое развитие было прервано насильственным путем. Это произошло при династии Цинь в 213 г. до н.э. Сожжение книг не случайно совпало с проведением реформы письменности. Оно было задумано и осуществлено ради успеха этой реформы. А сутью последней было не введение почерка сяо чжуань вместо почерка да чжуань, а введение в употребление новой категории иероглифов - фоноидеограмм.

Множество древнекитайских царств, каждое со своим собственным местным языком и местной письменностью в виде заимствованных знаков, читавшихся весьма несходно, не могли сделаться единым государством по мановению руки Цинь Шихуана. Завоевать их было трудно, но превратить в централизованную империю - еще труднее. Об этом свидетельствует жестокость правления династии Цинь. Распространение легистской доктрины наталкивалось на непреодолимую преграду - местную письменность. Стоит перечитать соответствующее место из "Исторических записок" Сыма Цяня, чтобы в этом убедиться. Первый министр Ли Сы, предлагая императору Цинь Шихуану сжечь книги, напомнил, что государство может стоять долго и прочно, только если все приказы и установления в нем исходят от Сына Неба. Но как только из столицы присылается на места какое-нибудь установление, глупые ученые тут же начинают извращать его с помощью сы сюэ¹⁰. Сы сюэ, или "частное учение", "собственное (вредное) учение", в устах Ли Сы, как принято считать, означало учение Конфуция. Но Ли Сы не назвал его имени, хотя ничто не могло ему в этом помешать. Более того, мысль о связи прочности и долговечности государства с подчинением установлениям самого Сына Неба принадлежит Конфуцию, фактически это скрытая цитата. Я думаю, что Ли Сы подразумевал под сы сюэ совсем другое - местную "письменную науку", местные письменности. Вот они-то как раз "частные", так как не подчиняются унификации, и одновременно "вредные", потому что отчасти похожи на циньское письмо (это тоже заимствованные знаки), но ему не тождественны - знаки употребляются по-другому. Толкуя циньское письмо по местному, можно приказ исказить и не исполнить. А у Ли Сы уже готов проект реформы письменности - введение новых иероглифов. Их придумал один эрудит, десять лет проведенный в циньской тюрьме, но авторство их будет приписано первому министру. Готовы уже и прописи. Все знаки для записи звуков будут унифицированы по образцу циньских, а к ним станут присоединяться еще дополнительные элементы - ключи, чтобы максимально ограничить возможность придания знакам других значений. Конечно, на местах такой реформе никто не обрадуется, никто не примет ее добровольно, "вредные частные" знаки будут потихоньку употребляться. Поэтому нужно расчистить место, уничтожив старые письмена. Кто захочет учиться грамоте (сюэ), пусть идет к циньским чиновникам, а не к "частным ученым" (последних придется в целях унификации ликвидировать). Но Ли Сы не обскурант, он человек ученый и знает, что без книг жить государству нельзя. Он разрешает оставить книги по земледелию, медицине, гаданиям - просто потому, что они написаны пиктографическим письмом, в них

ведь говорится о простых, конкретных вещах. Кроме того, все главные древние книги, в том числе и конфуцианские, имеются в императорской библиотеке. А у Ли Сы есть уже корпус "эрудитов"-*боши* из 70 человек, подготовленных по новому письму. Им разрешается читать и переписывать древние книги, но новым письмом. Они возродят сожженное - новым письмом. В стране будут и книги, будет и унификация.

Таков был, с моей точки зрения, план Ли Сы. Он выполнил его деструктивную часть с небывалой быстротой и решительностью. А вторую - конструктивную - выполнить не успел, это было сделано за него при династии Хань. Я не думаю, что первые ханьские императоры по достоинству оценили его замысел реформы и продолжали ее сознательно. Но у них уже не было другого пути. Осталась только письменность Ли Сы и очень немногие циньские *боши*, которые ею владели и могли научить других, недаром ученики шли со всех сторон к Фу Шэну, уже глубокому старику. А о сути реформы Ли Сы, как и о прежнем письме, не осталось даже воспоминаний по прошествии жизни одного поколения. Знали только, что он изменил почерк. Наш современник Ли Юсинь высказал смелое предположение: суть реформы Ли Сы состояла не в изменении почерка, а в унификации заимствованных знаков на основе принятых в царстве Цинь¹¹. К сожалению, это предположение могло стать прорывом к истине, но большого распространения гипотеза не получила. Китайский путь развития письменности остался скрытым в облаках окружающих его мифов об "особенностях китайского сознания". За реформу Ли Сы, за переход на новую письменность Китай заплатил очень дорого - профанацией своих древних философских учений, превратившихся из средств развития культуры в средства консервации ее наиболее косной традиционной основы. И демистификация истории развития китайской письменности важна для того, чтобы снять завесу тайны с доциньской культуры и ее философии¹².

1. Legge J. The Chinese Classics. Vol. III. Prolegomena. Taipei, 1985. P. [16,17] (reprinted).
2. Ма Сюйлунь сюэшу луньвэнь цзи (Собр. научных работ Ма Сюйлуня). Пекин, 1999. С. 135.
3. Там же.
4. Там же. С. 136-137.
5. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978. С. 223-224. М.В.Крюков опирается при этом на систему рифм "Ши цзина".
6. Карпетьянц А.М. Китайское письмо до унификации 213 г. до н.э. // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977. С. 248.
7. Крюков М.В. и др. Указ. соч. С. 223.
8. Карпетьянц А.М. Указ. соч. С. 252.
9. Там же. С. 227.
10. Ши цзи (Исторические записки). Цинь Шихуан бэнь цзи (Записи о Цинь Шихуане). Цз. 6.
11. См.: Шпринцин А.Г. Современные представления о путях исторического развития китайской иероглифической письменности // Страны и народы Востока. 1969. Вып. 8. С. 133.
12. А.М.Карпетьянц, осознающий наличие этой тайны, предположил существование в доциньской культуре некоего иного, имевшего очень ограниченное распространение языка, исчезнувшего из-за физического уничтожения его носителей (см.: Указ. соч.). Это прозрение высокой интуиции, но в него должна быть внесена поправка: на рубеже Цинь-Хань не язык изменился, а произошел радикальный поворот в тенденции развития китайской письменности.

Культура

И.М.Ошанин – выдающийся ученый и педагог (К столетию со дня рождения)

© 2000

Д. Воскресенский

Все, кто хотя бы раз встречался с этим умным и обаятельным человеком, вряд ли могли его забыть. А тем, кто его хорошо знал, трудно представить, что сейчас Илье Михайловичу исполнилось бы уже сто лет – настолько он для многих, ныне живущих, воочию зрим, так сказать «жив во плоти». В памяти знавших встает замечательный образ ученого-синолога и наставника – сяньшэна, который примером своего самозабвенного служения делу смог увлечь на стезю китаистики многих молодых людей, выбиравших путь в жизни, а впоследствии укрепить во многих веру в свою трудную, но прекрасную профессию. Ученики не забудут его – отличного педагога, учившего нас китайской грамоте, читавшего лекции по языку и культуре Китая в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ) и Московском институте востоковедения (МИВ), ученого, который участвовал в научных диспутах 40-70-х годов и много лет руководил кафедрами китайского языка в ВИИЯ и ВДШ (ныне Высшая дипломатическая Академия МИД РФ). Всех, кто как-то соприкасался с ним по работе или в быту, всегда восхищала глубина его знаний Китая, обширная эрудиция и начитанность, его жизнерадостность и неукротимая энергия, которая не оставляла его даже в последние годы, когда он был тяжело болен. Кто-то непременно вспомнит его доброжелательность, человечность (ведь он многим помог в жизни), его уважительное отношение к людям и терпимость – черты настоящего интеллигента. В его общении с людьми в полной мере проявлялись воспитанность и благородство (качества, редко встречаемые в нашей жизни), что подчеркивало цельность его натуры и свидетельством чего служит его жизнь.

Илья Михайлович Ошанин родился 5 мая 1900 г. в Ярославле в семье русского дворянина, юриста по профессии, служившего судебским чиновником сначала в этом городе, потом в Варшаве и Петербурге.

Илья Михайлович порой рассказывал о своей родословной (к слову сказать, весьма любопытной) и показывал свое генеалогическое древо, помещен-

ное в родословной таблице дворян Ростовского уезда. Там говорилось: «Фамилия Ошаниных происходит из выехавшего из венецианской земли, именем Стеня, а во святом крещении названного Феодором. Сего Феодора правнук Илья Борисович служил у Великих Князей Василья Дмитриевича, Василья Васильевича и Ивана Васильевича боярином и жалован в 6988/1480 году поместьями». Как положено, род Ошаниных имел и свой герб: «Щит разделен перпендикулярно на две части, из коих в правой в серебряном поле, виден до половины черный орел с распростертым крылом, а в левой части, в голубом поле, выходящая из облаков в латы облаченная рука с поднятою вверх саблею...» В «Отказных книгах» Ростовского и Суздальского уездов писалось и о землях семьи: «...четверть села Никольского на дву прудах... пустошь Изборцево на речке Пезденке, а в ней место дворовое пашни перелогом и лесом поросло...». Грамоты, пожалованные предкам, хранились еще в начале XX века в музее Ростова Великого. Мелкопоместные дворяне Ярославской губернии (мировые посредники или служащие по земельным делам и т.д.) тем не менее получали неплохое образование, а некоторые даже занимали довольно высокие посты. Во всяком случае об этом говорит служба отца, Михаила Павловича, судейского чиновника в Ярославле, служившего потом в Варшавской судебной палате Царства Польского, а впоследствии в Петрограде (он был прикомандирован к Сенату с правом сенатора). Отец умер в 1930 году, служа бухгалтером в Твери. С отцом у сына были контакты редкие, хотя бы уже потому, что сын в 1918 г. уехал из Петрограда, где он жил с семьей, а потом долгие годы работал в Китае. Со своей матерью, Ольгой Михайловной (она происходила из известной фамилии Бибиковых) сын имел более тесные связи, особенно в 50-60-е годы, вплоть до ее кончины.

Поначалу Илья Михайлович учился в Варшавской гимназии, а потом в Петроградской, которую закончил в 1918 г. с золотой медалью. Не удивительно, что имея классическое образование, Илья Михайлович при его склонности к гуманитарным знаниям кроме греческого и латинского языков, знал немецкий, французский и польский. На английском языке, которым он овладел в Китае на дипломатической службе, он также общался вполне свободно. Не случайно, что своим коллегам — китаеведам из Германии или Франции Илья Михайлович писал письма на их родном языке. Знание многих языков впоследствии, несомненно, помогло ему в составлении своего классического словаря, в коем его лингвистические и общекультурные знания нашли свое прямое воплощение.

Как у многих людей, сложившихся интеллектуально и нравственно в первые десятилетия XX века, его судьба в пору революционных колдовращений также претерпела крутые изменения. События мятежной эпохи захватили и его. Покинув Петроград, он переехал в Москву и поступил добровольцем в РККА, но был признан негодным к строевой службе (по причине слабого зрения) и оказался в Высшей военной инспекции на должности письмоводителя, а потом в Управлении связи РККА, где работал до 1922 г. делопроизводителем. По ходатайству начальства одаренному юноше было дозволено слушать лекции по китайскому языку в Военной академии. Демобилизовавшись из армии, он поступил в Институт востоковедения на дипломатический факультет. Сейчас уже трудно сказать, что послужило непосредственным толчком к этому шагу, определившему всю его последующую жизнь китаиста. Вполне очевидно, однако что причиной выбора профессии востоковеда-китаиста стали бурные события в восточном мире и, в частности в Китае. Окончив в 1924 году инсти-

тут, молодой китаист оказался в Пекине на должности переводчика в Торгпредстве, а через год по приказу Полпредства был включен в аппарат военных советников, работавших во 2-й Народной армии Фэн Юйсяна в провинции Хэнань. Известно, что генерал Фэн, будучи личностью весьма колоритной и неоднозначной, в то время (как впрочем, и впоследствии) играл заметную роль в политической жизни Китая. Работа в Хэнани для молодого китаевода была прекрасной практикой. Ему приходилось не только переводить на китайский лекции по тактике действия пехоты и кавалерии, но и выезжать на фронт, то есть видеть китайскую жизнь вблизи своими собственными глазами. Когда в феврале-марте 1926 г. армия генерала потерпела поражение, молодого драгомана перевели в Ханькоу и Шанхай, где он почти год проработал переводчиком Военного отдела ЦК КПК, а в 1927 г. он стал служить драгоманом в Генконсульстве в Шанхае. Здесь в еще большей степени ему пришлось наблюдать сложные хитросплетения китайской политики. За три с половиной года Илья Михайлович обогатился огромными впечатлениями о Китае, посетив различные районы страны, и приобрел обширные страноведческие знания, которые не почерпнешь в книгах. Без особого преувеличения можно сказать, что двадцатые годы по своей насыщенности событиями и удивительной изменчивости обстановки являются одной из интереснейших эпох в современной социально-политической истории Китая. Непосредственный свидетель этих событий (деятельность Сунь Ятсена в последние годы жизни, взаимоотношения Гоминьдана и компартии, роль генералов типа Фэн Юйсяна, Бай Чунси и других и т.д.), Илья Михайлович впоследствии в той или иной форме рассказывал о них своим ученикам. Между прочим, его диплом (за номером № 81), который он защитил в 1931 году по приезду в Москву, был посвящен вовсе не филологии, а именно социально-политической теме: Пятый пленум ЦИК Гоминьдана.

С 1926 по 40-е годы Илья Михайлович работал в Китае и Москве в системе Министерства (Наркомата) иностранных дел или числился в резерве этого учреждения. Так, например, в течение пяти лет он был переводчиком МИД, а с 1933 по 1939 год – секретарем советского посольства в Нанкине – тогда столице гоминьдановского правительства. Это был более длительный и не менее интересный период пребывания в Китае, когда ему пришлось общаться не только с китайскими чиновниками МИД, но и с представителями самых разных кругов китайского общества. Сам Илья Михайлович в одной из своих автобиографий писал: «Знаю по работе весь правительственный аппарат в Китае, начиная с Чан Кайши и председателя правительства и кончая референтом по СССР в Министерстве иностранных дел». Кстати, его переводческая и дипломатическая деятельность была в это время отмечена Военным орденом Хлебного колоса.

Увы, каких-то подробных воспоминаний об этом времени Илья Михайлович не оставил.

Служба в Нанкине позволила ему побывать во многих местах страны: провинциях Цзянси, Шаньдун, Аньхуэй, Хубэй, Хунань, Сычуань и т.д. А как-то он даже проехал на автомашине из Ханькоу через Чунцин и Сиань в Алматы. Эта поездка продолжалась почти два месяца. Можно представить, сколько интересного увидел этот знающий и наблюдательный китаист, проезжая по далеким китайским дорогам, которые проходили по местам, где побывало не так уж много европейцев. Он писал в автобиографии: «Китай хорошо знаю, побывав лично в пятнадцати из восемнадцати провинциях собственного Китая и проведя в Китае десять лет жизни. Кроме пекинского говора изучил диалекты

и говоры: шанхайский, средне-китайский, шаньдунский, шэньсийский и сычуаньский». Могу засвидетельствовать, что во время работы над Словарем он мгновенно определял тональную окраску китайского слога и нередко давал его диалектное звучание. В этом ему, несомненно, помогало и музыкальное образование, которое он получил в детстве.

Отличный знаток Китая, Илья Михайлович был прирожденным педагогом и ярко проявил свои знания в этой многотрудной деятельности, где талант, эрудиция и даже артистизм часто сливаются в единое целое. В 1923-1924 годах, еще будучи студентом, он уже преподавал китайский язык в Институте востоковедения, затем вел научную работу в Научно-исследовательском институте по Китаю, а с 1928 по 1931 годы он – руководитель кафедры китайского языка в Институте востоковедения. В годы работы в Нанкине, затем в Ханькоу и Чунцине вел занятия по китайскому языку и истории Китая с сотрудниками Полпредства. В 1938 году, возвратившись в Союз, он был назначен старшим преподавателем китайского языка в ВДШ, в которой вскоре стал и заведующим кафедрой.

Занимаясь практической работой, он непрерывно совершенствовал свои знания, учился как самостоятельно, так и черпая мудрость сяньшэнов-китайцев. В частности, из этих занятий с китайскими эрудитами он почерпнул знания классических китайских текстов, которые он свободно читал и цитировал, а также использовал в своих будущих лекциях по китайскому языку. Его глубокие знания китайской классики высоко ценил «российский сюцай» В.С. Колоколов (Илья Михайлович считал его своим учителем), а В.М. Алексеев в своих письмах к коллеге нередко цитировал Конфуция или Мэнцзы, тем самым как бы подчеркивая общность интересов двух ученых-китаистов. Преподавание требовало разных учебных материалов, которые вмещали бы в себя и знания о стране. Илья Михайлович впоследствии писал, что им было создано четыре варианта учебников китайского языка, первый из которых издали на стеклографе еще в 1930 г. в Институте востоковедения. Впоследствии отредактированный и отпечатанный типографским способом, он использовался в разных учебных заведениях. После окончания войны в Военном институте был издан (напечатан в Лейпциге) новый учебник китайского языка, по которому учились многие китаисты не только в ВИИЯ, но и в МГУ, ЛГУ и ВДШ, то есть в учебных заведениях самых различных направлений, что говорит о качестве этого учебного пособия. Академик Алексеев в письме-отзыве на учебник писал: «Позвольте мне самым искренним образом поздравить Вас с прекрасной удачей. Ваш учебник стоит на очень большой высоте и мною с жаром и радостью рекомендуется моим слушателям...» Как известно, Василий Михайлович был не слишком щедрым на похвалы, но здесь он весьма высоко оценил труд своего коллеги.

Еще в пору пребывания в Китае Илья Михайлович интенсивно занимался письменными переводами, писал статьи о Китае, подбирал материалы к будущему учебнику по официальной переписке (впоследствии в Лейпциге был напечатан опытный вариант пособия объемом 20 печатных листов). Некоторые статьи и переводы публиковались в советских изданиях по Китаю. К сожалению, не сохранились его переводы трех книг по истории Китая.

Преподавательской деятельностью Илья Михайлович занимался во время эвакуации в Фергане (1941-1942), а с 1942 г. в Военном институте, сначала в Ставрополе (на Волге), а потом в Москве. Здесь его знали и высоко ценили. Еще во время эвакуации он закончил кандидатскую диссертацию

(«Происхождение, развитие и структура современного китайского иероглифического письма»), которую защитил несколько позднее (в 1944 г.). В это же время он закончил и пособие по официальной переписке, составил цикл лекций по грамматике литературного китайского языка и написал другие работы.

С сороковых годов началась его еще более активная и плодотворная деятельность на ниве педагогической и научно-исследовательской работы. С 1944 г. он был заведующим кафедрой китайского языка в ВИИЯ и заведующим кафедрой языков Дальнего Востока в Дипломатической школе МИД. Ведя практические занятия по китайскому языку, он одновременно читал лекции по теоретической грамматике и истории китайского языка в ВИИЯ и МИВ, выступал с докладами. Вот темы некоторых из его докладов, прочитанных в МГПИИЯ: «Анализ знаков десятичного цикла китайского календаря», «Музыкальное ударение в китайском языке как семантическая категория» и др. Близкие к названным выше проблемы разрабатываются учеными по сей день. Не прекращая своей педагогической деятельности, он пишет большую работу «Слово и иероглиф в китайском языке», ставшую основой его будущей докторской диссертации, которую впоследствии успешно защитил (одним из его официальных оппонентов был в то время член-корреспондент АН Николай Иосифович Конрад). С 1946 г. Илья Михайлович являлся профессором китайского языка де факто. В 1948 г. это звание было официально подтверждено ВАК. В это же время по ходатайству академика В.М.Алексеева его зачислили старшим научным сотрудником в Институт востоковедения АН (приказ был подписан академиком Струве), в котором он впоследствии проработал несколько десятков лет.

Сказанное выше – это своего рода биографическая схема, лишь немного дополненная отдельными фрагментами из жизни ученого и педагога. К ним можно добавить некоторые мои личные впечатления человека, который знал его с 1945 г. до его кончины в 1982 г., учился у него и считал своим жизненным наставником.

Год 1945. Только что закончилась война. Мне, недавно закончившему Авиационный приборостроительный техникум и определившемуся в МАИ, довелось (так сложилась судьба) поступить в Военный институт иностранных языков. Случилось, что я очутился на китайском отделении (в ту пору на китаистов был особенный спрос), которым в это время руководил Илья Михайлович. Первое впечатление от знакомства с ним осталось у меня на всю жизнь и в значительной степени определило путь моей профессиональной судьбы. Илья Михайлович появился в аудитории как-то внезапно, почти влетел в нее сразу же привлек внимание своей манерой держаться, свободной и раскованной, что несколько не соответствовало чопорной атмосфере военного заведения с его дисциплиной и манерой поведения слушателей и преподавателей, в большинстве своем военных. И дело не только в том, что Илья Михайлович не был облечен в военную форму, а в том, что даже внешне он был сугубо штатским человеком, совершеннейшим интеллигентом, невесть как оказавшимся в военной среде. На нем был сильно поношенный костюм, запыленные ботинки (на Танковый проезд, где размещался институт довольно трудно было добираться от Бережковской набережной, где он жил), но ворот рубашки был повязан галстуком (так и хочется сказать: «галстухом»), правда, довольно небрежно. На нас, слушателей, смотрели живые внимательные глаза, прикрытые темными очками, которые из-за болезни глаз Илья Михайлович носил с тридцатых годов. Появившись перед нами не как руководитель кафедры, а в ипостаси

обычного преподавателя, он сразу же всех заворожил. Он принялся что-то быстро писать на доске (его иероглифы были каллиграфически безупречны), что-то говорить о Китае (иногда по-китайски, чего мы, естественно не понимали и чем забавлялись), рассказывать о стране, в которой провел долгие годы своей жизни. Он был весь в движении, в порыве и будто бы ничего не замечал вокруг. Весь осыпанный белой меловой крошкой, он продолжал яростно писать, объясняя знаки. Он фантазировал, импровизировал. Это было небольшое представление, которое создавал на наших глазах педагог-артист, мастер своего дела. Я думаю сейчас (сам проработав полвека преподавателем китайского языка), что подобная увлеченность и самозабвенность, помноженные на большие знания, и есть те черты Учителя, которые привлекают к себе учеников. Рассказывая о Китае и погруженный в свои воспоминания, Илья Михайлович мог забыть об окружающей обстановке, отчего нередко попадал впросак.

Сороковые-пятидесятые годы – это взлет научной карьеры профессора Ошанина. Его кандидатская диссертация, как уже было сказано, стала частью его докторской, которую он защитил в 1947 г. Она называлась: «Слово и часть речи в китайском языке (опыт периодизации истории китайского языка)». Это была одна из первых попыток в российской синологии представить некую общую картину развития китайского языка, путем выделения его структурных элементов. Отдельные части этой работы составили в свое время основу лекций Ильи Михайловича, которые он читал в институтах Москвы. В ней он, к примеру, развивал свою излюбленную теорию китайских биномов (на наш взгляд, имеющую многие продуктивные черты), которая объясняла сложные семантические связи в китайском слове. В.М.Алексеев в отзыве на диссертацию писал: «Эта диссертация, представленная на соискание степени доктора филологических наук, не только полностью оправдывает свое предназначение, но, могу сказать с уверенностью и решимостью, достойна высшей ученой степени *summa cum laude*, ибо в ней выказана редкая эрудиция лингвиста-китаиста. Превосходное знание китайского языка во всех его стилях, видах и формах, отличающее автора среди прочих его товарищей по синологии, соединились в его работе с исключительной способностью видеть язык как бы со стороны, анализировать его, доискиваться секретов – его сепаратизации, инкорпорации, биномизации – вникать в его словостановление. К этому присоединяется редкое стремление и умение автора делать выводы на каждом шагу, следить за развитием своей мысли, все время закрепляя себя на каждой новой позиции с уверенностью и научным проникновением в дальнейшее...».

Один из крупнейших российских лингвистов академик И.И.Мещанинов также высоко оценил труд Ильи Михайловича, отметив, что автор подходит к языку, как «к историческому явлению, меняющемуся в процессе исторической жизни. Кроме того, к учету берутся также и диалекты языка, живая разговорная речь, их взаимное влияние с литературною и т.д.».

Плодотворная деятельность профессора Ошанина, как научная, так и педагогическая, снискали ему уважение среди крупных знатоков Китая и в нашей стране, и за ее пределами, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные письма, адресованные российскому синологу. Среди них послания академиков Алексеева и Конрада, профессора Колоколова и многих других. В них можно найти обсуждение научных и практических проблем, отклики на ученые споры, дружеские советы и теплые благопожелания. Вот, к примеру, фрагмент из письма крупного знатока китайского языка и письменности В.С.Колоколова: «Помню, еще в двадцатых годах я столкнулся с необходимо-

стью заняться скорописью, В основу курса был положен тезис академика В.П.Васильева о том, что «иероглифы понятны ГЛАЗУ, а не уху». Приняв его в качестве пункта «А», я искал к нему пункт «Б», усердно вникая во многие аспекты психологии, главным образом по Богородицкому, с одной стороны, по Мейману и Лаю — с другой. Одно дело воспринимать иероглифы, что является функцией апперцепции, но другое дело — ЗАПОМНИТЬ их вспомогательные средства: мнемоника и анализ помогают пониманию знаков, но не гарантируют прочное запоминание. Главным фактором в этом отношении является РУКА...» То, о чем пишет В.С.Колоколов, не только теоретическая, но и чисто практическая проблема, которая увлекала и Илью Михайловича, как педагога, какое-то время преподававшего иероглифику. Мнение одного из крупных педагогов-китаистов, преподававшего даже мудреную китайскую скоропись, было важно адресату этого послания. Кстати, эта проблема не утратила своей актуальности и в наши дни.

Теплые слова уважения, обращенные к московскому коллеге, адресовал в своих эпистолах академик Алексеев. Будучи старше Ильи Михайловича почти на двадцать лет, почтенный мэтр относился к нему как к коллегеровеснику и другу. Его послания, исполненные в присутствии лишь ему блистательном и остроумном стиле, обильно оснащенные цитатами из китайской классики, латинскими изречениями и пр. и пр., Илья Михайлович с восторгом читал вслух.

На оттиске своей статьи об «Артисте — каллиграфе и поэте...», даренной Илье Михайловичу, академик писал: «Дорогому коллеге-китаисту, и китаисту высокой марки, Илье Михайловичу Ошанину в свидетельство наилучшего уважения (далее следует подпись на китайском: «Гаошань янчжи», что примерно означает: «Гора высока — взираю на нее». — Д.В.). Потом приписка: «Автор-переводчик безумных биномов вне всякой периодизации. Ленинград, 20 VIII 1947.»

Между двумя учеными-китаистами сложились доверительные и уважительные отношения. Не случайно, свой основной труд жизни — Китайско-русский словарь — Илья Михайлович посвятил памяти Василия Михайловича, который начал работу над Академическим словарем еще в тридцатые годы, но потом ее прервал.

В последние два-три десятилетия Илья Михайлович сделал много важного и полезного и на общественном поприще как член правления ССОД и депутат Районного совета. В ССОДе, к примеру, он нередко выступал с сообщениями и докладами перед разными аудиториями, принимал участие в многочисленных встречах с иностранными делегациями. Сохранились фотографии, где он запечатлен как докладчик на китайской секции Общества или во время встреч с известными деятелями из КНР, Кореи, Вьетнама и других стран. Немало сил он отдавал и депутатскому делу, помогая нуждающимся москвичам решить жилищные проблемы. Многие помнят его заботу о восстановлении московских памятников старины. Помню, как возвратившись домой, он взволнованно рассказывал о тогдашнем плачевном состоянии Крутицкого подворья. И не без его участия этот памятник русской старины впоследствии был восстановлен, буквально восстал из пепла.

Начиная с пятидесятых годов, работая в Институтах китаеведения и востоковедения, Илья Михайлович все свое время продолжал отдавать работе над словарем. Он работал не один. Вокруг него сложился коллектив китаистов разных возрастов, который постоянно менялся, что, конечно, затрудняло рабо-

ту и из-за чего она затягивалась. Душою этого коллектива был Илья Михайлович, который направлял всю работу, выполняя одновременно и роль общего редактора и автора многих статей и даже сверщика. Он уточнял значения слов, искал и находил подходящие русские эквиваленты. Сохранившиеся страницы словарных гнезд свидетельствуют о его поистине титанической работе. Автору этих строк приходилось видеть его за письменным столом, заваленным самыми разными материалами. Часто он засиживался далеко за полночь и поднимался из-за стола лишь когда уставала голова или начинали болеть глаза от чтения микроскопических знаков, которые можно было разглядеть лишь в лупу. Чтобы как-то расслабиться, он шел на кухню, где каждый вечер собиралась семья, и заводил интересную беседу или начинал раскладывать пасьянс (он был мастером по этой части и знал их десятки), а потом снова возвращался к своей работе. Едва ли не ежедневно к нему приходили знакомые, друзья, коллеги-китаисты, с которыми он подолгу обсуждал словарные дела или решал прочие деловые и житейские вопросы.

Проблемы словаря он обсуждал с многочисленными китайскими учеными-лингвистами, среди которых были известнейшие знатоки китайского языка и китайской культуры: Ван Ли, Гао Минкай, Люй Шусян, Чжу Дэси, Чжоу Цзумо, Вэй Цзяньгун, руссисты Лю Цзэжун, Чжао Сюнь и многие другие. Он вел с ними переписку (сохранились их письма), получал от них нужные материалы и дельные профессиональные советы, что способствовало совершенствованию словаря. Об истории создания этого по-своему уникального труда и людях, занятых в его подготовке, Илья Михайлович пишет в предисловии к первому тому. Здесь нет необходимости подробно говорить о «Словаре Ошанина», как его все называют, поэтому ограничимся лишь констатацией одного факта. В настоящее время это лучший в мировой синологической практике словарь китайского языка (если говорить о «двуязычных словарях»). Его уникальность - в широте и синтетичности (современный и древний языки, бытовая лексика, диалектизмы и т.д.), в четкости и грамотности обозначения китайских понятий на русском языке, в богатстве русских эквивалентов. Этот словарь являет собой такой же феномен словесности (и лексикологии) как, скажем, знаменитый лексикон Палладия, ценимый до сих пор российскими китаистами. Как и на книге выдающегося архимандрита, на четырехтомном словаре И.М.Ошанина лежит печать индивидуальности, личности его составителя, главного редактора и, отчасти, автора. Жаль, однако, что этот уникальный словарь не переиздается (он был бы особенно хорош в более компактном виде), но безусловно одно: к нему еще многие десятилетия будут прибегать как к ценному справочнику по китайской культуре синологи разных поколений, а фамилия его главного редактора будет вспоминаться и после его нынешнего столетнего юбилея.

Весны и осени университетов Сянгана

© 2000

Н. Боревская

Институт Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" поздравляют ведущего научного сотрудника, кандидата филологических наук Нину Ефимовну Боревскую с юбилеем. Н.Е.Боревская - первопроходец такой важной для российской синологии темы, как образование в Китае, автор нескольких монографий и большого количества статей в научных журналах. Ее публикации известны и за рубежом. Желаем Н.Е.Боревской доброго здоровья и успешного продолжения ее важных и нужных исследований.

Старые и новые корпуса Гонконгского университета (фото автора)

Бывший Гонконг, Сянганский особый административный район Китая (СОАР) с каждым годом бурлит и пульсирует все активнее. Все корпуса находящегося здесь Гонконгского университета (The University of Hong Kong) ок-

леены афишами о различных семинарах, конференциях, художественных выставках, студенческих спектаклях, концертах.

Расположенный на склоне горы кампус прекрасно просматривается с балкона университетской гостиницы, расположенной в самой высокой ее точке. Один из первых корпусов построен в 1912 г. в викторианском стиле (красный кирпич с белыми вставками), вокруг фонтана - шоколадно-коричневые новые высотные здания, соединенные многочисленными переходами, в которых немудрено затеряться. Специфика гонконгского кампуса - множество лестниц, эскалаторов, лифтов, доставляющих студентов и преподавателей на различные этажи разноуровневых корпусов.

Цель открытия этого университета, созданного сразу после свержения маньчжурского владычества и провозглашения Республики на материке, была сформулирована английским губернатором Гонконга: «поддержание доброго взаимопонимания с соседней Китайской Империей». Университет, являвший собой модель английского вуза, предназначен был стать местом встречи двух культур - европейской и китайской. Перед ним была поставлена задача подготовки кадров для самого Гонконга и всего Китая.

Сегодня Гонконгский университет занимает четвертое место среди крупнейших вузов Азии. В нем насчитывается 15 тысяч студентов, включая почти тысячу иностранных, которых обучает около тысячи преподавателей. Университет имеет 12 факультетов и более 20 исследовательских центров, среди которых - весьма авторитетный Центр азиатских исследований. На университетском гербе - его девиз, взятый из древнего конфуцианского трактата «Великое учение»: «Постичь природу вещей...», подразумевающий необходимость как интеллектуального, так и нравственного развития личности.

Один из крупнейших факультетов - педагогический. В его состав входит известный в области компаративистики Центр сравнительной педагогики, который и пригласил меня для чтения лекций о российских и китайских образовательных реформах, а также предоставил возможность ознакомиться с нынешней ситуацией и тенденциями развития гонконгских вузов после присоединения Гонконга к КНР.

СОАП с населением 6,5 млн. человек и ВВП на душу населения 24.500 долларов США, вошедший в состав КНР на условиях «одно государство, две системы», имеет ряд специфических особенностей, принципиально важных для развития системы образования. Это урбанизированный уклад жизни, эффективная финансовая инфраструктура, телекоммуникационная и транспортная системы и, наконец, высокопроизводительная и конкурентоспособная рабочая сила.

В канун воссоединения образовательная система Гонконга, создававшаяся под сильнейшим влиянием английской, представляла собой унифицированную и массовую структуру. Масштаб и качество его образовательных учреждений и научных исследований превосходили их уровень в КНР. Местные власти неплохо финансировали научные исследования, направляя туда 1% от ВВП (для сравнения: Сингапур - 2,5%), но более щедро - сферу образования, выделяя на его нужды 3% от ВВП (в целом по КНР - 2,5%). Зарплата учителей и особенно преподавателей вузов очень высокая: ежемесячно 6-7 тыс. американских долларов в средней школе и 8-20 тыс. долларов в вузе. Профессора вузов имеют огромные льготы по оплате чрезвычайно дорогого на острове жилья: они платят за съемную квартиру сумму, не превышающую 7,8% их зарплаты вне зависимости от того, сколько она действительно стоит.

При этом власти Гонконга достаточно жестко контролировали и продолжают контролировать уже в новых исторических условиях учебные программы всех школ, независимо от их статуса. Статус частных школ был и ос-

тается своеобразным. При том, что лишь 6% школ носят название государственных, большинство формально негосударственных школ относится к разряду субсидируемых, которые почти полностью финансируются правительством.

В отличие от более низких ступеней обучения, вузы были и есть в основном государственные, правительство не поощряет частные (только в 1989 г. было разрешено создать первый фактически частный Открытый Университет). Эта местная система высшей школы отличается от существующей в ряде восточно-азиатских стран (таких как Республика Корея, Япония, Филиппины и др.), однако она весьма типична для колониальных режимов, при которых вузы являлись инструментом культурной и политической экспансии.

Бурный рост высшей школы и переход к массовому высшему образованию, когда вузы поглощают не менее 15% молодежи соответствующей возрастной группы, начались в Гонконге в конце 1980 - начале 1990-х в ответ на растущие социальные требования (компаративисты усматривают в подобном взлете политику, типичную для всех колоний кануна освобождения). Реструктуризация экономики явилась одним из мощных стимулов расширения масштабов высшего образования. На протяжении 1980-90-х годов на острове происходил стремительный переход от преимущественного производства товаров к производству услуг: если в 1981 г. в производстве товаров было занято более 42% всей рабочей силы, то в 1997 г. - только 14; за тот же период доля рабочей силы, занятой в сфере услуг, выросла с 40 до 64%¹. И в той, и в другой сферах возрастали требования к уровню квалификации рабочей силы и потребность в специалистах с университетским дипломом.

В то же время вплоть до середины 1980-х годов ограниченные возможности расширения сферы высшего образования на острове не позволяли удовлетворить растущие потребности в специалистах высокой квалификации. Это усиливало ставшую в 1970-е годы традиционной необходимость готовить кадры за рубежом, преимущественно в вузах Великобритании, США, Австралии, Канады и на Тайване: в 1975 г. в этих странах обучалось 26 тыс. гонконгских студентов, в то время как в самом Гонконге - только 11,5 тыс. Энергичная политика властей по созданию новых учебных мест для получения высшего образования привела к тому, что в 1994 г. такое соотношение резко изменилось, хотя количество гонконгских студентов в зарубежных вузах составляло не менее 80% от общего их числа в вузах полного учебного дня у себя на родине²; причем около четверти обучавшихся за рубежом были аспирантами. Не удивительно поэтому, что по данным выборочного опроса 1993 г., 84% научных сотрудников и преподавателей местных университетов получили свои ученые степени за рубежом. Число отправляющихся на учебу в другие страны в последнее десятилетие сократилось прежде всего за счет тех, кто стремился получить техническое образование, ибо в конце 1990х гонконгские вузы значительно увеличили прием на технические отделения. В настоящее время правительство Сянган принимает меры, чтобы к 2001 году выпускники местных вузов составляли не менее 48% среди всех специалистов, занимающих ключевые позиции в народном хозяйстве, а получившие образование за рубежом - 22%; остальные 30% предназначаются иммигрантам и реэмигрантам. Небезинтересны факты: при том, что 98 % населения Сянган составляют этнические китайцы, 2% некитайского населения, среди которого немало англичан, сосредоточено в академической и университетской среде. Более того, по данным 1997 г., 33% преподавателей в семи ведущих высших учебных заведениях работали на условиях найма иностранцев.

Чтобы поощрить молодежь получать высшее образование на родине, установлена более высокая оплата труда для выпускников местных вузов, прежде всего в таких областях как медицина и педагогика. Знаменателен и тот

факт, что благодаря экономической и политической стабильности в этом регионе большинство обучавшихся за рубежом по окончании курса возвратились на родину (в 1994 г. - около 90%, при 13% в среднем по КНР). И все же в ближайшие годы в связи с опережением спроса по ряду специальностей зарубежные вузы по-прежнему будут поставлять большую часть высококвалифицированных специалистов для Сянган.

Уже в 1996/7 учебном году в вузах Гонконга обучалось 24% молодежи соответствующей возрастной группы (для сравнения: правительство КНР, где в вузах было 8% такой молодежи, только в конце 1990-х годов поставило задачу в начале XXI века добиться 15% уровня).

Переход к массовой высшей школе увеличил количество выпускников в 1990-е годы и вызвал новое явление - безработицу среди дипломированных специалистов. Конкуренцию на рынке труда обострило и возрастающее число реэмигрантов, и новая группа выпускников элитных вузов КНР, прибывшая на работу в Сянган. Азиатский экономический кризис 1998 г. усугубил ситуацию: безработица среди выпускников вузов достигла 4,3%, поднявшись на 1 пункт по сравнению с и так достаточно неблагоприятным в этом отношении 1995 годом. В будущем правительство Сянган возлагает большие надежды на дальнейшее освоение его материковой части - энергично разрастающихся и строящихся Новых Территорий. Продолжение железнодорожной ветки в их северо-западной части потребует немалого количества инженеров и техников; возрастает спрос и на специалистов в финансовой сфере.

Бум в развитии высшего образования подкреплен солидными финансовыми вливаниями. Высшая школа поглощает треть образовательного бюджета; прямые расходы на высшее образование составляют 0,7% от ВВП Сянган. В 1998 г. там насчитывалось 21 высшее учебное заведение; восемь из них, в том числе 6 университетов и Педагогический институт, финансируются могущественным Комитетом по университетским грантам. Помимо старейшего из всех - Гонконгского университета - все остальные созданы в 50-80-е годов. Вузы, спонсируемые Комитетом по университетским грантам, имеют право присуждать ученые степени бакалавра и магистра, а другие выдают только дипломы об окончании курса.

В процессе перехода к массовому высшему образованию с середины 1990-х гг. местные власти начали уделять пристальное внимание высокому качеству обучения. Многие вузы ввели дополнительные курсы сверх академических программ (в частности, открыли центры повышения языковой подготовки), продлили установленный ранее по английскому образцу срок обучения - с 3 до 4 лет.

Однако совершенствование качества вузовского обучения повлекло за собой и рост его стоимости, что вынудило правительство пойти на такую непопулярную меру как резкое повышение платы за обучение. Вообще она основывается на двух принятых в мире принципах: это взносы в период обучения и займы (кредиты) для тех, кто не может его оплачивать, а возвращает по окончании вуза. В 1997/98 г. общая сумма взносов студентов поднялась до 18% от расходов на их обучение (в 1992/93 г. она составляла лишь 8,2%)³. В денежном выражении это означало повышение взноса за курс обучения, завершающийся получением ученой степени, с 11598 до 42096 гонконгских долларов, то есть более, чем в 3,5 раза за 5 лет. Конечно, студенчество и общественность негативно отнеслись к этим мерам. Правительству пришлось проводить консультации с представителями студенчества, в результате которых было обещано предоставлять кредит на обучение всем желающим, а не только остро нуждающимся; срок его возврата был определен в 10 лет после окончания вуза (в целом по КНР - 4 года).

В целом, в отличие от остальной части КНР правительство Сянган является приверженцем принципа «коммерциализации» образования. Происшедшие здесь в последние годы перемены объяснимы с точки зрения мировых процессов повышения эффективности и продуктивности высшей школы⁴.

Задолго до 1997 г. тогдашние власти Гонконга тщательно готовили его деколонизацию. Особенности ее вызваны рядом обстоятельств: кануном XXI века, длительностью подготовительного периода (предварительная Декларация с Китаем была подписана в 1984 г.), а также своеобразием постколониальной метаморфозы, которая заключается не в рождении суверенного государства, а в воссоединении с исторической родиной.

Гибкость позиции центрального правительства КНР также значительно облегчила и смягчила переход Гонконга под юрисдикцию КНР в целом и, в частности, адаптацию его образовательной системы. Один из примеров - пересмотр церковью своей роли на этой территории. В колониальный период местное правительство и церковь тесно сотрудничали при решении задач образования и здравоохранения, что оказалось нереальным в рамках КНР, где церковь отделена от государства (вплоть до того, что конфессиональные школы официально запрещено включать в состав даже негосударственной системы образования). Ситуация облегчалась тем, что церковь, в частности католическая, не имела четко выраженной позиции в отношении образования на территории Гонконга и готова была находить взаимопонимание с властями КНР. Уже в 1995 г. в Католический Совет по образованию ввели глав конгрегаций, спонсирующих школы, что должно было способствовать единству и взаимопомощи всех католических школ. Для осуществления на практике решений Совета был создан Комитет по католическому образованию, который тут же выступил с инициативой создания новых учебников по гражданскому воспитанию с учетом идеологических постулатов, принятых в КНР. Очевидно, авторам новых учебников удалось добиться достаточно сбалансированной позиции, ибо эти учебники были приняты к изданию Ланьчжоуским Народным издательством. Позднее уже в феврале 2000 г. руководители главных религиозных конфессий Сянган - христианской, мусульманской, буддийской - выступили с призывом ввести в школах этого административного района уроки этики, чтобы противостоять эрозии «китайский семейных ценностей», которая ведет к моральной деградации. Подобная позиция церкви, учитывающая национальные духовные ценности, безусловно, облегчает ее взаимодействие с властями КНР.

Энергичное решение местными властями ряда спорных школьных проблем в период подготовки к передаче Гонконга КНР также смягчило этот процесс. Новая администрация Сянган проявила гибкость, выдвинув в качестве важнейшей задачи образования такую общую проблему, как повышение его качества. Однако глубокие различия в образовательных целях, провозглашенных центральным правительством КНР и правительством Сянган, пока остаются нерешенной проблемой. Пожалуй, наиболее активно интеграция образовательной системы Сянган и материка происходит именно в школе.

Гонконг заранее готовился к воссоединению, планируя увеличить долю приезжающих на учебу с континента студентов по сравнению с прошлым до 4%. Именно в растущем обмене студентами с другими регионами КНР власти Сянган предвидят возможности национальной интеграции: гонконгская молодежь охотно едет учиться в более дешевые вузы континентальной части страны, в то время как оттуда устремляется поток тех, кто жаждет получить образование или более высокого качества либо по специальностям, которые недоступны в других вузах КНР. Правительство Сянган всячески укрепляет и свои

международные связи, видя в них, в частности, гарантию автономии своей территории в постколониальный период.

И, наконец, одна из наиболее острых проблем воссоединения - реформирование учебных программ и учебников, прежде всего по таким дисциплинам, как гражданское воспитание и история. Для достаточно унифицированных учебных программ Гонконга не был характерен оголтелый антикоммунизм, скорее их составители замалчивали сам факт существования КНР - в учебниках курс истории Китая завершался 1919 годом. В этом их принципиальная разница со слабо координировавшимися из центра учебными программами Макао, которые варьировались от откровенно коммунистических до прогоминьдановских. В отличие от учебников в колониях классического типа гонконгские уделяли значительное внимание местной истории. В преддверии вхождения Гонконга в состав КНР власти приняли решение обогатить учебные программы новыми дисциплинами (среди них и гражданское воспитание), чтобы познакомить учащихся с политическим климатом КНР, помочь им почувствовать себя гражданами этой страны и сохранить в то же время ценности западной демократии.

Существенному пересмотру подверглись также учебники и учебные программы по общественным дисциплинам, в частности, курс китайской истории пополнился материалами, освещающими период между 1911 и 1976 годами; в курсе обществоведения появились разделы по истории и структуре КПК, биография Мао Цзэдуна. Были составлены специальные тематические блоки типа «Познай свою страну», освещающие политические, экономические, социальные и военные аспекты КНР. В 1999 г. Отдел образования Сянган выпустил обучающие материалы, в том числе и на компьютерных дискетах и дисках CD, рассказывающие о культуре, истории и географии Китая (кстати, бывший термин «материковый Китай», которым обозначалась КНР, ныне заменен в учебниках на «Внутренние территории»). Воспитанию чувства гражданина КНР посвящена и такая внешкольная деятельность как поднятие государственного флага, заучивание гимна и поездки на материк.

Конфуцианская философия, в которой нравственному воспитанию отводилась важнейшая роль, оставалась общим источником, питавшим педагогическую мысль как материкового Китая, так и его захваченных в прошлом территорий. Конфуцианские моральные ценности, включающие также патриотизм и чувство национальной гордости, ранее отсутствовавшие в образовательной системе Гонконга, после превращения его в СОАП КНР, вероятно, станут теми составляющими, которые могут скрепить воспитательный процесс всех учебных заведений Китая.

Еще одной принципиально важной проблемой реформы учебных программ Сянган является язык преподавания. С подобной проблемой сталкивались и другие освободившиеся ранее колонии, где язык колонизаторов, как правило, сохранялся как основное средство коммуникации. Обучение в большинстве средних и высших учебных заведений Гонконга в бытность его английской колонией велось на английском языке. В вузах английский пока и остается основным языком обучения, небольшое исключение составляет Китайский Университет, (в нем преподавание на гуманитарных факультетах ведется на китайском языке), созданный в 1963 г. явно с целью противопоставить национальный университет иноземному - Гонконгскому.

Что же касается средних школ, то после 1997 г. правительство Сянган стало всячески поощрять их полный переход на местный кантонский диалект китайского языка. В большинстве начальных школ обучение и раньше велось на кантонском диалекте, а попытки перевести на него учебный процесс в средних школах предпринимались и прежде, но оказались безуспешными. Так, в

1990 г. средним школам была предоставлена возможность создавать несколько языковых потоков. Тогда же местные власти предложили им субсидии для издания учебников на китайском языке, разрешили дополнительно принимать на работу преподавателей китайского языка, а также пересмотрели экзаменационные правила, разрешив учащимся по желанию сдавать часть предметов на китайском без указания в аттестате языка, на котором принимался экзамен. Однако эти меры не сработали, поскольку только свободное владение английским открывает путь к успешной карьере. И сегодня большинство средних школ Сянгана настолько озабочено своим престижем, который невозможно поддержать, если их выпускники не смогут легко поступать в вузы, что даже когда школа использует китайский в качестве вспомогательного языка обучения, она все равно рекламирует себя как англо-обучающая. Поэтому в 1998 г. Отдел образования Сянгана решительно потребовал перевести все средние школы, входящие в государственную систему, на обучение на китайском языке, разрешив лишь менее четверти всех школ продолжать обучение на английском.

Еще более сложным представляется переход к преподаванию на общенациональном китайском языке путунхуа, являющимся в КНР государственным. Сразу после подписания Совместной Декларации в 1984 г., гонконгские власти ввели путунхуа в качестве факультатива в начальных и неполных средних школах. Накануне вхождения в состав КНР правительство Гонконга объявило, что с 1998 года путунхуа станет главным учебным предметом, а к 2000 году он будет включен в качестве самостоятельной дисциплины в экзамены на получение школьного аттестата. Осуществление этой программы осложняется тем, что Сянган испытывает катастрофическую нехватку преподавателей путунхуа, поскольку сам он ранее их не готовил, а дипломы материкового Китая им пока не признаются.

Правительство Сянгана поставило перед собой задачу в ближайшие 10 лет превратить этот район в «центр новейших технологий» и еще в 1999 г. выделило на эти цели почти 650 млн. американских долларов⁵. Благодаря высокому развитию информационных технологий в процессе обучения и преподавания, вузы Сянгана активно и успешно интегрируются в мировую сеть высшей школы. В этом качестве они чрезвычайно привлекательны: для всего Китая, где в последние несколько лет быстро набирает темпы грандиозная программа ускоренной информатизации системы образования. На Рабочем совещании по этой проблеме, созванном Министерством образования летом 1999 г., была четко сформулирована задача в последующие 3 года создать в стране современную систему дистанционного обучения⁶. Освоившие новейшие технологии вузы Сянгана способствуют интеграции всего вузовского образования КНР в мировую систему высшей школы. В то же время вхождение гонконгских университетов в единую систему высшего образования КНР дает дополнительный стимул их бурному расцвету.

1. Education and Society in Hong Kong and Macao: Comparative Perspectives on Continuity and Change. Eds. M. Bray & R. Koo, The University of Hong Kong, HK, 1999. P. 124).
2. Там же. С. 125-126
3. Там же. С. 82
4. Ka-Ho Mok. Education and the market place in Hong Kong and Mainland China // Higher Education, 1999. # 37. P. 151-152.
5. Жэньминь жибао. 1999. 9 февраля. С.12.
6. Там же. 1999. 15 июня.

Китайское "новое кино" между городом и деревней

© 2000

С. Торопцев

Сюжет на киноэкране обычно разворачивается в одном из двух центров обитания человека - городе или деревне. Анализ их изображения в самых разных фильмах нескольких десятилетий может дать небезыңтересные мировоззренческие выводы. Город и деревня, какими они представлены на киноэкране, - не просто два разных уровня жизнеустройства, а два центра ментальности, вынужденно соседствующих, взаимно необходимых, взаимозависимых, но на протяжении веков даже конфликтующих.

Кино - порождение городской цивилизации, и вполне естественно, что город как сцена, на которой разворачивается сюжет фильма, занимает в нем значительное место. Однако, поскольку кино и родилось не как искусство, а как социальное явление ("балаганчик" на ярмарке), и в дальнейшем обычно играло большую роль в обществе, а не было предметом чистого искусства, то и функции города возникали в нем в разных ипостасях. Чаше, особенно на начальных стадиях развития кинематографа, город оставался не более чем обозначением места, декорацией, средой обитания персонажей, в подавляющем большинстве случаев нейтральной. В первом китайском фильме "Гора Динцзюнь", снятом в декорациях фотопавильона в Пекине на базаре Люличан в 1905 г., города как такового на экране и вовсе нет, однако персонажи, герои театрализованной версии романа "Троецарствие", по своему социальному статусу принадлежат именно к обитателям города, и таким образом уже этот начальный фильм китайского кино можно считать "городским", хотя город в нем остался за кадром, нейтральным, "серым", не воздействующим на сюжет и психологический настрой персонажей.

В более поздних работах, где к действиям персонажей постепенно прибавляются их психологические характеристики, выражаемые различными кинематографическими способами, - в число таковых начинает входить и городская антураж. У знаменитого режиссера Юань Мучжи в конце 30-х годов, например, герои обычно подавлены городом, обозначающим весь социум, угнетающий бедных и слабых: таковы и "Уличные ангелы", и "Городские сцены". У Фэй Му в "Весне в городке" (1948) пятеро действующих лиц живут в большом поместье на дальней окраине, в сущности на расстоянии от города, и сам он на экране появляется лишь раз в кадре, когда героиня идет в аптеку за лекарствами для больного мужа, но именно из города, приходит тревога, разрушающая внутренний душевный покой героев и созвучная той тревоге, в которой жила вся страна в преддверии гражданской войны, разбившей страну и общество на две враждебные друг к другу части.

Нельзя, однако, не оговориться, что во все эти начальные периоды китайского кино и город, и деревня рассматривались как некое "естественное" пространство, как бы созданное "объективно", без сознательной функции человека и потому-то и не несущее в себе отпечатка его социально-психического состояния. Как самостоятельное "действующее лицо" город и деревня практически не выступают вплоть до "нового кино" 80-х годов, и их "психологизм", замечаемый в более ранних произведениях, есть не более чем отражение внутреннего состояния персонажа. Но уже и это - значительный шаг, свидетельствующий о включении декоративного оформления в сюжет. Это важно для понимания уровня не только и даже не столько развития самого киноискусства; сколько социо-политической окрашенности общества в целом и личности, в нем обитающей. В Китае общество и личность в течение длительного времени оставались заторможенными, и столь же малоактивным оставались город и деревня на экране.

Город мог быть "другом" или "врагом" персонажа, концентрирующим общественные явления и выражающим интересы государства с его властными институтами, демонстративно-доброжелательными, покровительственными или враждебно-настороженными по отношению к индивиду. Город мог обозначать мечту, к которой стремятся герои в идеализированном контексте, и тогда он больше изображался "опереточными" средствами в условно-развлекательном жанре. С другой стороны, это могла быть некая антимечта, сосредоточившая в себе все негативное, все разрушительное для общества и индивида.

Город - порождение государственности, то есть общности людей, отделенной от природы, в чем-то даже противопоставленной ей, тяготеющей к структурализованности, но и в чем-то "мистической", как считал Бердяев. Главная тенденция города - разрыв с традицией, путь в будущее, модернизация техно-ментального движения человека, возникновение у него непривычного, необычного состояния, ведущего к неуверенности, неустойчивости, деструктуризации психики.

Деревня же тяготеет к природе как ее часть, жизненный уклад деревни определяется природой, которая и формирует мировоззрение сельчан: с одной стороны - это осознание безграничности, свободы, с другой - соблюдение традиций в их застывшем, тянущем в прошлое, но одновременно - устойчивом и создающем уверенность консерватизме.

Идеальная "золотая середина" между ними существует в философских построениях, но в жизни достигается лишь величайшими, кровавыми усилиями. Маргинализованные группы населения обычно образуются, когда человек в силу каких-то причин покидает деревню и не умеет вписаться в городской менталитет, и эти группы - частый объект изображения в кинематографии последнего десятилетия, особенно на Тайване, где этот процесс идет более ускоренными темпами.

Из города же уходят те горожане, которым претит уродливость урбанистической цивилизации и которые стремятся к природной гармонии. К сожалению, этот мотив обычно решается не драматично, а с элементами фарса: авторы словно стыдятся таких пасторальных настроений, слишком контрастирующих с современными технократическими тенденциями города.

Человек и его порождение - город и деревня - могут рассматриваться лишь в двух ипостасях, и обе связаны с природой: это либо калечащий индивидуума разрыв с ней, либо облагораживание его в той или иной форме. Человек естественно мыслится среди облагороженной природы. В китайском языке слово "чэн" (город, а также его часть - крепостная стена, элемент ограждения, отделения) в качестве ключевого элемента содержит в себе понятие "земля", но сливается в одно понятие с фонетиком "завершать", то-есть обозначать границы. В иероглифе «цунь» (деревня) суть его обозначается ключевым сло-

вом «дерево» как знак природы. Безграничность и конечность, свобода и зависимость - вот символическое понимание деревни и города.

Полярность города и деревни не чужда и европейскому сознанию, недаром идеальные объекты, создававшиеся литературой и искусством, обычно располагались в некотором отдалении от города, оберегая себя от его дисгармоничных отношений, противных естественности. Тем более это рельефно для традиционного Китая, в котором человек философски рассматривался в границах природы как неотчуждаемая часть ее. Гармония - одна из высших целей существования человека, и природа - образец для подражания и копирования гармоничных форм, конструкций, отношений. Та бесконечность, в которой существует человек как род, - это бесконечность природы, а не брэнного, конечного города, уродующего пространство, прессующего и разрывающего время.

Конечно, бытие человека на земле субъективно требовало организации в пространстве города, приспособляющего житейские условия к потребностям существования при максимально смягченной конфликтности природной естественности и городского образа жизни. Этот конфликт - один из острейших в культуре. Культура - это мучительно искомая и вырабатываемая веками связь между консерватизмом застывшего исторического "вчера", символически концентрирующегося в деревне, и чуждой человеку, но так необходимой ему технократичной цивилизацией города. Город - это метания, поиск человеком себя в обновляющихся условиях существования. Конфликтность городского менталитета - характеристическое его свойство, порожденное именно дисгармоничными структурами цивилизации.

Культура в целом, за некоторыми исключениями начального периода человеческого развития, а уж тем более такая ее технологизированная часть, как кинематография, - городское дитя. Вспомним, какими лентами начинался кинематограф. Во Франции - "Прибытие поезда": устрашающий наезд на ошарашенного зрителя пыхтящего железного чудовища. Наиболее слабонервные падали в обморок или выскакивали из зала. В России - "Стенька Разин", то ли "положительный герой", восставший против города и выбрасывающий за борт княжну как "порождение" угнетающих городских властей, то ли бесшабашный бунтовщик, доведенный городом до внутренней дисгармонии, избавление от которой не помогает даже природа вокруг него. В Китае - "Гора Динцзюнь", где покрытые устрашающим гримом генералы (горожане!) вынашивают планы военных конфликтов и обнажают убийственные мечи.

Случайны ли такие ментальные совпадения? Полностью случайность исключить трудно. Но скорее это общее выражение конфликтного сознания, порожденного городом и выплеснувшегося в одном из наиболее урбанизованных его изобретений - кино.

Ранний китайский кинематограф, создававшийся в рамках ритуализированного городского сообщества, несомненно, почитал вековые конфуцианские нормы, четко обозначал иерархичность персонажей, старался возводить в положительные герои "благородных мужей". Хотя порой противоречил сам себе, и, например, традиционно-комедийная ситуация подмены "кви-про-кво" (например, положительный молодой человек воспитывается в простой деревенской семье, а к финалу обнаруживаются его "благородные" городские корни) - может пониматься по-разному. Возможно, и так: не скрытая иерархичность сделала героя "положительным", а близость к природе сформировала его таким (правда, эта интерпретация ближе к современной, чем к традиционной, да ведь кино-то - дитя современной цивилизации).

Тем не менее для положительных персонажей, не претендующих на понятие "благородного мужа", город оказывается гибельным злом. Таковы, например, почти все болезненные, ущербные, высосанные городом персонажи социально-критических фильмов Юань Мучжи в 30-е годы. Проблема в том, что

идеальный город, воплощающий все ортодоксальные идеалы иерархически четкой структуры, должен быть идеально же и организован. Как только кинематограф приближался к реалистическому отражению, он начинал воспроизводить город как хаотичную структуру, противную какой бы то ни было организованности, и в ней психологически терялся, оказывался подавленным человек.

В то же время крестьянский социальный идеал был одинаково привлекателен как для "левого", так и для "правого" кинематографа 20-40-х годов, потому что в подсознании авторов жило даосское "недеяние", противопоставлявшееся жесткому напору ритуальной цивилизации города. В фильме 40-х годов "Весна в городке" семья, живущая в незначительном отдалении от города, откуда неотвратно несутся волны нестабильности и распада, мучительно пытается сохранить гармонию внутри своей усадьбы - условно, символически мы можем рассматривать ее как "деревню".

После 1949 года в кинематографии КНР несколько изменились декорации, в каких строилось противостояние города и деревни. Черные краски дисгармонии были отданы "старому обществу" со всем его социально-политическим укладом, чуждому структурности, современный же город обрел черты исключительно лидера прогресса, движения в светлое социалистическое будущее. Город в фильмах начального периода КНР изображался как продуманная, социально четко организованная структура, в которой каждый знал свое место и был вполне удовлетворен им.

Однако утопические симпатии к крестьянству, присущие китайскому менталитету вне зависимости от его политических пристрастий, не были забыты, и "положительные" горожане почти непременно испытывали тяготение к деревне. Она фактически осталась источником духовного просветления, импульсы которого посылала городу, где осуществлялись желания и мечты, конечно же, под контролем государственных властей. В наиболее четком и концентрированном виде такая конструкция выстраивалась в фильмах периода "культурной революции", например, в "Сверкающей красной звезде" (1973). Не столь абсолютно "положительным" предстал город в фильмах Тайваня 50-60-х годов. Тайваньский кинематограф в большей, чем в КНР, степени продолжил шанхайские тенденции 30-х годов.

В целом, однако, после 1949 г. кино и КНР, и Тайваня шло во-многом схожими путями. Фильм рассматривался прежде всего как инструмент государственной политической пропаганды, и город в нем означал лишь место раскручивания сюжетных интриг, не оказывая существенного влияния на персонажи. В соответствии с идеологическими постулатами было установлено, что положительные герои чаще обитали в деревне, тогда как отрицательные - в городе.

Более динамичной становится роль города в 70-80-е годы на Тайване и в 80-е годы в КНР. Это связано как с процессами индустриализации и урбанизации, так и со становлением суверенной личности, которая на первых порах не противопоставлялась общине, но уже настаивала на своей независимой, личностной индивидуальности.

Так, на Тайване с начала 50-х годов среднегодовой прирост промышленной продукции составлял 8-9% (в 60-е превысил 18%), сельского хозяйства - 3,6%, опережая рост населения (2,5%), что уже к 80-м годам создало в итоге огромные валютные накопления (около 75 миллиардов долларов США), поднявшиеся к 1994 г. до 90,1 миллиардов (2 место в мире). Разрыв в уровнях доходов разных социальных слоев уменьшился с 15:1 до 4:1. Стремительная индустриализация на рубеже 50-60-х годов привела к значительному оттоку сельских жителей в города (в 60-е годы - по 100 тысяч в год), к урбанизации населения со всеми вытекающими отсюда социо-психологическими последствиями, к росту рабочего класса (уже в 1964 г. он составил 23,5% всего занятого

населения, а через 20 лет - уже 40,3%, причем резко менялась и его внутренняя структура при развитии современных технологических отраслей).

В тайваньских фильмах 70-х годов город больше выступает как хорошо организованное пространство, гармонизирующее героя. Это прежде всего так называемые "фильмы трех залов" (в западной терминологии - "фильмы белых телефонов") - романтизированный поток "красивой жизни" в "красивом антураже". Наиболее ярко это представлено в "кино Цюнь Йо" - экранизациях любовно-романтической прозы этой популярной писательницы, таких произведений, как "За окном", "Летят цветные облачка" и других нескольких десятков подобных им. Эти фильмы не стали явлением искусства (они не получили на фестивалях ни одного приза за режиссуру, хотя ставили их нередко видные мастера - Ли Син, Бай Цзинжуй и др.), их основное значение - социальное: они помогали героям осваивать город как "друга", как пространство, сознательно сформированное человеком для гармонизации собственной жизни.

Однако принципиально сдвиги в общественном сознании в 70-80-е годы на Тайване и в 80-е годы в КНР не изменили противостояния города и деревни, прочно заложенного в этническом менталитете. Ничем не замутненные идиллические взаимоотношения персонажей как признак общественного единства протекали на фоне утопически прекрасных сельских пейзажей (фильмы Тайваня "Птичница", "Девушка среди устриц" и другие). В фильмах КНР "новые" люди в полном согласии с общими идеями жили в деревне, именно они оказали наиболее стойкое внутреннее сопротивление "левацкому нашествию", твердо проявляя свое человеческое "Я" (наиболее рельефны в этом плане фильмы режиссера Се Цзиня рубежа 70-80-х годов о бывших "страдальцах" - "Сказание Заоблачных гор", "Табунщик", "Поселок Лотосов", где символически чистые, благородные цветы дают не только название поселку, но и характеризуют его обитателей).

Гораздо более активной становится функция города в "новом кино" по обе стороны Тайваньского пролива. Оно возникло и развилось в 80-е годы. Процессы демократизации общества, развитие самосознания индивида как суверенной личности вывели ее из среды обитания. Фильмы стали акцентировать взаимоотношения героя с социальным окружением, нередко играющим при этом определяющую роль. Город и деревня стали наделяться своего рода социально-психологическими функциями.

"Новое кино" 80-х годов как в КНР, так и на Тайване начиналось больше на сельском фоне. Принципиальной характеристикой "нового кино" явилось психологическое укрупнение отдельного человека, переключение внимания от "толпы" к "индивидуальности", к психологии личности. В хаотичной городской суете, видимо, труднее было высветить личность, она заметнее на обширных сельских просторах.

Это рельефнее проявилось в фильмах КНР ("Желтая земля", "Один и восемь" и другие), совершивших более резкий поворот в кинематографической эстетике и мировидении. Но и работы тайваньского "нового кино" либо выносили героев на деревенский пленэр, либо, даже переселив их в город, демонстрировали их тяготение к взрастившей их деревне (это особенно ярко проявилось в фильмах лидера "нового кино" Тайваня Хоу Сяосяня - "Парни из Фэнкуй", "Пыль на ветру").

Город в "новом кино" существует как "белый", так и "черный", то-есть как положительная, так и отрицательная субстанции. В "положительном" городе обитают идеализированные в той или иной степени персонажи, для которых окружающая обстановка имеет лишь субъективное значение. В "отрицательном" городе селятся активные герои, которые жаждут переделать мир и потому обращают внимание в первую очередь на минусы городской сре-

ды, ее отличие от привычной общинной: разобщенность людей, индифферентность города по отношению к его обитателям и так далее.

Между этими категориями существует и принципиальное различие: "белый" город существует лишь как таковой, вернее, таким, каким воспринимают его обитатели, он как бы "подыгрывает" их настроениям, оттеняет их; "черный" же город сам наделяется активной силой, психологически воздействующей на индивида. Иными словами, антиурбанистические тенденции создателей фильма превращают город в "действующее лицо", в "персонаж", включенный в систему взаимоотношений и взаимовоздействий в рамках фильма.

Движение к "активному" городу ощущается в таких фильмах "нового кино" КНР, как "Свечение дуги" и "Карма". В обеих картинах город часто появляется в ночном освещении - лишенным полутонов и гармонии дневных красок. В первом он усиливает напряженность психически неуравновешенной героини, во втором - доводит молодого героя до самоубийства. Нестандартна и противоречива функция города в фильме "Дедушка Гэ". С одной стороны, он "сер", нейтрален, ничем не проявляет себя по отношению к персонажам, с другой - именно он способствует как разрушению традиций, за которые цепляется дедушка Гэ, так и властному наступлению нового быта, к которому тянется внук. Этому быту, но еще не осознающему его вынужденно подчиняется и дедушка, носителем же положительной морали все еще остается старое деревенское "деревенское" поколение.

В большинстве работ "нового кино" Тайваня город предстает "черным", роковым образом воздействующим на героев - они приезжают из деревни, и непостижимость оглушающей технической цивилизации болезненно вторгается в патриархальную нетронутость их сознания. Город, однако, не осуждается, фильмы лишь с горечью констатируют ситуацию.

Таковы многие картины лидера тайваньского "нового кино" Хоу Сяосяня "Парни из Фэнкуй", "Пыль на ветру" и другие. Он показывает неизбежность социально-психологических перемен и необходимость для консервативно настроенных деревенских жителей найти себя в условиях урбанистической цивилизации. Принципиально иначе - нравственным растлителем - предстает город у оппонента Хоу Сяосяня Ян Дэчана в "Террористах" и "Деле об убийстве девушки на улице Гулин".

Однако и в "новом кино" у города порой появляется "белый" облик. Так, в фильме "Кунжутное семечко" традиционная для Китая вторичность судьбы женщины меняется в поколении ее дочери, для которой уже не деревня, как для матери, а город становится гармоничной средой обитания. Функционально, однако, город как таковой в фильме "сер", то-есть нейтрален, не воздействует психологически на героев, и его "положительность" воспринимается зрителем не прямо, а опосредованно, через судьбы героев.

Можно заметить, что урбанистичность города, обладающего завершенной формой, привлекает тех героев, которые включены в какую-либо законченную социальную конструкцию, и отталкивает, страшит тех из них, кто не нашел в ней свое место. В этом проявляется противопоставление конфуцианской регламентированности даосскому освобождению от сковывающей формы.

В последнее время городские мотивы начинают обретать положительные черты, но уже не столь идеалистические, как это было, скажем, в начальных фильмах КНР. Город воспринимается как цивилизационный центр, как важный элемент социальной защиты человека. Даже у такого независимого режиссера, как Чжан Имоу, появился фильм "Цюцзюй обращается в суд", где возникший в деревне нравственный конфликт разрешается в городском суде, и такой акцент - уже новая пропорция положительного и отрицательного в дихотомии "город-деревня" в китайском кинематографе.

Научная жизнь

Реализация проекта создания в Институте Дальнего Востока РАН банка данных по Восточной Азии

© 2000

Д. Смирнов, И. Петухов

С 1995 г. в Институте Дальнего Востока РАН реализуется проект создания современной системы информационного обеспечения научно-исследовательской программы "Россия и Восточная Азия в мировых процессах на рубеже XX и XXI веков" на основе проведения компьютеризации Института и формирования электронного банка информационных и аналитических материалов, доступных через внутреннюю локальную сеть или через Интернет сотрудникам ИДВ РАН, другим научно-исследовательским центрам, министерствам и ведомствам Российской Федерации, администрациям субъектов федерации, учебным заведениям, средствам массовой информации, коммерческим структурам.

Проектом предусматривается создание баз данных по основным направлениям научных исследований Института, прежде всего таким как экономика Китая и других стран Азии, внешняя политика КНР и российско-китайские отношения, международно-политические проблемы в АТР и формирование новой системы международных отношений, политическая история и политическая система КНР, духовная культура восточноазиатского региона. Формирование Электронного банка данных производится в соответствии с Рубрикаторм информационных и справочных материалов ИДВ РАН, детально структурирующим каждое направление исследований, и содержит материалы, подготовленные в научных центрах Института, переводы и рефераты, статистические данные, базы данных по китайскому законодательству, персоналиям и т.д.

На первом этапе главной задачей являлось создание материально-технической базы системы информационного обеспечения, обучение сотрудников работе на компьютерах и разработка структуры Электронного банка данных. В 1995 - 1999 г.г. была проведена закупка, установка и наладка нескольких партий компьютеров и периферийного оборудования для создания соответствующей инфраструктуры. Одновременно продолжалось расширение и модернизация

Смирнов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра научной информации и документации ИДВ РАН.

Петухов Игорь Аркадьевич, кандидат экономических наук, заместитель руководителя Центра научной информации и документации ИДВ РАН.

ция компьютерного парка Института. Организовано обучение около трети сотрудников Института на компьютерных курсах. Создана первоначальная основа Электронного банка данных "Восточная Азия: экономика, политика, международное экономическое сотрудничество"¹. Подготовка всех печатных изданий Института была переведена на ЭВМ, что коренным образом улучшило издательский процесс.

Важнейшим направлением работы было развитие средств доступа к банку данных по локальной компьютерной сети. К настоящему времени в ИДВ РАН создана локальная компьютерная сеть, состоящая из файл - сервера, (на нем хранятся материалы банка данных), и 30 рабочих станций, объединенных в рабочие группы "Центр" и "Восток". В группу "Центр" входят 11 компьютеров Центра информации, на которых ведется прием, обработка, подготовка и выдача информации. Группа "Восток" объединяет компьютеры других научных центров Института, обеспечивающие доступ к необходимым для их работы материалам.

Сильным сдерживающим фактором развития и совершенствования компьютерной информационной системы и ее интенсивного использования стала проблема морального старения компьютерной техники, препятствующая использованию современного программного обеспечения, а также ее физический износ (и на сегодня значительную часть компьютерного парка Института составляют устаревшие модели).

К апрелю 2000 года в файл-сервере было накоплено около 550 Мегабайт материалов на русском, английском и китайском языках. Около половины из них посвящено проблемам и перспективам роста экономического потенциала КНР, роли и месту Китая в развитии мирового хозяйства, торгово-экономическим связям России с Китаем. Примерно треть материалов посвящена современному состоянию и будущему отношений РФ с Китаем, Японией, странами Корейского полуострова и интеграционных процессов в регионе.

В соответствии с Рубрикаторм ведется наполнение полнотекстовой русскоязычной базы данных материалов из китайских, американских, корейских, японских, английских и немецких источников, переведенных или отреферированных сотрудниками Центра информации.

На файл-сервере также содержатся файлы оригинал-макетов периодических выпусков печатных информационных изданий, подготовленных Центром информации за 1996-2000 годы: "Экспресс-информации", "Информационных материалов", "Информационного бюллетеня" - около 25 выпусков ежегодно средним объемом 5 - 10 п.л. каждый.

Также на файл-сервере хранятся оригинал-макеты журнала "Проблемы Дальнего Востока".

С 1997 г. накапливается информация на основе ежемесячного каталога аннотированных публикаций российской периодики (12 наименований) по политическим и экономическим вопросам развития стран АТР.

С 1997 года Институт начал регулярно получать электронную информацию из ИТАР-ТАСС. Материалы на русском языке, полученные в результате поиска, проводимого сотрудниками Центра научной информации в базе данных ИТАР-ТАСС, систематизируются по датам поступления и по тематикам. В разделе по датам накоплено около 40 Мегабайт или около 20 тыс. файлов, в основном за два последних года. По полученным материалам регулярно готовятся тематические выпуски о наиболее важных событиях в АТР.

На основе Рубрикатора информационных и справочных материалов создается полнотекстовая база данных, куда помещаются индексированные материалы ИТАР-ТАСС (общий объем составил около 45 Мегабайт).

С ноября 1997г. осуществляется накопление информации, поступающей из агентства "Синьхуа" по модемной линии связи на китайском, английском и русском языках (только для внутреннего пользования сотрудниками Института). За этот период всего получено около 400 Мегабайт, то есть в среднем ежемесячно принимается 10-12 тыс. файлов общим объемом 15-16 Мегабайт с информацией на русском, английском и китайском языках.²

Важным направлением работы Центра научной информации и документации ИДВ РАН в 1998-2000 годах стало расширение возможностей пользователей локальной сети ИДВ РАН по разным вариантам поиска и выборки информации. Быстрое накопление значительного массива информации по проблемам АТР привело к тому, что ручной поиск материалов на сервере потребовал больших усилий и затрат времени. Для разрешения этой проблемы в 1998 г. в Центре информации была разработана универсальная многоязычная компьютерная программа просмотра файлов "БАРС". Она позволяет просматривать информацию в текстовых файлах на русском языке (в кодировках ANSI и ASCII), английском языке, и, что особенно важно, на китайском языке, а также осуществлять по ключевым словам или иероглифам поиск файлов, содержащих указанный набор символов на любом из этих языков. Разработка данной программы явилась первым этапом в создании программных оболочек Банка Данных, позволяющей сделать информацию легкодоступной, а ее поиск быстрым и удобным.

С 1993 г. в Центре информации создается массив библиографических описаний с использованием программы UNICARD (на сегодня массив составляет 6 тысяч электронных карточек, содержащих аннотированные описания всех опубликованных в Институте Дальнего Востока монографий, статей, а также выполненных в Институте рефератов и переводов, а с прошлого года - и всех новых книжных поступлений в справочно-библиографический кабинет Института на русском, английском и китайском языках).

Для обеспечения на профессиональном уровне автоматизации информационно-библиотечного дела в Центре совместно с Синологической библиотекой внедряется Автоматизированная информационно-библиотечная система "Марк",³ совместимая с международными форматами данных (используется в том числе в библиотеках Китая). Параллельно с введением библиографических описаний в ранее применяемой программе UNICARD, начат перевод существующего массива в программу "Марк" и освоение ее сотрудниками.

В 1999 года было осуществлено подключение локальной компьютерной сети ИДВ РАН к глобальной сети Интернет, что открыло сотрудникам Института доступ к самой актуальной информации, помещаемой в электронном виде на серверах правительственных организаций, информационных агентств, редакций газет и журналов, базам данных научно-исследовательских центров, научных библиотек и фондов. Использование ресурсов глобальной информационной сети Интернет поможет в создании уникального банка данных по Восточной Азии и позволит выйти на качественно новый рубеж работы в области информационного обеспечения научных исследований.

С выходом в Интернет появилась возможность объявлять научному сообществу об исследовательских проектах Института, сообщать о проводимых в Институте научных конференциях, анонсировать планируемые издания на

WEB-странице ИДВ РАН, которая в целях экономии средств создана собственными силами сотрудников Центра информации. Страница содержит справочные сведения об Институте и его сотрудниках, организации научных исследований, перечень печатных изданий Института (включающий аннотации на отдельные монографические выпуски, содержание новых номеров журнала "Проблемы Дальнего Востока", выпусков бюллетеней "Экспресс-информации", "Информационных материалов", "Информационных бюллетеней" с условиями их приобретения). Сотрудники Института получили возможность пользоваться электронной почтой для связи со своими коллегами. Для сотрудников ИДВ РАН, не имеющих выхода в локальную сеть Института, оборудована рабочая станция в одном из помещений Центра научной информации.

Значительное увеличение компьютерного парка Института и сопутствующего оборудования потребовали создания в составе Центра научной информации специальной Группы технической поддержки, которая обеспечивает бесперебойное функционирование компьютерного парка и оказывает консультационные услуги пользователям. Ее работа дает значительную экономию денежных средств, затрачиваемых ранее на ремонт компьютеров во внешних организациях и тем самым помогает в решении проблемы финансирования, сложность которой обусловила растягивание сроков реализации проекта создания банка данных "Восточная Азия: экономика, политика, международное экономическое сотрудничество".

Одним из путей решения проблемы финансирования данного проекта стало получение грантов, позволившее в значительной мере обеспечить закупку необходимого оборудования для создания локальной сети и подключения Института к Интернету. На полученный в 1996 - 1997 г.г. грант РГНФ на выполнение проекта создания базы данных "Экономическое развитие российского Дальнего Востока и международное экономическое сотрудничество в АТР" (проект № 96-02-12060в) был закуплен файл-сервер и часть оборудования для монтажа локальной сети. На полученный в 1999 г. грант РФФИ для выполнения проекта по созданию базы данных "Восточная Азия: экономика, политика, международное экономическое сотрудничество" (проект № 99-07-90175) были закуплены дополнительные жесткие диски для файл-сервера, устройство для их установки и пишущий CD-ROM, который позволит тиражировать информацию из банка данных для внешних пользователей.

В ходе выполнения последнего гранта разработана база данных "Панда" (БД), содержащая разнообразную систематизированную информацию по КНР, в том числе сведения о политическом и экономическом устройстве, истории, культуре, географии, которая может быть полезна сотрудникам ИДВ, заинтересованным организациям и лицам. База состоит из трех блоков: электронной версии ежегодно издаваемого ИДВ РАН справочного издания "Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура", обзора статей российской периодической печати по проблемам развития стран Восточной Азии за 1997-1999 г.г. и персоналии. Электронная версия ежегодного справочника КНР включает в себя следующие разделы: краткая географическая характеристика КНР, политическая система, высшие органы государственной власти, национальная политика, военное строительство, экономические и социальные проблемы, основные итоги социально-экономического развития, финансы и кредит, промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, демографическая ситуация, социальные проблемы, внешнеэкономические связи, внешняя политика и международные отношения, российско-китайские отношения, отно-

шения КНР со странами СНГ, культура, образование, законодательство, хроника основных событий внутренней жизни и внешней политики КНР и справочные сведения о представительствах РФ в КНР.⁴

На ближайшую перспективу важнейшей задачей остается формирование баз данных по странам Восточной Азии на основе всех вышеуказанных источников информации и ежегодное обновление базы данных "Панда". Важным направлением работы Центра информации будет регулярное получение информации по тематике исследований ИДВ РАН, прежде всего из системы Интернет, ее отбор, обработка, анализ и помещение в соответствующие разделы Информационного банка Института. В том числе в некоторых случаях и информации, необходимой для проведения научных исследований сотрудниками Института, которая может находиться на серверах организаций, предоставляющих информацию за оплату.

Следующим направлением работы Центра по использованию возможностей, предоставляемых Интернетом, является постоянное обновление содержания WEB-страницы Института и улучшение ее качественного содержания. Планируется использовать программную оболочку "Панда" для информационного наполнения WEB-сервера ИДВ РАН, который будет доступен для всех заинтересованных пользователей. Аналогичным образом к WEB-серверу будет подключен массив библиографических описаний, подготовленных с использованием АИБС "Марк".

В зависимости от финансовых возможностей Института будет решаться задача создания на основе Интернета архива китайских, японских, корейских, англоязычных, а также российских газетных и журнальных материалов и документов по проблематике исследований ИДВ РАН.

В перспективе возможно расширение возможностей удаленного доступа к банку данных ИДВ РАН через Интернет или с использованием модемной связи и предоставление информации заинтересованным лицам или организациям на коммерческой основе.

В соответствии с общей концепцией развития Электронной информационной системы ИДВ РАН, в настоящее время перед нами стоит задача расширения возможностей доступа сотрудников к серверу локальной сети и Интернету путем создания локальных сетей в научных центрах Института с собственными файл-серверами и рабочими станциями, замыкающихся на сервер Центра информации.

В заключении Комиссии Российской Академии Наук по проведению комплексной проверки Института Дальнего Востока РАН за 1998-1999 г.г. положительно оценивается работа по компьютеризации информационного процесса, созданию локальной сети, баз данных по Китаю и другим странам, а также использованию компьютеров в издательской деятельности Института. Опыт ИДВ РАН по использованию компьютерной техники в информационном процессе рекомендовано распространить на другие институты Отделения международных отношений РАН.

1. Первыми мерами по наполнению ЭБД, предпринятыми в начале 1995 г. был сбор разрозненных массивов информации, имеющихся в электронном виде, на различных компьютерах Института, на разных носителях, у различных исполнителей и авторов. В результате удалось собрать около 19,5 мегабайт информации:
- около 2,5 Мб (1200 страниц текста) материалов "Экспресс-информации";

- около 9 Мб оригинал-макетов номеров журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 1993-94 гг.;
 - около 8 Мб информации ИТАР-ТАСС;
 - около 400 Кб (200 страниц) информации по персоналиям.
2. Для работы с материалами на китайском языке используется приобретенная Институтом лицензионная копия программы Twinbridge, позволяющая обрабатывать иероглифические тексты с использованием различных шрифтов в среде Windows.
 3. АИБС "Марк", разработанная в НПО "Информ-система", широко распространена в информационных и библиотечных центрах России и может обеспечивать телекоммуникационный обмен между библиотеками. Система позволяет автоматизировать процесс учета, хранения и систематизации большого объема библиографической информации и обеспечивает оперативный поиск необходимых материалов по заданным критериям.
 4. Поиск информации в базе данных "Панда" осуществляется несколькими способами: с использованием тематических рубрик структурированного оглавления, разработанного для БД, поиск по заданным словам в названиях статей БД и/или в поле ключевых слов и/или непосредственно в тексте статей, просмотр алфавитного списка всех статей БД. При любом способе поиска возможен (при необходимости) отбор, копирование и распечатка записей, которые содержат интересующие данные. База данных снабжена подробным справочным аппаратом, облегчающим знакомство с ее структурой, интерфейсом и возможностями обработки информации. База данных помещена в локальную сеть института, а также готова к распространению на дисках CD-ROM. Для БД подходит любой IBM-совместимый компьютер, работающий под управлением операционной системы Windows 98/Windows NT/Windows 3.11, оборудованный устройством чтения компакт-дисков либо подключенный через локальную сеть к серверу, на котором установлена БД.

Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность

Под таким названием 15 и 16 марта 2000 г. прошла в ИДВ традиционная четвертая научная конференция корееведов Москвы. В ней, как и ранее, приняли участие учёные ИДВ, ИВ, ИМЭМО РАН, практические работники МИД, учёные из МГИМО МИД, Дипакадемии, МГУ. С приветствием к собравшимся обратился директор ИДВ, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко. Он отметил, что корейская проблема переходит из XX в XXI век.

Вопрос о том, какую политику следует проводить России в отношении Корейского полуострова имеет не только научное, но и практическое значение. В настоящее время наши отношения с двумя корейскими государствами развиваются неодинаково. Во времена существования СССР у нас фактически не было устойчивой политики на Корейском полуострове. Наследие этой политики довлело над нашим государством.

В последние десять лет сократились российско-северокорейские контакты. Однако надежды на развитие связей с Республикой Корея в полной мере не оправдались, поскольку РК во многом зависит от США. В результате Россия потеряла своё влияние в Северо-Восточной Азии.

Российская политика на Корейском полуострове должна учитывать два обстоятельства:

- 1) объединение Кореи по германскому образцу невозможно, ибо экономика РК его не выдержит;
- 2) северокорейское общество не может коренным образом измениться в один момент.

Политические, политологические вопросы так или иначе рассматривались как самостоятельно, так и сквозь призму изучения исторических событий либо при обращении к анализу экономики двух корейских государств.

Мрачному юбилею, 50-летию начала войны в Корее (1950-1953 гг.), были посвящены два выступления (ректора МГИМО А.В.Торкунова и зав. отделом Кореи ИВ РАН Ю.В.Ванина). В итоге были сделаны выводы о том, что: 1) в рамках глобального противостояния СССР и США, навязанного нам американцами, в Корее столкнулись интересы разных националистических групп, каждая из которых стремилась объединить страну; 2) советские оценки корейской войны были во многом верны;

- 3) неправомерны попытки обвинить СССР в развязывании войны в Корее;
- 4) США хотели в этой войне дать демонстративный урок мировому коммунизму;
- 5) Китай своим вступлением в войну ещё раз продемонстрировал, что не допустит никакой недружественную силу на Корейский полуостров;
- 6) участие китайцев в войне в Корее во многом подорвало советское влияние в КНДР.

Несмотря на драматические перемены, происшедшие в мире за последние десятилетия XX века, в настоящее время российский фактор вновь зани-

мает значительное место в политике Пхеньяна. Как КНДР, так и РК стремятся повлиять на политику России в благоприятном для себя направлении. На конференции говорилось о недавно подписанном в Пхеньяне новом договоре о дружбе с КНДР, который не направлен против других стран.

КНДР находится в тяжелейшем экономическом положении, поэтому там, конечно, заинтересованы в сотрудничестве с РФ, хотя и понимают наши нынешние трудности. Россия не может не учитывать, что у северокорейцев проявляется определённый иждивенческий подход к экономическому сотрудничеству. Однако сейчас есть возможность такого сотрудничества, тем более, что в Пхеньяне Россию уже не причисляют к политическим врагам, как это было в первые годы после распада СССР.

Учёный Центра корейских исследований (ЦКИ) ИДВ РАН Р.В.Савельев отметил, что нам нужно учитывать свой прошлый опыт отношений с КНДР, а также консультироваться с Китаем в связи с политикой по отношению к Корейскому полуострову. Наши корейские партнёры (как на Севере, так и на Юге) в нас заинтересованы. Для нас важно определить приоритеты сотрудничества там, где выгодно, и изучать, как с обоими корейскими государствами ведут дело Япония, США и Китай.

Заместитель директора ИДВ РАН В.В.Михеев осветил вопрос о том, как влияет современная политическая ситуация в РК на её политику по отношению к КНДР. Отмечено, что регионализм в РК сохраняет свои позиции. Есть разные группы политиков, которые имеют свои интересы и пытаются влиять на северную политику президента Ким Дэ Чжуна. Последний отстаивает положение о том, что РК нужно сейчас не объединение, а сосуществование с КНДР. Президент корректирует свою северную политику в условиях, когда в РК преодолён финансовый кризис.

В.Ф.Ли (представлявший Дипакадемию) подчеркнул, что впервые в РК отказались от подрыва Севера и провозгласили курс на мирное сосуществование двух корейских государств. РК постепенно "внедряется" в экономику КНДР, пытаясь содействовать "открытию" страны с одной стороны, а с другой - желает нейтрализовать влияние внешних сил (прежде всего США и Китая). Новым моментом является создание климата доверия. Президент РК Ким Дэ Чжун недавно дал положительную характеристику лидеру КНДР Ким Чен Иру заявив, что последний "обладает качествами здравого смысла и компетентности".

О политической подоплёке ракетной стратегии КНДР высказалась Г.С.Яскина (ИВ РАН). Внимание собравшихся привлёк оригинальный доклад предпринимателя и экономиста И.И.Богдана, посвящённый северокорейской экономической модели в современном мире. Автор высказал мнение, что в КНДР социализм трактуется как противостояние рынку. В этой стране экономика на 100% подчинена политическим целям государства, а сфера потребления крайне узка. Тем не менее, и в КНДР есть рынок, но он сильно отличается от общепринятых стандартов. Северная Корея входит в состав мирового рыночного хозяйства, но параметры рынка там совсем другие. Самодостаточность КНДР - это её слабость, однако реформы там начинают скрыто действовать.

Вопросам внутренней политики Юга и Севера были посвящены выступления учёных ЦКИ ИДВ РАН К.В.Асмолова и Н.М.Кобозева. В.Н.Дмитриева (МГИМО) выступила с интересным сообщением о личности Ким Ир Сена в связи с историей партизанской борьбы в Маньчжурии против японцев в 1930 годах. Некоторые любопытные эпизоды истории русской общины в Корее осветила Т.М.Симбирцева (центр корееведения МГУ), а Б.Б.Пак (ИВ РАН) остано-

вилась на некоторых аспектах политики России в период подготовки Симоносекского договора (начало XX века).

Экономический блок вопросов был представлен Б.В.Синицыным (ИВ РАН), С.С.Суслиной (ЦКИ ИДВ РАН), А.Н.Федоровским (ИМЭМО РАН) и Р.Казаряном (аспирант ИВ РАН). Эти выступления касались развития экономики РК, её государственного регулирования, влияния крупного бизнеса на политику Сеула, неолиберальной модели глобализации в Южной Корее, а также проблем межкорейского экономического сотрудничества.

Известный учёный Л.Р.Концевич выступил с сообщением о проблемах транскрипции корейского языка.

Большинство участников конференции выразили озабоченность положением в КНДР, а также мировой ситуацией, когда под лозунгом защиты прав человека целые страны пытаются лишить суверенитета.

Дискуссии на конференции были откровенными и свободными. По её итогам планируется издать сборник выступлений.

Рецензии

Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Дипломатическая академия МИД России. Институт актуальных международных проблем. Москва: Научная книга. 1999. 228 с.

Рецензируемая книга, как отмечается в предисловии, является первым в российской геополитологии тематическим сборником, посвященным проблемам безопасности и миротворчества в АТР. В ней собраны материалы межведомственного "круглого стола", проведенного 17 сентября 1998 г. Дипломатической академией МИД РФ с участием ведущих исследователей Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института Латинской Америки РАН, МГИМО МИД РФ, МГУ им. Ломоносова, Российской академии естественных наук (РАЕН), а также видных экспертов-международников из центральных государственных учреждений (МИД РФ, Совета Безопасности РФ, Федерального собрания РФ и др.).

Хотелось бы сразу обратить внимание читателей на актуальность и даже злободневность обсуждавшихся проблем, которые оказались в эпицентре подчас бескомпромиссной дискуссии.

Представляется полезным отметить и то, что свободная дискуссия и академическая полемика не исчерпали себя на страницах рецензируемого сборника, но нашли свое плодотворное продолжение в ходе его презентации, состоявшейся 31 января 2000 г. В качестве иллюстрации творческого и взаимообогащающего обмена мнениями во время презентации достаточно привести типичный пример "поединка" между В.П.Федотовым - ветераном дипломатической службы, автором первой статьи сборника, представившей широкую панорамную картину современной международной ситуации в АТР, и действующим дипломатом, зав. Отделом Второго Департамента Азии МИД РФ И.В.Моргуловым. В.П.Федотов призвал сделать необходимые выводы из роковых просчетов прошлого, связанных, в частно-

сти, с провалом не обеспеченных ресурсами чрезмерно глобалистских внешнеполитических амбиций Советского Союза, и сосредоточиться ныне на задачах выживания и экономии энергоресурсов, признав, что современная Россия не выдержит не только глобального, но даже многостороннего присутствия в АТР и поэтому должна ограничить свою активность на основе жесткой иерархии интересов. В ответ И.В.Моргулов резонно возразил, что современная кардинально изменившаяся международная обстановка характеризуется не только резким снижением ресурсно-силового потенциала России, но и вновь открывшимися благоприятными для нее возможностями расширения сотрудничества и укрепления своего присутствия в АТР в новом качестве и что в сложившейся сложной ситуации именно искусство и творческая активность российской дипломатии должны компенсировать ослабление экономических и внешнеполитических возможностей России.

Подобная атмосфера творческого поиска, свободной дискуссии, в рамках которой был продемонстрирован действительный плюрализм взглядов, характерна для всех трех частей книги. В первом разделе "Теоретические и методологические вопросы обеспечения безопасности в АТР" рассматриваются ключевые проблемы глобальных и региональных международных отношений в условиях перехода биполярного миропорядка к многополярному, осложненного, одновременно с этим, как подчеркнул в заключении профессор В.Ф.Ли, "упорным непризнанием атлантических лидеров принципиально новых геостратегических реальностей и откровенно гегемонистскими притязаниями США в АТР" (с. 213), у которых существует синдром "единственной сверхдержавы" (с. 15).

Предметом особого внимания ряда авторов, в частности, гл.н.с. А.В.Болятко, стало исследование военных аспектов безопасности в АТР. Зав. Отделом комплексных проблем международных отношений ИВ РАН А.М.Хазанов также углубленно анализирует данную проблематику в своей статье, одно название которой "Возможные военные конфликты в АТР в XXI веке. (Попытка долгосрочного прогноза)" отражает ее проблемно-постановочный характер.

В рамках формирования адекватного ответа России на современные вызовы выдвигались самые различные, иногда весьма неординарные рекомендации. Например, В.П.Федотов выразил мнение о целесообразности форсированной интеграции России в ЕС, поскольку это помогло бы частично нейтрализовать эффект расширения НАТО, укрепить глобальный европейский полукос в его борьбе с двумя другими (американским и японским), наполнить реальным содержанием "евразийскую субстанциальность" России, которая выходила бы на Тихий океан как часть единой Европы (с. 34, 35). В.П.Зимонин предложил выступить с инициативной выдвигания "новой, действительно судьбоносной идеи формирования ... Евразийского Совета Безопасности и Развития (ЕАСБР) с участием в нем всех стран Евразийского континента" (с. 47).

Рассматривая сдвиги в геополитической ситуации в АТР в русле национальных интересов РФ в регионе, ряд авторов с нескрываемой тревогой указывают на опасность дальнейшего развития негативной тенденции отставания восточных районов России в экономическом развитии от соседних государств. Директор Института актуальных международных проблем (ИАМП) Дипломатической академии МИД России Е.П.Бажанов обоснованно предупреждает: "Это отставание увеличивается и рано или поздно может вырасти в угрозу национальной безопасности: соседи перестанут с Россией считаться и превратят российский Дальний Восток и Сибирь в объект давления, демографической и экономической агрессии" (с. 37). Этот тезис поддерживают и конкретизируют в своих статьях А.Д.Богатуров (с. 67) и А.С.Зарубин (с. 81).

Во втором разделе "Поиски многосторонних моделей обеспечения региональной безопасности" авторы предприняли углубленный анализ региональной и субрегиональной специфики АТР, пози-

тивных и негативных тенденций как способствующих, так и препятствующих утверждению здесь новых постконфронтационных принципов международных отношений. Большинство участников сошлись во мнении, что невзирая на исходящую от США тенденцию к монополярности, интересам России соответствует наращивание ею многосторонних усилий в целях утверждения в регионе принципов многополярности, создания здесь широкой сети регионального сотрудничества. При этом подход Москвы к обеспечению собственной безопасности в новых условиях должен быть комплексным. Сотрудник аппарата Совета Безопасности РФ А.С.Зарубин уверен в том, что "Наша политика национальной безопасности также должна быть глубоко эшелонированной и быть готовой к ответу на все виды угроз, в том числе и на латентные военные угрозы" (с. 81), но строиться при этом "на развитии дружественных, взаимовыгодных отношений со всеми странами АТР на двусторонней основе, а также на сотрудничестве и с имеющимися многосторонними структурами" (с. 80).

С точки зрения перспектив взаимодействия РФ с многосторонними региональными структурами, как нам представляется, несомненный интерес читателя вызовет весьма информативная статья зам. директора Второго Департамента Азии МИД России В.В.Самойленко, посвященная изучению деятельности Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и сформировавшегося в 1994 г. на ее базе Регионального форума АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ).

Российский дипломат заинтересованно и с симпатией рассматривает уникальную политическую культуру "тихой дипломатии", "асеановского метода", характеризующегося высокой способностью проявлять терпимость, обходить "острые углы", решать спорные проблемы "полубовно", путем консультаций (принцип "mushawarah") или откладывать их на будущее, если консенсусное решение не представляется в данный момент возможным (принцип "mufakat").

В.Самойленко уверен, что "подобный гибкий стиль асеановской дипломатии в сочетании с чрезвычайно важной ролью культивирования персонального доверия между высшими руководителями ... явился ценным вкладом стран Ассоциации в сокровищницу дипломатического искусства и сейчас активно применяется в рам-

ках АРФ", в том числе и российскими дипломатами (с. 102). Он приходит к выводу, что на базе этих структур в АТР формируется своеобразная сетка многоярусной совместной безопасности и стабильности, которая представляет собой один из ключевых элементов формирования многополярного мира без "осей" и блоков, где все государства будут строить свои отношения на основе равенства и взаимной выгоды. Таким образом АРФ - "это не только уникальная, но и оптимальная структура для АТР в условиях перехода от холодной войны к многополярному миру" (с. 106). Характерно, что эта идея созвучна лейтмотиву заключительной части данного сборника, написанной В.Ф.Ли, и названной: "Неблоковые сценарии безопасности в АТР: иллюзии и реальность?".

Весьма интересна и полемика со сторонниками ориентации России на Запад. В.Самойленко подчеркивает, что "в условиях формирующейся многополярности мира России как стране европейской, а также одновременно азиатской и тихоокеанской, самой судьбой предопределено проводить именно такую сбалансированную, многоазимутную политику, поскольку будущее нашей страны связано с Азией и Тихим океаном в не меньшей степени, чем с Европой и Атлантикой" (с. 107).

Об этом же пишут и авторы третьего раздела "Национально-государственные интересы и безопасность", посвященного в основном конкретно страноведчес-

кому анализу внешней политики России в АТР. Большинство из них приходит к выводу, что в этом регионе Россия имеет весьма неплохие возможности для улучшения двусторонних отношений почти со всеми субъектами международных отношений (КНР, Индия, страны ЮВА и Корейского полуострова). Так, например, нынешний советник-посланник посольства РФ в КНДР А.А.Тимонин приходит к заключению, что в настоящее время вновь появляются благоприятные условия для реализации российской идеи мирного урегулирования корейской проблемы на основе комплексного многостороннего подхода всех заинтересованных сторон (с. 145).

Конечно, в рамках небольшой рецензии, к сожалению, не представляется возможным прокомментировать материалы всех авторов сборника. Но рецензент с полной уверенностью должен подчеркнуть, что все они написаны высокопрофессиональными экспертами международных отношений в АТР, и их глубокий анализ и аргументированные выводы, основанные на обширном фактическом материале, острые, ничем не ограниченные в своем творческом развитии и генерировании новых идей делают данный сборник заметным событием и важным шагом российской политологии на пути осмысления новых реалий международных отношений в АТР и безусловно полезной книгой для читателей, интересующихся международной тематикой.

**Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Гонконг.
Особая автономия Китая. М.: ИДВ РАН, 1999. 189 с.**

Монография доктора юридических наук Л.М. Гудошникова и кандидата исторических наук К.А. Кокарева является первым в российской китаеведческой литературе комплексным исследованием политической и социально-экономической ситуации в Гонконге и в процессе после его возвращения под суверенитет Китая на основе принципа «одна страна, две системы».

Превращение бывшей британской колонии Гонконг в Сянганский особый административный район (СОАР) Китайской Народной Республики - неординарное событие современной истории, поэтому понятен всеобщий интерес, особенно к проблеме организации и функционирования политической системы СОАР, ее взаимодействия с институтами политической системы КНР, степени ее самоуправления и зависимости от указанных институтов.

Основное внимание в работе уделено строительству политической системы первого особого административного района в составе КНР, функционированию его политического режима, механизму влияния центральных властей страны на развитие ситуации в Гонконге, экономическому развитию в контексте отношений в едином государстве двух экономических систем, значению и роли особой автономии в международном экономическом сотрудничестве.

Первая глава монографии содержит краткую характеристику учредительных документов СОАР, к которым отнесены Совместное заявление КНР и Великобритании 1984 года и Основной закон особого административного района. В совместном заявлении была установлена дата возвращения Гонконга Китаю - 1 июля 1997 года и установлены основные принципы особой автономии этой территории, равно как и обещание КНР сохранить в течение 50 лет, т.е. по крайней мере до 2047 года существующий в Гонконге социально-экономический строй, а также образ жизни его населения. Предусматривалось сохранение свободного курса сянганского юаня (гонконгского доллара), статуса международного финансового центра с собственной денежной системой, автономной тамо-

женной территории. За Сянганом сохранилось право на заключение неполитических договоров с другими странами и регионами, а также с международными организациями. Все эти и ряд других положений Совместного заявления вошли впоследствии (1990 г.) в принятый Всекитайским собранием представителей ВСНП Основной закон СОАР, являющийся главной правовой базой политической и экономической жизни района.

Характеризуя высокую степень автономии СОАР, закрепленной в Основном его законе, который исключает из компетенции района лишь вопросы, связанные с обороной и внешней политикой, авторы отмечают, что с формально - юридической точки зрения отношения Сянгана с основной территорией КНР, могли бы быть сочтены напоминающими конфедеративные, если бы не положения о назначении главы администрации и других высших чиновников района Госсоветом КНР (пусть даже только из числа граждан СОАР и самим районом выдвинутых) и надзора в отношении принимаемых сянганскими властями законов со стороны постоянного комитета ВСНП с правом последнего возвращать их, прекращая тем самым их действие. Вряд ли по этому поводу можно представить какие-либо возражения, т. к. КНР является унитарным государством.

Во второй главе книги рассмотрены подготовительные меры по передаче Гонконга Китаю. Авторы отмечают, что со времени подписания Совместного заявления в 1984 году вплоть до 1 июля 1997 г. обеими сторонами была проделана большая работа по решению многих вопросов, касающихся будущего СОАР с точки зрения его внутреннего развития и роли в международных экономических связях. В связи с этим подробно охарактеризована деятельность объединенной китайско-британской группы связи, подготовительной рабочей комиссии и подготовительного комитета СОАР. Главным в деятельности этих органов авторы считают выработку таких решений, которые позволили бы, во-первых, сохранить социально-политическую стабильность в будущей осо-

бой автономии и, во-вторых, обеспечить высокоэффективную работу администрации после 1997 г. «Следовательно, - продолжают авторы, - упор делался не на политической реконструкции Сянган, а на сохранении там системы с четкой исполнительной доминантой» (стр. 17).

Эта мысль авторов находит дальнейшее подтверждение в следующей главе монографии, где анализируется политическая система СОАР. Это центральная и наиболее объемная глава книги. В качестве главного субъекта политической системы выделен Глава администрации СОАР, полномочия которого, по характеристике авторов, мало отличаются от функций британского губернатора. Различие усматривается главным образом в выборе кандидатуры и порядке назначения Главы администрации, а также возможности его смещения при определенных обстоятельствах Законодательным советом. Глава администрации, в отличие от губернатора, отбирается особой процедурой, включающей голосование специальной избирательной коллегии с альтернативными кандидатурами. Выдвинутый избирательной коллегией кандидат затем утверждается на должность Государственным советом КНР. Существовавший при британской системе управления Гонконгом *Административный совет* в качестве совещательного органа при губернаторе выполняет те же функции и при Главе администрации СОАР, но в его состав могут входить только лишь китайские граждане.

Авторами подробно рассмотрена структура администрации (правительства) Сянган, унаследованная от прошлых времен почти полностью, и система гражданской службы. Руководство последней определено в качестве одного из важнейших направлений деятельности правительства. По мнению авторов, эффективность управления Гонконгом - Сянганом напрямую зависела и продолжает зависеть от слаженности и квалифицированной работы управленцев гражданской службы. Сохраняя в сущности неизменной систему гражданской службы в Сянгане, его власти и центральное правительство Китая имеют сильный рычаг стабилизирующего влияния на общество. Управленческая структура Сянган, основу которой составляет гражданская служба, не была нарушена с изменением статуса бывшей колонии. Более того, она сумела в определенной степени адаптироваться к требованиям постколониального режима,

сохранив при этом четкую иерархическую подчиненность, характерную для колониального периода. При этом были сохранены такие важные принципы гражданской службы прошлого как эффективность, предсказуемость, умелая работа с кадрами. Серьезным вопросом является сохранение политической нейтральности гражданской службы, т.е. ограждение ее от влияния политических партий, ассоциаций и групп, а также представителей бизнеса. Для Сянган последнее особенно актуально, поскольку в его правительстве преобладают представители крупного бизнеса. На эффективность гражданской службы негативное влияние оказывает также коррупция. Она достаточно широко проникла в различные структуры, однако ее рост все же незначителен по сравнению с соседними регионами из-за энергичной деятельности *Независимой комиссии по борьбе с коррупцией*. Ее организация и деятельность подробно рассмотрена авторами, отметившими, что с возвращением Сянган Китаю ее аппарат усиливается.

Из прошлого перешел в политическую структуру СОАР и Законодательный совет, который при британском правлении сначала был полностью назначаемым (часть его членов входила в совет по должности), а затем включал в свой состав некоторое число членов, избравшихся путем косвенных выборов от функциональных организаций и низовых представительных органов. Первые прямые выборы части членов Законодательного совета Гонконга состоялись лишь в 1991 году. После вступления на пост в 1992 г. последнего британского губернатора К. Пэттен по поводу формирования Законодательного совета возник кризис в китайско-британских отношениях, поскольку губернатор вводил порядок выборов следующего состава этого совета, не согласованный с китайской стороной. В силу этих обстоятельств избранный в 1995 г. состав Законодательного совета был распущен 1 июля 1997 г. и заменен сформированным в декабре 1996 г. в Шэньчжэне Временным законодательным советом СОАР. Последний функционировал до мая 1998 г., когда был избран Законодательный совет СОАР 1-го созыва (выборы прямые, через избирательную коллегию и от функциональных организаций). Сформированный таким образом сянганский парламент имеет весомое проправительственное большинство. Однако как и при прежнем статусе Сянган, Законодательный совет СОАР

имеет ограниченное поле законодательной деятельности. Законопроекты по некоторым направлениям парламентской деятельности могут вноситься членами совета лишь с санкции исполнительной власти. Кроме того исполнительная власть имеет привилегированные позиции в отношении представляемых ею законопроектов.

В работе рассмотрены также представительные и исполнительные органы, входящих в СОАР территорий, которые не относятся к категории властных структур (городской и региональный советы, районные советы городских и сельских районов, отдел городских служб, отдел региональных служб и т.д.).

Далее авторы представляют читателю правовую и судебную системы Сянган. В СОАР, согласно его основному закону, продолжает действовать его прежняя правовая система, при этом составляющие ее акты и другие источники права не должны противоречить указанному закону. Это значит, что на территории СОАР действуют основные на прецедентах Общее право (Common Law) и право справедливости (Equity Law), положения (тяоли), вспомогательное законодательство (подзаконные акты), обычное или традиционное право (это, главным образом, действующие уже в качестве обычаев нормы традиционного китайского права). Авторы показывают каким образом эти правовые нормы локализируются (иногда это просто смена терминов, например, «губернатор» должен теперь пониматься как «глава администрации»), но некоторое число действовавших при унитарном правлении актов полностью или частично отменяется. Авторы отмечают, что СОАР в основном сохраняет прежнюю правовую систему, включая прецедентное право англо-саксонского типа. «Поскольку эта система работает, - пишут они, - а общественно-экономический строй региона будет оставаться неизменным, то короткая жизнь ей не уготована» (с. 88). Вместе с тем указывается, что британские судебные прецеденты будут постепенно заменены местными, а также произойдут изменения и в статутном законодательстве. Однако, по их мнению, «система норм, реализующих положение Сянган как международного финансового, торгового и судебного центра, не может быть подвергнута крупным изменениям» (с.89).

Судебная система Сянган, отмечают авторы, подверглась коренным изменениям лишь в верхнем ее звене в связи с об-

ретением территорией полного судебного суверенитета, означающего, что вынесенные в СОАР судебные решения никуда не могут быть обжалованы (при британском правлении решение Верховного Суда Гонконга могло быть обжаловано в Юридический комитет Тайного совета британского монарха). Теперь в Сянгане существует суд окончательной инстанции. Все прочие звенья судебной системы сохранены без изменений.

В четвертой главе монографии рассмотрены особенности становления политического режима СОАР и политическое поведение его жителей в условиях изменения статуса территории. В этой главе широко использованы опросы общественного мнения. Сложившийся в Сянгане политический режим характеризуется авторами на стр. 99 как «некая переходная модель, которую уже нельзя назвать полностью авторитарным режимом, но в то же время это еще не демократический режим (это есть нечто вроде «авторитарной демократии» или «демократического авторитаризма»)». Что касается политического поведения сянганцев, то на их отношение к изменению статуса Сянган, по мнению авторов, значительное влияние оказывает их принадлежность к определенным социальным общностям. Авторы со ссылкой на западных социологов выделяют четыре категории среди сянганских жителей, по-разному относившихся к вхождению Сянган в состав Китая. Это: а) «лоялисты», поддерживавшие возвращение Сянган Китаю; б) «местные сянганцы», которые при любых обстоятельствах ставят на первое место сохранение главных компонентов «сянганского образа жизни»; в) «колеблющиеся»; г) «классовые враги», к которым относятся лица, негативно воспринимающие возвращение Сянган Китаю. В книге подробно анализируется поведение всех указанных групп.

Особый интерес представляет пятая глава монографии, в которой в основном по материалам западных исследователей рассматривается вопрос о механизме влияния центральных властей КНР на развитие ситуации в Сянгане. В этой главе вместе с показом официальных структур механизма влияния (Канцелярии по делам Сянган и Аомыня ЦК КПК и Госсовета, отделение Синьхуа, представительство МИД КНР и т.п.) содержится анализ деятельности центральных властей по формированию лояльной социальной среды в

Сянгане (в основном это контролируемый переезд в Гонконг жителей из других районов Китая в рамках «воссоединения с родственниками») и взаимовлияние основной территории КНР и Сянгана. Прежде всего это взаимовлияние в экономике, развитие активных и глубоких контактов между китайскими и сянганскими предприятиями относится к 1979 г., что непосредственно связано с началом широкомасштабных реформ в КНР. Авторы, в частности, указывают, что в Сянгане к моменту воссоединения с Китаем были зарегистрированы порядка 1800 предприятий из КНР, которые почти полностью контролировали продовольственный рынок Сянгана, пятую часть всей его торговли, четвертую часть грузовых перевозок. Кроме указанных предприятий действовали без официального разрешения еще 14 тыс. мелких китайских предприятий и фирм, причем прослеживается их связь с китайскими региональными структурами и хозяйственными структурами НОАК (с.123). Вместе с тем, отмечается в книге, около 80 процентов всех прямых внешних инвестиций поступают в основные регионы КНР из Сянгана или через Сянган: на предприятиях, созданных с помощью сянганского капитала, трудится до 5 миллионов рабочих.

В Китае работает примерно 100 тыс. сянганских управленцев и аналитики считают, что богатый сянганский опыт в определенных отраслях экономики может оказать эффективную помощь Китаю. С другой стороны, стало ощутимым и китайское присутствие в Сянгане, в частности, в таких формах как банковское дело, торговля, туризм. К числу отрицательных факторов влияния Сянгана на китайский материк, особенно на его южный регион, некоторыми исследователями и наблюдателями относится активное распространение господствующих в Сянгане жизненных установок и ценностных ориентиров, которые происходят из западных образцов.

Две последних главы монографии (шестая и седьмая) посвящены экономическому развитию СОАР в контексте взаимоотношений в едином государстве двух систем и роли Сянгана в международном сотрудничестве. Авторы показывают, что Китай заинтересован в сохранении устойчивых темпов экономического развития СОАР и принимает соответствующие меры для того, чтобы изменение политико-юридического статуса территории не повлияло отрицательно на ее деловую ак-

тивность. В настоящее время Сянган среди развитых стран и регионов мира занимает восьмое место по объему торговли, четвертое место среди источников прямых иностранных инвестиций, третье место по уровню экономической конкурентоспособности. Сянган принимает участие в работе более сорока международных организаций, является участником около двухсот многосторонних договоров, включая договоры с участием ООН и основных международных торговых и финансовых институтов. Сянган - это координирующий центр торговых операций мирового значения, один из крупнейших инвесторов на глобальном и региональном уровнях, региональный финансовый центр, центр деловой активности зарубежных китайцев, важный для КНР канал экспортных операций и привлечения различных средств для модернизации экономики. При рассмотрении всех вышеперечисленных аспектов авторами использовано большое количество статистического материала.

В заключении к монографии авторы приходят к выводу, что СОАР в том виде, как он существует в настоящее время, представляет собой эффективную систему автономного управления, которая преимущественно руководствуется правом, а не политическими и конъюнктурными соображениями тех или иных партий, руководящих деятелей и авторитетов. КНР заинтересована в сохранении нынешней политико-юридической системы и экономической ситуации в СОАР, что позволяет извлекать значительные финансово-материальные и политические выгоды. «Кроме того, - пишут авторы, - успешное функционирование СОАР призвано убедить мировую общественность и тайваньцев в правильности и эффективности формулы «одна страна, две системы» и способствовать дальнейшей консолидации китайской нации в рамках «Большого Китая» (стр. 155).

Монография Л.М. Гудошниковой и К.А. Кокарева построена на солидной источниковедческой базе, включающей свыше 120 книг на четырех языках, статей из более чем 50 периодических изданий (также на четырех языках). В работе широко использованы материалы состоявшейся в Лондоне в декабре 1997 года международной научной конференции «Гонконг в переходный период», в которой по приглашению Королевского института международных отношений принял участие

один из авторов. В книге семь приложений, одно из которых содержит 16 статистических таблиц. В приложениях содержится перечисление действующих в СОАР законов КНР, список Глав административных ведомств СОАР, биографические данные Главы администрации района Дун Цзяньхуа и другие сведения.

Несомненно интересный труд авторов поможет российскому читателю значительно расширить знания о первом особом административном районе КНР. В то же время, было бы целесообразно в монографии дать хронологию основных вех истории Гонконга, начиная с момента осно-

вании колонии. Представляются недостаточными сведения о функционирующих в Сянгане политических партиях. В приложении к монографии, возможно, следовало дать текст Основного закона СОАР, особенно учитывая то обстоятельство, что текст этого закона, помещенный в брошюре «Гонконг до и после 1 июля 1997 года. Одно государство - два строя» (изд-во Палея, М., 1997) содержит серьезные ошибки в переводе. Кроме того, достойно сожаления, что содержательное и по сути пионерское исследование выпущено очень небольшим тиражом (100 экземпляров) и может не дойти до широкого читателя.

© 2000

Э. Батчаев,
научный сотрудник ИДВ РАН.

Ядерная программа Северной Кореи. Безопасность, стратегия и новый взгляд из России

The North Korean Nuclear Program. Security, Strategy and New Perspectives from Russia. New York: Routledge Press, 2000. 276 pp.

Публикация на иностранном языке всегда сопряжена со значительными трудностями, а в нынешних условиях любой выход книги российских авторов за рубежом есть достаточно серьезное событие, заметное в нашей науке. Именно поэтому мы представляем рецензию на книгу, которая не так давно вышла в США и уже заслужила высокую оценку американских специалистов-востоковедов, таких, как Роберт Скалапино или Леон Сигал.

Она задумана как тематический сборник, основой которого стали доклады, представленные российскими учеными на международных конференциях, проведенных под эгидой университета Monterey. Дальнейшая ее подготовка к публикации осуществлялась силами профессора Джеймса Клэй Молтца, сотрудника Института Международных Исследований Монтеррей, и российского ученого Александра Мансурова, в настоящее время работающего в Корейском Центре в Гарварде.

Книга разбита на пять частей, не считая вступительной статьи, посвященной вопросам американской политики в ядерных вопросах по отношению к России и КНДР. Каждая из них анализирует тот или иной аспект северокорейской ядерной программы. Первая посвящена ее истории

и рассматривает эволюцию сотрудничества Советского Союза с КНДР как в области политических контактов, так и в сфере технической помощи. Там же сообщается об организациях и учреждениях Северной Кореи, связанных с ядерной промышленностью.

Во второй части ядерная программа в КНДР анализируется с точки зрения экономического положения в стране. Рассматривается как влияние этой программы на экономику страны, так и состояние энергетического сектора экономики Северной Кореи вообще, а также влияние серии стихийных бедствий, потрясших страну в середине 90-х годов на экономическую и политическую стабильность и участие страны в рамочном соглашении.

Третья часть прослеживает политические и военные факторы, стоящие за предполагаемым развитием в Северной Корее технологии производства ядерного оружия. Анализ выполняется и с точки зрения военно-стратегических аспектов северокорейской ядерной программы, и с точки зрения вероятности использования Северной Кореей атомного оружия как средства шантажа или "поиска места под солнцем", и с точки зрения связи этой программы с политическим лидерством

внутри страны.

Четвертая часть посвящена международному контексту, в котором развивается северокорейская программа. Сюда входят исследования на тему взаимодействия КНДР с международными организациями, курирующими режим нераспространения ядерного оружия, взаимодействия правительства Северной Кореи с КЕДО, а также влияния изменившейся ситуации на Корейском полуострове на корейско - китайские отношения и безопасность российской Приморья.

Завершающая часть книги включает в себя материалы, посвященные будущему - главным образом, вопросам безопасности на полуострове, новым поворотам российско - корейских отношений и перспективам развития ситуации. Многие вопросы рассмотрены в контексте грядущего рамочного соглашения, и в этом смысле книга является как бы попыткой показать как вероятную роль России и ее позицию по этому вопросу, так и стратегию КНДР.

Среди авторов докладов достаточно известные российские специалисты-политологи, чей род деятельности постоянно связан с этой проблематикой: Р. В. Савельев, В. Д. Андрианов и А. Б. Зарубин. И потому очень жаль, что некоторая часть приведенной в книге информации не является абсолютно новой, к сожалению, отбирая материал для сборника, его составители не воспользовались возможностью связаться с авторами с целью обновления материалов с учетом изменившейся обстановки.

Книга анализирует проблему ядерной программы не только с разных сторон, но и с разных подходов, представляя определенный плюрализм оценок. Заметим, что некоторые опубликованные в сборнике доклады выражают точку зрения различных российских ученых, часть которых не является специалистами по Корее. Отчасти именно поэтому в предисловии "особенно отмечаются" те доклады, в которых представлена точка зрения, совпадающая с подходом США к затронутой в докладе проблеме. Например, материалы, касающиеся экономических проблем и якобы неизбежного краха режима Ким Чен Ира или те, в которых высказывается мнение о том, что ядерная программа КНДР направлена именно на создание оружия.

В чем состоит основное значение этой книги? По словам проф. Молтца, целью издания этой книги было "заполнить имеющийся пробел". Из большинства статей вводной части видно, насколько важным для США является вопрос о том, есть ли у Северной Кореи ядерное ору-

жие. Безусловно, дело здесь не только в "стремлении избавить мир от северокорейской бомбы", но и в желании сохранить такое положение дел, при котором контроль за распространением ядерного оружия находится непосредственно в руках Америки или организаций, выступающих в качестве ее агентов влияния. Здесь уместно вспомнить, как Соединенные Штаты препятствовали южным корейцам в создании их собственной ядерной технологии. Существует мнение, что убийство Пак Чжон Хи было связано именно с этим.

Между тем, КНДР сейчас является одной из немногих стран, на которые Соединенные Штаты практически не имеют возможности воздействовать своим стандартным набором экономических, политических или военных рычагов. Тоталитарный режим Северной Кореи в сочетании с некоей самодостаточностью страны по-прежнему делает ее структурой, устойчивой к внешнему воздействию, а воспоминания о неудачной Корейской войне 1950 -1953 гг. и достаточно сильная армия КНДР препятствуют решению вопроса по югославскому или иракскому варианту. В этих условиях вопрос о ядерной программе КНДР является важным вопросом во взаимоотношениях между Северной Кореей и Америкой. Пока КНДР пользуется распылчатостью информации, которой владеет Америка в этом вопросе, и играет на ее страхах.

При этом, благодаря своей закрытости, Северная Корея до сих пор остается для Соединенных Штатов загадкой, а ее поведение - непредсказуемым. Некоторые дипломаты, например, бывший посол США в РК Дональд Грэгг, даже называют КНДР "самым долговременным провалом американской разведки в течение ее истории". И хотя в Соединенных Штатах уже издано достаточное количество книг, анализирующих вопросы ядерной программы КНДР, все они анализируют ситуацию с американской стороны и посвящены главным образом истории американо-северокорейских отношений по этому вопросу, а не анализу того, что происходит внутри КНДР. А приведенные в них данные или слишком тенденциозны, или грешат ошибками из-за длительного и многоступенчатого процесса передачи информации.

Эта же книга дает возможность получить очень важную информацию фактически из первых рук: большая часть авторов этого сборника - люди, длительное время работавшие в КНДР, хорошо знающие эту страну и имеющие опыт об-

шения с чиновниками, вероятно, связанными с ядерной программой Северной Кореи. И в то время, как Соединенные Штаты тратят миллионы долларов на исследовательскую деятельность, книга предоставляет возможность получить искомую информацию открыто. В предисловии к книге профессор Митчел Рейсс особенно отмечает этот аспект.

К тому же американской аудитории представляется, что в начавшемся десятилетии Россия будет играть значительно большую роль в корейском вопросе. Даже инициативу Японии о шестисторонних переговорах она воспринимает как усиление позиции России. Именно поэтому США очень волнует вопрос о том, насколько

Россия сможет помочь в решении текущих проблем Корейского полуострова. Они очень рассчитывают на то, что позиция России подтолкнет Северную Корею к дальнейшему сотрудничеству с международными организациями. Поэтому выход этой книги воспринимается, с одной стороны, как признак желания помочь и предоставить необходимую информацию, а с другой – как признание того, насколько изменилось положение в регионе и того, что Россия оказалась “выжатой” из северокорейской ядерной программы. Тем не менее, книга демонстрирует интерес российских ученых к корейской проблеме и желание Москвы сохранить свои интересы на Корейском полуострове.

© 2000

К.Асмолов,
кандидат исторических наук

Теория права (Фали Сюэ)

Учебное пособие для высших учебных заведений

Пекин: Издательство юридической литературы, 1999. 462 стр.

В настоящее время, по мере осуществления китайским государством широкомасштабных экономических реформ, немалое внимание уделяется и созданию отвечающей новым правовым реалиям законодательной базы. Однако данный процесс невозможен без дальнейшего развития фундаментальных теоретических знаний в области государства и права, которые являются необходимым условием эффективного становления правового государства. В целях комплексного изложения современного понимания права, а также с учетом все более и более возрастающего интереса к дисциплинам юридического профиля, юридическим издательством Китая в июле 1999 г. третьим тиражом было выпущено учебное пособие “Теория права” под редакцией доктора юридических наук, профессора Чжан Вэньсяна. Рецензируемая работа представляет значительный познавательный интерес для наших китаеведов и юристов.

Профессор Чжан занимает должность проректора Цзилиньского университета, является членом постоянного комитета Юридического общества Китая, заместителем председателя Китайского научно-исследовательского общества теории права, членом Китайского научно-ис-

следовательского общества прав человека, членом Фонда образования высших procuratorских кадров Китая, членом Китайско-американского комитета по обмену юридическим образованием, замещает по совместительству должности профессоров Народного университета Китая и Нанкинского университета. В Китае Чжан Вэньсян широко известен как главный редактор “Общей теории права”, “Исследований основных категорий права”, “Исследований западных философско-правовых течений 20-го столетия”, “Непреклонного пути вхождения Китая в правовое общество” и многих других работ. В “Теории права” им написаны 1, 3, 8, 9, 14, 22, 28 главы.

Кроме профессора Чжана, в написании “Теории права” принимали активное участие профессор, ректор юридического института Цзилиньского университета, член Юридического общества Китая, ответственное лицо Китайского научно-исследовательского общества теории права и по совместительству заместитель секретаря общества, автор трудов “Политика и законность”, “Теория основных прав” и др. Чжэн Чэнлянь (2, 5, 11, 12, 13, 19, 20, 21, 29, 31 главы), профессор, декан юридического факультета Ханчжоуского уни-

верситета, ответственное лицо Китайского научно-исследовательского общества теории права, главный редактор трудов "Фемелогия и концепции права", "Теория права", "Законность и целесообразность, а также их ценность" и др. Сунь Сяоя (4, 10, 16, 17, 18, 23, 26, 27, 30 главы), а также профессор, руководитель секции правоведения Северо-Западного политико-юридического института, автор трудов "Теория правовой культуры", "Теория закона и справедливости" и др. Лю Цзоян (6, 7, 15, 24, 25 главы).

"Теория права" состоит из шести разделов, 31 главы. Первый раздел, посвященный ведущим теориям юридической науки, затрагивает предмет и систему исследований юридической науки (глава 1), методы исследований юридической науки (глава 2), историю юридической науки (глава 3). По мнению китайских юристов, в предмет исследований юридической науки входит изучение характера, особенностей и закономерностей права, его взаимосвязей с другими науками, а также место права в обществе (§1). Являясь специальной наукой, юридическая наука тесно взаимосвязана с философией, политологией, социологией, историей и логикой (§2). С точки зрения разделения права на отрасли, оно состоит из конституционного, административного, гражданского, уголовного, процессуального и др. отраслей права. С гносеологической точки зрения, право подразделяется на теоретическое и практическое, которые связаны между собой (§3). Теория права занимает особое место в системе юридических наук. Оно сводится к общим теориям юридических наук, фундаментальным теориям юридических наук, методологии юридических наук (§4). Основные методы исследований юридической науки представлены в §2 главы 2 (методология исследований юридической науки). К ним относятся: 1) метод классового анализа, который определяется как метод наблюдения и анализа различного рода классово-социальных явлений в обществе посредством взглядов на классовую борьбу. Исходным является марксистский метод классового анализа; 2) метод ценностного анализа, который заключается в определении ценности права для регулирования тех или иных общественных отношений; 3) метод позитивного анализа, сущность которого заключается в выработке различного рода правовых предложений посредством опытных данных науки. Глава 3 первого

раздела содержит краткие очерки по истории западной юридической науки (§1), истории китайской юридической науки (§2), описывается возникновение и развитие марксистской юридической науки (§3), в заключении дается краткая характеристика права социализма с китайской спецификой, которое является составной частью теории Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой (§4).

Раздел второй "Теории права" полностью посвящен онтологии права. Наибольший интерес для читателя представляет §1 главы 4 рассматриваемого раздела. В нем дается определение понятия права через смысловой анализ иероглифа фа (закон, право), корни которого восходят к древнейшим китайским юридическим терминам. В то же время, понятие права дается и через призму марксистского и немарксистских подходов к пониманию его сущности. Основные особенности права состоят в том, что его принятие, признание и толкование осуществляется только специальными органами государства, институт права предусматривает систему взаимосвязанных между собой прав и обязанностей, исполнение прав гарантируется посредством государственного принуждения (§3 главы 4). Особое внимание заслуживает классификация источников права, к которым относятся: нормативно-правовой акт, судебный прецедент, правовой обычай, теоретические предпосылки юридических норм, а также международные соглашения и договоры. К источникам современного китайского права относятся Конституция, закон, административное законодательство и положения министерств и ведомств, военное законодательство и воинские уставы, местное законодательство и распоряжения правительств, положения об автономии местных национальных автономий и отдельно действующие положения, Основные законы особых административных районов и законы особых административных районов, отдельное экономическое законодательство особых экономических зон, международные договоры и международные обычаи (§1 глава 6). В соответствии с обычной классификацией, право подразделяется на: писанное и неписанное; субстанциальное и процедурное; основное и простое; обычное и особенное; внутреннее и международное. Исходя из специальной классификации, право подразделяется на: публичное и частное; статут-

ное и прецедентное; федеральное и субъектов федерации (§2 главы 6). Система права определяется как обладающее организационной связью единое целое, состоящее из системы, образованной действующими в государстве законами исходя из их принадлежности к различным отраслям права (§1 глава 7). Система права современного Китая состоит из следующих основных отраслей: конституционного права, административного права, гражданского права, экономического права, трудового права, права природных ресурсов и экологического права, уголовного права, процессуального права, военного права, международного права (§2 глава 7). Глава 9 посвящена правомерному поведению, которое определяется как вытекающие из обычного поведения деяния, соответствующие закону. С точки зрения исполнения закона гражданами и юридическими работниками, правомерное поведение подразделяется на единоличное, коллективное и государственное; персональное и неперсональное; одностороннее и двустороннее; свое и по представлению; поведение во осуществлении прав и поведение во исполнение обязанностей; позитивное и негативное; руководящее и побуждающее; абстрактное и конкретное; правовое и противозаконное; эффективное и неэффективное и др. Значительный интерес также вызовет и подходы к пониманию и классификации юридической ответственности, которой посвящена глава 10 данного раздела. Так, под юридической ответственностью понимаются установленные законом принудительные неблагоприятные последствия, которые должен понести соответствующий субъект за совершение нарушения вытекающих из закона обязанностей. Юридическая ответственность подразделяется на публичную и частную; виновную, невиновную и справедливую; должностную и личную; имущественную и неимущественную. Глава 11 "Правовые отношения" затрагивает понятие, виды, субъект, объект, возникновение, изменение и прекращение правоотношения.

Вопросы, посвященные происхождению и развитию права нашли свое отражение в разделе 3 "Теории права". Глава 12 раздела раскрывает механизм урегулирования социальных, трудовых, брачно-семейных, имущественных и иных проблем, возникающих в условиях первобытного общества (§1). Затем авторы переходят к социальным причинам возник-

новения права, к которым относятся разделение труда в обществе, распад родовой системы и создание государственных образований (§2). Процесс возникновения права раскрывается через стадии возникновения государства, появление процесса и судопроизводства, разграничения прав и обязанностей (§3). Касаясь исторических типов права (глава 13), авторы не обошли вниманием и систему современного социалистического права Китая (§4), которое возникло в результате революционной борьбы китайского народа против империализма, феодализма и бюрократического капитала. В своем становлении и развитии китайское право прошло четыре основных этапа: 1) этап зарождения 2) этап становления 3) этап первоначального развития и 4) этап развития нового периода. Не обойден вопрос и о сущности законодательных реформ китайского государства (§3 глава 14). Во-первых, такие реформы являются производными от успешного экономического развития государства и общества в целом. Во-вторых, право (закон) выступает неотъемлемым элементом политической, культурной и других социальных сфер общества. В-третьих, социалистическая рыночная экономика не мыслима без совершенствования уже существующей правовой базы. Исторический путь законодательной модернизации Китая подробно раскрывается в §3 главы 15 "Модернизация законодательства". Для российских китаеведов и юристов опыт нашего близкого соседа в сфере реформирования правовых институтов является сейчас наиболее актуальным. Так, в "Теории права" перечисляются основные законодательные акты, принятые в КНР с периода 1949г. по 1979г., затем дается краткая характеристика процесса нормотворчества с 1979г. по сегодняшний день, а в заключении излагаются планы на будущее. Вызывает интерес и характеристика правового государства, данная в главе 16. Несмотря на отсутствие определения понятия правового государства, его сущность раскрывается через характеристику его неотъемлемых элементов (форма политической господства должна быть демократической; структура государственной власти должна строиться на системе разделения труда; принцип социального контроля должен исходить из управления согласно закону; экономическая политика должна сводиться к рыночной экономике; культурная политика строится на основе рациональной культуры (§2)). Для дальней-

шего построения социалистического правового государства, китайским законодателям необходимо приложить усилия к: полной унификации правовой системы, упрощению правовых установлений; совершенствованию системы исполнения закона, специализации юридических профессий (§3 глава 16).

Раздел 4 "Теории права" дает попытку раскрыть перед читателем сущность роли и ценности права. По мнению авторов право играет: 1) руководящую роль, т.е. конкретный субъект при совершении какого-либо деяния руководствуется прежде всего законом; 2) оценочную роль, т.е. когда правоприменитель, субъект права оценивает деяние относительно его соответствия действующему законодательству. Например, прокурор, при вынесении санкции об утверждении постановления о применении меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления либо суд, при вынесении решения по делу (специальная оценка), коллектив работников на предприятии, при оценке поведения своего члена (обычная оценка); прогностическую роль, сущность которой заключается в выводах, полученных из анализа действующего законодательства, его нарушений. Например, стороны в договоре исходя из закона могут сделать выводы относительно последствий, наступающих из-за нарушения положений договора (§2 главы 17). Ценность права заключается в единстве его социальной и классовой природы, наличии субъективных и объективных факторов, в принципах относительности и абсолютистности (§1 главы 19). Анализ соотношения права и порядка посвящена глава 20, соотношению права и свободы - глава 21, соотношению права и эффективности - глава 22, соотношению права и справедливости - глава 23. Интересно отметить, что свобода, в контексте ее отношения к праву, рассматривается как первоначально значимое, субъективное, возможное, добровольно избранное и осуществляемое определенное деяние. Свобода также рассматривается через призму ее соотношения с правами личности и государственной властью (§1). Роль права в стимулировании социальной эффективности состоит в: 1) активизации прогресса производительных сил путем признания и охраны прав человека, мобилизации производителей; 2) признании и обеспечении материальной заинтересованности, тем самым поощряя борьбу личности за мате-

риальные блага; 3) признании и охране имущественных прав, поощрении владения, использования, возврате имущества в экономическо-полезных целях; 4) признании, охране, создании модели особо эффективного экономического развития; 5) признании и охране интеллектуальных, имущественных прав, освобождении и развитии науки и техники (§2).

Движение права, то есть процесс его возникновения и реализации, рассматривается в пятом разделе. В главе 24, посвященной вопросам создания права, особое внимание заслуживает позиция, согласно которой к особенностям процесса законодательства относится то, что а) он выступает в качестве специфического рода государственной деятельности; б) включает в себя деятельность правомочных государственных органов в сфере нормотворчества; в) включает в себя деятельность по принятию законов, а также по их изменению, дополнению, аннулированию и признанию; г) рассматриваемый процесс действует только в рамках, строго установленных законом. К основным принципам законодательства относятся принципы научности, своевременности, демократизма, соответствия Конституции (§2). В соответствии с действующим китайским законодательством, процесс законодательства состоит из следующих основных стадий 1) внесения законодательного предложения (уполномоченные государственные органы либо отдельные лица представляют в законодательный орган проект закона или соответствующие предложения по его изменению, дополнению, аннулированию. В соответствии с Конституцией КНР правом законодательной инициативы обладают депутаты ВСНП, ПК ВСНП, Государственный совет и другие органы государства); 2) рассмотрения проекта закона (осуществляется специальным комитетом и пленарным заседанием законодательного органа в два этапа); 3) принятия предложенного закона (в соответствии с Конституцией КНР, закон считается принятым, если за него проголосовала половина всех членов ВСНП, а конституционные поправки - более двух третей); 4) опубликования закона (статья 80 Конституции определяет прерогативу Председателя КНР на основании решений ВСНП и ПК ВСНП опубликовывать законы). К формам реализации права авторы книги относят соблюдение права, исполнение права и применение права (глава 25). §4 указанной главы посвящен проблемам законода-

тельного контроля, который рассматривается не только как контроль со стороны государственных органов, но и общественных организаций, народных масс. Толкование норм права осуществляется законодательными, судебными, административными и другими органами государства (§2 главы 26). Вопросы, касающиеся характеристики законодательного процесса, его функций и значения, а также сущности судопроизводства, рассматриваются в главе 27 "Законодательный процесс".

Пристального внимания заслуживает также и раздел шестой рецензируемой работы, который посвящен проблемам взаимоотношения права и общества в целом. Стоит отметить, что в отечественной юридической литературе данные вопросы отражены относительно слабо, тогда как китайские юристы уделяют им сравнительно много внимания. Так, глава 28 особо подчеркивает роль права в экономике, рассматривая взаимоотношение права и производственных отношений, права и производительных сил и т.п. Роль права в реформировании экономической системы состоит в том, что оно создает благоприятную политическую обстановку для осуществления реформ и открытости, стабилизирует общественный порядок, гарантирует и совершенствует внутригосударственную обстановку в сфере проведения в жизнь реформ и открытости, способствует социалистическому демократическому строительству и т.д. Право оказывает и значительное влияние на государственную власть и осуществляемую ею политику (глава 29). Это подтверждается и одной из недавних поправок к Конституции КНР, которая гласит, что "Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством". Роль права в реформировании политической системы

страны заключается в его руководящей, охранительной и стабилизирующей роли. Наука и техника также находятся во взаимосвязи с действующим в стране правом (глава 30). Право способствует организации, управлению и поощрению научно-технической деятельности, разрешает конфликтные ситуации между научно-техническими достижениями и отдельной личностью, регулирует сферу научно-технических разработок. Глава 31, посвященная вопросам взаимосвязей права и культуры, включает в себя рассмотрение отношений между правом и традициями (§1), правом и моралью (§2), правом и религией (§3), правом и духовно-культурным строительством (§4). Авторы признают, что в современном китайском социалистическом обществе религия уже не рассматривается как орудие господства, поэтому право не может как поощрять, так и запрещать ее.

В заключение хотелось бы отметить, что "Теория права" представляет собой значительный труд, в котором в доступной для читателя форме рассматриваются современные, подтвержденные китайской юридической практикой научные изыскания о сущности и роли права. В то же время, несмотря на наличие в работе множества ссылок на зарубежную юридическую литературу, в ней практически отсутствуют ссылки на советские и российские теоретические разработки в области рассматриваемых проблем, что, несомненно, является ее недостатком, так как именно советское (российское) право оказало значительное влияние на формирование мировоззрения современных китайских юристов. Тем не менее, рецензируемый труд китайских юристов заслуживает высокой оценки и способен внести достойный вклад в дело уяснения происходящих в Китае преобразований.

Юбилей ученого

60-летие Сергея Аркадьевича Торопцева

Весь жизненный путь С.А.Торопцева теснейшим образом связан с Китаем, куда он попал еще подростком и навсегда полюбил народ и культуру этой страны. Затем был Институт восточных языков при МГУ, по окончании которого жизнь сразу бросила его в кипящий котел китайской "культурной революции": в качестве переводчика Торгпредства СССР в Пекине он наблюдал варварское попрание культурных ценностей в Китае. Вероятно, именно в этот период в нем укрепилось сочувствие к человеку как личности в Китае, созрело желание посвятить себя изучению культуры этой страны.

В 1967 г. Сергей Аркадьевич Торопцев пришел в Институт Дальнего Востока, где прошагал по всем ступеням, по которым обычно продвигается исследователь, - от аспиранта до главного научного сотрудника. Его кандидатская (1971 г.) и докторская (1991 г.) диссертации были посвящены основной теме культурологических исследований, которой он остается верен более чем три десятилетия, - китайскому киноискусству и месту художника-творца в современном китайском обществе.

Перу С.А.Торопцева принадлежит около двухсот научных статей и 9 книг, посвященных различным аспектам китайской кинематографии, из которых наиболее значительные - монографии "Очерк истории китайского кино" (1979), "Китайское кино в "социальном поле" (1993), "Кинематография Тайваня" (1998).

Сегодня С.А.Торопцев - признанный специалист по проблемам китайской кинематографии в нашей стране, член Союза кинематографистов России. Его имя хорошо известно в КНР, где переводились его статьи и книги и где ему присвоено звание почетного исследователя Института искусствования провинции Шаньси, а также на Тайване - там он читал лекции. С.А.Торопцев неоднократно выступал на международных конференциях и в России, и в КНР, и в США. Он знаком со многими китайскими режиссерами (Чжан Имоу, Се Цзинь, У Игун, Хуан Шуцин), актерами (Пань Хун, Ван Шо) и писателями (Те Нин, Бай Хуа, Ван Мэн), с некоторыми из них его связывает личная дружба.

И это не случайно, поскольку часть своей исследовательской деятельности С.А.Торопцев посвятил китайской литературе: опубликовал работы, посвященные творчеству выдающегося современного китайского писателя Ван Мэна, участвовал в составлении и переводе нескольких сборников повестей и рассказов писателей КНР. Он внес свой вклад и в переводы китайской поэзии - древней и современной (в частности, для сборников "Китайская пейзажная лирика", "Нефритовая Гуаньинь").

В последние годы С.А.Торопцев начал выступать и с собственными рассказами на китайскую тему. Хрупкий внутренний мир человека, отраженный в них, зачастую трещит под натиском бешеного ритма современной жизни и ищет защиту в красоте природы и искусства.

С.А.Торопцев - профессионал-китаевед высокого класса, много делающий для изучения китайской культуры в России. Он в постоянном поиске - новых имен в китайской культуре, новых героев для собственного творчества.

Дирекция Института Дальнего Востока, друзья и коллеги, редколлегия и редакция журнала горячо поздравляют юбиляра и желают ему многих лет творческого поиска и находок.

Вадим Михайлович Солнцев
28 марта 1928 г. - 19 апреля 2000 г.

Отечественная наука понесла тяжелую утрату. На 73-м году жизни скончался доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик РАЕН, директор Института языкознания РАН В.М.Солнцев.

В.М.Солнцев в 1949 г. окончил Московский институт востоковедения, до 1958 г. вел исследования и преподавал китайский язык в этом институте, а затем в МГИМО. В 1958 г. перешел на научную работу в ИВ АН, где в 1965-1987 гг. был заместителем директора Института и заведовал отделом языков народов Азии. В 1953 г. он защитил кандидатскую, а в 1970 г. - докторскую диссертацию. В 1984 г. был избран членом-корреспондентом АН РАН. В 1987 г. он возглавил Институт языкознания РАН.

В.М.Солнцев был одним из ведущих отечественных лингвистов, специалистом с мировым именем в области общего и восточного языкознания. Его перу принадлежит свыше 350 публикаций, в том числе 10 монографий. Многие его работы были переведены на восточные и европейские языки.

В.М.Солнцев новаторски разрабатывал ряд важнейших теоретических концепций и проблем общей теории языкознания. Он внес крупный вклад в разработку теории строения языка как системы, в теорию знаковости, концепцию типологии языков и ряд других разделов науки о языке.

Начав с исследований китайского языка, В.М.Солнцев в дальнейшем предложил оригинальную теорию языков изолирующего строя и, соответственно, новую теорию морфологических типов языков на основе исследований грамматических систем китайского, вьетнамского, монгольского и других языков, создав тем самым научную школу.

Значительным вкладом в языкознание стала фундаментальная монография В.М.Солнцева "Язык как системно-структурное образование" (1971 г.), в которой давалось обоснование структурно-функционального подхода к языку, определялось место языка в ряду других системно-структурных образований, излагалась новая теория языковых и речевых единиц.

Среди теоретических трудов В.М.Солнцева следует особо отметить и монографию "Введение в теорию изолирующих языков" (1995 г.), в которой были обобщены результаты описания более 20 языков Восточной и Юго-Восточной Азии.

Неоценим вклад В.М.Солнцева во вьетнамистику. С 1979 г. под его руководством действует совместная российско-вьетнамская экспедиция, ведущая полевые обследования малоизученных и бесписьменных языков народов Вьетнама. За 8 полевых сезонов было обследовано 20 языков, принадлежащих к различным языковым семьям Юго-Восточной Азии. Последняя экспедиция под руководством В.М.Солнцева состоялась в декабре 1999 г. По итогам обследования издана серия монографий, позволивших значительно уточнить лингвистическую карту ЮВА.

В.М.Солнцев был главным редактором уникального "Большого вьетнамско-русского словаря", который готовится ИЯ РАН с Институтом языкознания СРВ.

Важное место в научных интересах В.М.Солнцева занимало монголоведение. Исследуя проблемы языковых союзов, В.М.Солнцев уделял большое внимание алтайской гипотезе, занимался проблемой дальних связей монгольского языка, в частности, с языками Восточной и Юго-Восточной Азии.

В.М.Солнцев также руководил работой по составлению "Большого академического монгольско-русского словаря", который создается в сотрудничестве ИЯ РАН с Институтом языка и литературы АН Монголии.

В.М.Солнцева привлекали и проблемы языковой жизни России. Он руководил осуществлением российско-канадского проекта "Языки мира: Российская Федерация".

В.М.Солнцев подготовил большое число лингвистов высокой квалификации для научных учреждений РФ, КНР, СРВ, Камбоджи и других стран.

Исследовательскую деятельность В.М.Солнцев плодотворно сочетал с научно-организационной работой. Он был членом Бюро отделения литературы и языка (ОЛЯ) РАН, председателем российской части Комиссии по сотрудничеству между РАН и Научным центром Вьетнама, Президентом Общества монголоведов РАН, вице-президентом Международной ассоциации монголоведов, Главным редактором журнала "Филологические науки", членом редколлегии журнала "Вопросы языкознания", председателем научных советов ОЛЯ РАН ("Язык и общество" и "Теория языкознания").

Научная и общественная деятельность В.М.Солнцева была отмечена орденами "Трудового Красного Знамени" и "Дружбы народов". В 1996 г. он стал Лауреатом Государственной премии РФ. Он был также награжден орденом "Дружба" СРВ и медалью "50 лет МНР".

Высокая работоспособность, неиссякаемая творческая энергия, широкая эрудиция, открытость, доброжелательность и отзывчивость снискали В.М.Солнцеву глубокое уважение и заслуженный авторитет среди коллег, учеников, друзей и всех, кто общался с ним в нашей стране и за рубежом.

Память о нем навсегда останется в его делах и в наших сердцах.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН
 Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока"

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
 Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 10.04.2000 г. Подписано к печати 15.05.2000 г. Формат бумаги 70x100 1/8
 Офсетная печать. Усл.печ.л. 16,9. Усл. кр.-отт. 15,8 тыс. Уч.-изд.л. 14,6 Бум. л. 6,5
 Тираж 923 экз. Зак. 3592.

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
 в Министерстве печати и информации Российской Федерации
 Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
 Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2000 г. Дмитрий Славинский
 Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6